РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК

В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

№ 2
(20)

2010

РУССКИЙ ЯЗЫК

№ 2
(20)
2010

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК

В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

№ 2
(20)

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
Москва
2010

ISSN 1681-1062

Научный журнал

Основан в январе 2001 года
Выходит два раза в год

***Редакционная коллегия*:**

А. М. Молдован (главный редактор), *А. А. Алексеев*, *Х. Андерсен* (США), *Ю. Д. Апресян*, *А. Богуславский* (Польша), *И. М. Богуславский*, *Д. Вайс* (Швейцария), *Ж. Ж. Варбот*, *А. Вежбицкая* (Австралия), *А. А. Гиппиус*, *М. Ди Сальво* (Италия), *Д. О. Добровольский*, *В. М. Живов*, *А. Ф. Журавлев*, *А. А. Зализняк*, *Е. А. Земская*, *Х. Кайперт* (Германия), *Л. Л. Касаткин*, *Э. Кленин* (США), *А. Д. Кошелев*, *Л. П. Крысин*, *Р. Лясковский* (Швеция), *Х.-Р. Мелиг* (Германия), *И. Мельчук* (Канада), *Н. Б. Мечковская* (Беларусь), *Е. В. Падучева*, *А. А. Пичхадзе* (ответственный секретарь), *В. А. Плунгян*, *Т. В. Рождественская*, *Д. В. Сичинава*, *А. Тимберлейк* (США), *Х. Томмола* (Финляндия), *М. Флайер* (США), *А. Я. Шайкевич*, *А. Д. Шмелев*

Адрес редакции:
119019, Москва, ул. Волхонка 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Редакция журнала «Русский язык в научном освещении».
Тел.: (495) 637-79-92, факс: (495) 695-26-03, e-mail rusyaz@yandex.ru.
Издательство: e-mail lrc.phouse@gmail.com, сайт www.lrc-press.ru.

Зав. редакцией *М. С. Мушинская*

Редакторы номера *А. А. Пичхадзе, Е. И. Державина*
Корректоры *Г. Эрли, А. Полякова*

Издатель *А. Д. Кошелев*

Редакция журнала «Русский язык в научном освещении» просит авторов присылать статьи в журнал на адрес: rusyaz@yandex.ru.
Все публикации бесплатны.

Подписка на журнал оформляется в любом отделении связи по Объединенному каталогу «Пресса России», индекс 44088.

Подписано в печать 13.01.2011. Формат 70 × 100 $^{1}/_{16}$.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Усл. п. л. 20. Заказ №

© Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН, 2010
© Авторы, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования

Е. В. Падучева
Интерпретация форм времени в нарративном
и в гипотаксическом контексте 5
В. Ю. Апресян
Речевые стратегии выражения эмоций в русском языке 26
Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова
Сложные существительные и сочетания с приложениями
как объект орфографического описания 57
Л. Л. Касаткин
Из истории аканья — яканья в русском языке 77
Д. М. Савинов
Пути развития архаических типов вокализма
в южнорусских говорах 103
С. В. Дьяченко
К вопросу о соотношении между предударными гласными
после твердых и мягких согласных в южнорусских говорах
(на примере говора с архаическим типом вокализма) 120
А. А. Гиппиус
Предисловие к «Софийскому временнику»
(Киевскому Начальному своду): текст, язык, источники 143
М. Н. Шевелева
Вторичные имперфективы с суффиксом -*ыва*-/-*ива*-
в летописях XII—XVI вв. 200
Т. И. Афанасьева
Языковые особенности «Сказания церковного»
по спискам XII—XVI вв. 243
И. С. Юрьева
Особенности древнерусских инфинитивных сочетаний
с глаголом **начати** 270
Ф. Р. Минлос
Линейное положение прилагательных в древнерусском:
возвращаясь к статье Д. Ворта 287

Рецензии

Этимология и современная лексикография: к выходу в свет «Толкового словаря русского языка с включением сведений о происхождении слов». М.: ИЦ «Азбуковник», 2007. — 1175 с. (*О. А. Теуш*) 297
Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса / Под ред. А. А. Кибрика и В. И. Подлесской. М.: Языки славянских культур, 2009. — 736 с. (*О. В. Фёдорова*) 305
Т. В. Л а р и н а. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Языки славянских культур, 2009. — 512 с. (*В. Ю. Апресян*) 312

Новые книги

Предраг Пипер. Увод у славистику. 1. Београд: Завод за уџбенике, 2008. — 302 с. 316
Е. Ю. Иванова. Сопоставительная болгарско-русская грамматика. Т. 2. Синтаксис / Под науч. ред. проф. Стефаны Димитровой. София: Велес, 2009. — 335 с. 317

ИССЛЕДОВАНИЯ

Е. В. ПАДУЧЕВА

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФОРМ ВРЕМЕНИ В НАРРАТИВНОМ И В ГИПОТАКСИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

О значении форм грамматического времени мы в [Грамматика 1980: 628] читаем: «Категориальные значения форм времени ориентируются на единую исходную точку — грамматическую точку отсчета. ⟨…⟩ Система форм времени строится на противопоставлении значений одновременности (формы наст. вр.), предшествования (формы прош. вр.) и следования (формы буд. вр.) по отношению к грамматической точке отсчета».

Обращение к понятию ТОЧКИ ОТСЧЕТА — это шаг назад по сравнению с [Грамматика 1952: 472], где говорится: «Категория времени выражает отношение действия к моменту речи или к другому моменту времени, принимаемому за основу временных отношений».

Формулировка В. В. Виноградова выделяет МОМЕНТ РЕЧИ в качестве главного ориентира и, соответственно, РЕЧЕВОЙ (иначе — диалогический, дейктический) контекст как главный контекст, в котором интерпретируется временная форма. При этом допускаются и другие ориентиры — очевидно, возникающие в других, вторичных контекстах. Это совпадает с позицией Эстена Даля [Dahl 1985: 25], который настаивает на том, что семантические определения, касающиеся категории времени, должны быть даны прежде всего для основного значения времени, поскольку во вторичных употреблениях форма времени может пересекаться с видовыми формами и теряет четкий смысл.

Чтобы полностью охарактеризовать первичный, т. е. речевой, контекст употребления времени, необходимо отграничить его от по крайней мере двух вторичных — нарративного и гипотаксического. Грамматика до последнего времени в упор не видела особенностей употребления формы прош. времени несов. вида в контексте НАРРАТИВА — и это при том, что примеры, по традиции, приводятся обычно как раз из повествовательных текстов. А между тем в нарративе форма несов. вида прош. времени употребляется в первую очередь в значении ОДНОВРЕМЕННОСТИ по отношению к ориентиру, возникающему в этом контексте. Таким ориентиром является ТЕКУЩИЙ МОМЕНТ ТЕКСТОВОГО ВРЕМЕНИ. Возьмем фразу:

(А) Бабушка и сейчас *любила* его без памяти.

Русский язык в научном освещении. № 2 (20). 2010. С. 5—25.

Фраза (А) однозначно понимается как вырванная из контекста повествования, и потому форма прош. времени интерпретируется в значении одновременности некоторому моменту, «принимаемому за основу временных отношений», — текущему моменту текстового времени, который обозначен словом *сейчас*, а вовсе не значения предшествования этому моменту, как было бы естественно для формы прош. времени; взять хотя бы пушкинское *Я вас любил*, которое предполагает квазиречевой контекст, так что прош. время выражает предшествование.

Для того чтобы адекватно описать семантику времени (как и массы других ЭГОЦЕНТРИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ языка), необходимо обратиться к понятию РЕЖИМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ [Апресян 1986; 1997; Падучева 1986; 1996], который определяется прежде всего функционированием видо-временных форм. Исходным, первичным, является речевой, или диалогический, режим; в нем ориентиром для отсчета времени служит момент речи. А кроме того, есть НАРРАТИВНЫЙ РЕЖИМ, вторичный, и в нем другие ориентиры. Более того, во вторичном режиме иным может быть не только ориентир, но и существо отношения, выражаемого временной формой, — в примере (А) форма прош. времени выражает не предшествование, а одновременность.

Понятие режима основано на идеях Э. Бенвениста о повествовательном и речевом дискурсе [Бенвенист 1974: 271]. У Бенвениста главным показателем типа текста является именно употребление глагольных форм времени и вида.

Речевой режим (употребления и) интерпретации видо-временных форм предполагает говорящего. Но в нарративе нет полноценного говорящего. Заместителем говорящего оказывается какой-то другой субъект — повествователь (в традиционном нарративе) или (особенно в несобственно прямом дискурсе) персонаж: ориентиром, текущим временем текста, является, так сказать, наст. время одного из них, иначе — время ситуации, в которой они принимают участие.

Режим определяет употребление и интерпретацию видо-временных форм в независимом и в главном предложении. В ГИПОТАКСИЧЕСКОМ контексте возникает еще один ориентир — момент, к которому относится действие, обозначенное глаголом главного предложения; ориентир тут задается синтаксически. Так, в примере (Б) словоформа наст. времени *может* выражает одновременность тому моменту, к которому относится клауза *бабушка знала*:

(Б) Бабушка знала, что он *может* располагать большими деньгами.

Во многих языках в гипотаксическом контексте употребляются иные формы времени, чем в синтаксически независимом (или главном) предложении, поскольку имеется так наз. согласование времен. В русском никаких особых форм для гипотаксиса нет: в гипотаксическом контексте употребляются те самые три временных формы, которые в речевом контексте

имеют интерпретацию, ориентированную на наст. время говорящего, т. е. на говорящего в момент речи.

Статья посвящена неречевым режимам интерпретации. В разделе **I** речь идет о нарративном контексте и режиме, в разделе **II** — о гипотаксическом. Как будет видно, между этими двумя режимами есть много общего; один проливает свет на понимание другого.

I. Интерпретация видо-временных форм в нарративном режиме

Настоящее нарративное (*историческое*)

То употребление наст. времени, которое принято называть, следуя античной традиции, настоящим историческим (praesens historicum), я трактую как настоящее нарративное — следуя [Грамматика 1952: 484], где это явление рассматривается под именем «настоящее повествовательное». А именно, это употребление формы наст. времени в нарративе с базовым настоящим (в противоположность более обычному нарративу с базовым прошедшим). Пример:

(В) Онегин выстрелил … . Пробили | Часы урочные: поэт | *Роняет* молча пистолет, | На грудь *кладет* тихонько руку | И *падает*. (Пушкин. ЕО)

В [Бондарко 1971] показано, что наряду с нарративным употреблением наст. ист. («литературное» наст. ист.; наст. ист. деловой прозы) существует наст. ист. речевого режима, как в примере (Г):

(Г) *Иду* я вчера по Кузнецкому, вдруг сзади *раздается* свисток.

Эти два употребления наст. ист. различаются по целому ряду параметров. Главным предметом внимания является наст. ист. в нарративном режиме. О речевом употреблении наст. ист. см. ниже раздел 7. Толкование наст. ист. речевого см. в [Гловинская 1996].

В существующих трактовках наст. ист. нет упоминания о режиме интерпретации. Между тем природа наст. ист. существенно прояснится, если сопоставить это употребление формы наст. с другими контекстами, в которых эта форма интерпретируется не в речевом режиме, т. е. не через отношение к говорящему и моменту речи.

Наст. историческое — это текстовое значение; оно невозможно у единичной видо-временной формы НСВ наст. Как правило, в предтексте формы, имеющей значение наст. исторического, так или иначе фиксируется некий временной момент, относительно которого локализуется форма наст. ист. Так, в примере (В) этот временной момент задается формой СВ прош. *выстрелил*. Кроме того, наст. историческое может вводить временной момент само по себе, см. пример (1.1) ниже.

Нарративное (повествовательное) употребление имеют не только формы наст., но и формы буд. и прош. времени. Однако с наст. историческим

связаны специальные семантические проблемы — оно сложнее, чем прош. нарративное и буд. нарративное.

Во-первых, поскольку в русском языке нет формы СВ в наст. времени, в наст. нарративном не различаются СВ и НСВ. Так что специфична у этой видо-временной формы не только семантика времени, но и вида — чего нет у прош. и буд. нарративного.

Во-вторых, у формы наст. времени много разных других несобственных значений — не речевых, т. е. не таких, где наст. время означает одновременность с моментом речи, но отличных от нарративного.

Рассмотрю основные аспекты семантики наст. исторического.

1. Наст. историческое и действие в прошлом

Наст. ист. определяется обычно как такое употребление формы наст. времени, которое «повествует о действиях, происходивших в прошлом» [Бондарко 2005: 426]. При этом возникают даже две различные формулировки. Одни ученые — в том числе П. С. Кузнецов — считают, что при употреблении наст. ист. говорящий как бы переносится в прошлое. Другие — в том числе В. В. Виноградов — что говорящий переносит прошлое в настоящее, т. е. событие описывается как происходящее в момент речи, см. сопоставление этих формулировок в [Бондарко 1971; Гловинская 1996].

Применительно к «литературному» наст. ист. это противопоставление снимается. Сами категории настоящего и прошлого возникают при соотнесении ситуации с моментом речи. Между тем главное в значении наст. исторического в нарративе — что оно **не** соотносит ситуацию с моментом речи[1]; и в этом наст. историческое подобно прош. и буд. в нарративе, а также всем временным формам в гипотаксическом контексте. «Литературное» наст. ист. может быть представлено примером (1.1):

(1.1) По базарной площади *идет* полицейский надзиратель Очумелов. (Чехов. Хамелеон)

Про «литературное» наст. ист. в [Бондарко 1971: 146] говорится: «…здесь “я” отсутствует. ⟨…⟩ Нет живой связи, актуального соотношения ни с “я”, ни с моментом речи». (Имеется в виду, отсутствует «я» как говорящий — в повествовании о прошлом «я» уже не говорящий.)

Подробный обзор трактовок наст. исторического дан в [Dickey 2000: 126—154]. Преобладает точка зрения, что наст. историческое сдвигает дейктический центр (т. е. момент речи) в прошлое — во время события[2]. Общепризнано, однако, что заместителем говорящего в нарративе является повествователь, и в нарративе с базовым прошедшим повествователь тоже

[1] О том, что к повествовательному тексту неприменимо понятие момента речи, см., в частности [Плунгян 2000: 266].

[2] Возникает парадоксальная формулировка — форма настоящего времени означает, что «говорящий “как бы” переносится в прошлое».

«видит» события в синхронной перспективе. В чем же тогда отличие наст. ист. от прош. нарративного, как в примере (1.2)?

(1.2) По базарной площади *шел* полицейский надзиратель Очумелов.

Для описания различия между наст. и прош. нарративным следует принять во внимание слушающего (читателя, адресата): прош. нарративное устанавливает временную и пространственную ДИСТАНЦИЮ между ситуацией и адресатом, а наст. ист. приглашает адресата наблюдать ситуацию изблизи, см. [Бондарко 1971: 143; Гловинская 1996: 456; Падучева 1996: 287—290].

Ю. С. Маслов (в Лингвистическом энциклопедическом словаре) пишет: «Формы наст. ист. повествуют о событиях, имевших место в прошлом, но изображаемых как современные наст. моменту». Но тогда в приводимом им примере:

(1.3) В 1725 году Петр I *умирает*, —

нужно признать, что 1725 год изображается как современный наст. моменту — что, очевидно, не так.

2. Наст. историческое как относительное время

Наст. ист. (нарративное) можно трактовать как ОТНОСИТЕЛЬНОЕ употребление формы времени: форма наст. в этом употреблении соотносит ситуацию не с моментом речи, как в исходном, речевом значении, а с некоторым моментом, фиксированным в контексте. При ИНТРОДУКТИВНОМ употреблении наст. ист., как в примере (1.1), сама форма наст. ист. задает тот временной момент, который используется для последующих отсылок. Что касается «цепочки» форм наст. ист., то в этом контексте временная отнесенность определяется видовым значением формы — процессным или событийным (см. разделы 5 и 6); процессное значение дает одновременность, событийное — последовательность.

Ю. С. Маслов считает относительным употреблением только гипотаксическое, а наст. ист. относит к ПЕРЕНОСНЫМ. Между тем в статье [Шмелев 1960] предлагается трактовка наст. исторического как относительного употребления формы наст. Д. Н. Шмелев приводит примеры типа *И вот началась вьюга* ⟨…⟩ *Вокруг все кипит, точно в котле* (Горький. Варенька Олесова), говоря, что «относительное значение формы, т. е. прикрепленность к объективному прошедшему, опирается на ее сочетание с формами грамматического прошедшего» — в самом деле наст. *кипит* соотносится с прош. *началась*.

Что же касается наст. ист. речевого (в интродуктивном употреблении), то ему свойственна метафоричность, и в этом смысле его можно считать переносным, см. подробнее в разделе 7.

В [Бондарко 1971: 227] приводится пример нарратива, где форма наст. времени относит ситуацию к плану будущего (употребление квалифицируется как «настоящее при обозначении будущих действий»):

(1.1) Она старомодно мечтала о том, как он ⟨…⟩ *появится* перед окном домика верхом на лошади ⟨…⟩ Они *войдут* в гостиную, оба взволнованные … Вдруг он *берет* ее за руки выше локтей, *привлекает* к себе… (А. Толстой. Хождение по мукам)

Ясно, что употребление форм *берет* и *привлекает* нарративное, и, как отмечает А. В. Бондарко, у этого употребления много общего с наст. историческим. Однако есть разница: форма наст. в значении будущего действия не может быть интродуктивной.

3. Наст. историческое как текстовое употребление формы наст.

Итак, наст. ист. — это такое употребление формы наст. времени, которое соотносит данную ситуацию с некоторым моментом, фиксированным в тексте, см. пример (В). В специальном контексте (который в [Бондарко 1971] выделяется как «биографическое настоящее») момент может фиксироваться датой, как в (1.3). С другой стороны, форма наст. ист. фиксирует момент для последующей отсылки. В любом случае наст. ист. — это текстовое время; оно невозможно в изолированном высказывании:

(3.1) а. Я *иду* по Кузнецкому [наст. речевое: так можно сказать по мобильному телефону];
б. Иван *идет* по Кузнецкому [наст. речевое: говорящий выступает в роли наблюдателя за Иваном — тоже в речевом режиме].

(3.2) Иван *идет* по Кузнецкому. ⟨Вдруг сзади *раздается* свисток.⟩ [наст. ист.]

В (3.1а) и (3.1б) форма наст. — это наст. речевое, а в (3.2) та же фраза, но в контексте следующей, воспринимается как интродукция момента времени, так что в (3.2) наст. время глагола в той же фразе (3.1б) понимается как наст. ист. (так при именной анафоре именная группа становится антецедентом, когда есть заместитель).

Предложение (3.3) допускает две интерпретации, в зависимости от правого контекста — в а) наст. предстоящее, в б) наст. ист.:

(3.3) В Москве *открывается* выставка Пикассо;
а) В Москве *открывается* выставка Пикассо. Я обязательно пойду.
б) В Москве *открывается* выставка Пикассо. На нее устремляются толпы людей.

Предложение, обеспечивающее интродукцию временного момента, должно иметь определенную коммуникативную структуру. Так, в (3.4) (пример из [Падучева 1996]) первая фраза в (3.4а) может быть интродукцией текущего момента текста, а фраза (3.4б) — не может:

(3.4) а. <u>Привезли</u> меня в больницу. *Лежу* на койке;
б. А в больницу меня *привезли* с брюшным тифом. (Зощенко)

4. Способы интродукции момента времени

Какие могут быть способы интродукции момента времени, на который ориентирована форма наст. ист.?

• Самый естественный способ интродукции текстового времени — это форма СВ:

(4.1) Она сидела вязала. Вдруг бросила вязать и *смотрит* на меня.
(4.2) Федоров ⟨…⟩ запер его [голубя] в сарай ⟨…⟩. Но вдруг об этом деле *узнает* председатель сельсовета Егоров. Он моментально *бежит* к этому жителю и ему *говорит*… (Зощенко. Усердие не по разуму)
(4.3) Зашел тут ко мне приятель. *Рассказывает* такую историю.

• Момент текущего (текстового) времени, необходимый для наст. ист., может быть задан обстоятельством времени:

(4.4) а. В 1994 году Солженицын *приезжает* в Москву.
б. После полудня к хозяину *приезжает* очень высокий и очень толстый мужик ⟨…⟩ «Вы из России?» — спрашивает он меня. (Чехов. Из Сибири; пример из [Бондарко 2005: 334])

При интродуктивном употреблении в отсутствие показателя времени, как в (3.2), момент времени задается самой формой наст. ист. Параметры контекста, которые заставляют понять форму наст. времени как обозначающую «действие в прошлом», подлежат дальнейшему изучению. В самом общем виде можно сказать, что человек интерпретирует форму наст. как относящую ситуацию к прошлому ввиду того, что, по тем или иным, быть может, прагматическим, причинам не может понять ее в наст. речевом (например, когда человек, входя в комнату, говорит: *Иду я по Кузнецкому…*).

5. Наст. нарративное в сравнении с прош. нарративным

Контекст позволяет различить у формы наст. ист. два видовых значения: процессное — как бы значение несов. вида, см. (3.2), и событийное — как бы значение сов. вида, см. (4.4).

Сопоставим наст. ист. (т. е. настоящее нарративное) в процессном значении с несов. видом прошедшего нарративного. Между этими формами имеются следующие сочетаемостные различия, вытекающие из семантики времени:

• Наст. историческое сочетается с *вот*, а прош. нарративное — нет:

(5.1) Вот *едет* могучий Олег со двора (Пушкин); *Вот *выезжал* Олег из двора;
(5.2) И вот *стою* на площадке (Зощенко); *И вот *стоял* на площадке.

Это различие можно объяснить оппозицией «ближнее—дальнее»: повествователь в любом случае — и при наст. и при прош. времени — является

синхронным наблюдателем. Различие в том, что форма наст. как бы приглашает адресата к участию в ситуации, создавая видимость общего поля зрения, а прош. отдаляет адресата от места действия.

Пример (5.3) мог бы считаться опровергающим это положение:

(5.3) Вот, тяжело ступая по коридору, дневальные *несли* одну из восьмиведерных параш. (Солженицын. Один день Ивана Денисовича)

Но такое употребление порождено свойственным этой повести свободным косвенным дискурсом, в котором нарушаются многие нормы традиционного нарратива. Замена *несли* на *несут* дала бы более нормативный текст.

• Наст. историческое свободно употребляется для обозначения действия, наступающего после того, которое обозначено глаголом СВ, тогда как НСВ прош. может быть в этом контексте неуместно:

(5.4) а. Он схватил меня за руку и *тянет*;
б. *Он схватил меня за руку и *тянул*.

Вместо (5.4б) надо сказать:

(5.5) Он схватил меня за руку и *стал тянуть* (или *потянул*).

Аналогичный пример:

(5.6) а. *Снимает* шапку и *крестится*;
б. **Снял* шапку и *крестился*.

Это существенное различие между наст. и прош. нарративным можно объяснить тем, что в контексте наст. ист. форма несов. вида приобретает значение НАЧИНАТЕЛЬНОСТИ, которое отсутствует у НСВ прош. в русском языке: форма НСВ прош. выделяет срединную фазу действия. Отсутствием начинательности у русского НСВ в прош. времени можно объяснить различия в употреблении формы НСВ в русском и чешском (ср. [Петрухина 2000: 84]), в котором такие сочетания видовых форм, как в (5.4б), (5.6б), вполне нормативны; примеры (5.4б), (5.6б) — буквальные переводы чешских примеров Е. В. Петрухиной. В [Dickey 2000] эта конструкция названа «чешский контекстно-обусловленный имперфектив прошедшего времени».

В [Зализняк, Шмелев 2000: 28] говорится: «При повествовании в наст. историческом говорящий заменяет формы прошедшего формами настоящего». Примеры (5.4), (5.6) показывают, что это не совсем так: текст в «исходной» форме (т. е. до «замены» прош. на наст.) может не существовать.

6. Наст. историческое и совершенный вид

Известны сочетаемостные свидетельства в пользу того, что у наст. исторического есть СОБЫТИЙНОЕ значение — как бы значение сов. вида.

• Цепочка глаголов в наст. ист. событийном обозначает последовательные события, что свойственно глаголам СВ (ср. [Апресян 1974]):

(6.1) …*выступает* холодный пот. Он *кладет* ножницы и *начинает* тереть себе кулаком нос.

В примере (В) форма *роняет* обозначает событие, следующее за *выстрелил* (и *пробили*).

• Наст. ист. сочетается с наречиями типа *неожиданно*, *внезапно, моментально, вдруг*, с которыми может сочетаться только сов., а не несов. вид; так, возможно (6.2а) и (6.2б), но не (6.2в):

(6.2) а. Неожиданно из-за отдаленного кустарника *выползает* луна [наст. ист.];
б. Неожиданно из-за отдаленного кустарника *выползла* луна [СВ];
в. *Неожиданно из-за отдаленного кустарника *выползала* луна [несов. прош.].

• Аспектуальное сходство наст. ист. событийного и СВ обнаруживают реверсивные глаголы. Так, в (6.3а), с наст. ист., наблюдатель остается в той временной точке, когда я еще нахожусь у приятеля, как и при СВ; а реверсивный глагол в прош. речевом в несов. виде возвращает наблюдателя в исходное положение, см. (6.3в):

(6.3) а. *Захожу* я к приятелю [в момент наблюдения я у приятеля];
б. Я *зашел* к приятелю [в одном из пониманий — в момент наблюдения я у приятеля];
в. Я *заходил* к приятелю [⊃ ‘и ушел’].

Однако между наст. ист. и СВ есть и различия. Примечательно, например, что наст. ист. невозможно в контексте *только что*, хотя глагол СВ в этом контексте абсолютно нормален (NB вышеупомянутую начинательность наст. исторического):

(6.4) Только что *кончился* (**кончается*) математический съезд.

Понимание наст. ист. в событийном значении невозможно также в контексте *уже*:

(6.5) Уже *кончается* математический съезд = ‘вот-вот кончится’, а не ‘уже кончился’.

7. Наст. историческое и обстоятельства времени

Примеры употребления наст. ист. в контексте обстоятельств времени с дейктическим значением[3]:

(7.1) а. *Иду* вчера по Гостиному двору, — вдруг он! (Д. В. Григорович. Недолгое счастье (1884));

[3] Датированные примеры — из Национального корпуса русского языка.

б. *Поднимаюсь* недавно по лестнице в гостинице «Красная» (Роман Карцев. «Малой, Сухой и Писатель» (2000—2001));
в. Много лет назад *появляются* первые механические часы, и с тех пор идет постоянное состязание в усовершенствовании прибора (пример из [Гловинская 1996]).

Слова *вчера* и *недавно* маркируют речевой режим интерпретации предложения. Неудивительно поэтому, что в примерах часто встречается субъект 1 лица:

(7.2) Ложимся вчера спать, я *спрашиваю*: — Вова, а сколько рекорд? (Л. К. Бронтман. Дневники и письма (1932—1942)); *Прихожу* вчера в контору за справкой. Швейцар отворяет дверь (П. П. Гнедич. Книга жизни (1918)); *Получаю* вчера письмо ваше, читаю и недоумеваю. (Ф. М. Достоевский. Роман в девяти письмах (1847)); *Приезжаю* недавно в отпуск, а она замужем. (Л. К. Бронтман. Дневники и письма (1943—1946))

Интродуктивная структура предложения делает слова *вчера* и *недавно* атоническими, и они, как энклитики, по закону Вакернагеля попадают в позицию после первого ударного слова во фразе. Примеры (7.3а, б) показывают, однако, что субъект 3 лица тоже возможен, но тогда подлежащее 3 лица отделяется от сказуемого тем, что в [Зализняк 2008] называется РИТМИКО-СИНТАКСИЧЕСКИМ БАРЬЕРОМ:

(7.3) а. Наш сосед радиотехник Лёнька Шалыт *заходит* вчера после дежурства вздремнуть. Батюшки мои, в жилище полметра воды! (Василий Песков. Белые сны (1964));
б. …а мясник *говорит* вчера жене: вижу я, говорит, что вы с вашим мужем не больше, как жулики. (Л. Н. Андреев. Москва. Мелочи жизни (1901—1902))

Пример (7.4) производит комическое впечатление, потому что слово *вчера* — первичный эгоцентрик и уместно в речевом контексте, а (7.4) напоминает зачин анекдота, т. е. типичного нарратива.

(7.4) ?*Встречается* вчера президент с премьер-министром. (пример из [Всеволодова, Ким Тэ Чжин 2002])

Если адвербиала в предложении нет, то по умолчанию подразумевается ‘недавно’ (противное должно быть оговорено):

(7.5) Прихожу я в контору за справкой.

При этом отстояние ситуации от наст. момента должно быть соразмерно с важностью, примечательностью ситуации, ср. нормальное (7.6а) и странное (7.6б):

(7.6) а. Приезжаю я *в прошлом году* в Нью-Йорк;
б. ?Иду я *в прошлом году* по Кузнецкому.

Итак, в предложениях с обстоятельством времени наст. ист. выражает синхронность моменту, который задается обстоятельством.

В [Гловинская 1996: 454] в толкование наст. ист. в речевом контексте включается компонент ‘Говорящий мыслит себя в прошлом, и действие **как бы** происходит на его глазах’. Как, однако, в этом случае интерпретировать предложение (7.1а) *Иду вчера по Гостиному двору, — вдруг он!*? Наречие *вчера* определенно предполагает говорящего, который мыслит себя сегодня, т. е. именно в настоящем, а не в прошлом, к которому относится ситуация. Выход из этого противоречия мыслится в том, что перенос момента речи в прошлое является метафорическим, NB *как бы*.

Можно думать, за эффект наглядности, который в (7.1а) несомненно присутствует, отвечает не говорящий, а тот наблюдатель, который входит в семантику несов. вида (в данном случае имеющего процессное значение). Говорящий как субъект временного дейксиса находится в настоящем, а как субъект наблюдения — в том прошлом, к которому относится ситуация. В разговорном наст. ист. категориальный диссонанс между действием в прошлом и формой наст. времени создает экспрессию (см. [Бондарко 1971: 145]) — то, что А. В. Бондарко называет «образной актуализацией прошлого». И носителем этой экспрессии не может быть никто, кроме говорящего. Так что наст. ист. речевого режима — это метафорическое настоящее.

Как справедливо указывает А. В. Бондарко, идея наглядности проходит отнюдь не для всех употреблений наст. ист. Например, ее нет в (7.7):

(7.7) К концу XII века колесные часы уже существовали. В 1232 году Данте *упоминает* о колесных часах с боем. В 1288 году *устанавливают* башенные часы в Westminster Hall в Лондоне. С XIV в. башенные колесные часы *появляются* в различных городах. (Энциклопедия Брокгауза—Эфрона)

Итак, мы можем заключить, что наст. историческое (нарративное), будучи текстовым временем, соотносит действие с моментом, фиксированным в тексте, а в интродуктивном употреблении (при отсутствии обстоятельства времени) само вводит этот момент.

Будущее нарративное

Итак, в нарративном режиме время отсчитывается не от момента речи, а от текущего момента текстового времени. Текущий момент может быть задан как наст. время персонажа:

(1) Он [Тиверзин] вышел ⟨…⟩ и зашагал вперед, не оборачиваясь. Его окружали осенняя сырость, ночь, темнота. ⟨…⟩ Этот мир был ему *сейчас* ненавистнее, чем когда-либо. (Доктор Живаго)

Примеры (2)—(4) иллюстрируют буд. нарративное — будущее по отношению к некоторому моменту в прошлом, фиксированному в предтексте. По отношению к наст. моменту (если он вообще участвует в интерпретации) это, скорее всего, прошедшее:

(2) Мне приносят нечто тягучее, рыхлое и бесформенное. ⟨…⟩ Тронешь ножом — выделяется жир. Тот самый, который вскоре *окажется* на голубом пиджаке Льва Халифа. (Сергей Довлатов. Переводные картинки)

(3) Что же было потом? Карлос через несколько месяцев вернулся во Францию, разумеется, не с благими намерениями. При попытке ареста он *убьет* двух агентов спецслужб и сбежит. Вскоре *появится* в Вене. *Возьмет* в заложники участников конференции нефтедобывающих стран и с большим выкупом *скроется* в Ливии. Через год с небольшим молукские террористы вновь *овладеют* поездом Ассен Де Пунт в Северной Голландии и *возьмут* в заложники 51 человека. Наконец, даже самым либеральным политикам *станет* ясно: мира у террористов не выпросишь. (Эту войну проиграть нельзя) // Солдат удачи. 14.01.2004)

(4) а. Лев Толстой *напишет* потом в неоконченном романе «Декабристы» о вернувшейся из Сибири жене декабриста… (С. Клишина. Мода как ристалище);

б. Незадолго до смерти Карамзина Жуковский *получит* от молодого царя предложение стать наставником юного Александра Николаевича ⟨…⟩ и ехать с наследником в Европу. (А. Чернов. Длятся ночи декабря)

Однозначное понимание формы будущего времени в значении буд. нарративного обеспечивается каждый раз разными средствами. Предложению (4а), например, мешает быть предсказанием на будущее только то, что Толстого нет в живых. Главное — что исходная точка отсчета относится к прошлому; она задана глаголом в прош. времени, как в (3), или в наст. историческом, как в (2).

Слова *потом*, *отныне*, *впоследствии* — эгоцентрики. Все они сочетаются с глаголом в форме буд., но ведут себя по-разному: глагол при *потом* и *отныне* допускает и нарративную, и речевую интерпретацию формы буд., а при *впоследствии* — только нарративную.

Пример 1. Слово *потом* допускает как нарративную, текстовую, так и речевую интерпретацию относительно момента речи:

(5) а. Вы рисуйте. Я потом, что непонятно, *объясню* (Окуджава) [буд. речевое];

б. Потом он *убьет* двух агентов спецслужб и *сбежит* [буд. нарративное].

Пример 2. Слово *отныне*, несмотря на свою книжность, допускает интерпретацию глагола буд. времени как в нарративном, так и в речевом ключе:

(6) а. Отныне деньги *будут* мне ненавистны [возможно, буд. речевое];

б. ⟨…⟩ которого отныне *будет боготворить* [буд. нарративное].

Пример 3. Слово *впоследствии*, которое соотносит данное событие с последующим, допускает только нарративную интерпретацию — отсчет

времени идет не от момента речи, а от момента, фиксированного в предтексте, ср. примеры из Национального корпуса русского языка:

(7) Боевики обещали [e1] их отпустить, но впоследствии *отказались* [e2] это сделать.

Соотношение между событиями в примере (7) можно представить следующей схемой (ТМ — текущий момент текста; МР — момент речи):

e1 ТМ e2 МР

Прош. время *отказались* локализует событие как предшествующее моменту речи. Если же *впоследствии* вводит форму буд. времени, то отношение события к моменту речи нерелевантно — момент речи не принимает участия в интерпретации. Именно этим различаются (7) и (8) — в (8) буд. можно заменить на прош.:

(8) Эдвард Дженнер ⟨…⟩ стал [e1] прародителем новой науки, которую *впоследствии назовут* [e2] иммунологией [*назовут* ≈ *назвали*].

В примере (9) буд. время в *попытается* естественно интерпретировать в речевом режиме как будущее по отношению к моменту речи, а *впоследствии* должно отсылать вперед по отношению к этому будущему моменту:

(9) Ясно, что деньги, которые ближайшее окружение Ельцина *попытается* собрать таким образом, *впоследствии пойдут* на предвыборную кампанию.

Прошедшее нарративное

Прошедшее нарративное — это самое распространенное из нарративных времен. Как уже говорилось, до недавнего времени особенности прош. нарративного как временной формы не были предметом внимания. Так, в примерах типа (1) между НСВ *сидеть* в (1а) и (1б) отмечалось различие в видовом значении (в (1а) актуально-длительное, в (1б) — общефактическое[4]), но не в значении времени. А между тем в (1б) время речевое, а в (1а) — нарративное:

(1) а. Старая графиня *** *сидела* в своей уборной перед зеркалом. Три девушки окружали ее. (Пушкин. Пиковая дама)
б. Кто *сидел* на моем маленьком стульчике? (Толстой. Три медведя)

Еще пример употребления НСВ прош. в нарративном режиме:

(2) *Было* уже часов десять вечера, и над садом *светила* полная луна. В доме Шуминых только что *кончилась* всенощная, которую *зака-*

[4] В [Апресян 1980] это противопоставление актуально-длительного и общефактического значения рассматривается на примере глагола *висеть*.

зывала бабушка Марфа Михайловна, и теперь Наде — она вышла в сад на минутку — видно *было*, как в зале *накрывали* на стол для закуски, как в своем пышном шелковом платье *суетилась* бабушка; отец Андрей, соборный протоиерей, *говорил* о чем-то с матерью Нади, Ниной Ивановной, и теперь мать при вечернем освещении сквозь окно почему-то *казалась* очень молодой; возле *стоял* сын отца Андрея, Андрей Андреич, и внимательно *слушал*. (Чехов. Невеста)

Как легко видеть, в нарративном режиме несов. прош. не выражает предшествования точке отсчета. Таким образом, имеются следующие особенности интерпретации формы несов. прош. в нарративном режиме.

1) Время отсчитывается не от момента речи, а от текущего момента текста; можно сказать, что это наст. время повествователя или персонажа.

2) Форма несов. прош. выражает не предшествование точке отсчета, а одновременность.

Меняется при переходе из речевого режима в нарративный только интерпретация времени; семантика вида в нарративе та же, что в речевом режиме: несов. вид в (1а) имеет акт.-длительное значение: семантика НСВ предполагает повествователя, который является синхронным наблюдателем происходящих событий.

Что касается формы СВ, то она интерпретируется относительно текущего момента текста так же свободно, как относительно момента речи. СВ не меняет интерпретации при переходе от речевого режима к нарративному — меняется только ориентир. Цепочки форм СВ выражают события, следующие одно за другим (*надел шляпу и вышел*), а цепочки НСВ обозначают одновременные события.

Итак, наст. историческое, иначе — наст. нарративное, естественно входит в один ряд с прош. и будущим нарративным.

II. Интерпретация видо-временных форм в гипотаксическом контексте

Имеются следующие основные типы гипотаксических контекстов:

— АКТАНТНЫЙ; например с союзами *что* и *чтобы*:

(1) а. Бабушка <u>знала</u>, что он *может* располагать большими деньгами;
б. Он рыбачил тридцать лет и три года и <u>не слыхивал</u>, чтоб рыба *говорила*;

— СИРКОНСТАНТНЫЙ; например с союзами *когда, пока, если*:

(2) Когда дым <u>рассеялся</u>, Грушницкого на площадке *не было*;

— АДЪЕКТИВНЫЙ; например с относительным местоимением *который*:

(3) а. Я разговаривал с человеком, который *жил* (≠ *живет*) в Париже [гипотаксис в речевом режиме; наст. время выражает одновременность ориентиру, прош. — предшествование];
б. В 1991 году я поехал в Казань и встретился там с человеком, который *играл* (**играет*) в местном театре [гипотаксис в нарративном режиме; форма прош. выражает одновременность с ориентиром, а форма наст. невозможна];

(4) В доме Шуминых только что кончилась всенощная, которую *заказывала* бабушка Марфа Михайловна (Чехов. Невеста) [гипотаксис в контексте нарратива; форма прош. в придаточном выражает предшествование ориентиру].

Остановимся более подробно на первом типе, актантном, и рассмотрим три случая — время в главном предложении прошедшее, раздел 1; будущее, раздел 2; настоящее, раздел 3.

Ограничим задачу контекстом, когда в подчиненном предложении глагол деятельности: глаголы деятельности не имеют парной формы сов. вида; тем самым для формы прош. времени всегда есть форма наст., так что можно изучать оппозицию временных форм. Для формы сов. вида прош. времени нет формы наст., и соотношение труднее поддается описанию.

Я пользуюсь данными из работ [Brecht 1974; Barentsen 1996; Timberlake 2004], но уделяю особое внимание режиму (контексту) интерпретации — отдельно главного предложения и придаточного.

1. Гипотаксис. Время в главном предложении прошедшее

1.1. Главное предложение входит в *речевой* контекст

В речевом режиме временная форма глагола в подчиненной клаузе может в этом случае ориентироваться: а) на время события в главном предложении — относительное время; это гипотаксическая интерпретация; б) на момент речи — речевое (так наз. абсолютное) время; это речевая интерпретация.

1.1.1. В главном предложении может быть глагол речи, ментальный, восприятия, желания, эмоционального состояния. Рассмотрим случай, когда в главном предложении **глагол речи**. Здесь основная для глагола в придаточном интерпретация — относительная, гипотаксическая. Она возможна и для наст., и для прош. времени глагола в подчиненном предложении. В примере (3а) настоящее время в подчиненном предложении, и оно выражает одновременность со вторичным ориентиром — временем события в главном предложении; это относительное употребление (гипотаксическая интерпретация); в (3б) прошедшее время, которое выражает предшествование ориентиру (интерпретация также гипотаксическая):

(3) а. Иван сказал, что Таня *плачет* [гипотаксическая интерпретация; одновременность];

б. Иван сказал, что Таня *плакала* [гипотаксическая интерпретация; предшествование].

Гипотаксический контекст меняет в значении временной формы только ориентир, а интерпретация та же, что для речевого режима (так что наст. ≠ прош.).

1.1.2. В главном предложении **ментальный глагол** — *догадаться*, *понять*, *почувствовать* (*что*), *узнать*, *слышать* (*что*) и т. п. — в прош. времени. Контекст ментального глагола в главном предложении тоже допускает гипотаксическую интерпретацию времени в подчиненном:

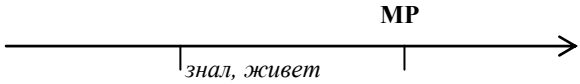
(4) а. Я слышал, что эта картина *висит* в Музее Маяковского [одновременность];
б. Я слышал, что эта картина *висела* в Музее Маяковского [предшествование].

Однако в контексте ментального глагола гипотаксическая интерпретация может быть не единственной (в примерах ниже [Г] — гипотаксическая интерпретация, [Р] — речевая):

(5) наст.: Вы не знали, что он *живет* в Европе?
[Г] = ‘жил тогда, когда вы об этом не знали’ [наст. выражает одновременность событию в главном предложении; гипотаксическая интерпретация];
[Р] = ‘живет сейчас’ [наст. речевое; речевая интерпретация].

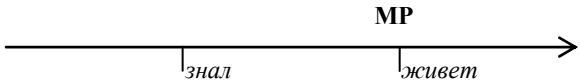
прош.: Вы не знали, что он *жил* в Европе?
[Г] [прош. выражает предшествование событию в главном предложении; гипотаксическая интерпретация; плюсквамперфект];
[Р] = ‘жил раньше’ [прош. речевое; речевая интерпретация].

(5наст.) [Г]:



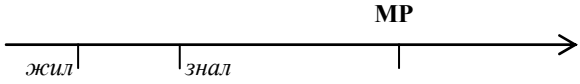
[наст. гипотаксическое]

(5наст.) [Р]:



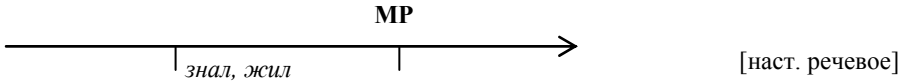
[наст. речевое]

(5прош.) [Г]:



[прош. гипотаксическое = плюсквамперфект]

(5прош.) [Р]:



Синхронное гипотаксическое понимание формы наст. (5наст.) [Г] равнозначно ретроспективному речевому пониманию формы прош. (5прош.) [Р]:

(5наст.) [Г] Вы не знали, что он *живет* в Европе? =
(5прош.) [Р] Вы не знали, что он *жил* [в то время] в Европе?

1.1.3. В главном предложении глагол **восприятия** — *видеть* с союзом *как*:

(6) а. Иван видел, как Таня *плачет*, наст. [Г];
б. Иван видел, как Таня *плакала*, прош. [Р].

Предложение (6а) синонимично (6б); т. е. форма наст. *плачет* равнозначна форме прош. *плакала*. В самом деле, при глаголе *видеть* плюсквамперфектная интерпретация формы прош. в гипотаксическом контексте невозможна: ситуация-перцепт одновременна состоянию видения: *видеть, как* можно только ситуацию, синхронную моменту наблюдения:

(6) в. *Иван видит, как Таня *плакала*.

В (6а) наст. время в подчиненном предложении выражает одновременность с ориентиром — временем события в главном предложении (относительное употребление); в (6б) форма прош. выражает, в речевом режиме, предшествование моменту речи (абсолютное употребление). А референциальный момент у глаголов в главном и в подчиненном предложении должен быть один и тот же: обязательная синхронность восприятия и воспринимаемой ситуации исключает интерпретации (5прош.) [Г] и (5наст.) [Р]. Так что в примере (6), в отличие от примера (3), наст. *плачет* = прош. *плакала*.

Если *видеть* употреблено в конструкции с союзом *что*, одновременность и предшествование противопоставлены (в рамках относительной интерпретации); т. е. наст. ≠ прош.:

(7) а. Я видел, что Таня *плачет*;
б. Я видел, что Таня *плакала* [плюсквамперфект].

Разница лучше видна при наст. времени в главном предложении:

(8) а. Я вижу, что Таня *плачет*;
б. Я вижу, что Таня *плакала*.

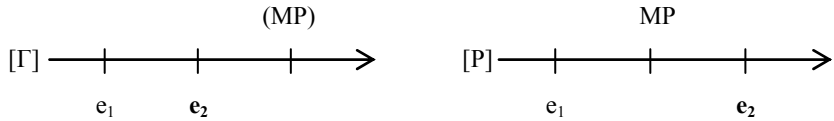
Предложение (8а) требует специального контекста — это могут быть какие-то условия, затрудняющие визуальное восприятие. А (8б), с прош., выражающим предшествование, — это заключение на базе остаточных признаков. Так или иначе, союз *что* снимает неразличимость форм наст. и прош., порождаемую конструкцией *видеть, как*.

То же верно для глагола *слышать* — в контексте *как* наст. = прош., а в контексте *что* наст. ≠ прош.:

(9) а. Я слышал, как Таня *плачет* =
б. Я слышал, как Таня *плакала*;
(10) а. Я слышал [= ‘мне сказали’], что Таня *плачет* ≠
б. Я слышал [= ‘мне сказали’], что Таня *плакала*.

До сих пор мы рассматривали только наст. и прош. время в подчиненной клаузе. Для буд. времени тоже возможны две интерпретации, гипотаксическая и речевая:

(11) Он обещал$_1$, что *будет писать*$_2$ [прош. в главном предложении]:



В примере (11) буд. время понимается прежде всего в речевом значении. Но и гипотаксическое понимание возможно — например, в контексте *и не написал ни строчки*. При гипотаксической интерпретации отношение действия к моменту речи не определено.

1.2. Главное предложение входит в *нарративный* контекст

В нарративном контексте момент речи в интерпретации формы времени не участвует, и гипотаксическая интерпретация времени в подчиненной клаузе остается единственно возможной:

(12) а. Побледневшая Маргарита, раскрыв рот, глядела вниз и видела, как *исчезают* в каком-то боковом ходу швейцарской и виселица и гроб (Мастер и Маргарита);
б. Даже в наступавших грозовых сумерках видно было, как *исчезало* ее временное ведьмино косоглазие и жестокость и буйность черт (Мастер и Маргарита).

Здесь наст. и прош. синонимичны. Но предпочтительно (в нарративе с базовым прош.) прошедшее время в подчиненной клаузе:

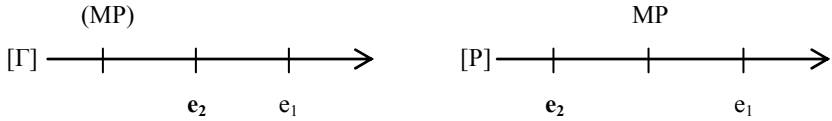
(13) Он [Томский] вспомнил, что от старой графини *таили* смерть ее ровесниц, и закусил себе губу. (Пиковая дама)

2. Гипотаксис. Время в главном предложении будущее

Нарративный контекст для будущего времени главного предложения экзотичен. Остается речевой. В (14) при речевой интерпретации подчиненной клаузы имеется в виду, что скажет Иван про событие, которое уже имело место, а при гипотаксической речь идет о событии, которое только

еще должно произойти в будущем; ср., например, такой контекст: [*Иди, а то*] *Иван скажет, что ты заставил его ждать*.

(14) Иван скажет$_1$, что ты *заставил*$_2$ его ждать [буд. в главном предложении]:

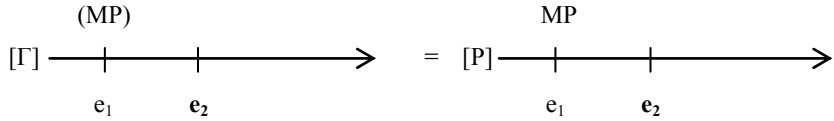


Опять-таки, при гипотаксической интерпретации отношение события к моменту речи не определено.

3. Гипотаксис. Время в главном предложении настоящее

Остается рассмотреть случай, когда глагол в главном предложении имеет наст. время. Он не представляет интереса, поскольку тут гипотаксическая и дейктическая интерпретация совпадают. См. пример (15) (в придаточном время будущее):

(15) Иван считает$_1$, что мать *будет огорчена*$_2$ [наст. в главном предложении]:



* * *

Итак, мы рассмотрели два неречевых режима интерпретации временных форм — нарративный и гипотаксический. При всем различии, между ними имеется безусловное сходство: и в том и в другом случае мы имеем дело с относительным употреблением граммемы времени. Время задается как одновременность, предшествование или следование определенной точке, фиксированной в текстовом или даже синтаксически заданном контексте[5].

Литература

Апресян 1974 — Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М., 1974.

Апресян 1980 — Ю. Д. Апресян. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «Смысл ⇔ Текст». Wien, 1980 (Wiener Slawistischer Almanach. SBd 1).

[5] Автор благодарит Ю. Д. Апресяна за поправки и критические замечания, высказанные по поводу первоначального варианта работы.

Апресян 1986 — Ю. Д. Апресян. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28. М., 1986. С. 5—33.

Апресян 1997 — Ю. Д. Апресян. Лингвистическая терминология словаря // НОСС. 1997. С. XVI—XXXIV.

Бенвенист 1974 — Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., 1974.

Бондарко 1971 — А. В. Бондарко. Вид и время русского глагола. М., 1971.

Бондарко 2005 — А. В. Бондарко. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М., 2005.

Всеволодова, Ким Тэ Чжин 2002 — М. В. Всеволодова, Ким Тэ Чжин. Система значений и употреблений форм настоящего времени русского глагола (в зеркале корейского языка). М., 2002.

Гловинская 1996 — М. Я. Гловинская. Две загадки praesens historicum // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сб. статей к 60-летию А. А. Зализняка. М., 1996. С. 451—458.

Грамматика 1952 — Грамматика современного русского литературного языка. Т. 1. М., 1952.

Грамматика 1980 — Русская грамматика / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980. Т. 1—2.

Зализняк 2008 — А. А. Зализняк. Древнерусские энклитики. М., 2008.

Зализняк, Шмелев 2000 — Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. Лекции по русской аспектологии. М., 2000.

Падучева 1986 — Е. В. Падучева. Семантика вида и точка отсчета // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. Т. 45. № 5. С. 413—424.

Падучева 1996 — Е. В. Падучева. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.

Петрухина 2000 — Е. В. Петрухина. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. М., 2000.

Плунгян 2000 — В. А. Плунгян. Общая морфология. М., 2000.

Шмелев 1960 — Д. Н. Шмелев. Абсолютное и относительное употребление форм времени русского глагола // Рус. яз. в нац. школе. 1960. № 6. С. 3—10.

Barentsen 1996 — A. Barentsen. Shifting points of orientation in Modern Russian. Tense selection in ‘reported perception’ // A. J. M. Janssen & W. van der Wurff (eds.) Reported speech: form and functions of the verb. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1995. P. 15—55.

Brecht 1974 — R. D. Brecht. Deixis on embedded structures // Foundations of language. 1974. № 11. P. 489—518.

Dahl 1985 — Ö. Dahl. Tense and Aspect Systems. Oxford; N. Y., 1985.

Dickey 2000 — S. V. Dickey. Parameters of Slavic aspect. A cognitive approach. Stanford (California), 2000.

Timberlake 2004 — A. Timberlake. A reference grammar of Russian // Cambridge. Cambridge UP, 2004.

Summary

The paper considers the meanings of Russian aspectual forms in two non-speech contexts — in narrative and hypotactic contexts. The first part of the article deals with pre-

sent narrative (i. e. present historicum) and past narrative. It is demonstrated that: a) in a narrative the Past and the Present are not interpreted in the same way as in discourse, because they refer not to the moment of speech but to the current moment of the text; b) the Past Imperfective does not denote precedence with respect to the point of reference, as is natural for a form of the Past tense, but synchronicity. The second part of the paper is concerned with the syntactic (namely, hypotactic) interpretation register of the tense forms. Structural differences that stem from the discursive or narrative nature of the main clause are delineated.

Ключевые слова: вид и аспектуальность, настоящее историческое, эгоцентрики, нарратив, гипотаксис.

Keywords: aspect, present historicum, discourse interpretation narrative and hypotactic context.

В. Ю. АПРЕСЯН

РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

1. Предмет исследования

В данном небольшом исследовании русские языковые концепты рассматриваются с точки зрения своей языковой приемлемости. В работах по психологии и физиологии эмоций принято говорить о базовых эмоциях — т. е. о некотором универсальном наборе эволюционно значимых эмоций, состав и мимические средства выражения которых не варьируются в разных культурах [Ekman 1999]. Однако даже сторонники универсалистского подхода к эмоциям признают тот факт, что разным культурам свойственно разное отношение к эмоциям, что выражается, в частности, в наличии культурно вариативных правил проявления эмоций (в терминологии Экмана — display rules). Очевидным примером этого явления могут служить хорошо известные межкультурные несовпадения правил выражения отрицательных эмоций в американской и японской культурах: хотя сама мимика совпадает, степень ее допустимого использования различается (американцы более свободны в выражении отрицательных эмоций, чем японцы). Что касается языкового аспекта выражения эмоций, то о «регулировке» языкового поведения, в том числе эмоционального, при помощи существующих в каждой культуре «культурных скриптов» много писала А. Вежбицкая [Wierzbicka 1994], которой также принадлежит большое количество работ об эмоциональных концептах в разных языках.

На правила «эмоционального этикета» влияет, помимо общих культурных скриптов, также и то, как та или иная эмоция оценивается в культуре. Об этической оценке и приемлемости различных эмоций писал еще Аристотель в «Никомаховой этике», см. об этом [Konstan 2006]; собственно, любая

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований отделения историко-филологических наук РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей», гранта НШ-3205.2008.6 для поддержки научных исследований, проводимых ведущими научными школами РФ, а также гранта РГНФ № 10-04-00273а «Подготовка первого выпуска Активного словаря русского языка».

философская или религиозная модель предполагает этическую оценку различных эмоций. Соответственно, в культуре формируется отношение к тем или иным эмоциям как хорошим, правильным, приемлемым (например, для русской культуры такими являются *благодарность*, *сострадание*) или плохим, неправильным, неприемлемым (например, *зависть*, *злоба*).

Естественно ожидать, что этически более приемлемые в той или иной культуре эмоции будут чаще и более открыто выражаться носителями языка, нежели этически менее приемлемые эмоции, то есть что этическая оценка эмоции в той или иной культуре влияет на ее языковое выражение. Однако, как показало проведенное нами небольшое исследование, отношения между культурным и языковым образом эмоции далеко не столь однозначны. Так, например, эмоция *зависть*, скорее отрицательно оцениваемая в русской культуре, в языке выражается достаточно свободно, причем во многих контекстах даже отсутствует отрицательная оценка эмоции говорящим; ср. *Я завидую твоему знанию языков*; *Я завидую ее невинности*.

С другой стороны, некоторые эмоции, нейтральные или даже положительно оцениваемые этически, например *жалость*, *стыд*[1], могут оказаться намного менее приемлемыми с точки зрения языка: так, на 134 вхождения фразы *Я завидую* в РНК (Русском национальном корпусе) приходится всего лишь 44 вхождения фразы *Я стыжусь* и 78 вхождений фразы *Я тебя жалею*.

Следовательно, языковая выразимость той или иной эмоции в данном языке является результатом не только ее этической оценки в соответствующей культуре, но и многих других, отчасти психологических, отчасти культурных, отчасти чисто языковых факторов.

2. Инструментарий анализа

Языковые средства выражения эмоций весьма разнообразны, однако не все из них, как нам кажется, могут служить критерием определения приемлемости эмоции с точки зрения языка. Среди них можно выделить как минимум четыре подтипа:

1) клишированные, закрепленные за конкретным кустом эмоций способы выражения — эмоциональные междометия (*ах*, *ах ты*, *ух ты*, *ого* для ‘удивления’, *фу* для ‘отвращения’ и пр.; подробно см. [Шаронов 2008]); они могут сохранять связь с вокализацией эмоции и ассоциироваться с определенным выражением лица (например, произнесение *фу* может сопровождаться сморщиванием носа);

[1] Стыд традиционно включается в число этических эмоций; правда, в последнее время, по крайней мере в западной психологической традиции, он вытесняется из ряда основных этических эмоций чувством вины — guilt [Stets, Turner 2008: 550].

2) свободные, контекстуально мотивированные способы выражения — например прямая речь, вводимая глаголом со значением эмоции («*Да иди ты*», — *разозлился он*; «*Что ж ты раньше молчал?*» — *удивилась она* и пр.);

3) специальные слова, закрепленные за тем или иным кустом эмоций, некоторые из которых сближаются с междометиями (*бедненький* для ‘жалости’, *гадость* для ‘отвращения’, *потрясающе* для ‘восторга’);

4) устойчивые конструкции, в которых эмоция называется прямо и употребление в которых в разной степени свойственно разным эмоциональным словам (*Мне грустно*, *Я грущу*; *Я хочу выразить свою благодарность*, *Я благодарна* и пр.).

В данной работе в качестве критерия выбран четвертый подтип по следующим соображениям: языковые средства первых трех групп не обладают достаточной различительной силой, поскольку идентифицируют лишь куст эмоций, не различая оттенков эмоций внутри него: *ах* выражает и *удивление,* и *изумление*, *фу* — и *отвращение*, и *гадливость,* и *брезгливость*; *бедненький* может выражать и *жалость*, и *сострадание*, и т. д. При этом языковые средства второго типа вообще не закреплены за конкретным типом эмоции и практически не ограничены: например, фраза «*Что ж ты раньше молчал*» может вводить самые разные эмоции и, соответственно, может быть продолжена как — *удивилась она, — обиделась она, — испугалась она* и пр.

Напротив, устойчивые эмоциональные конструкции позволяют проанализировать употребление всех слов со значением эмоции внутри каждого куста эмоций. Они не закреплены за каким-то конкретным эмоциональным кустом, но пронизывают собой все пространство эмоций, представляя собой, таким образом, относительно объективный и универсальный инструмент анализа эмоциональных выражений.

Мы исходим из предположения, что чем большим количеством конструкций может выражаться та или иная эмоция в языке, тем выше степень ее приемлемости с языковой точки зрения.

В нашей работе рассматриваются четыре основных конструкции, которые могут заполняться словами со значением эмоций в русском языке:

1) *Я ХОЧУ ВЫРАЗИТЬ СВОЙ Z* (*Я хочу выразить свою радость* ⟨*свои соболезнования*⟩, но не ?*Я хочу выразить свою злобу*, ??*Я хочу выразить свою зависть*);

2) *Я Z-УЮ* (*Я радуюсь* ⟨*сержусь*⟩, но не ?*Я раздражаюсь*, **Я отвращаюсь*);

3) *МНЕ Z-О* (*Мне радостно* ⟨*грустно*⟩, но не **Мне брезгливо*);

4) *МЕНЯ ЭТО Z-ЕТ* (*Меня это радует* ⟨*злит*⟩, но не **Меня это стыдит*).

Многочисленные прочие конструкции, инкорпорирующие слова со значением эмоций типа *быть в Z-е* (*Я в восторге* ⟨*тоске*, *унынии*, *ужасе*, *шоке*⟩); *быть охваченным Z-ом* (*Охваченные паникой люди бросились на улицу*); *с Z-а* (*Он запил с тоски* ⟨*с горя*⟩); *в Z-е* (*Она в гневе бросила трубку*); *из Z-а* (*Она вышла за него замуж из жалости*) и т. п. не рассматриваются, т. к. они содержат дополнительные семантические компоненты, а именно

‘чувство очень сильное и его невозможно контролировать’ для первых двух конструкций, ‘эмоция Z — причина некоторого действия’ для последних трех конструкций.

Мы также не включаем в число рассматриваемых конструкцию с глаголом *скрывать* с названием эмоции в качестве прямого дополнения; ср. *Иришка не могла скрыть досаду, томилась, скучала, вредничала и задиралась* (А. Варламов); *Глеб пытался скрыть печаль и надеялся, что всё образуется само собой* (А. Варламов). Хотя употребление с глаголом *скрывать* может быть информативно относительно того, какие эмоции считается неправильным открыто проявлять в данных языковых условиях, однако оно чересчур контекстуально обусловлено для того, чтобы были возможны широкие обобщения. Индивидуальное тестирование каждого существительного со значением эмоции в этой конструкции дает неожиданные результаты.

Например, вполне естественно было бы предположить, что язык «считает нужным» скрывать отрицательные эмоции, что соответствовало бы идеологии facial display rules для некоторых языков. Однако некоторые отрицательные эмоции люди не пытаются *скрыть*, по крайней мере, далеко не все названия отрицательных эмоций употребительны в конструкции с глаголом *скрывать*; ср. естественность *Она пыталась скрыть смущение* VS. странность ??*Он пытался скрыть раскаяние*.

Более того, часто скрываются положительные эмоции; ср. *Главный тренер россиян Сергей Белов после матча традиционно являл собой человека, натужно пытающегося скрыть удовлетворение от победы за маской суровой строгости* (Е. Чежегов); *Она не могла скрыть свою радость* ⟨*свой восторг*⟩.

Можно предположить, что в русском (и не только в русском) этикете есть некоторая максима скромности, предписывающая скрывать положительные эмоции по собственному поводу, а также любые положительные эмоции в присутствии человека, который испытывает отрицательные эмоции (например, *радость* в присутствии человека, у которого *горе*).

Однако, во-первых, эти представления о контекстах приемлемости той или иной эмоции в тех или иных обстоятельствах мотивируются этикетными, а не языковыми ограничениями и, таким образом, выходят за рамки языкового исследования и требуют других методов для своего изучения.

Во-вторых, существуют некоторые положительные эмоции, которые не скрываются ни при каких обстоятельствах; ср. невозможность **Он скрыл свою благодарность*.

Можно далее предположить, что *благодарность* как положительная эмоция с явным адресатом (который одновременно является объектом эмоции) требует обязательной манифестации. Тогда естественно ожидать, что и другие адресные положительные эмоции будут обязательно выражаться; ср., например, эмоции *восторг* и *восхищение*, первая из которых не имеет обязательного объекта-адресата и, соответственно, может скрывать-

ся, а вторая непременно обращена к кому-либо или на кого-либо и в силу этого не скрывается: *Она с трудом скрывала свой восторг* VS. странность ??*Она с трудом скрывала свое восхищение.*

Однако это обобщение также применимо не ко всем случаям положительных эмоций: так, *жалость*, эмоция, положительная по отношению к объекту-адресату, может скрываться, в то время как для близких ей эмоций *сочувствие* и *сострадание* это нехарактерно: *с плохо скрываемой жалостью* VS. **с плохо скрываемым сочувствием*, ??*с плохо скрываемым состраданием.* Здесь, по-видимому, вступает в силу соображение о том, что *жалость* может показаться объекту-адресату унизительной, а *сочувствие* и *сострадание* — нет.

Таким образом, хотя сочетаемость названий эмоций с глаголом *скрывать* интересна и информативна и может использоваться в качестве дополнительного теста, однако этот тест показывает не совсем то же, что те тест-конструкции, которые используются в качестве основного инструмента в данном исследовании. А именно, сочетаемость с глаголом *скрывать* демонстрирует отчасти этикетные, отчасти обусловленные конкретной ситуацией представления о степени приемлемости проявления эмоции, а не об общей степени ее приемлемости в языке.

Приведем еще некоторые аргументы в пользу соображения о том, что сочетаемость названия эмоции с глаголом *скрывать* не может служить достаточным основанием для отнесения этой эмоции к кругу неприемлемых с точки зрения языка. Ср. одинаковую адекватность фраз типа *Он пытался скрыть свое огорчение* ⟨*разочарование*⟩ VS. *Я хочу выразить свое огорчение* ⟨*разочарование*⟩ *по поводу нашего проигрыша*. Из первой фразы мы могли бы сделать вывод о том, что эмоция неприемлема (т. к. ее *скрывают*), из второй — что она приемлема (т. к. ее *выражают*). На самом же деле эмоции *огорчение* и *разочарование* в целом являются приемлемыми с точки зрения языка (они никоим образом не характеризуют экспериенсера отрицательно, и их можно открыто *выражать*), однако в соответствии с нормами поведения в некоторых ситуациях их полагается *скрывать*. Более того, как было показано выше, в силу этикетных соображений иногда скрываются даже положительные адресные эмоции, т. е. эмоции, чье наличие никак не может характеризовать экспериенсера отрицательно. Таким образом, для характеристики степени приемлемости эмоции в целом сочетаемость с глаголом *скрывать* недостаточно информативна, т. к. при этом не учитываются многие нейтрально или даже положительно оцениваемые эмоции.

Что касается предложенных тест-конструкций, то мы рассматриваем только те случаи употребления названий эмоций в данных конструкциях, где они появляются в сочетании с первым лицом единственного числа (т. е. где говорящий совпадает с экспериенсером), поскольку прагматически возможность употребления в первом лице является намного более красноречивым свидетельством приемлемости эмоции, чем употребление в дру-

гих лицах: если человек «признается» в том, что он сам испытывает эмоцию, то это важное свидетельство того, что он считает эту эмоцию допустимой. Ср., например, бóльшую степень прагматической приемлемости фразы *Она очень раздражена* по сравнению с фразой *Я очень раздражена.*

Четыре вышеупомянутых конструкции градуируются по степени приемлемости, которую они выражают: первая и вторая конструкции указывают на наибольшую степень приемлемости эмоции.

Первая конструкция (*Я ХОЧУ ВЫРАЗИТЬ СВОЙ Z*) предполагает наибольшую степень приемлемости эмоции, т. к. эта формула используется в достаточно формальных ситуациях для сообщения о наличии эмоции, причем часто при обращении к многочисленной аудитории; ср. *Я хочу выразить свою благодарность всем собравшимся за их активное участие в нашем проекте*; *Я хочу выразить свое возмущение поведением болельщиков*, при прагматической странности *Я хочу выразить свою благодарность за твою помощь по хозяйству*; *Я хочу выразить свое возмущение тем, что ты вчера поздно пришел*. Соответственно, эта формула наиболее клиширована и ритуализована, т. е. может использоваться даже в отсутствие реальных эмоций, в ситуации, когда их наличие диктуется социальными нормами; ср. *Хочу выразить свое сочувствие* ⟨*свои соболезнования*⟩. Она практически перформативна: *Хочу выразить свою благодарность* ≅ *Благодарю*.

Вторая формула (*Я Z-УЮ*) — следующая по степени приемлемости эмоции, которую она вводит. Она не указывает на непосредственное желание продемонстрировать эмоцию, однако, поскольку эмоциональные глаголы обычно обозначают не только эмоцию, но и мотивированное эмоцией поведение (см. [Вежбицкая 1996: 38—42]), то, открыто признавая факт этого особенного поведения, говорящий (он же экспериенсер) легитимизирует и свое переживание. Ср., например, глагол *струсить*, обозначающий отрицательно оцениваемое говорящим поведение, когда экспериенсер делает что-то плохое или не делает того, что от него ожидается, чтобы избежать вызывающего страх объекта или действия. Из 777 встретившихся в РНК употреблений этого глагола в совершенном виде прошедшего времени только 43 приходятся на контексты с местоимением *я* (т. е. на случаи, когда говорящий и экспериенсер совпадают), причем из этих 43 только 18 описывают реально имевшее место поведение (т. е. 2,3 %) — весь остальной массив употреблений с *я* составляют случаи типа *Только не подумайте, что я струсил*, дополнительно подчеркивающие неприемлемость эмоционального поведения, описываемого этим глаголом. Для сравнения, у нейтрального в этом отношении глагола *испугаться* доля употреблений с местоимением *я* составляет 6,4 % (458 форм из 7123 форм СОВ ПРОШ).

Третья конструкция, с безличным предикативом — так называемой категорией состояния (*МНЕ Z-О*) — описывает, как многократно отмечалось в литературе, в н у т р е н н е е состояние; ср. контраст между *Официантки вслух обижаются, что им мало оставили на чай* (эмоциональный глагол *обижаться* описывает поведение) VS. невозможность **Официанткам вслух*

обидно, что им мало оставили на чай (безличная конструкция с предикативом *обидно* описывает внутреннее состояние), *Она уже неделю на меня обижается — не звонит, не разговаривает* VS. невозможность **Ей уже неделю обидно — не звонит, не разговаривает*.

Эта конструкция характеризует следующую по убыванию степень приемлемости эмоции, т. к. говорящий-экспериенсер указывает только на свое внутреннее состояние, которое может никак не выражаться внешне, причем безличность конструкции способствует переносу внимания с него самого на то, что с ним происходит как бы помимо его воли. Ср. приемлемое сочетание *Мне обидно* VS. прагматически менее приемлемое сочетание *Я обижаюсь*, в котором экспериенсер признает, что испытывает некоторую эмоцию и ведет себя соответствующим этой эмоции образом. Это отражается в узусе: на 100 вхождений *Мне обидно* в РНК приходится всего лишь 12 вхождений глагола *обижаться* в форме 1 ЕД *Я обижаюсь*[2]. Подобно глаголу *струсить*, *обижаться* чаще встречается в негативных контекстах с местоимением *я*, нежели в утвердительных; ср. 59 вхождений фразы *Я не обижаюсь*.

В силу семантических ограничений (фокус внимания на внутреннем состоянии, а не на его стимуле) употребление в этой конструкции невозможно для эмоций, имеющих обязательный стимул; ср. невозможность сочетаний **Мне счастливо*, **Мне благодарно*. Для эмоций с обязательным стимулом в качестве альтернативы рассматривается употребление в личной конструкции с прилагательным: *Я счастлив* ⟨*благодарен*⟩.

Четвертая тест-конструкция (*МЕНЯ ЭТО Z-ET*), указывающая на индукцию эмоционального состояния посторонним стимулом, является наименее прямым способом выражения эмоции, при котором экспериенсер еще в большей степени дистанцируется от своего переживания; ср. прагматически менее адекватную фразу ?*Я злюсь* VS. и прагматически более адекватную фразу *Меня это злит*, где говорящий-экспериенсер «переносит ответственность» за свою негативную эмоцию непосредственно на ее стимул[3].

Вообще, безусловно, существуют и другие факторы, которые влияют на способность обозначений разных эмоций употребляться в данных конструкциях, помимо степени языковой приемлемости эмоции.

Как было сказано выше, сочетания типа **Мне сердито*, **Мне благодарно* невозможны из-за того, что соответствующие эмоции требуют стимула, который несовместим со значением безличной конструкции с предикативом.

---

[2] Отметим, что в форме СОВ глагол указывает на внутреннее состояние, а не на поведение, поэтому количество его употреблений с местоимением *я* резко вырастает — в РНК встретилось 80 вхождений *Я обиделся/обиделась*.

[3] Ср. также аналогичное предпочтение в английском языке, где на 21 употребление *I am frustrated* ‘Я раздосадован’ встречается 145 употреблений типа *X is frustrating* ‘X вызывает досаду’.

Фразы типа **Меня это грустит*, **Меня это отвращает* невозможны из-за отсутствия синтетического каузатива у соответствующих обозначений эмоций; ср. возможный способ выражения этого смысла: *У меня это вызывает грусть* ⟨*отвращение*⟩.

3. Материал

В данной работе рассматривается 14 типов, или кустов, эмоций, в каждом из которых выделяется большое количество подтипов — ср., например, куст ‘СТРАХ’, в котором выделяются такие эмоции, как *бояться*, *пугаться*, *страх*, *ужас* и пр. (разные слова выражают разные типы страха). Рассматриваются следующие кусты эмоций: ‘радость’, ‘грусть’, ‘гнев’, ‘жалость’, ‘стыд’, ‘гордость’, ‘удивление’, ‘страх’, ‘обида’, ‘отвращение’, ‘благодарность’, ‘ревность’, ‘зависть’, ‘презрение’, в каждом из которых есть от двух до более десяти подтипов эмоции. В каждом кусте эмоций анализируются доступные средства их языкового выражения и устанавливается следующая зависимость: чем больше имеется языковых средств для выражения эмоции с позиции экспериенсера (т. е. когда экспериенсер и говорящий совпадают), тем более приемлемой с точки зрения языка она является. В реальности единицей нашего анализа являются даже не отдельные слова, а корни слов со значением эмоции — так, например, корень *груст-* из куста ‘грусть’ может появляться в существительном *грусть* (но не в конструкции **Я хочу выразить свою грусть*), в глаголе *грустить*, в предикативе *(мне) грустно*.

4. Способ подсчета приемлемости эмоции

Мы предлагаем следующий способ подсчета степени приемлемости эмоции. В каждом кусте эмоций есть некоторое количество выражающих эту эмоцию словообразовательных гнезд — например для ‘радости’ это *рад-* (*рада, радостный, радость, радоваться, радостно*), *счаст-* (*счастье, счастливый*), *восхищ-* (*восхищение, восхищаться*), *восторг-* (*восторг, восторгаться*), *удовлетвор-* (*удовлетворение, удовлетворен*), *доволен-* (*Я довольна*), *злорад- (злорадство, злорадствовать)*. Для каждого гнезда возможна различная реализация в перечисленных четырех конструкциях. При этом каждой конструкции приписывается числовой индекс в соответствии со степенью приемлемости эмоции, которую она выражает: конструкции **I** *Я хочу выразить свой Z*, выражающей наибольшую степень приемлемости эмоции, приписывается наибольший индекс 4, конструкции **II** *Я Z-ую* — индекс 3, конструкции **III** *Мне Z-о* — индекс 2 и конструкции **IV** *Меня это Z-ет* — индекс 1.

Таким образом, для каждого гнезда максимальное количество «очков» (если реализуются все четыре конструкции) равняется 10 (4 + 3 + 2 + 1).

Однако в реальности реализаций меньше, т. к. не во всяком гнезде есть существительное, прилагательное, глагол-эмоция и каузативный глагол для выражения эмоции. Кроме того, существуют некоторые тонкости подсчета того, что мы считаем полноценной реализацией в той или иной конструкции. Так, вполне правильное высказывание (*Мне радостно*) оценивается как 100 % (т. е. 2 очка для конструкции **III**), грамматически неправильное (**Я довольствуюсь* — эта фраза является аграмматичной в нужном нам значении ‘испытывать чувство довольства’, хотя в интерпретации ‘не требовать большего’ она является правильной) — как 0 % (т. е. 0 очков), грамматически возможное, но прагматически неадекватное (?*Я восторгаюсь*)[4] — как 50 % (т. е. 1,5 очка для конструкции **III**). Кроме того, аналитические каузативы (*вызывать восторг*) также оцениваются в 50 % (т. е. в 0,5 очка), в отличие от синтетических (*восхищать*, 1 очко).

Соотношение реального числа реализаций с потенциальным, выраженное в процентах, мы называем коэффициентом языковой приемлемости эмоции.

Языковая приемлемость эмоций не совпадает с их этической оценкой — это независимый, чисто языковой параметр, который характеризует лишь степень приемлемости прямого называния эмоции самим экспериенсером, особенно в обращении непосредственно к объекту эмоции и/или адресату. Часто бывает, что говорящий предпочитает эксплицитно не называть свои (даже этически положительно оцениваемые) эмоции, например *жалость* или *сострадание* — чтобы не унизить собеседника, чтобы не нарушить этикетные нормы скромности и т. п. Напротив, этически отрицательно оцениваемые эмоции иногда могут эскплицитно выражаться — так, фраза *Я вам завидую* весьма частотна (41 вхождение в РНК).

Все эмоции выстраиваются в иерархию в соответствии со своим числовым коэффициентом.

Приведем пример. В кусте ‘радость’ есть семь гнезд, при этом максимальное числовое значение этих реализаций — 70, т. к. максимальное количество реализаций каждого гнезда составляет 10 очков (7 × 10 = 70).

Реальное количество и, соответственно, числовое выражение возможных реализаций меньше. Ср.:

Конструкция I

(1) *Я хочу выразить свою радость* ⟨*свое восхищение*, *свое удовлетворение*, *свое* ?*довольство*, ?*свой восторг*, ?*свое счастье*⟩; **Хочу выразить свое злорадство* [0 очков].

Итак, для *радости*, *восхищения*, *удовлетворения* — по 4 очка, для *восторга*, *довольства* и *счастья* — по 2 очка, т. к. фразы *Я хочу выразить*

[4] Прагматическая неадекватность оценивается путем анализа языковой интуиции информантов и подтверждается корпусными данными (корпус РНК и корпус Сектора теоретической семантики ИРЯ РАН), а также анализом словоупотреблений при помощи поисковой системы Google.

свой восторг и *Я хочу выразить свое довольство* прагматически не вполне адекватны. *Восторг* является слишком сильной эмоцией, с указанием на некоторый эмоциональный «перехлест»[5], поэтому употребление этого слова в конструкции с 1 ЕД более ограничено, чем у нейтральных эмоций *радости* и *восхищения* — так, частота фразы *Я хочу выразить свое восхищение*, по данным Интернета, в пять раз выше частоты фразы *Я хочу выразить свой восторг*. *Довольство* также может характеризоваться легкими негативными обертонами в оценке говорящего — ср. *довольство собой*, *сытое довольство*; эта эмоция часто воспринимается как свидетельство некоторой эмоциональной спячки, нечувствительности, отсутствия духовной жизни; ср. *Терпеть не мог буржуазии — довольства, удобств, комфорта* (Л. Вертинская, Синяя птица любви); *Взгляд этой дамы выражал только одно: абсолютное, глубокое довольство собою* (А. Берсенева). Соответственно, употребление *довольства* в контекстах, где говорящий совпадает с экспериенсером, также ограничено. *Счастье*, возможно, является эмоцией, которая не позволяет ритуализованного вербального выражения, тем более обращенного к аудитории, поскольку является более личной эмоцией, чем *радость* или *восхищение*. *Злорадство* — эмоция, плохо говорящая об экспериенсере, хотя и приятная для него, — тоже обычно не демонстрируется явно.

Конструкция II

(2) *Я радуюсь* ⟨*восхищаюсь*, *злорадствую*, ?*восторгаюсь*, **удовлетворяюсь*, **довольствуюсь*⟩.

Итак, для *Я радуюсь*, *Я восхищаюсь*, *Я злорадствую* [хотя люди специально и не демонстрируют эту эмоцию, они иногда признаются в том, что ее испытывают] — по 3 очка, для прагматически неадекватного *Я восторгаюсь* — 1,5 очка. Глаголы *удовлетворяться* и *довольствоваться* не имеют нужного нам значения эмоции, а указывают на тот уровень требований, удовлетворение которого субъект считает достаточным: *довольствоваться немногим*. Глагола со значением поведения, производного от корня *счаст-*, нет.

Конструкция III

(3) *Мне радостно*, *Я рад*, *Я восхищен*, *Я доволен* ⟨*удовлетворен*, *счастлив*⟩, **Я восторжен*; **Мне злорадно*.

Итак, по два очка для первых шести фраз — т. к. для *рад-* возможны даже два способа выражения — в безличной конструкции (возможно о *беспричинной радости*) и с кратким прилагательным (о мотивированной эмоции). Для гнезд *восторг-* и *злорад-* эта реализация невозможна.

[5] Ср. анализ пары *восхищаться* и *восторгаться* в [Апресян 2004: 144—147].

Конструкция IV

(4) *Меня это радует* ⟨*восхищает*, *удовлетворяет*⟩; *У меня это вызывает восторг*; *У меня это вызывает* ?*счастье* ⟨?*довольство*, ?*злорадство*⟩.

Итак, по одному очку за синтетические конверсивы *радовать*, *восхищать*, *удовлетворять*, 0,5 — за аналитический конверсив *вызывать восторг*, по 0,25 — за прагматически «неуклюжие» и очень редкие в узусе *У меня это вызывает восторг*, *У меня это вызывает счастье*, *У меня это вызывает злорадство* и особенно *У меня это вызывает довольство*.

Итак, реальное числовое значение возможных реализаций в кусте ‘радость’ составляет 44,75. Применяя нашу формулу, получаем коэффициент приемлемости эмоции ‘радость’ в русском языке.

Реальное число реализаций: Потенциальное число реализаций × 100 % = 44,75:70 × 100 % = 64 %.

Итак, коэффициент приемлемости эмоции ‘радость’ в русском языке составляет 64 процента. Аналогичным образом были проанализированы и остальные кусты эмоций — ‘жалость’, ‘гнев’, ‘стыд’, ‘гордость’, ‘благодарность’, ‘обида’, ‘страх’, ‘ревность’, ‘зависть’, ‘презрение’, ‘удивление’, ‘отвращение’, ‘грусть’. Результаты анализа представлены в следующем разделе.

5. Результаты

5.1. Куст ‘жалость’

Куст ‘жалость’ представлен следующими гнездами: *жал-*, *сочувств-*, *сострадан-*, *участ-*. Таким образом, максимальное числовое значение возможных реализаций — 40.

Конструкция I

(5) *Я хочу выразить* (*свое*) *сочувствие* ⟨?*сострадание*, **жалость*, **участие*⟩.

Сочувствие — наиболее ритуализованная эмоция этой группы — получает 4 очка. *Сострадание* — эмоция слишком сильная и мотивированная слишком сильным страданием объекта для того, чтобы выражаться конвенционально, — два очка (фраза ?*Хочу выразить свое сострадание* очень редко употребляется, встретились лишь единичные примеры в Интернете). Фразы *Хочу выразить* **жалость* ⟨**участие*⟩ не встретились ни разу. *Участие* невозможно в этой конструкции потому, что выражает в первую очередь поведение, мотивированное эмоцией, а не собственно эмоцию (ср. странность ??*испытывать участие*), а *жалость* — поскольку может выражать эмоцию, унизительную для объекта.

Конструкция II

(6) *Я сочувствую Вам* ⟨?*сострадаю*, ?*жалею*, ??*проявляю участие*⟩.

Опять, как и в первой конструкции, *сочувствие* обнаруживает себя как наиболее подходящая для ритуализованного выражения эмоция (3 очка); напротив, фраза *Я сострадаю Вам* встречается намного реже (1,5 очка), так же как и потенциально унизительная формула *Я вас жалею* (1,5 очка), которая часто используется для выражения «презрительной жалости» (*Я жалею вас, бездуховных идиотов*). Фраза *Я проявляю участие* встречается в узусе лишь окказионально (0,75 очков), т. к. *участие* обозначает положительно оцениваемое поведение и, в силу максимы скромности, редко приписывается говорящим самому себе.

Конструкция III

(7) *Мне жалко* ⟨*жаль*⟩ *Вас.*

Для гнезда *жал-* возможно две реализации (2 + 2 = 4 очка), для остальных эмоций нет соответствующих выражений. В *сострадании* и *сочувствии* настолько сильна идея внешнего стимула, что для них невозможно сосредоточение только на внутреннем чувстве экспериенсера, да и само это чувство невозможно при отсутствии информации о чувствах объекта, поскольку *сострадание* и *сочувствие* — эмоции-сопереживания и, испытывая их, экспериенсер в какой-то мере разделяет чувства объекта.

Конструкция IV

(8) *У меня это вызывает сочувствие* ⟨*сострадание*, *жалость*, ?*участие*⟩.

Для эмоций *сочувствие*, *сострадание*, *жалость* возможны аналитические каузативы (по 0,5 очка), для *участия* такое употребление является редким (0,25 очка).

Итак, реальное числовое значение возможных реализаций в кусте ‘жалость’ составляет 18,5, потенциальное числовое значение возможных реализаций — 40.

Таким образом, коэффициент приемлемости эмоции ‘жалость’ в русском языке составляет 46 % = 18,5 : 40 × 100 %.

5.2. Куст ‘гнев’

Куст ‘гнев’ представлен следующими гнездами: *возмущ-*, *негод-*, *гнев-*, *досад-*, *злоб-*, *злост-*, *ярост-*, *раздражен-*, *бес-*, *сердит-*. Таким образом, максимальное числовое выражение реализаций — 100.

Конструкция I

(9) *Я хочу выразить Вам свое возмущение* ⟨*негодование*⟩; *Я хочу выразить Вам* ?*свой гнев* ⟨**свою досаду*, **свою злобу*, **свою злость*, **свою ярость*, **свое раздражение*, **свое бешенство*⟩ *по этому поводу.*

Возмущение, *негодование* получают по 4 очка, *гнев* — 2 очка, остальные — по 0 очков.

Возмущение и *негодование* — наиболее «оправданные» и наименее агрессивные разновидности ‘гнева’, которые люди могут испытывать по поводам, не связанным с ними лично, и которые могут испытывать целые группы людей: *Мы хотим выразить свое возмущение* ⟨*негодование*⟩ *по поводу этих нововведений*. Поэтому *возмущение* и *негодование* являются наиболее выразимыми с языковой точки зрения эмоциями в кусте ‘гнев’. Сам *гнев* несколько менее эксплицитно выразим вербально, поскольку это, во-первых, потенциально агрессивная эмоция, а во-вторых, подразумевающая разницу в статусах между экспериенсером и объектом. *Гнев* возможен обычно по отношению к лицам с более низким, чем у экспериенсера, статусом (хотя он часто бывает оправданным, ср. *Божий гнев*, *народный гнев*). Что касается прочих эмоций в этом кусте, то они чересчур агрессивны, негативны и трудно скрываемы для того, чтобы нуждаться в каком-то специальном вербализованном выражении; кроме того, некоторые из них, а именно *злоба*, отрицательно характеризуют экспериенсера[6].

Конструкция II

(10) *Я сержусь* ⟨*злюсь*⟩ *на тебя*; *Я возмущаюсь* ⟨*негодую*⟩ *по этому поводу*; *Я досадую* ⟨*бешусь*⟩, *что ничего не вышло*; ?*Я гневаюсь* ⟨?*ярюсь*, ?*раздражаюсь*⟩ *на тебя*; **Я злоблюсь на тебя.*

Злобиться — 0 очков, *гневаться*, *яриться*, *раздражаться* — по 1,5 очка, остальные — по 3 очка.

Интересно, что конструкция с глаголом в форме 1 ЕД в той или иной форме возможна практически для всех гнезд, за исключением явно отрицательно оцениваемого *злобиться*. Все остальные эмоции, хотя и негативны, по-видимому, оцениваются говорящим нейтрально (за исключением *злобиться*, а также *яриться* и *раздражаться*, которые воспринимаются как недостаточно мотивированные и чрезмерные).

Конструкция III

(11) *Мне досадно, что он не оценил мою работу.*

Для остальных эмоций безличная конструкция невозможна, т. к. они неотделимы от своего стимула; для некоторых из них возможна констатация внутреннего состояния при помощи краткой формы отглагольного прилагательного, для некоторых — нет.

(12) *Я очень раздражен* ⟨*зол*, **бешен*, **яростен*, **злобен*⟩.

Досадно, *раздраженный*, *злой* — по 2 очка. *Возмущен*, *разгневан*, *раздосадован* и пр. в подобной конструкции — не прилагательные, а причас-

[6] Ср. описание синонимического ряда СЕРДИТЬСЯ в [Апресян 2004: 1018—1022].

тия, т. е. формы каузативного глагола, поэтому они не могут использоваться просто для констатации внутреннего состояния, но обязательно требуют указания стимула.

Конструкция IV

(13) *Меня это возмущает* ⟨*сердит*, *злит*, *раздражает*, *бесит*⟩; *У меня это вызывает злобу* ⟨*злость*⟩; *У меня это вызывает гнев* ⟨*негодование*, *ярость*, *досаду*⟩.

Возмущать, *сердить*, *злить*, *раздражать*, *бесить* — по 1 очку, *вызывать злобу* ⟨*злость*, *гнев*, *негодование*, *ярость*, *досаду*⟩ — по 0,5 очка. Как мы видим, способ выражения эмоции ‘гнев’ при помощи каузатива, сдвигающего ответственность за эмоцию на ее стимул, является одним из наиболее предпочтительных в этом кусте.

Итак, реальное числовое значение возможных реализаций в кусте ‘гнев’ составляет 46,5, потенциальное числовое значение возможных реализаций — 100.

Таким образом, коэффициент приемлемости эмоции ‘гнев’ в русском языке составляет 46,5 % = 46,5 : 100 × 100%.

5.3. Куст ‘стыд’

Куст ‘стыд’ представлен следующими гнездами: *стыд-*, *смущ-*, *неудоб-*, *неловк-*, *совест-*, *стесн-*, *сожал-*, *раскай-*, *конфуз-*. Как видно из этого списка, мы включаем в куст ‘стыд’ все неприятные эмоции, которые экспериенсер может испытывать по поводу того, что он что-то делает или сделал не так, — от чисто социального *стеснения* до глубоко этического *раскаяния*. Таким образом, максимальное числовое выражение реализаций — 80.

Конструкция I

(14) *Я хочу выразить свое сожаление по поводу причиненных Вам неудобств*; *Я хочу выразить *свой стыд* ⟨**свое стеснение*, **свое раскаяние*, **свое смущение*, **свою неловкость*, **свое неудобство*, **свою сконфуженность*⟩ *по этому поводу.*

Только наименее интимная эмоция — *сожаление*, которая, кстати, может возникать и тогда, когда экспериенсер не несет ответственности за то плохое, что имело место, — может ритуализованно вербализоваться (4 очка). Все остальные сочетания не встретились ни разу — не только в РНК, но и в Интернете вообще. Это соответствует характеру ‘стыда’ в целом и составляющих этот куст эмоций в частности — они возникают или интенсифицируются в присутствии других людей и поэтому вызывают желание спрятаться от потенциальной аудитории (каузатора неприятной эмоции), а не объявлять о своих чувствах во всеуслышание[7].

[7] См. описание ряда СТЫДИТЬСЯ в [Апресян 2004: 1122—1128].

Конструкция II

(15) *Я стыжусь* ⟨*стесняюсь*, *раскаиваюсь*, *сожалею*, *смущаюсь*, ?*конфужусь*⟩.

Эмоции *стыдиться, стесняться, раскаиваться, сожалеть, смущаться* — по 3 очка, *конфузиться* — 1,5 (*Я конфужусь* — существенно более редкое сочетание). Фразы с этими глаголами в форме 1 ЕД могут служить объяснением некоторого поведения (— *Почему ты не хочешь выступать? — Я стесняюсь*) или декларацией чувств (*Я раскаиваюсь в совершенном поступке*). Хотя, как сказано выше, эмоции этого куста заставляют человека желать уединения и отсутствия контакта с другими людьми, однако он может совершать над собой моральное усилие и в качестве шага к искуплению своей вины вслух объявлять о том, что он ее признает.

Конструкция III

(16) *Мне стыдно* ⟨*совестно*, *неудобно*, *неловко*⟩ (по 2 очка).

Для остальных эмоций, которые не могут возникать без стимула, эта конструкция невозможна.

Конструкция IV

(17) *Меня это смущает*; ?*Меня это конфузит*; **Меня это стесняет* [невозможно в нужном значении]; *Это вызывает у меня стыд* ⟨*неловкость*, *сожаление*, **неудобство*, **стеснение*, **раскаяние*⟩.

Синтетический каузатив возможен для *смущения* (1 очко) и отчасти *конфуза* (0,5 очка), для некоторых эмоций возможен аналитический каузатив — *стыд, неловкость, сожаление* (по 0,5 очка), прочие, по-видимому, настолько связаны с внутренней этической и этикетной самооценкой, что не могут каузироваться чисто внешними факторами.

Итак, реальное числовое значение возможных реализаций в кусте ‘стыд’ составляет 31,5, потенциальное числовое значение возможных реализаций — 80.

Таким образом, коэффициент приемлемости эмоции ‘стыд’ в русском языке составляет 39 % = 31,5 : 80 × 100 %.

5.4. Куст ‘гордость’

Куст ‘гордость’ требует некоторых дополнительных пояснений. Дело в том, что в современном русском языке он полноценно представлен только одним гнездом (*горд-*), поскольку глагол *кичиться* является уходящим (см. [Апресян 2004: 230]), также как и производные от него существительное *кичливость* и прилагательное *кичливый* со значением свойства. Однако, поскольку в РНК и других источниках присутствует некоторое количество современных примеров употребления *кичиться*, особенно в публицистических текстах, он не может быть полностью исключен из рассмотрения. По-

этому будет проанализировано два варианта реализации — с учетом гнезда *кич-* и без него, т. е. куст ‘гордость’ будет рассмотрен в его развитии. Максимальное числовое выражение реализаций — 10 без рассмотрения гнезда *кич-*, 20 — если брать его в расчет.

Конструкция I

(18) *Я хочу выразить гордость за свою страну, которая победила в чемпионате* (4 очка); **Я хочу выразить кичливость.*

В противоположность *стыду гордость* — это эмоция, требующая аудитории, и, хотя *гордость* выражают не так часто, как, скажем, *возмущение* или *благодарность* (в силу максимы скромности), тем не менее законная *гордость* легко может вербализоваться, особенно *гордость* за кого-то другого. *Кичливость*, во-первых, выражает свойство, а не состояние, во-вторых, оценивается отрицательно, поэтому не может появляться в данной конструкции.

Конструкция II

(19) *Я горжусь своими детьми* (3 очка); ??*Я кичусь своим образованием* (1 очко).

Единичные примеры на употребление глагола *кичиться* в форме 1 ЕД встречаются, хотя в целом безусловно нехарактерны и обычно, как и примеры на 1 ЕД глагола *трусить*, попадаются в контекстах опровержения — *Не подумайте, что я кичусь.*

Конструкция III

(20) **Мне гордо.*

Для *гордости*, которая не может возникать без стимула, эта конструкция невозможна; прилагательное *кичливый* вообще не может обозначать внутреннее состояние.

Конструкция IV

(21) *У меня это вызывает гордость* (0,5 очка); **У меня это вызывает кичливость*.

Итак, реальное числовое значение возможных реализаций в кусте ‘гордость’ составляет 7,5, если не принимать в расчет *кичиться*, при потенциальном числовом значении возможных реализаций 10, или же 8, если принимать в расчет *кичиться*, при потенциальном числовом значении возможных реализаций — 20.

Таким образом, коэффициент приемлемости эмоции ‘гордость’ в русском языке составляет 75 % = 7.5 : 10 × 100 %, если не принимать в расчет *кичиться*, и 40 % = 8 : 20 × 100 %, если принимать.

5.5. Куст ‘благодарность’

Куст ‘благодарность’ представлен в современном русском языке двумя гнездами: *благодар-* и *признательн-*, т. е. максимальное числовое выражение реализаций — 20.

Конструкция I

(22) *Я хочу выразить Вам свою благодарность* ⟨*признательность*⟩ (по 4 очка).

Конструкция II

(23) *Я благодарю Вас* (3 очка) — глагол является перформативом.

Конструкция III

(24) *Я благодарна* ⟨*признательна*⟩ *Вам* (по 2 очка).

Конструкция IV

(25) *У меня это вызывает благодарность* ⟨*признательность*⟩ (по 0,5 очка).

Итак, реальное числовое значение возможных реализаций в кусте ‘гордость’ составляет 16, потенциальное числовое значение возможных реализаций — 20.

Таким образом, коэффициент приемлемости эмоции ‘благодарность’ в русском языке составляет 80 % = 16 : 20 × 100 %.

Тот факт, что *благодарность* — эмоция, возникающая в ответ на чье-то добро, требует обязательного вербального выражения, — неудивителен. Помимо используемых в данной работе тест-конструкций, *благодарность* имеет дополнительные средства выражения — например конструкцию *в благодарность* (*сделать что-л. в благодарность*), которая указывает на то, что цель некоторого действия — выразить кому-л. благодарность, сделав этому человеку что-то хорошее. Употребление в этой конструкции невозможно ни для какого другого существительного со значением эмоции. Кроме того, единственная из всех эмоций, *благодарность*, имеет однозначное конвенциональное, закрепленное только за ней средство выражения — междометие *спасибо*. Таким образом, в реальности степень приемлемости этой эмоции в языке еще выше, т. к. у нее есть свои специфические дополнительные средства выражения (сообщения объекту-адресату о ее наличии), которые отсутствуют у всех остальных эмоций.

5.6. Куст ‘обида’

Куст ‘обида’ представлен в современном русском языке тремя гнездами: *обид-*, *уязв-* и *задет-*, т. е. максимальное числовое выражение реализаций — 30.

Конструкция I

(26) ??*Я хочу выразить свою обиду* (1 очко).

В РНК сочетание *Хочу выразить обиду* не встретилось ни разу, в Интернете есть единичные примеры этого сочетания; от корней *уязв-* и *задет-* существительных нет.

Конструкция II

(27) *Я обижаюсь на тебя* (3 очка).

Фраза *Я обижаюсь* встречается в РНК примерно в 9 раз реже, чем фраза *Мне обидно* (см. выше), что указывает на ее меньшую прагматическую приемлемость, однако достаточно часто для того, чтобы быть отмеченной в качестве вполне возможного способа выражения этого чувства. От корней *уязв-* и *задет-* глаголов со значением эмоционального переживания нет.

Конструкция III

(28) *Мне обидно*; *Я задет* ⟨*уязвлен*⟩ (по 2 очка).

Конструкция IV

(29) *Меня это обижает* ⟨*уязвляет, задевает*⟩ (по 1 очку).

Как мы видим, для ‘обиды’ предпочтительны такие способы выражения эмоции, которые сдвигают фокус внимания с экспериенсера на само внутреннее чувство или на его внешний стимул; это показывает, что вообще-то ‘обида’ является чувством, которое люди предпочитают не обнаруживать.

Итак, реальное числовое значение возможных реализаций в кусте ‘обида’ составляет 13, потенциальное числовое значение возможных реализаций — 30.

Таким образом, коэффициент приемлемости эмоции ‘обида’ в русском языке составляет 43 % = 13 : 30 × 100 %.

‘Обида’ — направленная на кого-л. отрицательная эмоция, близкая к ‘гневу’, но предполагающая бóльшую слабость и уязвимость экспериенсера, не относится, как видно из данного анализа, к числу охотно вербализуемых и конвенционально выражаемых эмоций в русском языке.

5.7 Куст ‘страх’

Куст ‘страх’ представлен в современном русском языке гнездами *страх-*, *боят-*, *опас-*, *ужас-*, *пуг-*, *трепет-*, *дрож-*, *трус-*, *дрейф-*, *роб-*, *паник-*, т. е. максимальное числовое выражение реализаций — 110.

Конструкция I

(30) *Я хочу выразить опасение, что такой подход может привести к конфликту* (4 очка); **Я хочу выразить свой страх* ⟨*боязнь*, *ужас*, *трепет*, *испуг*, *робость*, *панику*⟩.

Опасение может свободно выражаться, поскольку является полностью рациональной эмоцией — единственной в этом кусте, и выражение опасения несет функцию предостережения.

Конструкция II

(31) *Я боюсь* ⟨*страшусь*, *опасаюсь*, *ужасаюсь*, *дрожу*, *трепещу*, *робею*⟩; *Я испугался* ⟨*струсил*, *сдрейфил*⟩; *Я паникую*; *Я робею* (по 3 очка).

Все эмоции здесь сопровождаются особыми поведенческими реакциями и свободно называются глагольной формой — даже такие отрицательно оцениваемые говорящим, как *дрейфить*, и особенно *трусить* (хотя, конечно, частотность форм типа *Я трушу*, *Я струсил* намного ниже, чем у форм типа *Я боюсь*), даже такие иррациональные и преувеличенные, как *паника.*

Конструкция III

(32) *Мне страшно* ⟨*боязно*⟩ [по 2 очка].

Из всех эмоций этого куста только гнезда *страх-* и *боят-* могут указывать на беспричинное внутреннее эмоциональное состояние, возникшее без какого-либо внешнего стимула.

Конструкция IV

(33) *Меня это пугает* ⟨*страшит*, *ужасает*⟩ [по 1 очку]; *Это вызывает боязнь* ⟨*панику*, *трепет, дрожь*, *опасение*⟩ [по 0,5 очка]; **Это вызывает робость* ⟨*трусость*⟩ [по 0 очков].

Испуг, *страх* и *ужас* допускают образование синтетического каузатива, *боязнь*, *паника*, *трепет*, *дрожь* и *опасение* — аналитического, от глагола *дрейфить* нет ни синтетического каузатива, ни существительного, необходимого для образования аналитического каузатива. *Робость* и *трусость* — эмоции-поведения, чересчур тесно связанные с личными особенностями экспериенсера (*робкого* или *трусливого* человека, соответственно) для того, чтобы объективизироваться посредством каузативов — их причины коренятся в натуре человека, который их испытывает, и не могут быть полностью списаны на внешние стимулы.

Итак, реальное числовое значение возможных реализаций в кусте ‘страх’ составляет 46,5, потенциальное числовое значение возможных реализаций — 110.

Таким образом, коэффициент приемлемости эмоции ‘страх’ в русском языке составляет 42 % = 46,5 : 110 × 100 %.

5.8. Куст ‘ревность’

Куст ‘ревность’ представлен в современном русском языке одним гнездом: *ревн-*, т. е. максимальное числовое выражение реализаций — 10.

Конструкция I

(34) **Я хочу выразить ревность*.

Конструкция II

(35) *Я ревную* (3 очка).

Конструкция III

(36) **Мне ревниво*.

Конструкция IV

(37) *У меня это вызывает ревность* (0,5 очка).

Итак, реальное числовое значение возможных реализаций в кусте ‘ревность’ составляет 3,5, потенциальное числовое значение возможных реализаций — 10.

Таким образом, коэффициент приемлемости эмоции ‘ревность’ в русском языке составляет 35 % = 3,5 : 10 × 100 %.

5.9. Куст ‘зависть’

Куст ‘зависть’ представлен в современном русском языке одним гнездом: *завид-*, т. е. максимальное числовое выражение реализаций — 10.

Конструкция I

(38) **Я хочу выразить зависть*.

Конструкция II

(39) *Я завидую* (3 очка).

Конструкция III

(40) *Мне завидно* (2 очка).

Конструкция IV

(41) *У меня это вызывает зависть* (0,5 очка).

Итак, реальное числовое значение возможных реализаций в кусте ‘зависть’ составляет 5,5, потенциальное числовое значение возможных реализаций — 10.

Таким образом, коэффициент приемлемости эмоции ‘зависть’ в русском языке составляет 55 % = 5,5 : 10 × 100 %. Также для сравнения — в РНК встретилось 34 вхождения фразы *Я ревную* в нужном значении и 133 вхождения *Я завидую*.

Легко заметить некоторые сравнительные особенности *зависти* и *ревности.* В русской культуре *зависть* — это, с этической точки зрения, безусловно отрицательное чувство, в то время как *ревность* далеко не одно-

значно оценивается этически. Однако степень языковой приемлемости *зависти* выше, чем у *ревности*: менее принято вербализовать *ревность*, чем *зависть*. Интересно выяснить, с чем это может быть связано. *Зависть* можно определить, вслед за многочисленными исследователями, в первую очередь Анной Вежбицкой [Wierzbicka 1999: 98—99], следующим образом (мы приводим свое несколько упрощенное и модифицированное толкование):

X завидует Y-у
У Y-а есть что-то хорошее
У X-а этого нет
X хочет, чтобы это было у него
поэтому X чувствует что-то плохое

Как отмечает Вежбицкая, подобное толкование достаточно широко для того, чтобы покрыть все случаи *зависти* — и то, что называется черной завистью (malicious envy), и то, что называется белой завистью (non-malicious envy).

«Черная зависть» предполагает, что экспериенсер X испытывает нечто плохое по отношению к более удачливому объекту своей эмоции Y-у и, если невозможно иметь то хорошее, что есть у Y-а, хотел бы, чтобы и Y не имел этого хорошего. «Белая зависть» предполагает, что X хотел бы иметь то хорошее, что есть у Y-а, однако не страдает по поводу того, что он этого не имеет, а также не испытывает плохих чувств по отношению к Y-у и, возможно, даже восхищается им. Для глагола *завидовать* возможны оба употребления, в то время как для предикатива *завидно* позитивная интерпретация менее характерна. Если экспериенсер хочет выразить мысль о том, что у адресата (объекта эмоции) есть что-то достойное восхищения, чего нет у него, он вряд ли прибегнет к формуле *Мне завидно*, скорее он использует фразу *Я тебе завидую*. Формула *Я тебе завидую* может быть практически комплиментарной и абсолютно совместимой с хорошим отношением к объекту эмоции; ср. *Я завидую твоему знанию языков* ≅ ‘Я восхищаюсь твоим знанием языков, которого у меня нет’; *А Вам я завидую (хотя сам не жалуюсь) и желаю счастья и мудрости!* (Женщина + мужчина: Брак (форум) (2004)). Поскольку фраза *Я завидую* допускает позитивную интерпретацию, ее частотность намного выше формулы *Мне завидно* (ср. 15 VS. 133 вхождения в РНК).

Рассмотрим теперь *ревность* — чувство, которое возникает, когда экспериенсер считает, что тот объект X, которого он любит, любит не его, а другого человека Z, и поэтому испытывает неприятное чувство, а также может чувствовать что-то плохое по отношению к Z-у и/или к X-у. *Ревность*, в отличие от *зависти*, не бывает белой или черной: это всегда отрицательная эмоция. Поэтому, хотя крайние формы *зависти* безусловно представляют собой более негативное по отношению к объекту эмоции чувство, нежели *ревность*, в некоторых случаях, по крайней мере вербально, *зависть* может быть почти хорошим чувством, с чем и связана бóльшая степень ее языковой приемлемости.

5.10. Куст ‘презрение’

Куст ‘презрение’ представлен в современном русском языке одним гнездом: *презр-*, т. е. максимальное числовое выражение реализаций — 10.

Конструкция I

(42) ?*Хочу выразить Вам свое презрение* (2 очка).

Фраза *Хочу выразить (свое) презрение* в РНК не встретилась ни разу, однако ее частотность в Интернете достаточна для того, чтобы считать ее маргинально приемлемой.

Конструкция II

(43) *Я презираю Вас* (3 очка).

Конструкция III

(44) **Мне презрительно* (0 очков).

Конструкция IV

(45) *У меня это вызывает презрение* (0,5 очка).

Итак, реальное числовое значение возможных реализаций в кусте ‘презрение’ составляет 5,5, потенциальное числовое значение возможных реализаций — 10.

Таким образом, коэффициент приемлемости эмоции ‘презрение’ в русском языке составляет 55 % = 5,5 : 10 × 100 %.

5.11. Куст ‘удивление’

Куст ‘удивление’ представлен в современном русском языке следующими гнездами: *удивл-*, *изумл-*, *потряс-*, *пораз-*, *шок-*, т. е. максимальное числовое выражение реализаций — 50.

Конструкция I

(45) *Хочу выразить Вам свое удивление* ⟨?*изумление*⟩ (4 и 2 очка соответственно); **Хочу выразить Вам свое потрясение* ⟨*свой шок*⟩.

Как мы видим, названия сильных эмоций *потрясение* и *шок* (существительного *поражение* в эмоциональном значении не существует), возможно потому, что их трудно контролировать и целенаправленно выражать, не встречаются в этой конструкции; фраза *Хочу выразить свое изумление* встречается в десятки раз реже, чем стандартная фраза *Хочу выразить свое удивление*, однако маргинально приемлема.

Конструкция II

(46) *Я Вам удивляюсь* ⟨*изумляюсь, поражаюсь*⟩ (по 3 очка); *Я* ??*потрясаюсь* ⟨**шокируюсь*⟩ (1 и 0 очков соответственно).

Конструкция III

(47) *Мне удивительно* (2 очка); *Я изумлен ⟨поражен, потрясен, шокирован⟩* (по 2 очка).

Конструкция IV

(48) *Это меня удивляет ⟨изумляет, потрясает, шокирует⟩* (по 1 очку).

Итак, реальное числовое значение возможных реализаций в кусте ‘удивление’ составляет 30, потенциальное числовое значение возможных реализаций — 50.

Таким образом, коэффициент приемлемости эмоции ‘удивление’ в русском языке составляет 60 % = 30 : 50 × 100 %.

5.12. Куст ‘отвращение’

Куст ‘отвращение’ представлен в современном русском языке следующими гнездами: *отврат-*, *омерз-*, *брезгл-*, *гад-*, *противн-*, т. е. максимальное числовое выражение реализаций — 50.

Конструкция I

(49) ??*Хочу выразить Вам свое отвращение* (1 очко — единичные примеры в Интернете); **Хочу выразить Вам свое омерзение ⟨свою брезгливость, свою гадливость⟩* (0 очков).

Конструкция II

(50) ?*Я брезгую Вами* (1,5 очка) — единичные примеры в Интернете; для остальных гнезд глагольная конструкция невозможна.

Конструкция III

(51) *Мне отвратительно ⟨омерзительно, противно, гадко⟩* (по 2 очка).

Конструкция IV

(52) *У меня это вызывает отвращение ⟨омерзение, брезгливость, гадливость⟩* (по 0,5 очка).

Итак, реальное числовое значение возможных реализаций в кусте ‘отвращение’ составляет 12,5, потенциальное числовое значение возможных реализаций — 50.

Таким образом, коэффициент приемлемости эмоции ‘отвращение’ в русском языке составляет 25 % = 12,5 : 50 × 100 %.

5.13. Куст ‘грусть’

Куст ‘грусть’ представлен в современном русском языке следующими гнездами: *груст-*, *печал-*, *скорб-*, *гор-*, *тоск-*, *ун-*, *депресс-*,

расстрой-, *огорч-*[8], т. е. максимальное числовое выражение реализаций — 90.

Конструкция I

(53) *Хочу выразить свою скорбь* (4 очка; единственное конвенционализованное чувство этого ряда, которое выражается обычно по поводу чьей-то смерти); ??*Хочу выразить свою грусть* ⟨*свое горе, свою печаль, свое огорчение*⟩ (по 1 очку — единичные примеры в Интернете); **Хочу выразить свое расстройство*; **Хочу выразить свою тоску* ⟨*свое уныние, свою депрессию*⟩ (0 очков; потенциально беспричинные, безнадежные эмоции-настроения не подвергаются конвенционализации).

Конструкция II

(54) *Я грущу* ⟨*печалюсь*, *скорблю*, *горюю*, *тоскую*, *уныва́ю,* сленг *депрессую, огорчаюсь, расстраиваюсь*⟩ (по 3 очка).

Конструкция III

(55) *Мне грустно* ⟨*тоскливо, печально*⟩ (по 2 очка); ?*Мне депрессивно* (1 очко — отдельные примеры в Интернете); для остальных гнезд такое выражение невозможно.

Конструкция IV

(56) *Меня это огорчает* ⟨*расстраивает*, *печалит*⟩ (по 1 очку); *У меня это вызывает грусть* ⟨*тоску*, *уныние*, *депрессию*⟩ (по 0,5 очка); **У меня это вызывает скорбь* ⟨*горе*⟩.

Названия «объективных» эмоций, вызываемых только очень серьезными стимулами, такими, в первую очередь, как чья-то смерть, не могут появляться в «субъективной» конструкции с каузативом. Интересно, что хотя эта конструкция используется для «объективизации» эмоции, дистанцирования от нее, придания ей статуса чувства, возникшего под действием независимого стимула, а не внутреннего настроения человека, для выражения эмоций *скорбь* и *горе*, которые не могут не возникнуть при определенных обстоятельствах, она не подходит.

Итак, реальное числовое значение возможных реализаций в кусте ‘грусть’ составляет 47, потенциальное числовое значение возможных реализаций — 90.

Таким образом, коэффициент приемлемости эмоции ‘грусть’ в русском языке составляет 52 % = 47 : 90 × 100 %.

---

[8] Слова *меланхолия, хандра, сплин* мало встречаются в текстах конца XX — начала XXI в. и поэтому не включены нами в состав активных средств выражения эмоций куста ‘грусть’ в современном русском языке.

6. Иерархия эмоций и предварительные выводы

Итак, всего было рассмотрено 14 кустов эмоций. Результаты подсчета дают следующую иерархию эмоций по степени языковой приемлемости, от самых приемлемых до самых неприемлемых:

- 80 % ‘Благодарность’
- 75 % ‘Гордость’
- 64 % ‘Радость’
- 60 % ‘Удивление’
- 55 % ‘Презрение’
- 55 % ‘Зависть’
- 52 % ‘Грусть’
- 48 % ‘Жалость’
- 46,5 % ‘Гнев’
- 43 % ‘Обида’
- 42 % ‘Страх’
- 40 % ‘Гордость’
- 39 % ‘Стыд’
- 35 % ‘Ревность’
- 25 % ‘Отвращение’

Некоторые общие выводы, которые можно сделать из данного исследования, таковы: ‘благодарность’, то есть положительная эмоция по поводу того хорошего, что сделал объект эмоции, наиболее легитимна с точки зрения выражения, ее не полагается скрывать; ср. невозможность **Он скрыл свою благодарность*. Напротив, *благодарность* требует непременного выражения: *благодарить* — это одно из первых социальных умений, которым родители обучают детей. Это единственный куст эмоций, в котором полностью отсутствует возможность отрицательной оценки чувства — «плохой» ‘благодарности’ не бывает, притом что бывает «плохая» ‘радость’ — *злорадство*, «плохая» ‘грусть’ — *уныние*, *депрессия*, *тоска*, «плохая» ‘жалость’ — *презрительная жалость*. Можно предположить, что высокое положение ‘благодарности’ в иерархии эмоций будет являться языковой универсалией.

Интересно положение ‘гордости’ в этой иерархии. Диахронически *гордость* — безусловно, эмоция с низким уровнем приемлемости (что неудивительно, если принять в рассмотрение христианское представление о гордыне) — диахронически числовой коэффициент ее приемлемости практически совпадает с коэффициентом противоположной ей эмоции — ‘стыда’. Однако, как отмечалось выше, статус ‘гордости’ в языковой картине русского языка постепенно меняется в связи с устареванием отрицательно оцениваемого вида ‘гордости’ — *кичливости*. В современном русском языке отрицательно оцениваемый глагол *кичиться* имеет статус уходящего, и, если не принимать его в расчет, то ‘гордость’ выходит на второе место

по степени приемлемости вербального выражения, что также неудивительно, т. к. *гордость* — это положительная эмоция, требующая аудитории. Когда исчезает отрицательная оценка, законная ‘гордость’ становится одной из наиболее «выразимых» эмоций. Таким образом, статус ‘гордости’ в русском языке разумно представлять динамически — как сдвигающийся от весьма низкого в самый верх иерархии, что, по-видимому, отражает соответствующий сдвиг в культурных и этических оценках.

‘Радость’ — положительная эмоция по поводу того хорошего, что произошло с экспериенсером или кем-то еще, — также имеет высокий коэффициент приемлемости. Однако, поскольку этот куст включает также «плохую» ‘радость’ — *злорадство*, ее статус не столь высок, как можно было бы ожидать.

Наиболее неприемлемой с языковой точки зрения в русском языке является эмоция ‘отвращение’ — отрицательная эмоция, вызываемая контактом с физически или морально отталкивающим объектом. Это вполне соответствует принятым культурным нормам — открытое выражение отвращения, в первую очередь его физические проявления, считаются признаком недостаточного воспитания. Выражение морального отвращения несколько более приемлемо.

Достаточно неожиданно в число малоприемлемых эмоций в русском языке попадает ‘ревность’ — возможно, потому, что «хорошей» ревности не бывает. Даже ‘зависть’ — по крайней мере, на словах, бывает «доброй» — можно сказать *Я тебе по-хорошему завидую*, однако **по-хорошему ревновать* невозможно.

Следующие по неприемлемости эмоции — это чувства, вызываемые тем плохим, что сделал сам экспериенсер (‘стыд’), тем плохим, что может ему угрожать (‘страх’), или тем плохим, что сделал кто-то другой (‘обида’ и ‘гнев’).

Одна из самых «невыразимых» эмоций в русском языке — это ‘стыд’, что соответствует семантике и прагматике ‘стыда’, желанию «спрятаться», заложенному в прототипический сценарий этой эмоции (о ‘гордости’ см. выше).

‘Страх’ также не слишком приемлем в силу отрицательной этической оценки некоторых видов страха (*трусить*) и общей положительной оценки способности его преодолевать (ср. *смелый*, *бесстрашный*, *неустрашимый* и пр.).

‘Обида’ несколько менее приемлема, чем ‘гнев’, поскольку подразумевает слабость в характере экспериенсера, некоторую униженность его положения и, в целом, чрезмерную чувствительность. *Обидчивость* указывает на инфантильность, поскольку ‘обида’ — скорее детская эмоция (ср., впрочем, несколько устар. *кровавые обиды*). Взрослые люди, напротив, часто заявляют, что они не склонны к обидам. *Обиды* бывают *мелочными* и не бывают *праведными*, в отличие от *гнева*. Демонстрация ‘обиды’ может восприниматься как демонстрация слабости и поэтому нежелательна.

‘Жалость’, в целом положительная по отношению к объекту эмоция, хотя и потенциально неприятная для него, тем не менее находится только в

середине спектра (ее опережают по приемлемости такие отрицательные эмоции, как ‘презрение’, ‘зависть’ и ‘грусть’. Это может быть связано с тем, что ‘жалость’ может быть либо неприятна для объекта эмоции, поскольку предполагает обидное отношение «сверху вниз» — «Я в хорошей ситуации, а ты в плохой» (особенно *презрительная жалость*), либо слишком хорошо говорит об экспериенсере (*сострадание*, и особенно *участие*), что не позволяет говорящему открыто приписывать ее себе.

‘Зависть’ может быть формой комплимента (*Я тебе завидую*), утверждением о том, что адресат-объект эмоции в чем-то превосходит говорящего-экспериенсера, что объясняет ее достаточно высокий статус в иерархии приемлемости.

‘Удивление’ — единственная нейтральная эмоция — достаточно ожидаемо располагается между положительными (верх иерархии) и отрицательными эмоциями в качестве некоторой прослойки.

‘Грусть’ — отрицательная эмоция, не связанная ни с плохим отношением к кому-либо, ни с самоосуждением, расположена примерно посередине. С одной стороны, выражение ‘грусти’ в целом не говорит об экспериенсере плохо; с другой стороны, ‘грусть’, во-первых, иногда требует какого-то участия, хотя бы вербального, со стороны адресата, т. е. ее открытое выражение может восприниматься как нескромная просьба о сочувствии, во-вторых, ‘грусть’ может восприниматься как «нытье», говорящее о слабости экспериенсера (особенно открытое выражение некоторых видов ‘грусти’ — *уныния*, *тоски*, *депрессии*).

Неожиданным образом сугубо отрицательная эмоция ‘презрение’ оказывается выше ‘грусти’. По-видимому, это эмоция, принципиально направленная на выражение, — люди редко дают себе труд *подавить* или *скрыть* свое презрение, наоборот, всячески охотно его *демонстрируют*. *Презрение* — это сильная позиция в диалоге, способ сделать некоторое заявление. С точки зрения языкового этикета *презирать* совсем неплохо, и *презрение* создает экспериенсеру выгодное и удобное положение: с одной стороны, он не хвастается, не заявляет о себе ничего хорошего, т. е. его нельзя упрекнуть в нескромности; с другой стороны, ему удается поставить себя выше адресата (объекта). *Презрение* — эмоция в первую очередь этическая: конечно, можно испытывать *презрение* к тем, кто плохо одевается или не умеет водить машину, однако такое «неправильное» презрение люди обычно не демонстрируют. Что же касается *презрения*, «оправданного» в глазах экспериенсера и окружающих, то оно вызывается моральной низостью объекта эмоции, и, таким образом, демонстрация *презрения* возводит экспериенсера в позицию моральной силы.

Необходимо отметить, что почти во всех, даже в малоприемлемых кустах эмоций, есть как минимум одна мотивированная, «оправданная» эмоция, выражение которой абсолютно легитимно (за исключением ‘отвращения’ и ‘ревности’). Важно также, что, как было продемонстрировано, языковая приемлемость эмоций, хотя отчасти и мотивируется их этической оценкой, ни в коей мере с ней не совпадает.

7. Перспективы дальнейших исследований

В качестве одного из направлений дальнейших исследований было бы интересно сравнить показатели приемлемости эмоций в разных языках. Построение подобных иерархий для разных языков дало бы возможность выявить универсалии и различия в межъязыковой концептуализации эмоций. Можно предположить, что эмоции ‘благодарность’ и ‘радость’, с одной стороны, и ‘отвращение’, с другой, будут располагаться в разных концах спектра в большинстве языков[9]. Что касается ‘страха’, ‘грусти’, ‘стыда’, ‘обиды’, ‘гордости’, ‘гнева’ и прочих промежуточных эмоций, то можно себе представить, что их место в иерархии приемлемости обнаружит значительные межкультурные различия. Какие-то языки могут в большей степени, чем русский язык, ограничивать проявление отрицательных эмоций; можно предположить, что для некоторых языков окажется важным различие между активностью и пассивностью эмоции; вероятно, что для многих языков будет важно отношение говорящего к эмоциям, выражающееся в модальных рамках соответствующих эмоциональных слов.

Например, в качестве предварительного предположения можно высказать следующее: для английского языка коэффициенты у ‘обиды’ и ‘грусти’ будут ниже, чем для русского, а у ‘гнева’ и ‘радости’ — выше (в соответствии с установкой на более активное поведение и позитив). Кроме того, можно предположить, что коэффициенты у ‘стыда’ и ‘жалости’ в английском будут еще ниже, чем в русском (в соответствии с ориентацией на то, чтобы не говорить плохо ни о себе, ни о собеседнике).

Помимо межъязыковых исследований, использование предложенного метода может, как нам кажется, быть полезным для внутриязыкового сравнительного исследования различных эмоций, в частности зависимости между характером эмоции и предпочтительными средствами ее языкового выражения. Некоторые наблюдения в этой области уже были сделаны выше, в первую очередь по поводу того, что касается степени языковой приемлемости эмоции и способностью обозначающего ее существительного употребляться в конструкции *Хочу выразить свой Z*, а также способности обозначающего ее глагола употребляться в конструкции *Я Z-ю*. Кроме того, обсуждалась связь между способностью эмоционального слова обозначать беспричинную эмоцию и его способностью употребляться в конструкции с безличным предикативом *Мне Z-о*. Представляется, что наличие синтетического каузатива также в какой-то степени обусловлено семантикой эмоционального слова. Интересно, что наиболее «выразимая» и при-

---

[9] Так, в английском языке коэффициент эмоции ‘благодарность’ также равен 80 %; ср. *I would like to express my gratitude* ⟨*thankfulness*⟩ (8 очков), *I thank you* (3 очка); *I am grateful* ⟨*thankful*⟩ (4 очка), *It fills me with gratitude* ⟨*thankfulness*⟩ (1 очко) : 16 (реальное количество реализаций) : 20 (потенциальное количество реализаций) × 100 % = 80 %.

емлемая эмоция — ‘благодарность’ — не обладает синтетическим каузативом, и даже аналитический каузатив *У меня это вызывает благодарность* ⟨*признательность*⟩ менее употребителен, чем, скажем, аналитические каузативы у эмоции ‘отвращение’ (*У меня это вызывает отвращение* ⟨*омерзение*, *гадливость*, *брезгливость*⟩)[10]. Если рассмотреть возможность образования синтетических каузативов у разных обозначений эмоций, то мы увидим, что они не связаны со степенью приемлемости эмоции (поскольку у ‘благодарности’ они отсутствуют). Далее, они, как ни странно, не полностью обусловлены степенью мотивированности эмоции, поскольку образуются и у мотивированных эмоций (**беспричинное восхищение — восхищать*), и у таких, которые могут возникать без внешнего стимула (*беспричинная радость — радовать*)[11].

Синтетические каузативы в русском языке имеются в кустах эмоций ‘радость’, ‘гнев’, ‘страх’, ‘удивление’, ‘грусть’, ‘обида’ и отсутствуют в кустах ‘благодарность’, ‘ревность’, ‘зависть’, ‘жалость’, ‘презрение’, ‘отвращение’. Куст ‘стыд’ занимает промежуточное положение: в нем встречается только один синтетический каузатив — *смущать*. Интересно, что это совпадает с данными английского языка, за тем исключением, что в английском ‘отвращение’ тоже имеет синтетический каузатив. Что же объединяет эмоции в первой группе и чем они отличаются от второй? Наше предположение состоит в том, что в число эмоций, индукция которых может описываться при помощи синтетического каузатива, входят в первую очередь так называемые базовые эмоции, т. е., согласно [Ekman 1999], — ‘радость’, ‘гнев’, ‘страх’, ‘удивление’, ‘грусть’ и ‘отвращение’ (в русском ‘отвращение’ не располагает синтетическим каузативом, однако в английском он имеется). Некоторые исследователи включают в число базовых эмоций также ‘стыд’, который по признаку наличия синтетического каузатива занимает промежуточное положение. «Культурные» эмоции — ‘благодарность’, ‘ревность’, ‘зависть’, ‘жалость’, ‘презрение’, а также не рассматриваемые в данной работе ‘надежда’ и ‘отчаяние’ не обладают синтетическими каузативами. С чем это может быть связано?

С одной стороны, в семантике эмоционального каузатива присутствует представление о некотором объективном воздействии на экспериенсера, которое не может не сопровождаться эмоциональной реакцией. Это не то же самое, что наличие стимула. Так, эмоции ‘благодарность’, ‘ревность’, ‘зависть’, ‘жалость’, ‘презрение’, ‘надежда’, ‘отчаяние’ не возникают без стимула — не бывает **беспричинной благодарности* ⟨*надежды*, *сострадания*, *ревности*⟩ и т. п. — по крайней мере, в сознании экспериенсера сти-

[10] Заметим, что в английском языке у ‘отвращения’ есть каузатив — *to disgust smb.*, в то время как у ‘благодарности’ его тоже нет.

[11] Ср. также английские синтетические каузативы *to sadden* ‘вызывать грусть’, *to depress* ‘вызывать депрессию’ от названий эмоций, которые могут быть беспричинными.

мул должен присутствовать. Более того, для эмоций этих групп мало характерны безличные предикативные конструкции типа *Мне Z-о*, которые свойственны менее мотивированным эмоциям, поскольку описывают чисто внутренние состояния, без указания на стимул.

С другой стороны, в число базовых эмоций включаются те, которые, как принято считать, являются эволюционно закрепленными ответами человечества на некоторые наиболее часто встречающиеся стимулы. Таким образом, базовая эмоция — это, так сказать, неизбежная эмоциональная реакция на некоторый тип стимула, которая способствует выживанию. Не удивительно, что для выражения индукции базовых эмоций в языке используется синтетический каузатив, включающий указание на объективность стимула и неизбежность эмоционального ответа.

При этом те стимулы, которые вызывают не-базовые эмоции ‘благодарность’, ‘ревность’, ‘зависть’, ‘жалость’, ‘презрение’, ‘надежда’, ‘отчаяние’, не представляются, ни с точки зрения эволюции, ни с точки зрения языка, достаточным основанием для непременного эмоционального ответа, в большей мере являясь предметом личной и культурной вариативности.

Литература

Апресян 2004 — Ю. Д. Апресян. Словарные статьи ВОСХИЩАТЬСЯ, СЕРДИТЬСЯ, СТЫДИТЬСЯ // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М., 2004.

Вежбицкая 1996 — А. Вежбицкая. Язык, культура, познание // Русские словари. М., 1996.

Шаронов 2008 — И. А. Шаронов. Междометия в речи, тексте и словаре. М., 2008.

Ekman 1999 — P. Ekman. Facial Expressions, in Handbook of Cognition and Emotion. 1999.

Konstan 2006 — D. Konstan. The Emotions of the Ancient Greeks. 2006.

Stets, Turner 2008 — J. E. Stets, J. H. Turner (eds.). Handbook of the Sociology of Emotions. Springer Verlag, 2008.

Wierzbicka 1994 — A. Wierzbicka. ‘Cultural scripts’: a semantic approach to cultural analysis and cross-cultural communication // Pragmatics and Language Learning. Vol. 5. 1994.

Wierzbicka 1999 — A. Wierzbicka. Emotions across Languages and Cultures. Cambridge, 1999.

Summary

The paper suggests a hierarchy of 14 clusters of Russian emotions with respect to their linguistic acceptability. The following clusters are considered: ‘joy’, ‘sadness’, ‘anger’, ‘pity’, ‘shame’, ‘pride’, ‘surprise’, ‘fear’, ‘resentment’, ‘disgust’, ‘gratitude’, ‘jealousy’, ‘envy’, ‘contempt’, with up to ten subtypes of emotion in each cluster (e. g., *pity,*

sympathy, compassion, concern, sorry, to pity, to sympathize for the ‘pity’ cluster). The level of linguistic acceptability of emotions is determined by means of a corpus study, on the basis of emotion words usage in various types of test constructions which elicit the degree to which the speaker is ready to acknowledge experiencing one or another emotion. This research demonstrates that the most acceptable Russian emotion is ‘gratitude’, whereas the least acceptable is ‘disgust’; ‘joy’ is also a highly acceptable emotion, along with another positive emotion, ‘pride’, though the latter had only recently ascended from the lower parts of the hierarchy. The less acceptable emotions include those which occur as a result of one’s own bad actions (‘shame’) or somebody else’s (‘anger’, ‘resentment’). In the course of research, certain connections have been established between the type of emotion and its preferred means of linguistic expression. In particular, it has been demonstrated that basic emotions are the likeliest to possess synthetic causatives in Russian (*to gladden, to frighten, to anger, to sadden, to surprise*).

Ключевые слова: эмоции в языке, языковая приемлемость эмоций, языковой этикет, выражение эмоций, эмоциональные каузативы, базовые эмоции.

Keywords: emotions in language, linguistic acceptability of emotions, linguistic etiquette, expression of emotions, emotional causatives, basic emotions.

Е. В. БЕШЕНКОВА, О. Е. ИВАНОВА

СЛОЖНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ И СОЧЕТАНИЯ С ПРИЛОЖЕНИЯМИ КАК ОБЪЕКТ ОРФОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ*

Потребности практики обусловливают для орфографии как науки актуальность особого способа интерпретации материала — в виде правил. Сложные существительные русского языка — это одна из самых неблагополучных областей русского письма, которая имеет наиболее противоречивые варианты кодификаций и в словарной форме, и в форме правил. До настоящего времени исследователи предлагают свои системы правил для этого участка орфографической кодификации. Одна из последних концепций изложена в работе [Еськова 2009], где для решения проблем правописания последовательно применяется принцип цельнооформленности слова, положенный в основу орфографического противопоставления слитных и дефисных написаний сложных существительных. Однако, по признанию автора, «предлагаемые правила вносят значительные изменения в то, что принято сейчас» [Там же: 67], то есть затрагивают сформировавшиеся орфографические нормы и навыки. Авторы же настоящей статьи исходят из намерения описать реально существующие орфографические феномены — современный лексический материал и правила его распределения, придерживаясь мнения о нежелательности и несвоевременности в настоящее время каких-либо изменений в правописании.

Изложенный в данной статье подход к описанию орфографии сложных существительных в виде правил имеет следующие отличительные черты:

1) весь массив материала классифицируется таким образом, что становится возможно по формальным признакам выделить те сферы написаний, для которых могут быть созданы правила, и те написания, для которых правила созданы быть не могут (см. 3.2), и поэтому единственным способом кодификации здесь является орфографический словарь;

2) одно из исходных положений состоит в том, что — как для правильного письма, так и для его описания в виде правил — не требуется разли-

* Работа выполнена при финансовой поддержке ОИФН РАН, грант 2009—2010 «Проблемы кодификации нормы в русском языке начала XXI в.».

чать сложные существительные и сочетания существительных с приложениями, т. е. исключается тот этап лингвистического анализа, который допускает неоднозначность оценок, поскольку расхождения в понимании границ между сложным существительным (словом) и сочетанием существительного с приложением значительны;

3) по всем пунктам правил принципиально важно выявление полного списка исключений, охватывающих как целые категории слов (напр., существительные, называющие сложные единицы измерения; существительные — названия жителей, образованные от имен собственных, пишущихся через дефис, и пр., ниже такие категории слов помещаются в списки исключений-подправил), так и отдельные слова;

4) внесение изменений в существующие написания слов не предполагается, притом что авторы рассчитывают на эффективность данного описания при установлении орфографической формы для новых существительных русского языка;

5) орфографическое описание материала в форме правил требует обязательного определения содержания и объема используемых понятий (таких как, например, *соединительные гласные*, *сложносокращенное существительное*, *приложение*, *неизменяемое определение*);

6) существенным компонентом данного фрагмента описательной орфографии является комментарий к тем формулировкам правил и анализируемому материалу, которые имеются в различных справочниках и пособиях.

Все сложные существительные русского языка (точнее — типы существительных и их сочетаний, которые традиционно включаются в своды орфографических правил, современные справочники по правописанию и учебные пособия) подверглись формальному анализу и на его основе — формальной классификации по целому ряду материально выраженных показателей, достаточно разнородных, хотя и легко опознаваемых. С помощью этих показателей удалось поделить весь лексический материал практически без остатка. К ним относятся следующие: наличие соединительной гласной; наличие усеченной основы (основ) в сложном образовании[1] (сложносокращенные слова); характер финали первой части сложного образования — на гласную или на согласную; иноязычное происхождение части сложного образования; склоняемость или несклоняемость первой и второй части; самостоятельное употребление части сложного образования (способность употребляться как самостоятельное слово); препозиция или постпозиция одной из частей сложного образования; собственный или нарицательный характер имени в составе сложного образования; формальный или семантический повтор основ сложного образования; словообразовательная производность от слов с определенным написанием.

[1] Используем этот термин, имея в виду весь материал, состоящий как из сложных слов, так и сочетаний слов, притом что границы между этими объектами подчас очень неопределенны.

Материал статьи подается в следующем порядке.

1. Сложносокращенные существительные (*бортинженер*, *спортинвентарь*).
2. Сложные существительные с соединительной гласной (*музееведение*, *семяпочка*).
3. Сложные существительные без соединительной гласной и сочетания с приложением.
   3.1. Сложные существительные с первой иноязычной частью, оканчивающейся на гласную и самостоятельно не употребляющейся (*авиа, гигро, нано, поли*).
   3.2. Сложные существительные с первой частью, оканчивающейся на согласную, в которых одна или обе части самостоятельно не употребляются (*бэк-вокал, бэкграунд, гран-па, гранпасьянс*).
   3.3. Сложные существительные и сочетания с однословным приложением, если в их состав входят самостоятельно употребляющиеся существительные и вторая часть склоняется (*гриль-бар, дансинг-зал, пальто-пелерина, шоу-бизнес*).
   3.4. Сочетания с постпозитивным неизменяемым определением (*стиль кантри, суп харчо, язык хинди*).
   3.5. Сочетания с препозитивным приложением и несклоняемым главным словом (*меццо-сопрано, бард-кафе*).
   3.6. Сложные существительные с первой несклоняемой частью, оканчивающейся на гласную, самостоятельно употребляющейся, и второй частью, самостоятельно не употребляющейся (*бебиситтер*).
4. Сочетания с именем собственным.
   4.1. Сочетания с приложением, содержащие имя собственное на первом месте (*Илья-пророк, Медведь-гора*).
   4.2. Сочетания с приложением, содержащие имя собственное на втором месте (*старик Державин, город Москва*).
5. Производные от дефисно пишущихся существительных (*унтер-офицерство*, *хард-рок-группа*).
6. Парные сочетания существительных (*имя-отчество, вопросы-ответы*).
7. Сложные существительные, имеющие форму словосочетаний со служебным словом (*иван-да-марья*).

1. Сложносокращенные существительные

Правило. **Сложносокращенные существительные пишутся слитно**, напр. *блокпост*[2], *бортпроводник*, *бортврач*, *бортинженер*, *бухучет*, *ветсаннадзор*, *вещмешок*, *взрывпакет*, *взрывснаряд*, *газлифт*, *главбух*, *госзаказ*, *депкорпус*, *детсад*, *дипкорпус*, *домработница*, *драгметаллы*, *драмкружок*, *жилплощадь*, *завскладом*, *заградотряд*, *земснаряд*, *инвалюта*, *индпошив*, *канцтовары*, *кибермашина*, *кожизделие*, *молзавод*, *натуроплата*, *пионервожатый*, *спортинвентарь*, *травмпункт*, *туроператор*, *физкультминутка*, *шефмонтаж*, *штрафзона*, *штрафстоянка*, *юннат*.

[2] Подчеркнутые слова имеют двоякую лингвистическую интерпретацию, см. об этом в комментарии ниже.

Исключения[3]: пишутся через **дефис** некоторые единичные[4] сложносокращенные существительные, напр. *масс-старт*, *риелт-бюро*, *стрип-...* (*-бар*, *-балет*, *-клуб*, *-тианцовщица*, *-шоу*), *физкульт-привет, физкульт-ура́*, *эротик-шоу*, *яхт-гавань*, *яхт-клуб*.

Определение: сложносокращенным называется сложное существительное, образованное без соединительной гласной, в котором усечение одной или обеих его частей осуществляется безотносительно к морфемному членению слова.

Примечание 1. Сложносокращенные слова следует отличать от графических сокращений типа *н. э., т. е., и т. д., и др., и т. п.* Графические сокращения при чтении «расшифровываются», например *н. э.* читается как «наша (новая) эра». К графическим сокращениям относятся и написания типа *зам. директора, зав. сектором,* сложносокращенными словами являются написания *замдиректора, завсектором, завклубом.*

Примечание 2. В словах *конференц-зал, аудиенц-зал* первая основа является усеченной (ср. *аудиенци-я, конференци-я, конференци-онный*), но эти слова не принято относить к сложносокращенным. Исторически это объясняется тем, что они появились в результате заимствования, а не образовались в русском языке. Однако на синхронном уровне это является формальным ограничением определения. Также не считают сложносокращенными все слова с первой основой слов на *-ия, -ий, -ие* и соединительной гласной, в которых гласная *и* усечена, напр. *анархия — анархо-синдикалист.*

Комментарий 1. Первая часть сложносокращенного слова может представлять собой часть основы (*воентехник,* ср. *военн-ый*; *теорфизика,* ср. *теоретическ-ий*), часть корня (*индпошив,* ср. *индивиду-альный*), может быть равна корню (*драмкружок,* ср. *драм-а*) и при этом может совпадать по внешнему облику с отдельным словом (*взрывпакет, домработница, спортинвентарь*). В случае совпадения первой части с отдельным словом имеет место формальное неразличение сложносокращенного слова и сложного слова, состоящего из частей — самостоятельно употребляющихся существительных, ср., например, *спортклуб* и *джаз-клуб, туроператор* и *интернет-провайдер.* Для некоторых слов возможна двоякая словообразовательная мотивация: *спортклуб* — это и спортивный клуб и клуб для занятий спортом, *пионервожатый* — пионерский вожатый и вожатый пионеров, *томат-паста* — томатная паста или паста из томатов, *допинг-контроль* — допинговый контроль и контроль допинга, и т. д. и т. п.

Слова данного типа относятся к переходным явлениям между аббревиацией и словосложением (см. [РГ-80, I: § 589]) и, как и многие другие

---

[3] В рубрику «Исключения» помещаются отдельные слова, в рубрику «Исключения-подправила» — группы однотипных слов, написание которых противоречит сформулированному правилу.

[4] При установке на исчерпывающий характер списков исключений авторы все же не могут считать эти списки окончательными.

переходные явления, по-разному квалифицируются разными исследователями. Трактовка слова как сложносокращенного или сложного зачастую представляет собой результат индивидуальной лингвистической интерпретации, основывающейся на словообразовательных связях слова, традиции его понимания, истории бытования и этимологии. Например, обе первые части слов *блокпост* и *блок-пункт* соотносятся со словом *блокирующий*, однако первое слово скорее воспринимается как сложносокращенное, а второе — как просто сложное. Можно предположить, что решающим фактором в данном случае оказывается закрепившееся написание: слитно написанное слово «прочитывается» как сложносокращенное, а написанное с дефисом — как сложное существительное с первой частью, совпадающей с самостоятельным словом (см. 3.3). Возможность двоякой лингвистической трактовки одних и тех же слов проявляется на письме в виде сосуществующих узуальных вариантов и даже различных нормативных вариантов в словарях. Так, «Русский орфографический словарь» (далее — РОС) рекомендует дефисное написание слова *блок-аппарат* (ср. *блок-пункт*), а «Толковый словарь иноязычных слов» Л. П. Крысина рекомендует слитное написание *блокаппарат* (ср. *блокпост*).

Комментарий 2. Языковая ситуация последних десятилетий характеризуется значительной активизацией процесса появления новых слов. Слова приходят и пополняют словообразовательные гнезда. Пишущий оказывается в ситуации, когда он не может опереться ни на историю бытования слова, ни на словообразовательные связи. Например, *турпоход, турпоездка* традиционно трактуются как сложносокращенные слова, полученные из сокращения прилагательного *туристический* и существительных *поход* и *поездка*. Однако в последние десятилетия получило распространение слово *тур* в значении «турне, путешествие», поэтому слова, появившиеся в это время, воспринимаются не как сложносокращенные, а как сложные слова с первым элементом, совпадающим со словом, а такие слова пишутся с дефисом. Поэтому в практике письма возникают написания типа *тур-менеджер*. Еще пример. «Старые» слова с первой частью *эконом-*, понимаемой как сокращение слова *экономический* в знач. «относящийся к экономике, связанный с экономикой», пишутся слитно и естественно воспринимаются как сложносокращенные — *экономгеография*, *экономполитика*, *экономразвитие*. В РОС к ним добавилось слово *экономкласс*, в котором первая часть мотивируется скорее словами «экономия» и «экономный», а не «экономический». Его написание уже колеблется в узусе — частотно встречаются дефисные написания *эконом-класс*. В написании вновь возникающих слов, в которых первая сокращенная часть расшифровывается уже как «относящийся к уровню экономкласса», т. е. «бюджетный = экономный, малозатратный» — *эконом-такси*, *эконом-парикмахерская*, *эконом-сервис*, *эконом-панель*, — сегодня явно преобладает вариант с дефисом.

Приведенные выше слова, в которых первая часть материально совпадает с отдельным полным словом (*спорт*, *тур*, *взрыв*, *эконом*), можно бы-

ло бы рассматривать не как сложносокращенные, а как сложные слова по правилу 3.3 (см. ниже). От такого шага удерживает не только распространенность традиционной трактовки некоторых из этих слов как сложносокращенных, но и то обстоятельство, что для упомянутого правила эти и им подобные слова будут являться исключениями. В этом случае количество исключений увеличивается и границы правила размываются. Другая возможность — вывести слова этого типа из зоны действия правила, признав, что их написание можно определить только по словарю, тем более что сами нормализаторы все больше закрепляют дефисное написание. Однако представляется более перспективным оставить возможность для постепенного перехода к слитному написанию.

2. Существительные с соединительными гласными

Правило. **Сложные существительные с соединительными гласными *о* или *е* (а также гласными *а, и, я* на стыке корней) пишутся слитно,** напр. *паровоз*, *бактерионоситель*, *птицеферма*, *вишнеслива*, *волколис*, *религиоведение*, *музееведение*; *сорокалетие*, *вертихвостка*, *семяпочка*.

Исключения-подправила.

1. Пишутся через **дефис** существительные, называющие сложные единицы измерения[5], напр. *вагоно-час*, *тонно-миля*, *птице-место*, *машино-место*, но: *трудодень*, *трудочас*.

2. Пишутся через **дефис** существительные, называющие промежуточные части света, напр. *северо-запад*, *юго-восток*, *юго-юго-запад.*

3. Пишутся через **дефис** существительные, называющие политические партии и направления и их сторонников, напр. *анархо-синдикализм, анархо-терроризм.*

Исключения. Пишутся через **дефис** некоторые единичные существительные с соединительной гласной, напр. *угро-финны*, *финно-угры*, *татаро-монголы*, *перекати-поле*, *славяно-русизм*, *греко-латинизм*, *устели-поле*, *устели-камень*.

Примечание 1. К сложным существительным с соединительной гласной относятся слова со связанной второй частью *-оид*, напр. *европеоид, эллипсоид*.

Примечание 2. В современных текстах, словарях и энциклопедиях наблюдается вариативность в написании сложных существительных, указывающих на национальность или принадлежность какой-либо социальной группе, напр. *галло(-)римляне*, *итало(-)римляне*, *итало(-)швейцарцы*, *германо(-)швейцарцы*, *франко(-)швейцарцы*, *балто-финно-славяне*, *шведо(-)финны*,

[5] Простые единицы измерения включают в себя обозначение количества единиц измерения — *килограмм* (=тысяча грамм), *гигакалория*, *миллилитр* — и пишутся по правилу слитно.

англо(-)канадцы, *англо(-)американцы*, *афроамериканцы*, *афросамураи*. К сожалению, лишь немногие слова этого типа отмечаются в академическом РОС, однако для всех включенных в него подобных слов рекомендуется слитное написание: *англосаксы*, *балтославяне*, *грекокатолики*, *евроазиаты* (кроме *финно-угры* и *татаро-монголы*). Согласно правилу все слова с соединительной гласной должны писаться слитно.

Комментарий 1. К соединительным гласным в школьной традиции относят обычно лишь гласные ***о*** и ***е*** (*водомер, грузоподъемник, грязелечебница, мореплаватель, воздухоплаватель*), та же точка зрения в [Розенталь, Джанджакова, Кабанова 1994: § 40; Валгина, Светлышева 1993: 52—53; Кайдалова, Калинина 1998: 99 и др.]. РГ-80 к соединительным гласным (в терминологии РГ-80 — интерфиксам) относит также гласные ***и, а***(***я***) (т. I, § 585). Гласная ***и*** выступает в словах с первой частью, производной от числительных (*пятиборец, осьминог,* кроме *трезубец, треножник, треуголка, треугольник, тренога, треух*), от глагола (*болиголов, вертишейка, вертихвостка, вырвиглаз, горицвет, держидерево, косисено, скопидом, сорвиголова, шумиголова*) и некоторых других (*дозиметр, велосиметр, велосипед*). Гласная ***а***(***я***) выступает в словах с первой основой *сорока, полутора, полутораста, себя* и в словах с основой на *-мя* (кроме *знаменосец*[6]*, пламегаситель, сороконожка, сорокоуст, сорокопут*).

Комментарий 2. Иногда сложно определить, принадлежит ли конечная гласная ***о*** или ***е*** корню или является соединительной гласной. Так, например, в слове *мореплаватель* выделение именно соединительной гласной в сложном слове, а не понимание его как сложения с первым словом на *-е*, выявляется на основе сравнения с другими типами основ в данной модели, напр., ср. *воздухоплаватель*. Для несклоняемых слов с корнем на *-е, -о* типа *кофе, кино* академическая грамматика предлагает двоякую трактовку конечной гласной: «Интерфикс *-о-*(*-е-*) совмещается с финалью основ несклоняемых слов на гласную (*радиорубка, метромост, киномеханик, кофеварка, вездеход*) и усеченных основ на гласную (*телепередача, мотобол, стереовидение*)» [РГ-80: § 585, прим. 2]. В то же время первая часть *соло* в слове *соло-вексель* может интерпретироваться как отдельное слово без соединительной гласной [Правила 2006: § 120], хотя значение всего слова *соло-вексель* — «единичный вексель» — вполне позволяет рассматривать ***о*** как соединительную гласную (корень *сол-* со значением «единичный, один»), ср. однокоренные слова *солист, солировать, сольный, сольник*. Поскольку слова данного типа являются переходными явлениями в языке, они неоднозначно трактуются исследователями и носителями языка, что приводит к возникновению разных написаний сложных слов с одной и той же первой частью, таковы, например, современные разнонаписания: *кофезаменитель, кофемашина, кофемейкер* и *кофе-брейк, кофе-*

[6] Слово можно трактовать и как результат наложения совпадающих слогов (знаме*но-но*сец) при основе с наращением *-ен-* и соединительной гласной *-о-*.

пауза, кофе-порошок; эхокардиограмма, эхолокация, эхолот и *эхо-импульс, эхо-камера, эхо-метод.* Как и в случае со сложносокращенными словами, возможность двоякой трактовки приводит не только к узуальной вариативности, но и к различной кодификации в словарях, ср. *эхо-волна, эхо-резонатор, эхо-сигнал* (РОС) и *эховолна, эхорезонатор, эхосигнал* в «Толковом словаре русского языка» под ред. Н. Ю. Шведовой (2007).

Комментарий 3. Иногда вызывает затруднение определение статуса второй части слова: является ли она корнем или суффиксом. Слова со второй частью *-ификация* не считаются сложными (в пособии [Валгина, Светлышева 1993: 53]), а в [РГ-80: § 962] считаются. Вторая часть на *-оид* (*-еид*), *-оидальный* (*-еидальный*): *ромбоид, дифтонгоид, европеоид, металлоид, кристаллоид, коллоид, параболоид, целлулоид, гуманоид, негроид, эллипсоид, трапецоид; ромбоидальный, циклоидальный, сфероидальный, синусоидальный, трапецеидальный* (*е* после *ц*) в РГ-80 трактуется как суффикс [РГ-80: §§ 400, 619, 622], хотя признанию за компонентами *-оид-*, *-оидальн*(*ый*) статуса суффиксов иногда мешает этимология, так как вторая часть восходит к греческому слову *eidos* «вид». Трактовка компонентов *-лог, -граф, -дром, -ман, -фил, -фоб* и др. не вызывает разногласий — все они считаются связанными корнями.

3. Сложные существительные без соединительной гласной, сочетания с приложением и с неизменяемым определением

3.1. Правило. **Сложные существительные с первой частью, иноязычной по происхождению, оканчивающейся на гласную и самостоятельно не употребляющейся, пишутся слитно.** Примеры таких первых частей: *авиа, авто, агро, акро, антропо, астро, аэро, бальнео, бати, био, варио, вело, гекто, гелио, гео, гетеро, гигро, гомо, дека, деци, зоо, изо, инфра, кило, кино, крипто, макро, мега, мета, метео, микро, милли, мото, мульти, нано, нейро, нео, орто, палео, пара, пери, пиро, поли, прото, санти, теле, тетра, ультра*[7], *экзо, эко, эндо.*

Исключение-подправило 1. Пишутся через **дефис** существительные, называющие сложные единицы измерения, напр. *авто-час.*

Исключение-подправило 2. Пишутся через **дефис** существительные с первой частью *вице-*[8], напр. *вице-канцлер, вице-президент, вице-премьер.*

---

[7] Согласно словарям *ультра* — это не только первая часть сложных слов (или, в другой трактовке, приставка), но и несклоняемое существительное со значением «экстремист». В настоящее время отмечаются также употребления этого слова как постпозитивного неизменяемого определения: *коллаген ультра*.

[8] Рассматриваем *вице-* в качестве первой части слова, хотя известна ее трактовка как приставки, напр., в РОСе.

Исключения. Пишутся через **дефис** некоторые единичные существительные, напр. *агни-йога, альма-матер, ашихара-карате, дата-центр, синти-поп, хмели-сунели, буги-вуги, ноу-хау.*

Примечание. Традиционно относимые к этой группе *вело, гомо, теле* в современном русском языке могут рассматриваться и как членимые, состоящие из корня и соединительной гласной, поскольку появились слова *велик, телик, гомик*, что позволяет выделить корни *вел, тел, гом* и продуктивный суфф. *-ик-*. Слитное написание этих компонентов со второй частью определяется, таким образом, двумя правилами (2 и 3.1).

Комментарий 1. Обычно к данному правилу относят и многие другие иноязычные компоненты на гласные, напр. *бензо, вибро, космо, психо, фоно, фото*. Однако в этих компонентах легко выделяется соединительная гласная (ср. *бензин, вибрация, вибрировать, космический, психический, психастения, фонить, фотка* и т. д.), поэтому они объясняются правилом о написании слов с соединительной гласной (2). Принятое в ряде работ (например, в [Правила 2006]) включение компонентов с соединительной гласной в общий перечень первых иноязычных частей на гласную, с одной стороны, позволяет не выделять корень, т. е. упрощает задачу, но, с другой стороны, увеличивает список первых иноязычных частей, смешивая разнородные явления и делая его необозримым. (Можно было бы признать эти слова пишущимися по двум правилам: это будет методически удобно, хотя лингвистически и не совсем корректно.)

Комментарий 2. Приведенная формулировка правила отличается от формулировок, содержащихся и в [Правила 1956], и в [Правила 2006], и во многих учебниках, тем, что в нее введено указание на неупотребляемость первой части в качестве отдельного слова. В [Правила 1956] содержится перечисление некоторых первых частей сложных слов без какой-либо характеризации. В [Правила 2006] они также не получают никакой лингвистической характеристики. В нашем случае понятие первой части уточняется — ограничивается несколькими признаками (финаль на гласную, иноязычность, отдельная неупотребляемость), что позволяет не применять его к словам *макси, мини, миди*, а также ко многим другим самостоятельным иноязычным словам с финалью на гласную (типа *аудио, видео, диско, медиа, порно, радио*, см. правило 3.3, искл. 3).

3.2. Написание сложных существительных с первой частью, оканчивающейся на согласную, в которых одна или обе части самостоятельно не употребляются, определяется по орфографическому словарю.

С **дефисом** пишутся, напр., *ар-нуво, арт-проект, аудиенц-зал, айс-ревю, биг-бенд, биг-бит, бич-волей, бом-брамсель, бэк-вокал, бэк-офис, бэрбоут-чартер, брам-рей, брам-стеньга, вант-путенс, вант-трос, воленс-ноленс, воутинг-трест, гафель-гардель, глиттер-рок, гоф-маршал, гран-па, Гран-при, грин-карта, гуд-бай, далай-лама, данс-группа, камер-лакей, конфе-*

ренц-зал, лейб-гвардия, обер-аудитор, социал-реформатор, статс-дама, штабс-капитан.

Слитно пишутся, напр., *арккосинус, аутсайдер, бейсбол, бельканто, бельэтаж, бигмак, бизнесвумен, бизнесмен, бичбол, бойскаут, бойфренд, бонтон, брамшкот, брандвахта, брандмейстер, бультерьер, бундесбанк, бэкграунд, бэкслеш, бэкхенд, ватерлиния, ватерполо, вахтпарад, виндроуэр, виндсерфинг, гакблок, гандбол, гауптвахта, герольдмейстер, гранпасьянс, грейпфрут, обертон, омметр, фельдмаршал, фотограмметрия.*

Примечание. В группе слов, написание которых определяется не правилом, а словарем, регулятором написания, ограничивающим орфографический хаос, становится влияние ближайшего прецедента. Для сложных слов это влияние слов с той же первой или второй частью. Группы слов с одинаковой первой или второй частью стремятся к единообразному написанию. Так, все слова на *-арт* пишутся с дефисом: *боди-арт, бук-арт, комикс-арт, мейл-арт, нейл-арт, соц-арт, спрей-арт* (кроме *видеоарт, фотоарт, наноарт,* пишущихся по правилу написания слов с соединительной гласной, см. 2). Группы, в которых зафиксировано разное написание слов с одинаковыми элементами, чаще всего в практике письма испытывают значительные колебания в написании. Так, слова со второй частью *терьер,* пишутся слитно и через дефис: *бультерьер, питбультерьер, тойтерьер, фокстерьер, скотчтерьер, эрдельтерьер — бедлингтон-терьер, бордер-терьер, вестхайленд-терьер, йоркшир-терьер.* В практике письма, в энциклопедиях написания пород собак иногда варьируются, ср. *вельш-терьер* и *вельштерьер.*

Комментарий. Данное правило представляет собой тот фрагмент лексического состава сложных существительных, который орфографически описывается не конкретным правилом в строгом смысле этого слова, а по существу множеством индивидуальных правил, установленных для каждого слова в отдельности. Это то, что в различных источниках называют «традиционным написанием слов», «написанием по словарю», «словарным порядком» определения написания, «индивидуальными орфографическими нормами» [Иванова 2007: 161—162]. В [Правила 1956] указание на наличие слов, написание которых описывается не правилами, а словарем, содержится среди общих правил слитного и дефисного написания, а не в разделе о сложных существительных и включает указание на иноязычный характер слов: «Написание слитное и через дефис сложных иноязычных слов устанавливается в словарном порядке» (§ 76). Авторы справочника [Правила 2006], напротив, посвящают таким словам отдельный параграф, но без указания на иноязычность лексики (§ 121). Если в [Правила 1956] формальные признаки существительных вообще не указывались, а [Правила 2006] выделяют «словарные слова» как остаток от всех тех, написание которых поддается регулированию правилами (ср.: «…во всех прочих случаях (не охваченных § 119—120) слитное или дефисное написание существительных регламентируется в словарном порядке» [Правила 2006]), то

предлагаемое правило (3.2) впервые приводит те существенные языковые показатели, которые специфичны для слов, пишущихся по словарю: 1) первая часть слова имеет финаль на согласную, 2) одна или обе (редко — три) части слова отдельно не употребляются.

Учебники и пособия по орфографии по-разному отражают саму проблему сосуществования двух типов написаний — по правилам и по словарю, а также объем словарного материала. В [Кайдалова, Калинина 1983] говорится о слитно пишущихся «сложных терминах» без соединительной гласной типа *бильдаппарат, ваккуумприбор, бормашина*, правописание которых определяется по словарю (§ 40, примеч. с. 92); пособие [Валгина, Светлышева 1993: 62] отмечает отсутствие «единства написания» многих заимствованных слов, но при этом не ссылается на словарь; справочник Розенталя [Розенталь, Джанджакова, Кабанова 1994: 42], отмечая колебания «между слитным и дефисным написанием слов иноязычного происхождения» (*крепдешин — креп-жоржет*), вовсе не указывает на словарный характер многих написаний; «Новый справочник» И. Б. Голуб представляет проблемы орфографии сложных существительных в столь редуцированном виде, что в нем аспект словарного регулирования их написаний не упоминается вообще [Голуб 2008].

3.3. Правило. **Сложные существительные и сочетания с однословным приложением, если в их состав входят самостоятельно употребляющиеся существительные и обе части или только вторая часть склоняется, пишутся через дефис**, напр. *агент-банк, альфа-частица, атташе-кейс, аудит-контроль*[9]*, баба-яга, барокко-рок, бас-гитара, бета-распад, бизнес-партнер, бизнес-тур, блок-аппарат, блок-диаграмма, вакуум-аппарат, вектор-функция, вираж-фиксаж, гала-концерт, гамма-телескоп, генерал-директор, гольф-клуб, грамм-молекула, гриль-бар, дан-синг-зал, дельта-импульс, джаз-группа, диван-кровать, дизайн-модельер, диско-бар, допинг-контроль, драп-велюр, дубль-диез, жар-птица, жокей-клуб, икс-лучи, имидж-проект, индекс-шифр, интернет-магазин, кран-балка, крафт-бумага, крем-пудра, крем-сода, кремень-баба, креп-жоржет, луна-парк, лор-терапия, лор-врач, люмпен-пролетариат, макси-юбка, миди-юбка, мини-юбка, модерн-танец, национал-социалист, радикал-социалист, пальто-пелерина, реглан-рукав, унтер-офицер, флигель-адьютант, фронт-офис, шеф-повар, штаб-квартира, шоу-бизнес.*

Исключения-подправила.

1. Пишутся **слитно** сложные существительные, являющиеся названиями химических соединений, напр. *бромкамфора, хлорвинилэтил, этиленгликоль.*

---

[9] Подчеркнутые слова допускают двоякую лингвистическую трактовку — как сложные и как сложносокращенные, см. об этом подробнее в комментарии к п. 1.

2. Пишутся **слитно** сложные существительные со следующими первыми частями на гласную, которые являются самостоятельно употребляющимися существительными: *видео, медиа, метро, порно, радио, ретро, фото, техно, этно* (а также некоторые слова с первыми частями *кофе-, эхо-*, см. п. 2, комментарий 2).

3. Пишется **раздельно** сочетание двух нарицательных существительных, выражающих родовое и видовое понятие, напр. *рыба треска, минерал лазурит.*

4. Пишутся **раздельно** а) сочетания слова *месяц* с названиями месяцев (*март месяц, месяц март*), б) сочетания названий нот с названиями тональностей (*до мажор, ми минор*), в) сочетания со словами *товарищ, господин, наш* (*ваш*) *брат,* г) слова *отец, мать, матушка* в сочетаниях *отец настоятель, матушка игуменья.*

Исключения. Пишутся **слитно** некоторые сложные существительные, состоящие из самостоятельно употребляющихся существительных, напр. *бормашина, вымпелфал, дельтаклуб, дельтаплан, лотлинь, люфтклозет, люфтпауза*, *планкарта, фальцаппарат*, *фронтпроекция*, *четвертьфинал*, *шлюпбалка, шторм-трап*, *электронвольт*, *ялбот.*

Определение. Приложением называется определение, выраженное именем существительным.

Комментарий 1. [Правила 1956], учебники и многие справочники прошлых лет рекомендуют раздельное написание сочетаний с предшествующим приложением. Но за прошедшее время практика письма изменилась: через дефис стали писаться и препозитивные и постпозитивные приложения. Эту практику письма отражают современные школьные учебники[10], последние академические правила [Правила 2006], другие лингвистические работы [Лингвистические основы кодификации 2009: 72].

Комментарий 2. Иногда в определение приложения включают требование согласованности по падежу между определяемым и определением, то есть к приложениям относят только склоняющееся в данном сочетании слово (*красавица-дочь* — род. п. *красавицы-дочери*)[11]. Иногда же это требование не включается в определение, тогда к приложениям относят и не склоняющиеся в данном сочетании существительные (*чудо-богатырь* —

[10] «Если одиночное согласованное и определяемое существительные являются именами нарицательными, то они соединяются дефисом» [Бабайцева 1997]. Примеры: *мороз-воевода*, *береза-свечка*, *чайки-рыболовы*, *громада-город).* Примеры из РГ-80: *инженер-водник*, *лес-легенда*, *женщина-космонавт*, *книга-ветеран*, *сын-красавец*, *брат-учитель.*

[11] «Выраженное согласованным существительным определение принято называть приложением [РГ-1979: 800]; «Существительное-приложение согласуется с определяемым словом в падеже» [РГ-80: II, 58]; «Приложение — определение, выраженное именем существительным, как правило, согласованное с главным словом в падеже» [Юминова 2008: 9].

род. п. *чудо-богатыря*, *бой-баба* — род. п. *бой-бабы*)[12]. В справочнике [Кайдалова, Калинина 1998: 100] среди сложных существительных приводятся примеры типа *дом-музей, кафе-кондитерская, школа-интернат, вагон-выставка, вагон-ресторан, завод-автомат, село-усадьба, избушка-времянка*. В других учебниках эти и подобные единицы характеризуются как сочетания существительных с приложением. Такое расхождение в понимании языковой сущности единиц (при их однотипном орфографическом оформлении) обусловило наш подход — объединение в одном правиле проблем написания сложного существительного и сочетания существительного с приложением, поскольку для правописания данное различие не является содержательным.

Комментарий 3. Иногда выделяют особую группу исключений: «Не присоединяется дефисом приложение, обозначающее национальность и местожительство ⟨…⟩ *немец лакей, мальчик эвенк, цыганка старуха, земляки свердловчане,* но если первое существительное является субстантивированным прилагательным, то дефис ставится (чтобы избежать двоякого толкования текста): *учащиеся-англичане, рабочие-итальянцы, нищий-француз»* [Кайдалова, Калинина 1998: 101]. Однако изучение практики письма позволяет утверждать, что и сочетания типа *англичанин*(-)*мудрец* чаще пишутся через дефис, напр. *И через немца-переводчика объявили, что мальчиков расстреляют; Фигуристы-французы всегда отличаются эмоциональностью катания; В отряд испанцев каким-то чудом затесался англичанин-пират; К нам присоединился эксцентричный богач-англичанин.* Ср. примеры из [Розенталь 1985: 102—103]: *немец-путешественник, учитель-француз*.

Комментарий 4. Группа исключений, в которую входят сочетания, обозначающие родовое и видовое понятие, отмечается практически всеми справочниками. Иногда она ограничивается природными объектами [Правила 2006: 127]. Говоря о соотношении «род — вид», авторы приводят примеры слов, выражающих более дробное членение на виды и подвиды, напр. *антилопа сайгак* [Кайдалова, Калинина 1998], *попугай какаду, обезьяна макака, газ углерод, нитки мулине, застежка «молния», ткань бостон, леденцы монпансье, суп харчо* [Розенталь 1985: 103]. При этом отмечается дефисное написание для многих слов, в которых «вторая часть не служит самостоятельным видовым обозначением». Действительно, реальное написание слов этого типа сильно колеблется, но все больше устанавливается дефисное написание при описании подвидов, даже если вторые части могут употребляться самостоятельно в том же значении, напр. *дель-*

---

[12] «Приложение — ⟨…⟩ определение, выраженное именем существительным. ⟨…⟩ Связь между определяемым и определяющим при П. может быть более или менее слитной. В случае наибольшей слитности П. (обычно препозитивное) теряет способность к падежному изменению и ведет себя как часть сложного слова: «царь-девица», «жар-птица» [ЛЭС].

фин-афалина (=*афалина*), *антилопа-сайга* (= *сайга*). Поэтому в п. 4 исключений из данного правила были оставлены именно словосочетания, выражающие отношения «род — вид», хотя в реальной речи они встречаются довольно редко (ср. *Жила-была в море рыба треска*; *Меркнут знаки Зодиака / Над просторами полей. / Спит животное Собака, / Дремлет птица Воробей...* (Н. Заболоцкий) — **В лесу растут деревья дубы*; **мебель стол*).

3.4. Правило. **Сочетания с постпозитивным неизменяемым определением, выраженным существительным или прилагательным, пишутся раздельно**, напр. *платье мини, юбка макси, кофе глясе, конфеты ассорти, котлеты де-воляй, куры гриль, сумка клатч, суп харчо, стиль либерти, бумага верже, нитки мулине, купальник бикини, шляпа сомбреро, цирк шапито, ресторан бистро, дети индиго, стиль кантри, шоу латино, язык хинди, время пик, час икс.*

Исключения. Пишутся через **дефис** некоторые сочетания с постпозитивным несклоняемым приложением, напр. *бас-буфф, гитара-бас, крепгофре* (хотя *юбка гофре*), *опера-буфф, программа-максимум, программа-минимум, шкаф-купе, суп-пюре, театр-варьете, театр-буфф, театр-кабаре, ресторан-кабаре.*

Иллюстративный материал — слова, частотно выступающие в роли постпозитивного неизменяемого определения:

ажур, альпари, апплике, брутто (*брутто-оборот, брутто-прибыль, брутто-тонна — вес брутто, масса брутто*), *гала* (*концерт гала*), *ин-кварто, ин-октаво, ин-фолио* (*книга ин-фолио*), *микст* (*микст-инфекции, микст-зона — игра микст, вагон микст, класс микст*), *нетто* (*нетто-оборот, нетто-экспортер, нетто-продажа — масса нетто, вес нетто, баланс нетто*), *онлайн* (*онлайн-опрос — общение онлайн*), *плаке* (*посуда плаке*), *травести* (*травести-артисты — роль травести*), *трико, факсимиле*;

<u>языки</u>: *банту, галла, гуарани, кикуйю, коми, манси, маори, маратхи, мунда, пали, пехлави, пушту, суахили, телугу, урду, фарси, хинди, хиндустани, эсперанто*;

<u>народности:</u> *азанде, гаро, ибанаги, иджо, комо, лаху, лису, непали, сиу, тулу, эве*;

<u>цвета</u>: *индиго, маренго, металлик, мокко, терракот, хаки, экрю, электрик*;

<u>стили:</u> *ампир, граффито* (*сграффито*), *граффити* (*граффити-художник — фото граффити, рисунок граффити*), *кантри, либерти, модерн, неодада, попурри, ретро, рококо, сафари, техно, этно, фэнтези, шератон*;

<u>одежда, ткани:</u> *букле, клёш, гофре, реглан, плиссе, галифе, апаш, джерси, пике, стретч* (*джинсы стретч*);

<u>кулинария</u>: *глясе* (*кофе глясе*), *латте, ристретто, моккачино, провансаль, харчо, фри* (*картофель фри*), *соте* (*баклажаны соте*), *безе* (*пирожное безе*), *гриль* (*гриль-аппарат — куры гриль*), *карри (приправа карри), пашот* (*мясо пашот*);

муз. термины: *анданте, андантино, ажитато, аллегретто, аллегро, анимато, аппассионато, вибрато, виваче, граве, кантабиле, ларгетто, ларго, легато, ленто, маэстозо, меццо, модерато, остинато, пиано, пианиссимо, пикколо, пиццикато, пиччикато, престиссимо, престо, ритенуто, стаккато, стретто, сфорцато, форте, фортиссимо.*

Примечание. В практике письма существует значительное колебание в написании слов с ясно определяемыми отношениями «вид — подвид», ср. *шляпа-канотье, шляпа-сомбреро* и *шляпа канотье, шляпа сомбреро*, *шкаф-купе и шкаф купе.* Это колебание находит отражение и в словарных кодификациях, например, в своем словаре З. Н. Потапурченко рекомендует дефисное написание *суп-харчо* [Потапурченко 2000]. Несмотря на эти колебания в данном правиле рекомендуется раздельное написание на основании несомненных случаев типа *переменная икс, час пик.*

3.5. Правило. **Сочетания с препозитивным приложением и несклоняемым главным словом пишутся через дефис**, напр. *меццо-сопрано, бард-кафе, рок-кафе, дизайн-бюро, балет-ревю.*

Комментарий к правилам 3.1—3.5.

В [Правила 1956] содержится такая формулировка: «Пишутся через дефис: 1. Сложные существительные, имеющие значение одного слова и состоящие из двух самостоятельно употребляющихся существительных, соединенных без помощи соединительных гласных ***о*** и ***е***, например: а) *жар-птица, бой-баба, дизель-мотор, кафе-ресторан, премьер-министр, генерал-майор, Бурят-Монголия* (при склонении изменяется только второе существительное); б) *изба-читальня, купля-продажа, паинька-мальчик, пила-рыба, Москва-река* (при склонении изменяются оба существительных)» [Правила 1956: § 78]. Среди предложений, высказанных в ходе дискуссий 1954—1955 и 1962—1964 гг., было и такое — обобщающее по сути языковой материал, регулируемый данным правилом: «Образования этого типа (т. е. сложные существительные, состоящие из двух самостоятельно употребляющихся компонентов) писать через дефис, независимо от того, склоняется ли только второй или оба компонента» [Обзор 1965: 311]. Это предложение, хотя и не вызвало каких-либо возражений, тем не менее так и не получило признания и распространения. В дальнейшем авторы учебников и справочников пошли двумя путями: одни авторы, отказавшись (полностью или частично) от формальных критериев, выделяют разные семантические группы слов[13], другие авторы выстраивают правило на

[13] Например, в «Словарике школьника» правило сформулировано так: «Сложные имена существительные без соединительных гласных, обозначающие названия механизмов, а также различные научные, технические и общественно-политические термины, принято писать через дефис: ⟨…⟩. Также пишутся через дефис следующие группы слов: сложные единицы измерения: ⟨…⟩, составные названия политических партий и направлений, а также их сторонников ⟨…⟩, названия про-

формальном критерии, используя семантические группы в качестве критериев вспомогательных[14]. Правила, построенные на семантическом критерии, являются слишком фрагментарными, неполными, в них практически отсутствует такое важное свойство как алгоритмизованность применения. Что касается уточнения формальных критериев, то до сих пор оно касалось только первой части сложных существительных. Но, во-первых, введение в формулировку правила типа склонения первой части самого правила не уточняет, во-вторых, не всегда просто определить, склоняется или не склоняется первая часть[15]. Значимым же остается только статус составной части сложного образования как самостоятельного слова, а тип склонения не играет роли в выборе способа орфографической записи.

В предлагаемых выше формулировках правил введено требование склоняемости второй части. Это требование обусловлено необходимостью обеспечить объяснение для разного написания сочетаний типа *макси-юбка* и *юбка макси*, *реглан-рукав* и *рукав реглан*, *индиго-дети* и *дети индиго, брюки-слаксы* и *брюки клеш.* Склоняемость второй части предполагает дефисное написание. Если вторая часть сочетания не склоняется, то надо определить ее роль в сочетании: постпозитивное неизменяемое определение пишется раздельно (правило 3.4), препозитивное при несклоняемом главном слове — дефисно (правило 3.5). При этом несклоняемость как нулевой тип склонения (*меццо-сопрано*) и несклоняемость слова в данном конкретном контексте (*рукав реглан, рукава реглан*) не различаются.

В [Правила 2006] о сочетаниях типа *брюки клеш* говорится так: пишутся раздельно «сочетания с неизменяемыми определениями, следующими после существительных, напр.: *юбка плиссе, юбка клеш, пальто реглан, костюм хаки...*» [Правила 2006: 128]. Но остается непонятным, какая языковая сущность стоит за термином «неизменяемое определение»: либо это неизменяемые прилагательные в роли определения, либо несклоняемые существительные в роли определения, то есть приложения. В словарях, действительно, многим словам этого типа приписывается двойная характеристика: *нескл.* и *неизм*. Но данные словарей зачастую существенно варьи-

---

межуточных стран света ⟨…⟩, сложные слова, в которых к основному слову присоединяется слово с оценочным значением: *бой-баба*, *горе-руководитель*, *рубаха-парень*, термины, в состав которых входят названия букв» [Грузберг 2006: 6—7]. Также [Валгина, Светлышева 1993: 59 и сл.].

[14] В [Правила 2006] введено более подробное описание первой части: она характеризуется по параметру склоняемости/несклоняемости, с подтипами: несклоняемая часть выражена: 1) несклоняемым существительным типа *кафе,* 2) существительным в им. п. ед. ч. с ненулевым окончанием типа *горе,* 3) существительным в им. п. ед. ч. с нулевым окончанием типа *адрес* [Правила 2006: § 120].

[15] М. В. Панов писал: «Недостатки этого правила в том, что оно ⟨…⟩ требует анализа, склоняется ли первая часть словосочетания, а этот анализ не всегда однозначен» [Панов 2004: 556].

руются. Так, например, слово *травести* в «Грамматическом словаре» А. А. Зализняка имеет помету неизменяемого прилагательного, а в РОС это и неизменяемое прилагательное, и несклоняемое существительное. Главная же трудность заключается в том, как определить, что мы имеем в данном конкретном случае: неизменяемое прилагательное-определение или несклоняемое существительное-приложение, и, соответственно, какое правило применить. Например, сочетание *брюки клеш* может быть разобрано синтаксически как сочетание существительного с приложением (так как *клеш* может быть существительным, напр. *носить клеш, клеш не всем идет*) и тогда должно писаться через дефис, как *брюки-дудочки, брюки-слаксы*. Но слово *клеш* имеет в словарях также и помету «неизменяемое прилагательное», и тогда оно должно писаться раздельно. Кроме того, написания типа *час икс, буква альфа* должны были бы писаться только через дефис. Введение критерия несклоняемости для приложения в роли второй части позволяет четко определить эту группу слов и объяснить ее раздельное написание (см. правило 3.4).

3.6. Правило. **Сложные существительные с первой несклоняемой частью, оканчивающейся на гласную, самостоятельно употребляющейся, и второй частью, самостоятельно не употребляющейся, пишутся слитно**, напр. *бодибилдинг*, *бетатрон, бебиситтер, татумейкер, техноданс.*

Исключения: *боди-арт, видео-арт, нано-арт, фото-арт.*

4. Сочетания с именем собственным

4.1. Правило. **Сочетания с приложением, содержащие имя собственное на первом месте, пишутся через дефис**, напр. *Илья-пророк*, *Николай-угодник*, *Ильмень-озеро*, *Маша-болтушка*, *Иван-царевич*, *Медведь-гора*, *Сапун-гора*, *Москва-река*, *Москва-матушка*, *Волга-матушка*, *Бейкер-стрит*, *Гайд-парк*, *Зевс-громовержец*, *Варанген-фьорд*, *Царевна-несмеяна.*

4.2. Правило. **Сочетания с приложением, содержащие имя собственное на втором месте, пишутся раздельно**, напр. *старик Державин*, *старуха Изергиль*, *крошка Цахес*, *болтушка Маша*, *проказник Петя*, *царевич Иван*, *гора Медведь*, *озеро Ильмень*, *город Москва*, *село Марьино.*

Исключения: *матушка-Волга.*

Комментарий. В [Правила 1956] устанавливается раздельное написание компонентов «в сочетании имени нарицательного со следующим за ним именем собственным» (*резвушка Маша*, § 79, п. 14, примеч. 3), тогда как сочетания с именем собственным на первом месте (*Маша-резвушка*) никак не выделены внутри группы «определяемое слово + однословное приложение», включающей также и нарицательные наименования (*мать-старуха*). В целом данная норма поддерживается в новых академических

правилах [Правила 2006], где отдельно оговаривается, что сочетания с собственными именами типа *старик Державин, крошка Цахес, простак Ваня* «обычно пишутся раздельно» (§ 120).

5. Производные от дефисно пишущихся существительных

Правило. **Существительные, образованные от существительных, пишущихся с дефисом, пишутся через дефис**, напр. *генерал-майорша* (от *генерал-майор*), *унтер-офицерство*, *хард-рок-группа* (от *хард-рок*), *мега-тест-драйв* (от *тест-драйв*), *женщина-летчик-космонавт.*

Исключение-подправило. Пишутся **слитно** существительные — названия жителей, образованные от имен собственных, пишущихся через дефис, напр. *ньюйоркцы* (от *Нью-Йорк*), *ореховозуевцы* (от *Орехово-Зуево*), *костариканцы*, *устькаменогорцы*.

Исключение. Пишутся **слитно** следующие существительные: *зюйдвестка* (от *зюйд-вест*), *пингпонгист* (от *пинг-понг*), *сальтоморталист* (от *сальто-мортале*), *шахермахерство* (от *шахер-махер*), *яхтклубовец* (от *яхт-клуб*).

6. Парные сочетания существительных[16]

Правило. **Парные сочетания существительных синонимического, ассоциативного или антонимического характера, согласованных по падежу, пишутся через дефис,** напр. *друг-приятель* (*друга-приятеля*), *житье-бытье, имя-отчество, вопросы-ответы*, *вилки-ложки.*

7. Сложные существительные, имеющие форму словосочетаний со служебным словом

Правило. **Сложные существительные, имеющие форму словосочетаний со служебным словом, пишутся через дефис**, напр. *иван-да-марья, мать-и-мачеха*[17], *не-тронь-меня*[18], *ночь-и-день*.

---

[16] Материал, который охватывается рамками данного пункта, полностью входит в самостоятельный раздел орфографического описания — правописание лексических единиц, построенных на разного рода повторах, и поэтому в данной статье он только обозначен.

[17] В РГ-80 *мать-и-мачеха* отнесено к разряду слов с интерфиксами (соединительными гласными) [РГ-80: § 585].

[18] Служебное слово как элемент структуры сложного образования представлен также в лексических повторах *веришь-не-веришь*, *любишь-не-любишь*, *точь-в-точь*, *всего-то-навсего*.

В заключение хочется подчеркнуть, что в предлагаемой системе описания орфографии сложных существительных и сочетаний с приложениями существующие написания слов не меняются, а вновь образуемые или заимствуемые слова при установлении их орфографической формы попадают в сферу описания предложенных выше правил на основе примененных критериев. Данные критерии, характеризуемые признаками непротиворечивости и неизбыточности, позволили определить те зоны, в которых возникают правописные варианты сложных существительных, и предложить для них лингвистически обоснованные единообразные написания. Среди применяемых критериев нет сложных понятий, требующих глубоких лингвистических знаний, таких, которые не могли бы использоваться обычным пишущим, не имеющим лингвистического образования. В то же время описание не потребовало и привлечения критериев, которые в лингвистике не имеют однозначного понимания.

Литература

Бабайцева 1997 — В. В. Бабайцева. Русский язык. Теория. 5—9 классы. М., 1997.

Валгина, Светлышева 1993 — Н. С. Валгина, В. Н. Светлышева. Орфография и пунктуация. Справочник. М., 1993.

Голуб 2008 — И. Б. Голуб. Новый справочник по русскому языку и стилистике: Учеб. пособие. М., 2008.

Грузберг 2006 — А. Грузберг, Л. Грузберг. Слитно? Раздельно? Через дефис? Екатеринбург, 2006.

Еськова 2009 — Н. А. Еськова. Слитные/дефисные написания существительных и цельнооформленность слова // Лингвистические основы кодификации русской орфографии. М., 2009. С. 59—68.

Иванова 2007 — О. Е. Иванова. Правописания наречий: правила и словарь // Рус. яз. в науч. осв. 2007. № 2 (14). С. 147—163.

Кайдалова, Калинина 1983 — А. И. Кайдалова, И. К. Калинина. Современная русская орфография: Учеб. пособие для вузов. 4-е изд., испр. и доп. М., 1983.

Кайдалова, Калинина 1998 — А. И. Кайдалова, И. К. Калинина. Современная русская орфография. М., 1998.

Лингвистические основы кодификации 2009 — Лингвистические основы кодификации русской орфографии: теория и практика / Под ред. В. В. Лопатина. М., 2009.

ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Обзор 1965 — Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII—XX вв.). М., 1965.

Панов 2004 — М. В. Панов. О дефисных написаниях // Труды по общему языкознанию и русскому языку. М., 2004. Т. 1. С. 554—559.

Потапурченко 2000 — З. Н. Потапурченко. Слитно или раздельно? Правописание сложных слов // Большой словарь русского языка. М., 2000.

Правила 1956 — Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1956.

Правила 2006 — Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. М., 2006.

РГ-1979 — Русская грамматика. Прага, 1979.

РГ-80 — Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1980. Т. I.

Розенталь 1985 — Д. Э. Розенталь. Справочник по правописанию и литературной правке: Для работников печати. 4-е изд., испр. и доп. М., 1985.

Розенталь, Джанджакова, Кабанова 1994 — Д. Э. Розенталь, Е. В. Джанджакова, Н. П. Кабанова. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1994.

РОС — Русский орфографический словарь / Под ред. В. В. Лопатина. 2-е изд., испр. и доп. М., 2005.

Юминова 2008 — Е. В. Юминова. Пунктуация. Простое предложение. Материалы для самостоятельной работы старшеклассников при подготовке к ЕГЭ. Ч. 1 // Библиотечка «Первого сентября». Вып. 19. М., 2008. (Русский язык.)

Summary

The paper proposes a new approach to the spelling of compound nouns — one of the most problematic areas of Russian orthography. These nouns are a source of difficulty for both orthographic dictionaries and prescriptive manuals. The traditional spelling of these nouns is based on the distinction of compound words and appositive noun combinations. The distinction is too fine for ordinary users. A different method of dealing with the problem is proposed in the article; it takes into account various formal features of Russian compounds. On the basis of formal criteria, lexical material is divided into two classes: one in which the spelling is governed by simple formal rules, and one in which the words must be codified individually in the dictionary.

Ключевые слова: орфография, кодификация, правила орфографии, словарь, сложные существительные.

Keywords: codification of orthography, spelling, dictionary, compound nouns.

Л. Л. КАСАТКИН

ИЗ ИСТОРИИ АКАНЬЯ — ЯКАНЬЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. Что такое аканье

Аканье присуще всем говорам Южного наречия русского языка и значительной части среднерусских говоров. Свойственно оно и литературному языку.

Первые указания на аканье относятся к XVIII в. А. Д. Кантемир в рукописном русско-французском словаре (1737 г.) отметил: «Дворяне и те, кто им подражает, часто заменяют О на А в начале и в середине слов; например говорят: *агурец*, *акошко*, *пападья*, *башмак* на месте *огурец*, *окошко*, *попадья*, *бошмак*» [Успенский 1994: 200]. В. К. Тредиаковский в «Разговоре между чужестранным человеком и российским об ортографии» уточнил: «В московском выговоре все (о) неударяемые за (а) произносятся. Пример: *малако* вместо *молоко*. Сие наблюдение есть без изъятия» [Тредиаковский 1748: 398; см. также 148—149, 305, 368; 1849: 273; см. также 207]. М. В. Ломоносов в «Российской грамматике» указывал: «Московское наречие не токмо для важности столичного города, но и для своей отменной красоты прочим справедливо предпочитается, а особливо выговор буквы *о* без ударения, как *а*, много приятнее» [Ломоносов 1952: 430].

В XIX в. стал употребляться термин «аканье». Н. И. Надеждин в 1841 г. использует термины «аканье» и «оканье» как главные признаки двух основных наречий великорусского языка; см.: [Оссовецкий 1961: 17]. М. А. Максимович видел различия в аканье, он выделяет рязанское наречие, которое «обращает *о* без ударения в дебелое *а*», и московское наречие, которое «обращает *о* без ударения в лёгкое *а*» (1839); см.: [Даль 1852/1978: XLVI]. Но какова разница между этими видами аканья, М. А. Максимович не уточняет. В. И. Даль определял аканье следующим образом: «*о* без ударения везде произносится как полногласное *а*» [Там же: LXIX].

А. И. Соболевский, подводя итоги изучения русских диалектов в XIX в., аканьем называет произношение звука [а] на месте /о/ и /а/ уже не только после твёрдых согласных, но и после мягких и выделяет два типа аканья. При умеренном аканье, характерном для литературного языка и части Московской губ., «на месте древних (= орфографических) неударяемых *а* и *о* слышится: ⟨…⟩ в начале и в конце слов всегда и в середине

Русский язык в научном освещении. № 2 (20). 2010. С. 77—102.

слов после искони твёрдых согласных ⟨…⟩ непосредственно перед ударением — *а*, несколько закрытое, приближающееся к *о*», после мягких согласных — *и*. При сильном аканье, занимающем «весь великорусский юг, отчасти восток и запад», «место нашего неударяемого *а* занято тоже *а*, но более открытым, резким, произносимым отчётливо, неприятно для нашего слуха. Этот последний звук слышится также на месте наших *и* и глухого, близкого к *ы* — после *j*, мягких согласных, шипящих и *ц*» [Соболевский 1897: 10, 13]. В современной диалектологии термин «умеренное аканье» не употребляется, а «сильное аканье» употребляется как синоним «недиссимилятивного аканья».

Этапным в исследовании аканья было открытие А. А. Шахматовым в говорах Мосальского уезда Калужской губ. особого типа аканья, названного позднее диссимилятивным аканьем жиздринского типа, — произношение на месте /а/ и /о/ перед ударным [а] звука более закрытого, чем [а], а перед другими ударными гласными [а] широкого. Этот же тип аканья А. А. Шахматов обнаружил в текстах народной речи, записанных В. Н. Добровольским в говорах Ельнинского уезда Смоленской губ. [Шахматов 1896—1897]. Это было открытие в русской диалектологии зависимости в южнорусских говорах качества предударных гласных от качества ударных. Ранее диалектологи знали лишь о зависимости гласных от твёрдости/мягкости следующих согласных, характерной, главным образом, для севернорусских говоров[1]. А. А. Шахматов высказывает предположение, что обнаруженный им тип древний, из него позднее возникло недиссимилятивное аканье.

В XX в. были открыты многие типы аканья и яканья. Огромный вклад в описание большинства из них был сделан Н. Н. Дурново, который на основе собственных полевых исследований южнорусских говоров и анализа примеров, приведённых в разных описаниях говоров, классифицировал основные типы яканья и дал им названия [Дурново 1917—1918]. Эта классификация была позднее дополнена Р. И. Аванесовым [Аванесов 1949: 77—102; 1974: 143—169] и другими диалектологами, открывшими новые типы предударного вокализма.

Важным было открытие Н. Н. Дурново [Дурново 1929б: 317] и О. Б. Курило [Курило 1924; 1928], затем аспиранткой С. С. Высотского И. С. Де-

[1] В. И. Даль первый описал тип аканья и яканья, позднее названный жиздринским типом диссимилятивного аканья и яканья: в смоленском наречии «коли последующий слог под ударением, то *е*, *ѣ* переходят в *я*, а после коренного *ц*, *р*, *ш*, *щ*, *ч* в *а*. Если же в слоге под ударением будет *а*, *я*, то *е*, *ѣ* переходят в *и*, а после *ц*, *р*, *ш*, *щ*, *ч* в *ы*. Вот замечательное склонение сло́ва *дитя*: И. *дзяцё*, Р. *дзиця́*, Д. *дзяцю́*, В. *дзяцё*, Тв. *дзяцём*, П. *о дзяце́*» [Даль 1852/1978: LXXV]. С современной точки зрения в этом описании к предударным *е* и *ѣ* надо добавить *я* (В.И. Даль имел в виду буквы). Здесь впервые указана зависимость предударного гласного от ударного в русских говорах, однако это наблюдение В. И. Даля не было замечено русскими диалектологами и историками русского языка.

люсиной архаического типа диссимилятивного аканья (параллельного известному ранее архаическому типу диссимилятивного яканья), который позднее также обнаружила и описала Т. Ю. Строганова [Строганова 1955]. К. Ф. Захарова на основе анализа материалов ДАРЯ сделала важные наблюдения о происхождении и путях развития некоторых типов яканья [Захарова 1959; 1971; 1975 и др.]. К описанной Н. Н. Дурново ассимилятивной зависимости предударного гласного перед [а] в некоторых типах вокализма после мягких согласных были добавлены разные типы ассимилятивной зависимости предударного гласного после твёрдых согласных перед гласными среднего подъёма при аканье, обнаруженные Р. Ф. Касаткиной и Е. В. Щигель, а также Д. М. Савиновым [Касаткина, Щигель 1995; Савинов 2001: 212—213]. Обнаружены и описаны были и другие типы предударного вокализма в акающих говорах; см.: [Касаткин 1999: 417—424; 2002а; Чекмонас 1999] и др.

Многие исследователи XX в. характеризуют аканье как неразличение, нейтрализацию безударных /о/ и /а/; см., например: [Дурново 1924: 78; 1969: 154; Аванесов 1949: 62; Кузнецов 1960: 52; Колесов 1972: 100; Горшкова, Хабургаев 1981: 99; Иванов 1990: 203] и др.[2] Этого определения, конечно, недостаточно: то, что звуки на месте этих фонем в безударных слогах произносятся одинаково, ещё не говорит, каковы эти звуки. И диалектологи, раскрывая это определение, уточняют его в своих описаниях типов аканья: во всех этих типах произношение безударного звука [а] на месте /о/ и /а/ в некоторых позициях обязательно. Нет ни одного типа аканья, где бы на месте /о/ и /а/ в безударных слогах произносились только звуки, отличные от [а], и никогда, ни в одной позиции не произносился бы звук типа [а].

Неполнота общего определения аканья требовала уточнения. В начале 1970-х гг., когда началась работа над энциклопедией «Русский язык», Р. И. Аванесов, член её редколлегии, поручил мне написать статью об аканье и одобрил её. В этой статье я писал: «А⟨канье⟩ в узком смысле — неразличение *о* и *а* в безударном положении, совпадение их всегда или в части позиций в звуке *а*» [Энциклопедия 1979: 14]. Позднее эта формулировка с некоторыми уточнениями повторялась мною в разных энциклопедических изданиях, учебниках и учебных пособиях.

Эта формулировка соответствовала представлениям лингвистов об этом явлении: «*Аканье*, т. е. совпадение безударных **а** и **о** в одном звуке. При этом в 1 предударном слоге из **а** и **о** после твёрдых согласных по большей

[2] Некоторые лингвисты продолжали пользоваться принятым ранее определением: «Так как чаще всего неударяемому предударному и заударному “о” северновеликорусских говоров соответствует в южновеликорусских — звук “а”, то эту черту южных диалектов называют “áканьем”» [Ерёмин, Фалёв 1928: 31]; «*аканье*, т.е. произношение неударяемого орфографического *о* в виде *а*, напр. в*а*д*а*́» [Богородицкий 1935: 246] и др.

части бывает **а**, чем и вызвано название самого явления»[3] [Дурново 1924: 78—79]; «В акающих говорах одни и те же гласные произносятся различно в зависимости от того, находятся они под ударением или не под ударением, и в зависимости от того, в котором слоге перед ударяемым или после него они находятся. По одному частному случаю этого широкого явления, а именно потому, что в известных случаях на месте буквы *о* произносится [а], всё явление условно называется в науке *аканьем* — словом, взятым из уст народа» [Ушаков 2009: 189]; «Под умеренно акающими ⟨говорами⟩ понимают такие, в которых звук, близкий к *а*, является на месте *о* и *а* лишь в первом предударном слоге, а в остальных слогах (кроме начала слова) на месте этих гласных является редуцированный гласный. Под сильно акающими понимаются такие, в которых *а* на месте *о* и *а* является в любом безударном слоге» [Кузнецов 1948: 29].

Однако появились статьи С. В. Князева, в которых опускается эта вторая и главная особенность аканья, оно характеризуется лишь как «нейтрализация гласных фонем неверхнего подъёма в безударных слогах в звуках, качество которых может зависеть от позиционных условий» [Князев 2000: 87; 2001: 8], или как «нейтрализация безударных гласных (всех? — *Л. К.*), которая может осуществляться в любом (!) звуке» [Князев, Шаульский 2007: 210][4]. Из такой подмены значения термина делаются далеко идущие выводы.

А. А. Шахматов высказал принятое и многими другими исследователями аканья предположение, что перед возникновением аканья все гласные неверхнего подъёма в безударных слогах редуцировались и совпали в звуке типа [ə]. Позднее в 1-м предударном слоге перед всеми ударными гласными, кроме гласных верхнего и верхне-среднего подъёма, произошло изменение [ə] в [а]. С этого момента и считается начало существования аканья. Так, А. А. Шахматов относил к восточнорусской эпохе «редукцию гласных *а*, *о*, *е* в неударяемых слогах» и «зависевшее от неё аканье, т. е. переход редуцированной гласной в неударяемом слоге в *а*» [Шахматов 1915: 330—331]. П. С. Кузнецов писал: «Многие лингвисты, и уже давно, рассматривают аканье (в широком смысле) как результат редукции гласных в безударном положении, но именно как результат, а не как самоё редукцию. Так по существу рассматривал в генетическом плане аканье и Шахматов. И при всём различии в деталях, и весьма существенных деталях, такое понимание аканья следует признать соответствующим действительному положению вещей» [Кузнецов 1964: 33]. С. В. Князев же, исходя из своего определения аканья как нейтрализации /о/ и /а/, осуществляющейся в любых звуках, относит начало аканья к моменту совпадения без-

[3] По произносимому звуку и обозначающей его букве названы и другие типы безударного вокализма: оканье, яканье, иканье, еканье (эканье), ёканье.

[4] С. В. Князев и Е. В. Шаульский приписывают эту формулировку Р. И. Аванесову, однако тот никогда такого не говорил и не писал.

ударных гласных неверхнего подъёма в [ə] (он использует для обозначения этого звука знак [ъ]) [Князев 2000: 97—100].

Одним из важных вопросов истории аканья является вопрос о том, какой тип аканья возник раньше — диссимилятивное аканье или недиссимилятивное. А. А. Шахматов считал, что при возникновении аканья оно было диссимилятивным, а позднее на части территории диссимилятивное аканье заменилось недиссимилятивным. Эта точка зрения поддерживается большинством диалектологов и историков языка.

С. В. Князев, назвав этап совпадения безударных гласных в [ъ] аканьем, пишет о том, что это было аканье недиссимилятивное, из которого позднее произошло диссимилятивное аканье [Князев 2000: 97—100; 2001: 19—23; 2003: 97—99][5]. Таким образом, вопрос о том, какой тип был первичным, решается С. В. Князевым иначе, чем А. А. Шахматовым и большинством диалектологов и историков русского языка. Однако это основано на неверном понимании С. В. Князевым самого термина «аканье».

Не всякая нейтрализация гласных неверхнего подъёма в безударных слогах может быть названа аканьем. В окающих говорах отмечаются случаи произношения предударного [о] на месте /а/: *рукова́*, *брола́*, *глоза́*, *зобра́л'и*, *поха́т'* и т. п. Некоторые диалектологи, описывая эти случаи, высказывали предположение, что в системах этих говоров произошла нейтрализация /о/ и /а/ в предударном [о] [Русская диалектология 1964: 37], и называли такую систему гиперкорректным оканьем [Жуковская 1968: 6—10; Назарова 1975: 101—102] или гипероканьем [Касаткина (ред.) 1991: 17; Чекмонас 1998: 62]. Но никто не называл такую нейтрализацию аканьем. В некоторых окающих говорах известно еканье, т. е. нейтрализация гласных неверхнего подъёма после мягких согласных в 1-м предударном слоге при произношении на их месте звука [е]. Но еканье в окающих говорах тоже никто не называет аканьем или его проявлением. В некоторых языках, например в английском, гласные неверхнего подъёма в некоторых безударных позициях нейтрализуются в звуке [ə], но и это явление не называют аканьем.

Таким образом, эти взгляды С. В. Князева только затемняют картину истории аканья, не добавляя к ней никаких новых данных о самом этом явлении. Эти взгляды основаны на поверхностном представлении об аканье, незнании реальных его типов[6] и ориентированы на неполные, неточные его определения.

---

[5] Вторая и третья статьи С. В. Князева представляют модификации первой статьи, повторяя одними и теми же словами одни и те же утверждения.

[6] Эти взгляды основаны на поверхностном представлении об аканье, незнании реальных его типов и ориентированы на неполные, неточные его определения. С. В. Князев знает о типах южнорусского вокализма лишь по чужим описаниям. Выводы об особенностях двух из этих типов сделаны им и Е. В. Шаульским на основе их анализа отрывков звучащих текстов, приведённых в хрестоматии [Касаткина (ред.) 1999], записанных другими диалектологами и совершенно недостаточных

Итак, **аканье — это неразличение в безударных слогах гласных фонем неверхнего подъёма при совпадении их в части позиций в звуке [а]. Аканье в узком смысле — такое неразличение /о/ и /а/ после твёрдых согласных, аканье в широком смысле — такое неразличение всех гласных фонем неверхнего подъёма после твёрдых и мягких согласных.**

2. Как возникло аканье

О причинах возникновения аканья лингвистами высказывались разные предположения. Большинством лингвистов принята теория А. А. Шахматова, который полагал, что аканье возникло в результате двух фонетических процессов. Сначала в южнорусских говорах произошло сокращение длительности всех безударных гласных среднего и нижнего подъёма, в результате чего они совпали после твёрдых согласных в редуцированном гласном [ə] (А. А. Шахматов обозначал этот звук как α или ъ), а после мягких согласных в редуцированном [ə̨] (А. А. Шахматов писал — ε, употреблявшееся в начале XX в. для обозначения безударного «иррационального» [ę] закрытого; см.: [Брок 1916: 22]). Затем на следующем этапе эти [ə], [ə̨] удлинялись перед гласными верхнего подъёма [и], [ы], [у] и верхнесреднего [и͡е] — /ѣ/ и [у͡о] — /ѡ/. Это удлинение привело к изменению [ə] > [а], а [ə̨] в одних диалектах изменялся в [а], в других в [е]. Перед ударными гласными среднего и нижнего подъёмов [е], [о], [а] удлинения не было, в этой позиции так и остался [ə], а [ə̨] > [е], чаще в [и]. Это аканье было диссимилятивным[7]. Ещё позднее в части южнорусских говоров произошло обобщение предударного гласного [а] в 1-м предударном слоге перед всеми ударными гласными. Так возникло сильное аканье; см.: [Шахматов 1896—1897; 1915: 331—343; см. также: Дурново 1924: 188—190].

ввиду их краткости для каких-либо серьёзных обобщений: д. Губарево Семилукского р-на Воронежской обл. — 2 минуты 15 секунд звучания; с. Бояновичи Хвастовичского р-на Калужской обл. — 4 минуты 54 секунды звучания [Князев, Шаульский 2007: 215—220]. Однако эти неверные представления об аканье и его истории уже проникают в пособия для вузов; см.: [Галинская 2005/2009: 143, 154, 155].

[7] Следует иметь в виду, что причиной происхождения этого типа аканья не могла быть диссимиляция — стремление говорящих, сознательное или бессознательное, расподобить подъёмы гласных. Диссимиляция — лишь результат фонетических процессов, происходящих в определённых позициях, но она никогда не является их причиной. «Принцип диссимилятивности в аканье состоит в том, что характер гласного звука зависит от характера гласного звука следующего слога: перед слогом с гласными верхнего подъёма или начинающимися с артикуляции верхнего подъёма старые безударные гласные среднего и нижнего подъёма дали *а* ⟨…⟩; перед слогом с гласными среднего и нижнего подъёма ⟨…⟩ являются гласные среднего или верхнего подъёма, т. е. отличные от *а*» [Дурново 1969: 157].

Эта теория была принята большинством диалектологов и историков русского языка, хотя высказывались и другие предположения: некоторые лингвисты считали, что исходным был тип сильного аканья, а диссимилятивное аканье возникло из него позднее.

Теория А. А. Шахматова вызывает множество вопросов. Причины предполагаемого им сокращения безударных гласных среднего и нижнего подъёма в безударных слогах (в результате чего они должны были совпасть в [ə] и [ə̨]), он объяснял так: «Конечно, и аканье, и редукция гласных в основании своём явления однородные ⟨…⟩; зависели эти явления от усиления экспираторной силы ударения; ударяемый слог стал произноситься сильнее, громче, чем раньше, чем в общер⟨усском⟩ праязыке; это привело к ослаблению силы слогов неударяемых, ⟨…⟩ а, о, е ⟨…⟩ потеряли свою первоначальную природу при сокращении, заменяясь гласными неполного образования: заднего ряда α и среднего ряда ε» [Шахматов 1941: 116]. Но чем было вызвано усиление этих ударных гласных, А. А. Шахматов не писал.

Высказывались предположения, что сокращение безударных гласных могло быть в результате перехода от музыкального ударения к динамическому [Трубецкой 1987: 161; Якобсон 1929: 83 и сл.; Кузнецов 1965: 152—153]. Но в языках с динамическим ударением 1-й предударный слог не обязательно резко отличен от ударного по силе и длительности. В старомосковском произношении, в среднерусских говорах вокруг Москвы, в современных окающих говорах различия между ударным слогом и 1-м предударным по длительности может и не быть или оно может быть минимальным; см.: [Аванесов 1949: 78—61; Высотский 1973: 34—41].

Неясны и причины того, что после сокращения безударных гласных среднего и нижнего подъёмов, приведшего к совпадению их в [ə] и [ə̨], произошло, по мнению А. А. Шахматова, удлинение этих звуков перед гласными верхнего и верхне-среднего подъёма. Неясно также, почему при этом [ə] > [а], [ə̨] > [а] и [и]. Звук [ə] среднего ряда среднего подъёма, он в равной степени удалён от других гласных среднего ряда: [ы] — верхнего подъёма и [а] — нижнего. В современных говорах с диссимилятивным аканьем часто отмечается произношение [ы], реже [э] наряду с [ə]: говорят не только *к*[ə]*сá*, *тр*[ə]*вá*, но и *к*[ы]*сá*, *тр*[ы]*вá*, *в*[ы]*дá*, *д*[ы]*мá*, *п*[ы]*шлá*, *х*[ы]*зя́йка*; реже *в*[э]*дá* и т. п.; см.: [ДАРЯ I, карта 2]. Возникает вопрос, почему [ə] при удлинении перешёл в [а], а не в [ы] или [э], иначе говоря, почему возникло аканье, а не ыканье или эканье? Как мог [ə̨] изменяться не в более близкий к нему [е], а в [’а] и в [и]?

О. Брок выдвинул более простое объяснение происхождения диссимилятивного аканья, но он так же, как и А. А. Шахматов, считал, что условием для его возникновения было предварительное совпадение безударных гласных в редуцированных [ə] и [ə̨], а затем произошло их изменение в предударном слоге в [а]. О. Брок предположил, что перед возникновением аканья в южнорусских говорах существовала нейтрализация гласных неверхнего подъёма после твёрдых согласных в звуке типа [ə] (Брок обозна-

чал его как [ъ], он писал также о «редуцированном α» — «переходном звуке между *а* и ъ»), после мягких согласных в звуке типа [ь], а позднее в позиции перед гласными верхнего подъёма они изменились в [а], что и привело к возникновению аканья [Брок 1916: 26, 58]. Но О. Брок связывал это изменение не с изменением ударных гласных, а с их исконным качеством, как писал об этом Н. Н. Дурново, излагая взгляды О. Брока, «тем, что в следующем ударяемом слоге в одних случаях были гласные краткие (тогда предударная гласная удлинялась), в других долгие (тогда она оставалась редуцированной)» [Дурново 1917—1918, вып. 2: 50]. Как известно, с точки зрения собственной длительности гласные верхнего подъёма краткие, гласный нижнего подъёма долгий. При диссимилятивном аканье выступает следующая зависимость: перед долгим гласным произносится краткий гласный, перед кратким гласным — долгий: *съха́ — саху́*, *с'истра́ — с'астру́* [Брок 1916: 57—59].

Теория О. Брока проще объясняет зависимость между предударными и ударными гласными, но и к ней можно отнести некоторые вопросы, возникающие при рассмотрении теории А. А. Шахматова.

Ответ на некоторые из этих вопросов я нашёл в говорах липован — старообрядцев Нижнего Подунавья.

В говоре старообрядцев села Татари́цы области Силистры Болгарии диссимилятивное аканье с обычным произношением в 1-м предударном слоге после твёрдых согласных на месте /о/, /ω/ и /а/ звука [ə] перед ударным [а] и звука [а] перед другими ударными гласными: *бəл'на́йə*, *вəйна́*, *дəва́л'и*, *məjа́*, *пəч'а́л*, *сəба́к*, *хəва́ит'*; — *бал'и́т'*, *касы́*, *вайну́*, *мəлако́*, *пам'о́р*, *пајéд'иш*, *сват'éй и т. п.* Перед ударным [а] встречается также [а]: *бара́нк'и*, *дажда́лс'ə*, *пажа́л'илс'ə*, *пакла́ду*, *сама́*, *хлапча́ты*, а также несколько более закрытый гласный [ạ]: *дурạка́ вạл'а́ть'*, *кạпа́к*, *пạкла́дут'*, *сạба́к* [Касаткин 2008а: 118].

Такое произношение [а] перед ударным [а], встречающееся и в других говорах с диссимилятивным аканьем, диалектологи объясняли влиянием литературного языка и говоров с сильным аканьем. О. Брок писал: «Для меня нет сомнения, что переход ъ > *а* в слоге предударном совершается в наши дни главным образом под влиянием извне, всего больше со стороны московского произношения» [Брок 1916: 28; см. также: Дурново 1917—1918, вып. 1: 28]. В числе примеров «отхода от традиционных систем в современных говорах русского языка под влиянием литературного языка» В. Г. Орлова и Т. Ю. Строганова рассматривали и переход от диссимилятивного аканья к недиссимилятивному [Орлова, Строганова 1968: 191—192, 196—198, 203]. Однако говор Татарицы (сейчас это Болгария, ещё раньше это была территория Румынии, а ещё раньше Турции) не испытывает такого влияния: жители села слышали раньше и слышат сейчас русскую литературную речь слишком редко, чтобы она могла вызвать подобное произношение.

Кроме того, «благодаря своей близости к системе аканья литературного языка (недиссимилятивного типа) диссимилятивное аканье изживается с

большим трудом. Его особенность — отличие в качестве предударного гласного — обычно не осознаётся говорящим. Различие [ъ] и [а] не оценивается носителем диалектной речи как значимое, и он не замечает, что произносит разные звуки перед разными ударенными гласными» [Орлова, Строганова 1968: 191−192]; «Такое аканье — там, где звуку *а* перед слогом с гласными, отличными от *а*, соответствуют перед слогом с *а* такие звуки, которые в другой позиции не встречаются и воспринимаются как звуки, более близкие к *а*, чем к другим безударным гласным того же говора. В таком случае человек при произношении объективно не может отличить эти звуки от безударного *а*, хотя произносит их иначе. Для него это варианты того же самого *а*» [Дурново 1929а: 69].

В говоре Татарицы примеры произношения [а] перед ударным [а] встречаются обычно в сильных фразовых позициях (под синтагменным или фразовым ударением), при акцентном выделении слова, эмфазе и медленном, чётком проговаривании слова. Такое распределение звуков на месте /о/, /ω/ и /а/ свидетельствует о том, что звук [а] в этой позиции не связан с отходом от диссимилятивного принципа, просто [а] и [ə] — разные просодические варианты одной и той же фонологической единицы — архифонемы /о|ω|а/, доминанта которой (основной представитель) осознаётся говорящими как [а]. Этот звук произносится при достаточной его долготе, а [ə] — при кратком его произнесении[8].

Эта же зависимость есть и в литературном языке, и в говорах с сильным аканьем: в 1-м предударном слоге на месте /о/, /а/ произносится [а], а в других безударных слогах, где звук обычно гораздо короче, — [ə]: *м*[ə]*лодóй*, *н*[ə]*писáть*, *гóр*[ə]*д*, *вы́п*[ə]*х*[ə]*л и т. п.* В беглой речи, при ускоренном темпе в литературном языке и в акающих говорах [ə] на месте [а] произносится часто и в 1-м предударном слоге перед разными ударными гласными. Быстрый темп характерен и для компрессивов — широко употребительных, высокочастотных слов, в которых и в литературном языке, и в говорах безударные гласные, в том числе и гласные 1-го предударного слога, а также и согласные не только могут сокращаться, но и вовсе отсутствовать: *д*[ə]*вáй*, *к*[ə]*(г)дá*, *п*[ə]*кá*, *п*[ə]*тóм*, *дес(я)ти́*, *т(е)пéрь* и др.

На месте [а] после мягких согласных в литературном языке при убыстрении темпа речи обычно произносится гласный среднего подъёма [е] ([е^{и}]); ср.: *от моря до моря — от мóр*[’е] *до мо̏р*[’а]; на конце фонетической синтагмы слово под синтагменным ударением, это сильная фразовая позиция, здесь конечный гласный продлён, а не в конце синтагмы — слабая позиция, здесь гласный короче, и его тембр другой.

При замедлении темпа речи на месте [ə] может произноситься более открытый гласный и в других позициях. П. С. Кузнецов писал о говоре

[8] Н. Н. Дурново приводит примеры произношения, отмеченные в г. Курске: «дъвайтя, пъпа, скъзала, стъяла, дъвай, пъзвать (реже *а* **отчетливо**: салдаты)» [Дурново 1917—1918, вып. 1: 27; выделено мной. — *Л. К.*].

с. Борки Можарского р-на Рязанской обл.: «По моим наблюдениям, во втором предударном слоге (и далее к началу слова) на месте *о* и *а* после твёрдых согласных часто наблюдается, как и в литературном языке, редуцированный гласный типа ъ, например *пълкилá*, *зъпълтарá рублú*, *мълакó*, *пън'амнóшку*, *пълажы́ла*, *ръс'с'в'алóс'* (рассвелось) и т. д. Но в этом же положении при более медленном темпе речи можно слышать и более отчётливый гласный типа звука, наблюдающегося в литературном языке в первом предударном слоге, например: *плсвамý* (по-своему), *хлпатáть* (хлопотать), — звук, несомненно, более отчётливый, менее редуцированный, чем в слове *пътписáлис'* (соседнем слове той же фразы, откуда заимствую примеры)» [Кузнецов 1948: 31—32; см. также: Щерба 1912/1983: 154—155; 1983: 56—57].

Мне неоднократно приходилось наблюдать произношение особых звуков на месте /ѣ/ и /ѡ/ лишь в сильных фразовых позициях или при эмфазе, медленном проговаривании слова, в то время как в слабых фразовых позициях произносятся те же звуки, что и на месте /е/ и /о/ [Касаткин 1999: 370, 379—381, 385—388; 2008б: 51; см. также: Дурново 1917—1918, вып. 2: 53—55; Гецова 1959: 113—117; Высотский 1975: 9; Пауфошима 1983: 7, 62].

Произнесение звука [а] требует известного напряжения артикулирующих органов: от нейтрального их положения, свойственного, в частности, речевой паузе, язык и нижняя челюсть должны опуститься вниз (гласный [а] — нижнего подъёма). Но при кратком произнесении этого звука необходимое для [а] движение органов речи не успевает произойти и органы речи остаются в пределах нейтрального положения. Это положение типично для [ə]; см.: [Щерба 1912/1983: 103]. Таким образом, **[ə] — это звук среднего ряда среднего подъёма, который произносится после твёрдых согласных на месте [а] при недостаточном времени для его реализации. После мягких согласных на месте [а] в тех же условиях краткости звука произносится упереднённый [ə̹] или [е] — гласные среднего подъёма передне-среднего или переднего ряда.**

В истории южнорусского вокализма не было двух этапов, описанных А. А. Шахматовым: сокращения безударных гласных неверхнего подъёма, приведшего к их совпадению в [ə] после твёрдых согласных и [ь] после мягких, а затем их удлинения, приведшего к изменению их в [а]. Была только такая степень редукции безударных гласных, которая привела к совпадению гласных неверхнего подъёма в [а], реализовавшийся при краткости в некоторых позициях звуком [ə] после твёрдых согласных и [е] после мягких[9].

---

[9] П. С. Кузнецов, соглашаясь с предположением А. А. Шахматова, что аканью предшествовала редукция безударных гласных, приведшая к совпадению гласных неверхнего подъёма в безударных слогах, считает, что гласным звуком, в котором совпали все эти гласные, в некоторых позициях был [ʌ], являющийся «нормой и современного литературного произношения» [Кузнецов 1964: 33]. Следует учиты-

Аканье возникло в связи с совпадением безударного [о] с [а]. По-видимому, это произошло (по крайней мере, вначале) в тех говорах, где такой [о] был в минимальной степени отличен от [а]. Подобные системы отмечены и в современных говорах, севернорусских и южнорусских. В них на месте /о/ произносится под ударением [ɔ] — гласный заднего ряда средне-нижнего подъёма слабо лабиализованный; см., напр.: [Высотский 1967: 66—81; ДАРЯ I, карта 42; Касаткин 2008б; Савинов 2008]. Даже при небольшом ослаблении напряжённости этого гласного, что свойственно безударным позициям по сравнению с ударной, различие между таким [ɔ] и [а] утрачивалось и они совпадали в одном звуке[10]. В эпоху возникновения аканья система гласных, в которой были противопоставлены [ɔ], представлявший /о/, и [ǫ], представлявший /ω/, была, безусловно, распространена гораздо шире, чем в настоящее время.

Широко распространено мнение, что в безударных позициях /о/ и /ω/ не различались, на их месте произносился один и тот же звук. Однако мною обнаружено различение этих фонем и без ударения в одном архаическом севернорусском говоре [Касаткин 2008б]. Если такое различение этих фонем было в древности и в южнорусских говорах, то на месте /ω/ под ударением в сильной фразовой позиции произносился дифтонг [y͡o], а в безударных позициях, очевидно, монофтонг — гласный верхне-среднего подъёма заднего ряда [ǫ]. Этот звук был близок к [у] и совпал с ним при ослаблении напряжённости в большей части говоров с диссимилятивным аканьем. Так, в северном (смоленском) ареале отмечено произношение: *торг*[у]*ва́ть*, *слаб*[у]*ва́тый*, *п*[у]*па́ла*, *п*[у]*ма́зать*, *п*[у]*вя́зка*, *п*[у] *мя́су*, *л*[у]*па́та*, *сам*[у]*ва́р*, *л*[у]*ма́ть*, *х*[у]*ва́ть*, *пом*[у]*га́ть*, *п*[у]*па́ша*, *без*[у]*бра́зие*, *цел*[у]*ва́ли* и др. На южной периферии диссимилятивного аканья [ǫ] сохранился в некоторых говорах как [о] или [о]-образный (лабиализованный) звук: *за др*[о]*ва́ми*, *р*[о]*жа́ли*, *зим*[о]*ва́ли*, *разг*[о]*ва́ривая*, *п*[о]*ста́вки*, *х*[о]*зя́йство*, *л*[о]*па́тка*, *м*[о]*гла́*, *п*[о]*вя́жут*, *п*[о]*ста́вят*, *п*[о]*жа́луйста*;

вать, что в современном литературном языке в 1-м предударном слоге и в некоторых других позициях произносится гласный, точнее обозначающийся как [а^{ə}] или [ạ].

[10] «Объясним изменение неударяемого *о* в *а* в южновеликорусском произношении, напр. в*ада́* из *вода́*. Для произношения гласного *о* губы выдвигаются вперёд и образуют сужение ⟨…⟩. С течением времени вся эта сложная работа губ постепенно ослабляется при произнесении неударяемого *о* и в результате переходит в пассивное или индифферентное состояние губ при среднем раскрытии рта, а при таком укладе получается уже другой гласный, именно — *а*. Из сказанного ясно, что изменение неударяемого *о* в *а* (через посредствующую стадию å [= ʌ — *Л. К.*]) произошло в направлении уменьшения работ при произношении ⟨…⟩. Если же в северновеликорусских говорах в данном неударяемом положении сохраняется *о*, то это указывает на то, что в языке-предке этих говоров гласный *о* имел более устойчивую губную артикуляцию, чем в языке-предке южновеликорусских говоров» [Богородицкий 1935: 25—26]. О некоторых других объяснениях возникновения аканья см.: [Ваахтера 2007; 2009: 67—96].

л[ъ°]*пáта*, *п*[ъ°]*вя́зывать* и др.; см.: [Строганова 1975; ДАРЯ I, карты 2, 9, 10]. Звуки [у] и [о] отмечены в этих говорах не только на месте /ω/, но и на месте /о/ и даже на месте /а/, но произношение безударного [о] на месте /а/ встречается и в окающих говорах (см. выше), эти примеры отражают, очевидно, результат нефонетической замены одних звуков другими.

Таким образом, **в южнорусских говорах процесс нейтрализации безударных гласных был связан с их ослаблением в безударных позициях. Вначале с [а] после твёрдых согласных совпал [ɔ], представлявший /о/, так возникло аканье. В этот процесс включился и [ǫ], представлявший /ω/. В западных южнорусских говорах этот процесс мог приводить не только к совпадению /о/ с /а/, но и к совпадению /ω/ с /у/ или к сохранению безударного [о] в отдельных словах.**

3. Из истории формирования типов аканья и яканья

1. А. А. Шахматов считал, что аканье возникло как диссимилятивное, а позднее в результате обобщения гласного [а] в 1-м предударном слоге перед всеми ударными гласными в части акающих говоров возникло сильное аканье [Шахматов 1915: 338—339]. Этой точки зрения придерживаются и большинство диалектологов и историков русского языка; см., напр.: [Дурново 1917—1918, вып. 2: 78; 1924: 187—193; 1969: 157; Аванесов 1952: 38—43; 1955: 29—30, 33—34; Кузнецов 1965: 153—154; Горшкова, Хабургаев 1981: 102—106; Иванов 1990: 205—209] и др. Высказывалось также предположение, что исходным был тип сильного аканья, а диссимилятивное аканье возникло из него позднее; см.: [Курило 1928; Ван-Вейк 1934—1935; Вайян 1950: 107, 234; Чекмонас 1987: 343, 346] и др. Данные современных русских говоров дают основание предполагать иное происхождение диссимилятивного и сильного аканья на разных южнорусских территориях.

Диссимилятивное аканье распространено в западных говорах Южного наречия, а сильное в восточных, а также и в среднерусских говорах и в литературном языке; см. карту в конце статьи.

Как установил О. Брок, в говорах с диссимилятивным аканьем перед кратким гласным произносится долгий гласный, перед долгим гласным — краткий. Гласные верхнего подъёма [и], [ы], [у] краткие, поэтому перед ними произносится долгий гласный [а], а перед долгим гласным [а] произносится краткий [ə] [Брок 1916: 57—59]. Эта зависимость наблюдается не только между 1-м предударным и ударным гласным, но и между гласными других слогов: «В таких говорах фонемы *о* и *а* выступают во 2-м предударном слоге после твёрдых согласных в общем варианте ъ, если в 1-м предударном слоге звучит гласный нижнего подъёма *а*, и в варианте *а*, если в 1-м предударном слоге звучит любой гласный верхнего (или среднего) подъёма: *в н*/*ъйа*/*брê*, *г*/*ъспа*/*дá*, *п*/*ъда*/*ждú*; но: *б*/*аси*/*кóм*, *г*/*алу*/*бéй* и т. п. ⟨…⟩ Если под ударением гласный нижнего подъёма *а*, то в заударном слоге пре-

имущественно наблюдается ъ, а при наличии под ударением других гласных гласные неверхнего подъёма реализуются обычно в звуке *а*: *на хýт*/*а*/*ри*, *в стóр*/*а*/*ну* при: *стáр*/*ъ*/*му*, *йáбл*/*ъ*/*ка*» [Русская диалектология 1964: 67—68]; в говоре с. Татарицы в Болгарии я отметил: *варəч'áйт'ис'а*, *пазəбрáл'и*, *панəклáл'и*, *заул'идáиш*, *пас'ид'úм*, *канцылáр'ийу*, *закуjýт'*, *дə салəвjá*, *пəкавəр'áт'* и т. п. [Касаткин, 2008а: 120; см. также: Касаткин 1999: 414].

Произношение [ə] ([ъ]) свидетельствует о краткости слога, произношение [а] — о долготе слога. Такая волнообразная ритмика слова: чередование долгих и кратких слогов — свойство многих языков. Она наблюдается и в некоторых севернорусских говорах, где «случаи выпадения и сильной редукции гласных в 1 п/у и в 1 з/у неконечном слоге и усиление и удлинение во 2 з/у на конце слова являются остатками более древней просодии слова, имевшей, вероятно, волнообразную ритмику с усилением через слог, подобную украинской» [Альмухамедова, Кульшарипова 1980: 47][11].

В соседних с севернорусскими говорами прибалтийских финских языках также наблюдается «чередование по силе чётных и нечётных слогов». От «модели фонетического слова в основной массе русских акающих говоров», отвечающей «схеме, предложенной ещё А. А. Потебнёй» (1—2—3—1), отступает «предполагаемая модель далёкого предка не только восточнославянских наречий, но и славянской группы в целом. В общеиндоевропейской системе определённого периода ⟨…⟩ одним из наиболее слабых был первый предударный слог» [Кузнецов 1964: 34—35].

О подобной ритмике слова с чередованием долгого и краткого слога в древнерусском языке свидетельствует распределение сильных и слабых редуцированных гласных [ъ] и [ь]: сильный редуцированный перед слогом со слабым редуцированным, слабый редуцированный перед слогом с сильным редуцированным и гласным полного образования. Об этом же говорит и место второстепенного ударения в слове в древнерусском языке: «Выбор слога или слогов, на которые падает второстепенное ударение, определяется несколькими факторами. Основной из них — ритмический: второстепенное ударение падает через слог вправо от главного, затем ещё одно через слог от этого второстепенного и т. д.» [Зализняк 1985: 179].

В говорах с сильным аканьем иная ритмическая структура слова. Здесь обычно гласный 1-го предударного слога по длительности мало отличается от ударного гласного и может быть даже длительнее ударного, а гласные других безударных прикрытых слогов намного короче ударного; см.: [Брок 1916: 9; Высотский 1973: 35, 40; Реформатский 1979: 42—44; Касаткина, Щигель 1995: 236—254] и др. Поэтому в 1-м предударном слоге на месте /о/ и /а/ произносится достаточно полновесный гласный [а], а в других безударных прикрытых слогах, кроме конечного открытого, — краткий [ə].

[11] О ритмике слова в украинском языке, где условная сила слогов передана цифрами (как в известной «формуле Потебни») 1—3/4—2—3/4—1—1/2, см.: [Богородицкий 1910: 317].

Такая ритмическая структура слова названа Р. Ф. Касаткиной контуром «сильный центр и слабая периферия», он характерен не только для восточных южнорусских говоров, но и для всех среднерусских, включая говоры с неполным оканьем и оканьем гдовского и полновского типов [Высотский 1973: 35, 40, группы V, VI; Касаткина 1996: 222—235]. Говоря о говорах с неполным оканьем, П. С. Кузнецов писал: «Безударный вокализм этих говоров развился, по-видимому, независимо от воздействия на них аканья» [Кузнецов 1965: 154—155].

В этих говорах на месте [ə] в результате дальнейшей его редукции часто бывает и нуль звука: *к(а)рус'е́л'*, *з:(а) доброту́*, *пəγ(о)вар'и́т'*, *пр(о)дава́т'*, *с:(о)γр'еба́л'и* и гораздо чаще в заударных слогах: *н'е́к(о)му*, *нап'и́с(а)нə*, *в'а́з(а)нəйу*, *во́л:(о)сə*, *ф ху́т(о)р'и*, *вы́р(о)с'л'и*, *с'в'о́к(о)р*, *хо́л(о)т*, *рабо́т(а)л*, *ха́тк(а) свəjя́*, *пло́х(о) мн'е* и т. п. (в скобках указаны непроизнесённые гласные). Редукция гласного до нуля широко известна в этих говорах в тех же позициях и на месте /е/, /о/, /а/ после мягких согласных. Такая редукция практически отсутствует в западных южнорусских говорах, т. е. в говорах с диссимилятивным аканьем. Изоглосса этого явления резко разделяет западные и восточные южнорусские говоры; см. карту в конце статьи, а также: [ДАРЯ I, карта 32; Кузнецов 1948: 32—33; Голубева 1985; Касаткин 2002б] и др.

Разное распределение по позициям в фонетическом слове [а] и [ə] в говорах с сильным и диссимилятивным аканьем — это различие поверхностное, тогда как глубинное, лежащее в его основе — это отличие этих говоров по ритмической структуре слова; ср.: [Войтович 1972: 39].

Различие между диссимилятивным и сильным аканьем возникло в результате реализации одной и той же фонетической модели — аканья, т. е. произношения [а] на месте безударных /о/ и /а/, в говорах с разной ритмической структурой слова, а не в результате изменения диссимилятивного аканья в сильное после аналогического выравнивания, обобщения гласного [а] перед всеми ударными гласными, как думал А. А. Шахматов [12]. В некоторых говорах с диссимилятивным аканьем действительно может происходить его замена на сильное, но это также связано с изменением ритмической структуры слов [13].

---

[12] Замена звука [ə] звуком [а] «по аналогии» невозможна в силу того, что говорящие не осознают разницы между этими звуками (см. выше).

[13] Село Кунича Флорештского района Молдавии населено русскими старообрядцами, бежавшими сюда в начале XVIII в. от преследования правительства и официальной церкви. Самая распространённая фамилия в этом селе — Донцовы, что образовано, по всей видимости, от древнего названия реки Донец (современное — Северский Донец), верхнее течение которой в Белгородской обл. В этих местах сейчас распространено диссимилятивное аканье и яканье; см. [ДАРЯ I, карты 2, 3, 8]. Но в Куниче, по моим наблюдениям, сделанным в 2010 г., у местных жителей, сохраняющих диалектные черты говора, подавляющее большинство ко-

Решение вопроса о том, какой из этих типов первичен, а какой вторичен, зависит от того, как решается вопрос о территории, на которой возникло аканье. Р. И. Аванесов считал, что «первоначальная территория акающего диалекта охватывала бассейны верхней и средней Оки и Сейма, т. е. современную курско-орловскую, тульскую и рязанскую территорию ⟨…⟩ во второй половине XII — первой половине XIII в.» [Аванесов 1955: 28; см. также: Аванесов 1952: 40, 41]. На этой территории в настоящее время распространены говоры с диссимилятивным и сильным аканьем, и очевидно, что оно и в момент своего возникновения было здесь таким же.

Возникает вопрос о причинах изменения ритмики слова в восточных акающих говорах: на месте более древней ритмики с чередованием сильных и слабых слогов в этих говорах возникает ритмика слова с сильным центром и слабой периферией. Возможно, причиной этого было иноязычное влияние. Однако это предположение требует проверки.

2. Нейтрализация гласных неверхнего подъёма после мягких согласных первоначально, по мнению А. А. Шахматова, Н. Н. Дурново, О. Брока, В. Н. Сидорова [Сидоров 1969: 21], была представлена звуком среднего или средне-верхнего подъёма типа [ɛ], а позднее перед разными ударными гласными этот звук изменялся в [а] и [е], в результате чего и возникли различные типы яканья. Однако не ясны причины, по которым [ɛ] должен был измениться в [а]. И в этом случае следует предполагать иной путь изменения: доминантой архифонемы /е|ѣ|а/ при возникновении аканья был звук [а], который не в последующее время, а с самого же начала при сокращении перед слогом с долгим гласным заменялся звуком [е]. Таким образом, **при возникновении аканья (и яканья) [а] и [е] были позиционными просодическими вариантами одной и той же архифонемы в 1-м предударном слоге.**

Позднее во многих русских говорах, как и в литературном языке, предударный [е] изменялся в [и]. О том, что **в соответствии с современным [и] на месте /е|ѣ|а/ прежде произносился [е]**, может говорить следующее.

Н. Н. Дурново, рассматривая пути изменения обоянского типа яканья в суджанский, писал: «На месте старых *е*, *ь*, *ѣ*, *а* после мягких согласных перед слогом с гласными среднего (и, д⟨олжно⟩ б⟨ыть⟩, нижнего) подъёма звучала гласная, отличная от старого *и*, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ в противном случае аналогия, вызывавшая изменение этой гласной в *а* перед слогом с *о* из ъ, должна была затронуть и случаи со старым *и* в этом положении» [Дурново 1917—1918, вып. 2: 46].

торых характерно именно для Юго-Западной диалектной зоны, при этом сильное аканье и сильное яканье и соответствующая ритмика фонетического слова. Очевидно, что в течение жизни на бессарабской земле у жителей Куничи произошло изменение ритмики слова, приведшее и к смене типа аканья и яканья. Подтверждают это и наблюдения над этим говором В. И. Тудосе, которая также обнаружила здесь сильное аканье, но указала, что «в обрядовых песнях встречается диссимилятивное аканье» [Тудосе 2003: 154].

На основе анализа южнорусских памятников Г. А. Хабургаев установил: «Южновеликорусские писцы как правило пишут в соответствии с гласным первого предударного слога *е*, а не *и* (кроме ⟨…⟩ случаев с *я*). В частности, в курских грамотах начала XVII в. отмечено только *е* ⟨…⟩. Эти факты не оставляют сомнения в том, что на коренной южновеликорусской территории в первом предударном слоге *и* по крайней мере до середины XVII в. не произносился как «не-*а*» системы яканья и в ряде южновеликорусских говоров начинает появляться лишь во второй половине столетия. ⟨…⟩ Можно предполагать, что южновеликорусские писцы передавали буквой *е* предударный *ь*, который произносился после мягких согласных в соответствии с ъ после твёрдых. В силу своей “неустойчивости” этот сильно редуцированный гласный в одних говорах (например, задонских) со временем совпал с *е* (от которого артикуляционно он не отличался), в других — с *и* ⟨…⟩. Передача гласного среднего подъёма переднего ряда *ь* посредством буквы *е* — явление совершенно естественное, если учитывать арсенал графических средств, которыми располагали писцы в XVII столетии. Вторая половина XVII в., видимо, и есть тот период, когда в целом ряде южновеликорусских говоров осуществлялся процесс изменения предударного *ь* > *и*» [Хабургаев 1966: 300—301].

В 1973—1974 гг. Е. Г. Бурова и я обследовали говоры Чухломского акающего острова в Костромской обл. и обнаружили там особый тип диссимилятивно-умеренного яканья, названный нами чухломским. Он отличается от верхне-днепровского типа диссимилятивно-умеренного яканья тем, что гласные неверхнего подъёма после мягких согласных перед твёрдыми в позиции перед ударным [а] воплощаются в чухломском типе в звуке [е], а в верхне-днепровском типе в [и], и есть основания считать, что диссимилятивно-умеренное яканье верхне-днепровского типа развилось из яканья чухломского типа, сохранившего эту старую особенность в окружении окающих говоров [Касаткин 1999: 417—424].

Современные процессы, идущие в акающих говорах и в литературном языке, также свидетельствуют о прежнем произношении [е] на месте современного [и] в безударных слогах. Так, известно, что в литературном языке современное иканье заменило прежнее эканье. В якающих говорах на месте предударного [а] после мягких согласных часто произносится [е] при сокращении долготы этого гласного. Звуки [а] и [е] в этой позиции, таким образом, вместе противопоставлены звуку [и], выступающему в других позициях. Такое соотношение этих звуков я назвал противопоставлением [и] — не-[и] [Касаткина (ред.) 1999: 148, 182; Касаткин 2002а: 253].

В. Н. Сидоров, посвятивший рассмотрению перехода предударного [е] в [и] одну из своих книг, писал, что это изменение «может быть твёрдо установленным, хотя для него и не найдено объяснения» [Сидоров 1969: 16]. Однако можно считать, что оно было связано, во-первых, с краткостью этого безударного звука: по собственной длительности [и] короче [е]. Звук [и] выступает на месте гласных неверхнего подъёма после мягких соглас-

ных не только в 1-м предударном слоге во многих акающих говорах, но и в других безударных слогах, самых кратких в слове, в говорах со всеми типами аканья. Но главное — изменение [е] в [и] было связано с мягкостью предшествующего согласного: артикуляция [и] ближе к дополнительной артикуляции палатализованного согласного, доминировавшего в слоге. По-видимому, это **изменение [е] > [и] связано с установлением мягкости согласных на месте прежних твёрдых перед [е]** (о прежней твёрдости согласных перед [е] см.: [Касаткин 1999: 391—396]).

3.1. Основные типы диссимилятивного яканья, описанные Н. Н. Дурново, выделены на основании того, какой гласный — [а] или [и] — произносится на месте /е|ѣ|о|а/ после мягкого согласного в 1-м предударном слоге перед ударными гласными средне-верхнего и среднего подъёма.

Гласный 1-го предударного слога на месте /е/, /ѣ/, /о/, /а/ после мягких согласных							Ударный гласный
Типы диссимилятивного яканья							
жиздринский	суджанский	щигровский	мосальский	обоянский[14]	дмитриевский	донской	
а	а	а	а	а	а	а	и, ы, у
а	а	а	а	а	а	**и**	у͡о — /ω/
а	а	а	а	**и**	**и**	**и**	о
а	**и**	**и**	а	**и**	**и**	**и**	’о из *е*
а	**и**	а	**и**	а	**и**	**и**	и͡е — /ѣ/
а	**и**	**и**	**и**	**и**	**и**	**и**	е
и	**и**	**и**	**и**	**и**	**и**	**и**	а

Предударные [а] и [и] на месте гласных неверхнего подъёма после мягких согласных в 1-м предударном слоге Н. Н. Дурново рассматривал как проявление диссимиляции [Дурново 1917—1918, вып. 1: 34—35]. Однако если учесть прошедшие процессы совпадения в части говоров /ѣ/ с /е/ (при суджанском, мосальском, дмитриевском и донском типах) и /ω/ с /о/ (при донском типе), изменения ударного [е] в [’о] и перехода предударного [е] в [и], то предшествующее изменению [е] в [и] **произношение гласного среднего подъёма [е] перед ударными гласными того же среднего подъёма [е] и [о] с бóльшим основанием может быть связано с ассимиляцией ударному гласному.**

Исходным для всех типов диссимилятивного яканья Н. Н. Дурново вслед за А. А. Шахматовым считал обоянский тип ([Дурново 1917—1918, вып. 2: 64—66]). Однако в основе этих типов можно видеть не обоянский, а жиздринский тип (ср. [Ван-Вейк 1934—1935]), осложнённый ассимиляцией предударного гласного ударному [е], в некоторых типах также [о],

[14] Обоянский и задонский тип, отличающийся от обоянского произношением [е] вместо [и] на месте гласных неверхнего подъёма в 1-м предударном слоге, обобщенно называют архаическим типом.

по-разному проявившейся перед исконными /ѣ/ и /ѡ/ и осуществлявшейся в одних говорах до, а в других после перехода [е] в [’о].

Таким образом, **исходная модель диссимилятивного яканья — жиздринский тип, а другие типы диссимилятивного яканья возникли в результате ассимиляции предударного гласного [а] ударным гласным среднего подъёма [е] и [о]. Поэтому правильнее называть их типами ассимилятивно-диссимилятивного яканья.**

Особое поведение гласных перед гласными среднего подъема наблюдается и в других случаях.

1) Р. Ф. Касаткина и Е. В. Щигель, а также Д. М. Савинов обнаружили в акающих говорах явление ассимиляции предударного гласного ударным гласным среднего подъёма [е] и [о] в позиции после твёрдых согласных [Касаткина, Щигель 1995; Савинов 2001: 212—213]. Известны и другие случаи ассимиляции гласных в древнерусском языке и в русских говорах; см.: [Касаткина 1996: 207—221; Касаткин 1999: 398—399]). Это одно из проявлений сингармонизма в русских говорах; ср. [Высотский 1949: 73].

2) Более устойчивые соответствия между предударным и ударным гласным среднего подъёма, чем между гласными других подъёмов, наблюдаются при гдовском оканье:

Гласные 1-го предударного слога								Ударные гласные
после твёрдых согласных		после мягких согласных						
		перед твёрдыми			перед мягкими			
/о/	/а/	/о/	/е/	/а/	/о/	/е/	/а/	
[а]								/и/, /у/
[о]	[а]	[о]	[е]	[а]	[е]	[е]	[а]	/е/, /о/
[а]								/а/

Этот тип — результат воздействия акающих говоров на окающие. Перед ударными гласными верхнего и нижнего подъёмов на месте /о/ после твёрдых согласных и на месте /е/ и /о/ после мягких согласных возникло произношение [а], что привело к совпадению в этом звуке в данных позициях всех гласных фонем неверхнего подъёма. Перед ударными же гласными среднего подъёма [е] и [о] в 1-м предударном слоге сохраняется различение [о] и [а] после твёрдых согласных и [е], [о], [а] после мягких; см.: [Русская диалектология 1964: 40, 65]. Аканье проникло в позиции перед ударными [и], [ы], [у] и перед [а], а перед ударными [е] и [о] этого не произошло. Аканью не удалось разорвать здесь связь между ударными и предударными гласными.

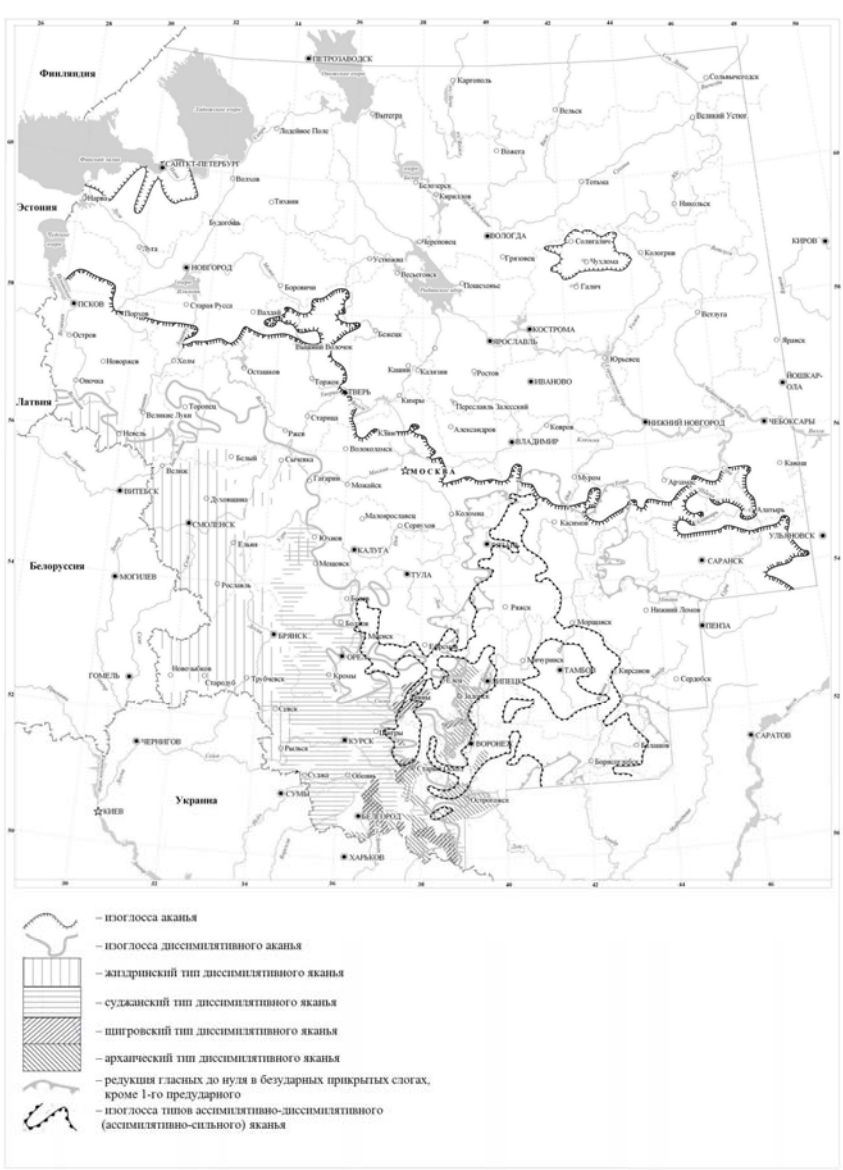
3) Принято считать, что в современном русском литературном языке после [ж], [ш], [ц] на месте *е* в 1-м предударном слоге обычно произносится [ы] (точнее [ыᵊ], в другой транскрипции [ыᵊ], [ы̝]): [жыᵊрло́], [шыᵊрша́въі̯], [шыᵊпта́·т’] и др. [Аванесов 1956: 111—112]; *ш*[ыᵊ]*сти́, скреж*[ыᵊ]*та́ть, лж*[ыᵊ]*ца́* [Касаткин 2008в: 153—154]. Наряду с [ыᵊ] может произноситься

и [э^{ы}] как остаток прежнего эканья [Панов 1979: 160]. Однако перед ударными гласными среднего подъёма гораздо шире, чем перед гласными верхнего и нижнего подъёмов распространено произношение предударного [э] ([э^{ы}]) как результат ассимиляции, уподобления гласных: *ж*[э]*лéзный, ж*[э]*лтéть, ж*[э]*лтóк, ж*[э]*рлó, ж*[э]*стóкий, ж*[э]*тóн*; *ш*[э]*рбéт, ш*[э]*рéнга, ш*[э]*стёрка, ш*[э]*стóй, ш*[э]*стóк*; *ц*[э]*лéбный, ц*[э]*лéе, ц*[э]*лóванный, ц*[э]*нтрóвка, ц*[э]*нтрóвочный, ц*[э]*пнóй, ц*[э]*ркóвный* и т. п.

3.2. На достаточно большой части территории Восточной (Рязанской) группы и большей части Донской группы Южного наречия при сильном аканье распространено ассимилятивно-диссимилятивное яканье; см.: [Захарова 1975; ДАРЯ I, карта 3; Хмелевская 1970, карты 7, 8; Орлов 1984: 8—9]. Названо так оно было Н. Н. Дурново [Дурново 1917—1918, вып. 2: 86], по мнению которого оно «получилось из диссимилятивного восточного (задонского) типа вследствие ассимиляции предударных открытых гласных гласным ударяемого слога» [Дурново 1923: 369].

Гласный 1-го предударного слога на месте /е/, /ѣ/, /о/, /а/ после мягких согласных				Ударный гласный
Типы ассимилятивно-диссимилятивного яканья				
ореховский	новосёлковский	култуковский	кидусовский	
а	а	а	а	и, ы, у
а	а	а	а	y͡o — /ω/
а	а	а	а	о
а	**и**	а	**и**	’о из *е*
а	а	**и**	**и**	и͡е — /ѣ/
и	**и**	**и**	**и**	е
а	а	а	а	а

В этих говорах после мягких согласных перед всеми ударными гласными произносится [а] и только перед [е], выступающим на месте /е/ (в некоторых говорах также перед исконной /ѣ/, совпавшей с /е/, и/или перед [’о] на месте прежнего [е]), произносится [и]. Если учесть, что предударный [и] возник на месте прежнего [е], а во многих этих говорах отмечаются неразличение /е/ и /ѣ/ и примеры неперехода [е] > [’о], что было характерно, очевидно, для этих говоров в прошлом (см.: [Аванесов 1952: 31—34; ДАРЯ I, карта 38; II, карты 82, 94]), то можно это произношение, как и подобное произношение при суджанском, щигровском, мосальском и других типах, объяснить ассимиляцией предударного гласного ударному: перед ударным [е] предударный [а] заменялся на [е]. Во всех остальных позициях произношение предударного [а] подчинялось принципу сильного яканья. Ассимилятивность в этих типах касается не позиции перед [а], как считают диалектологи вслед за Н. Н. Дурново, а позиции перед [е], поэтому **название этого типа в разных его разновидностях должно быть не ассимилятивно-диссимилятивное, а ассимилятивно-сильное яканье. В основе этих типов было сильное яканье.**



Мосальский тип отмечен в нескольких говорах на территории распространения главным образом жиздринского типа, а также суджанского типа, дмитриевский тип — в нескольких говорах вместе с суджанским типом. Донской тип отмечен в говорах Дона в Волгоградской и Ростовской обл. за пределами карты ДАРЯ.

Карта составлена на основе [ДАРЯ I, карты 1, 3, 8, 32].

Литература

Аванесов 1949 — Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии. Ч. 1. М., 1949.

Аванесов 1952 — Р. И. Аванесов. Лингвистическая география и история русского языка // ВЯ. 1952. № 6. С. 25—47.

Аванесов 1955 — Р. И. Аванесов. Проблемы образования языка русской (великорусской) народности // ВЯ. 1955. № 5. С. 20—42.

Аванесов 1956 — Р. И. Аванесов. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.

Аванесов 1974 — Р. И. Аванесов. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974.

Альмухамедова, Кульшарипова 1980 — З. М. Альмухамедова, Р. Э. Кульшарипова. Редукция гласных и просодия слова в окающих русских говорах (Экспериментально-фонетическое исследование). Казань, 1980.

Богородицкий 1910 — В. А. Богородицкий. Краткий очерк диалектологии и истории русского языка. Казань, 1910.

Богородицкий 1935 — В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики. 5-е изд. М.; Л., 1935.

Брок 1916 — О. Брок. Говоры к западу от Мосальска. ПБг., 1916.

Ваахтера 2007 — Й. Ваахтера. К вопросу об истории гласного *о*, полногласия и аканья в русском языке в свете данных о славянизации Русского Севера // Topics on the Ethnic, Linguistic and Cultural Making of the Russian North — Вопросы этнического, языкового и культурного формирования Русского Севера — Beiträge zur ethnischen, sprachlichen und kulturellen Entwicklung des russischen Nordens / Ed. Juhani Nuorluoto (Slavica Helsingiensia, 32). Helsinki, 2007. S. 286—301.

Ваахтера 2009 — Й. Ваахтера. Эволюция системы гласных фонем в некоторых русских говорах Вологодской области (Slavica Helsingiensia, 37). Хельсинки, 2009.

Вайян 1950 — A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves. T. I: Phonetique // Collection «Les langues du monde», série Grammaire, philology, littérature. Vol. VI. Lyon; Paris, 1950.

Ван-Вейк 1934—1935 — N. Van Wijk. Zur Entwicklungsgeschichte des Akanje und Jakanje // Slavia. XIII. 1934—1935. № 4. С. 640—654.

Войтович 1972 — Н. Т. Войтович. К вопросу о путях развития аканья в восточнославянских языках // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1970 / Отв. ред. Р. И. Аванесов. М., 1972. С. 17—39.

Высотский 1949 — С. С. Высотский. Работы Е. Ф. Будде о рязанских говорах в свете новых данных // Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка. Вып. 6. М.; Л., 1949. С. 52—103.

Высотский 1967 — С. С. Высотский. Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967. С. 5—82.

Высотский 1973 — С. С. Высотский. О звуковой структуре слова в русских говорах // Исследования по русской диалектологии / Отв. ред. С. В. Бромлей. М., 1973. С. 17—41.

Высотский 1975 — С. С. Высотский. К проблеме изучения вокализма южнорусских говоров // Русские говоры: К изучению фонетики, грамматики, лексики / Отв. ред. Е. В. Немченко. М., 1975. С. 3—19.

Галинская 2004/2009 — Е. А. Галинская. Историческая фонетика русского языка. М., 2004; 2-е изд. М., 2009.

Гецова 1959 — О. Г. Гецова. О произношении ударного *о* разного происхождения в говоре с. Катагощи Захаровского района Рязанской области // Мат-лы и исслед. по рус. диалектологии. Новая серия. Т. 1 / Отв. ред. Р. И. Аванесов, В. Г. Орлова. М., 1959. С. 105—118.

Голубева 1985 — Н. Л. Голубева. О консонантном окружении гласных, редуцируемых до нуля // Диалектография русского языка / Отв. ред. Р. И. Аванесов, А. И. Горшков. М., 1985. С. 60—80.

Горшкова, Хабургаев 1981 — К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1981.

Даль 1852/1978 — В. И. Даль. О наречиях русского языка // Вестник Имп. Рус. Географ. Общества, 1852. Кн. V; цит. по: В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. 7-е изд. Т. 1. М., 1978.

ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР: В 3 вып. / Под ред. Р. И. Аванесова и С. В. Бромлей. Вып. I. Фонетика. М., 1986; Вып. II. Морфология. М., 1989.

Дурново 1917—1918 — Н. Н. Дурново. Диалектологические разыскания в области великорусских говоров. Ч. I. Южновеликорусское наречие. Вып. 1. М., 1917; Вып. 2. Типография Шамординской женской пустыни Калужской губ., 1918.

Дурново 1923 — Н. Н. Дурново. Ответ проф. Е. Ф. Будде // Изв. ОРЯС. 1919. Т. XXIV. Кн. 2. Пг., 1923. С. 362—371.

Дурново 1924 — Н. Н. Дурново. Очерк истории русского языка. М.; Л., 1924.

Дурново 1929а — М. Дурново. Увагі да беларускай фонэтыкі // Беларуская акадэмія навук. Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Кн. 9: Працы клясы філёлёгіі. Т. II. Менск, 1929. С. 68—72.

Дурново 1929б — М. Дурнаво. Працы Алёны Курыловай у галіне дыялектолёгіі і гісторыі беларускай і ўкраінскай мовы // Беларуская акадэмія навук. Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Кн. 9: Працы клясы філёлёгіі. Т. II. Менск, 1929. С. 317—320.

Дурново 1969 — Н. Н. Дурново. Введение в историю русского языка. [2-е изд.] М., 1969.

Ерёмин, Фалёв 1928 — С. А. Ерёмин, И. А. Фалёв. Русская диалектология. М.; Л., 1928.

Жуковская 1968 — З. В. Жуковская. Об особенностях безударного вокализма в говорах к северо-востоку от Пскова // Псковские говоры. II. Псков, 1968. С. 5—19.

Зализняк 1985 — А. А. Зализняк. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.

Захарова 1959 — К. Ф. Захарова. Архаические типы диссимилятивного яканья в говорах Белгородской и Воронежской областей // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. Т. 1 / Отв. ред. Р. И. Аванесов, В. Г. Орлова. М., 1959. С. 6—55.

Захарова 1971 — К. Ф. Захарова. Типы диссимилятивного яканья в русских говорах (Лексико-морфонологическая характеристика) // ВЯ. 1971. № 2. С. 3—18.

Захарова 1975 — К. Ф. Захарова. Ассимилятивно-диссимилятивное яканье по данным «Атласа русских говоров к югу от Москвы» // Русские говоры: К изучению фонетики, грамматики, лексики / Отв. ред. Е. В. Немченко. М., 1975. С. 19—40.

Иванов 1990 — В. В. Иванов. Историческая грамматика русского языка. 3-е изд. М., 1990.

Касаткин 1999 — Л. Л. Касаткин. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.

Касаткин 2002а — Л. Л. Касаткин. Катагощинское яканье в говоре семейских — старообрядцев Забайкалья // Проблемы фонетики. IV / Отв. ред. Р. Ф. Касаткина. М., 2002. С. 252—260.

Касаткин 2002б — Л. Л. Касаткин. Диереза и оглушение гласных в говорах Донской группы южного наречия // Материалы и исследования по русской диалектологии. I (VII) / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 2002. С. 40—64.

Касаткин 2008а — Л. Л. Касаткин. Русский говор села Татарица в Болгарии // Русские старообрядцы: язык, культура, история: Сб. статей к XIV Междунар. съезду славистов / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 2008. С. 116—139.

Касаткин 2008б — Л. Л. Касаткин. Фонемы /э/, /ω/, /а/ в слободских говорах // Мат-лы и исслед. по рус. диалектологии. III (IX) / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 2008. С. 50—67.

Касаткин 2008в — Л. Л. Касаткин. Современный русский язык: Фонетика. 2-е изд. М., 2008.

Касаткина 1996 — Р. Ф. Касаткина. Просодия русских говоров // Просодический строй русской речи / Отв. ред. Т. М. Николаева. М., 1996. С. 205—255.

Касаткина (ред.) 1991 — Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Ч. 1. Севернорусские говоры / Отв. ред. Р. Ф. Касаткина. Приложение № 1 к Бюллетеню Фонетического Фонда русского языка. М.; Бохум, 1991.

Касаткина (ред.) 1999 — Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие / Под ред. Р. Ф. Касаткиной. М., 1999.

Касаткина, Щигель 1995 — Р. Ф. Касаткина, Е. В. Щигель. Ассимилятивно-диссимилятивное аканье // Проблемы фонетики. II / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 1995. С. 295—309.

Князев 2000 — С. В. Князев. К вопросу о механизме возникновения аканья в русском языке // ВЯ. 2000. № 1. С. 87—113.

Князев 2001 — С. В. Князев. К истории формирования некоторых типов аканья и яканья в русском языке // Вопр. рус. языкознания. Вып. IX: Диалектная фонетика русского языка в диахронном и синхронном аспектах / Отв. ред. К. В. Горшкова, М. Л. Ремнёва. М., 2001. С. 8—42.

Князев 2003 — С. В. Князев. О формировании важнейших типов аканья и яканья в русском языке // Славянское языкознание: Мат-лы конф. (Москва, июнь 2002). К XIII Междунар. съезду славистов. М., 2003. С. 90—112.

Князев, Шаульский 2007 — С. В. Князев, Е. В. Шаульский. Генезис диссимилятивного аканья (в связи с проблемой фонологизации фонетических явлений) // Русский язык в научном освещении. М., 2007. № 1 (13). С. 210—224.

Колесов 1972 — В. В. Колесов. Фонетика // Русская диалектология / Под ред. Н. А. Мещерского. М., 1972. С. 49—121.

Кузнецов 1948 — П. С. Кузнецов. К вопросу о качестве безударных гласных не первого предударного слога в акающих говорах // Бюллетень диалектологического сектора Ин-та рус. яз. АН СССР. Вып. 2 / Отв. ред. С. П. Обнорский, Р. И. Аванесов. М.; Л., 1948. С. 29—34.

Кузнецов 1960 — П. С. Кузнецов. Русская диалектология. 3-е изд. М., 1960.

Кузнецов 1964 — П. С. Кузнецов. К вопросу о происхождении аканья // ВЯ. 1964. № 1. С. 30—41.

Кузнецов 1965 — П. С. Кузнецов. Фонетика // В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. 2-е изд. М., 1965. С. 36—170.

Курило 1924 — О. Б. Курило. Фонетичні та деякі морфологічні особливості говірки села Хоробричів давніше Городнянського повіту, тепер Сновської округи на Чернігівщині. Київ, 1924. (Всеукраїнська АН. Збірник історико-філологічного відділу. № 21. Праці Етнографічної комісії).

Курило 1928 — О. Б. Курило. До питання про умови розвитку дисимілятивного акання // Записки історико-філологічного відділу Української АН. Кн. XVI, 1928. С. 48—72.

Ломоносов 1952 — М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Т. 7. М.; Л., 1952.

Назарова 1975 — Т. В. Назарова. Из наблюдений над междиалектными контактами: (к понятию сопротивления системы) // Общеславянский лингвистический атлас: Мат-лы и исслед. 1973. М., 1975. С. 92—107.

Орлов 1984 — Л. М. Орлов. Русские говоры Волгоградской области. Волгоград, 1984.

Орлова, Строганова 1968 — В. Г. Орлова, Т. Ю. Строганова. Народные говоры. Фонетика // Русский язык и советское общество: Социолого-лингвистическое исследование / Под ред. М. В. Панова. [4] Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры. М., 1968. С. 183—211.

Оссовецкий 1961 — И. А. Оссовецкий. Начальные этапы развития русской диалектологии // История русской диалектологии. М., 1961. С. 7—29.

Панов 1979 — М. В. Панов. Современный русский язык: Фонетика. М., 1979.

Пауфошима 1983 — Р. Ф. Пауфошима. Фонетика слова и фразы в северно-русских говорах. М., 1983.

Реформатский 1979 — А. А. Реформатский. Очерки по фонологии, морфонологии и морфологии. М., 1979.

Русская диалектология 1964 — Русская диалектология / Под ред. Р. И. Аванесова, В. Г. Орловой. М., 1964.

Савинов 2001 — Д. М. Савинов. Развитие предударного вокализма в одном тульском говоре // Жизнь языка. Сб. статей к 80-летию М. В. Панова / Отв. ред. С. М. Кузьмина. М., 2001. С. 211—215.

Савинов 2008 — Д. М. Савинов. К вопросу о зависимости типов аканья и яканья от семифонемного вокализма // Мат-лы и иссл. по рус. диалектологии. III (IX) / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 2008. С. 182—193.

Сидоров 1969 — В. Н. Сидоров. Из русской исторической фонетики. М., 1969.

Соболевский 1897 — А. Н. Соболевский. Опыт русской диалектологии. Вып. I. Наречия великорусское и белорусское. СПб., 1897.

Строганова 1955 — Т. Г. Строганова. Одна из особенностей южнорусского вокализма // ВЯ. 1955. № 4. С. 94—103.

Строганова 1975 — Т. Г. Строганова. О характере реализации гласных неверхнего подъёма в 1-м предударном слоге после твёрдых согласных в говорах с диссимилятивным аканьем // Русские говоры: К изучению фонетики, грамматики, лексики / Отв. ред. Е. В. Немченко. М., 1975. С. 40—58.

Тредиаковский 1748/1849 — В. К. Тредиаковский. Разговор между чужестранным человеком и российским об ортографии… 1748; Сочинения. СПб., 1849. Т. 3.

Трубецкой 1987 — Н. С. Трубецкой. О звуковых изменениях русского языка и распаде общерусского языкового единства // Н. С. Трубецкой. Избр. труды по филологии. М., 1987. С. 143—167.

Тудосе 2003 — В. И. Тудосе. Особенности речи жителей русского села Кунича в Молдавии // Старообрядцев Молдавии живое слово: Мат-лы междунар. научно-практической конф. «Старообрядчество Молдавии: истоки и современность», (Кишинёв, Респ. Молдова) 14—16 декабря 2002 г. Кишинёв, 2003. С. 153—163.

Успенский 1994 — Б. А. Успенский. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI—XIX вв.). М., 1994.

Ушаков 2009 — Д. Н. Ушаков. О московском произношении // Незабытые голоса России. I. Звучат голоса отечественных филологов / Под ред. О. В. Антоновой, Д. М. Савинова. М., 2009. С. 189—196.

Хабургаев 1966 — Г. А. Хабургаев. Заметки по исторической фонетике южновеликорусского наречия: (*Введение. Вокализм*) // Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской. Т. 163. Вып. 12. Русский язык. М., 1966. С. 271—314.

Хмелевская 1970 — Т. А. Хмелевская. Русские говоры Дона (фонетика). Ростов-на-Дону, 1970.

Чекмонас 1987 — В. Н. Чекмонас. Территория зарождения и этапы развития восточнославянского аканья в свете данных лингвогеографии // Russian Linguistics. 11. 1987. № 2/3. С. 335—349.

Чекмонас 1998 — В. Н. Чекмонас. Аканье и оканье в северной части Псковской области (полновские говоры) // Kalbotyra. 47 (2). 1998. Vilnius: Slavistica Vilnensis, 1998. С. 57—132.

Чекмонас 1999 — В. Н. Чекмонас. Аканье и яканье в говорах Псковского района (современное состояние и проблемы истории) // Kalbotyra. 48 (2). 1999. Vilnius: Slavistica Vilnensis, 1999. С. 89—146.

Шахматов 1896—1897 — А. А. Шахматов. Звуковые особенности ельнинских и мосальских говоров // Рус. филологич. вестник. 1896. Т. XXXVI. № 3—4. С. 60—99; 1897. Т. XXXVIII. № 3—4. С. 172—209.

Шахматов 1915 — А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Энциклопедия славянской филологии. Вып. 11.1. Пг., 1915.

Шахматов 1941 — А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка. 4-е изд. М., 1941.

Щерба 1912/1983 — Л. В. Щерба. Русские гласные в качественном и количественном отношении. СПб., 1912; Л., 1983.

Щерба 1983 — Л. В. Щерба. Теория русского письма. Л., 1983.

Энциклопедия 1979 — Русский язык: энциклопедия / Гл. ред. Ф. П. Филин. М., 1979.

Якобсон 1929 — R. Jakobson. Remarques sur l'évolution phonologique du russe, comparée à celle des autres langues slaves. Praha, 1929 [Travaux du Cercle linguistique de Prague, 2]. Перепеч.: R. Jakobson. Selected Writings. I. 2 ed. The Hague: Mouton, 1971.

Summary

In the Southern Russian dialects as a result of unstressed vowel reduction, the sound [ɔ], which represented /o/ after the hard consonants, coincided with [a], so that akanye appeared. In the western group of the Southern Russian dialects unstressed [ǫ], which

represented /ω/, coincided with [y] in some words or remained as [o]. The difference between dissimilative and strong akanye arose as a result of the realization of the same phonetic model — the model of akanye in the dialects with the different rhythmical structure of the word. Zhizdrinski type of dissimilative jakanye, complicated by the assimilation of the pretonic vowel to the stressed vowel [o] and/or [e], is the base of another types of dissimilative jakanye. It is more appropriate to call them the types of assimilative-dissimilative jakanye. The base of the types of assimilative-dissimilative jakanye is strong jakanye, that is why it is more appropriate to call them the types of assimilative-strong jakanye.

Ключевые слова: русская фонетика, диалектология, история русского языка, аканье, яканье.

Keywords: Russian phonetics, dialectology, the history of Russian language, akanye, jakanye.

Д. М. САВИНОВ

ПУТИ РАЗВИТИЯ АРХАИЧЕСКИХ ТИПОВ ВОКАЛИЗМА В ЮЖНОРУССКИХ ГОВОРАХ*

1. Вопрос об эволюции южнорусских систем предударного вокализма неоднократно затрагивался в исследованиях диалектологов и историков языка, однако и сегодня его нельзя считать в достаточной степени изученным. Прежде всего причины этого кроются в недостаточном знании и использовании при диахронической интерпретации фактического диалектного материала: анализ хрестоматийных схем аканья и яканья без учета всего комплекса языковых фактов приводит к неверным выводам и порождает обобщения, неадекватные действительности. Это заведомое упрощение реальной картины отнюдь не способствует научной разработке вопроса и в конечном счете препятствует созданию типологии систем предударного вокализма.

Архаические типы предударного вокализма также не стали исключением: их описанию и интерпретации посвящена большая литература, однако, как правило, внимание лингвистов было приковано исключительно к произношению гласных в первом предударном слоге конкретной разновидности аканья или яканья. Кроме того, сами системы анализировались на основании вторичных источников, например материалов, собранных для Диалектологического атласа русского языка [Захарова 1959; 1971], что сразу же накладывало на исследование определенные ограничения: собранный материал не всегда давал возможность установить и интерпретировать специфические особенности системы ударного вокализма, а также характер связи между типами аканья и яканья. Очевидно, что только комплексный подход, учитывающий все элементы общей системы вокализма, позволит проанализировать существующие архаические типы предударного вокализма как в синхроническом, так и в диахроническом аспектах.

Под архаическими типами предударного вокализма понимаются такие модели аканья и яканья, которые по-разному реагируют на гласные верх-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН (проект «Фонетические “отцы” и “дети” начала XXI в. Стабильность и изменчивость произносительных норм»).

него и верхне-среднего подъемов, с одной стороны, и на гласные среднего и нижнего подъемов — с другой. Как известно, архаическое яканье было обнаружено и описано в начале XX в. [Васильев 1904: 336—355; Дурново 1917: 40—73], соответствующий тип аканья был открыт дважды: в 1920-х гг. Н. Н. Дурново [Дурново 1929: 317] и повторно в 1950-х — Т. Ю. Строгановой [Строганова 1955: 94—103]. Но и Н. Н. Дурново и Т. Ю. Строганова производили анализ материала на основании только слуховой оценки диалектного произношения, без подтверждения слуховых образов с помощью инструментального анализа, поэтому вплоть до 1970-х гг. реальное существование этой модели подвергалось сомнению некоторыми учеными, например Ф. П. Филиным [Филин 1968: 59].

Магнитофонные записи, сделанные в 1960—1980-е годы в различных южнорусских говорах, документально подтвердили существование этого типа вокализма: он был обнаружен в некоторых населенных пунктах Новооскольского и Алексеевского р-нов Белгородской обл., Россошанского р-на Воронежской обл., Хлевенского р-на Липецкой обл. (образцы звучащей речи из этих населенных пунктов приведены в [Русские народные говоры 1999]). Архаические модели диссимилятивного вокализма и сегодня функционируют в южнорусских говорах как живая закономерность, которой подчиняются не только старые, но и новые слова, вошедшие в говор сравнительно недавно. Диалектологические экспедиции Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН[1] 1999—2010 гг. выявили архаические типы аканья и яканья в селах Роговатое и Солдатское Старооскольского р-на Белгородской обл., в селах Веретье и Мастюгино Острогожского р-на Воронежской обл., в с. Татарино Каменского р-на Воронежской обл. Следы архаического аканья, сочетающегося с диссимилятивно-умеренным яканьем архаической разновидности, отмечены в с. Зайцево Белёвского р-на Тульской обл. и с. Кирейково Ульяновского р-на Калужской обл.

2. Как известно, архаическое диссимилятивное яканье существует в двух разновидностях: задонской и обоянской. При задонском диссимилятивном яканье гласный [а] в первом предударном слоге чередуется с [е], а при обоянском — с [и], то есть эти модели имеют различные системы корреляций предударных гласных: более древнее [а] — не-[а] — при задонском яканье и возникшее позднее [и] — не-[и] — при обоянском[2].

---

[1] В экспедициях, помимо автора статьи, участвовали научные сотрудники ИРЯ РАН И. И. Исаев, О. Г. Ровнова, аспиранты С. В. Дьяченко и Е. В. Корпечкова.

[2] Вслед за Н. Н. Дурново [1917] гласные первого предударного слога после мягких согласных обычно принято разделять на звукотипы [а] — не-[а], при этом гласным «“не-а” может быть любой звук переднего ряда ненижнего подъема» [Захарова 1970: 5]. Иначе обобщает эти звуки Л. Л. Касаткин, который отмечает, что для большинства русских говоров правильнее было бы говорить о функциональном противопоставлении в первом предударном слоге гласных [и] и не-[и] [Русские народные говоры 1999: 148]. В терминологии Н. С. Трубецкого, оппозиция

Данные исторической диалектологии свидетельствуют о том, что гласный [и], наиболее частотный сегодня вариант противопоставления [а], появился в южнорусских говорах относительно недавно. В памятниках, созданных на территории распространения диссимилятивного вокализма, в качестве унифицированных вариантов гласных первого предударного слога после мягких согласных на месте гласных неверхнего подъема используются только буквы *я* и *е*. Однако отсутствие в этой позиции *и* в прошлом вовсе не свидетельствует о том, что гласный [и] «скорее всего, распространяется из “вторично” акающих средневеликорусских говоров», как считали К. В. Горшкова и Г. А. Хабургаев [1997: 110].

Появление в первом предударном слоге звука [и] как реализации гласных неверхнего подъема — это не механическое заимствование, это факт развития системы предударного вокализма. В результате этого процесса меняется не только нагруженность звукотипов, кардинальным образом изменяется система противопоставлений, получают актуальность новые факторы, обусловливающие изменение и развитие моделей яканья.

По мнению Г. А. Хабургаева, распространение аканья связано с тенденцией к ликвидации фонемных различий между гласными безударных слогов, которая «является общей для всех говоров русского языка» [Хабургаев 1965: 63]. В этом аспекте появление в подавляющем большинстве южнорусских говоров корреляции [и] — не-[и] можно рассматривать как закономерный этап развития диалектных систем вокализма, поскольку «тенденция к унификации дифференциальных признаков безударных гласных» выражена в них еще более явно. Кроме того, корреляция [и] — не-[и] отражает универсальный принцип дисперсии, характерный для многих языковых систем [Кодзасов, Кривнова 2001: 431]: гласные стремятся занять более удаленные друг от друга точки вокалического пространства, что способствует их большему акустическому различию и консервации в первом предударном слоге функционального противопоставления двух звукотипов.

Для говоров с архаическими типами вокализма характерно функционирование под ударением семи гласных фонем. Однако вопрос о реальной фонетической зависимости гласных первого предударного слога от ударных гласных /ω/, /о/, /ѣ/, /е/ остается открытым. Как известно, сохранение или трансформация архаических типов предударного вокализма напрямую связаны с наличием/отсутствием в говоре под ударением противопоставлений /ω/ и /о/, /ѣ/ и /е/: любые изменения, происходящие в системе семифонемного вокализма, провоцируют соответствующие изменения в архаических системах аканья и яканья. При этом остается неопределенность в понимании того, какие конкретно особенности системы ударных фонем в наибольшей мере влияют на изменения подобных архаических моделей вокализма.

Известно, что не только переход задонской разновидности яканья в обоянскую, но даже полная утрата диссимилятивного принципа, характер-

«широкий — неширокий» гласный сменяется оппозицией «узкий — неузкий» гласный [Трубецкой 2000: 117].

ного для архаических типов вокализма, может происходить при наличии семи гласных фонем. Разумеется, противопоставление /ω/ и /о/, /ѣ/ и /е/ во многих русских говорах проводится непоследовательно. Однако общее количество примеров, а также анализ просодических условий произношения звукотипов (последовательная реализация противопоставления в сильной фразовой позиции и непоследовательная — в слабой) обычно свидетельствуют о сохранении в говоре семифонемной системы вокализма.

3. Система противопоставлений гласных фонем /ω/ и /о/, /ѣ/ и /е/ может существовать в нескольких вариантах. В наиболее архаическом виде она реализуется как система восходящих и нисходящих дифтонгов: [у͡о] — [о͡у] и [и͡е] — [е͡и], то есть эта система может быть признана прототипичной для всех остальных разновидностей семифонемного вокализма, представленных в русских диалектах [Касаткин 1999: 388]. Однако для большинства говоров характерна тенденция к монофтонгизации, к произношению дифтонгов только в определенных фразовых условиях, даже к смешению артикуляций, когда нисходящий дифтонг (или дифтонгоид) становится возможным не только на месте /ω/ и /ѣ/, но также на месте /о/ и /е/.

В говорах представлены различные модификации системы противопоставлений[3], которые определяют особенности ее функционирования и оказывают разные по своей направленности влияния на систему гласных первого предударного слога. Эти модификации можно рассматривать как этапы поступательного развития исходной прототипичной системы, которая представлена на схеме 1 (с. 107). Стрелками на этой схеме обозначено основное движение дифтонгов, реализующих фонемы /ѣ/, /ω/, /е/ и /о/.

Процесс монофтонгизации проходит в два этапа: на первом этапе монофтонгизируются восходящие дифтонги, реализующие фонемы /о/ и /е/, на втором — нисходящие. Различные звуки, представленные на месте фонем верхне-среднего и среднего подъемов, характеризуют предыдущие этапы развития системы ударного вокализма и дают материал для диахронических реконструкций. Например, фонема /о/ в пределах одного говора может реализоваться звуками [о͡у], [о], [ɔ], различными восходящими и нисходящими дифтонгоидами со значительно более длинной и интенсивной [ɔ]-образной фазой. На месте фонемы /е/ отмечаются не только дифтонг [е͡и] или гласный среднего подъема [е], но также монофтонг средне-нижнего подъема [ɛ] или восходящий дифтонг с начальной [ɛ]-образной фазой, что характерно, например, для некоторых говоров Рязанской и Белгородской областей.

Ни одна из этих систем не существует в чистом виде, но проявляется как тенденция. Если внутренняя динамика развития подобной системы определяется на основе количественных методов статистики, то для оценки

[3] О различных системах семифонемного вокализма в севернорусских и среднерусских говорах см. [Высотский 1967: 62—81]

Схема 1

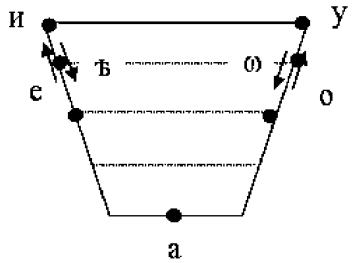


Схема 2

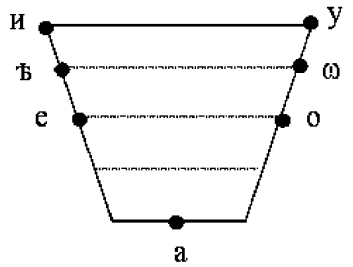


Схема 3

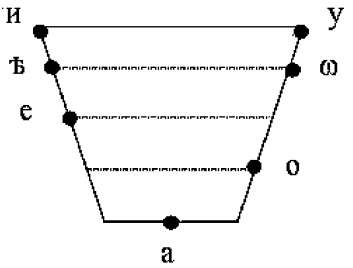


Схема 4

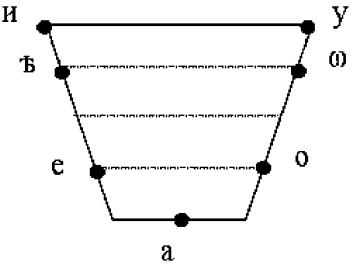
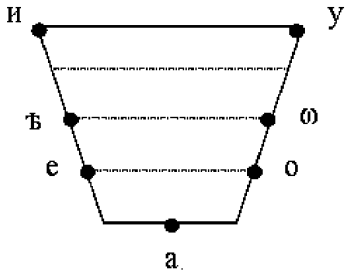


Схема 5



ее влияния на архаические системы предударного вокализма необходим качественный анализ позиционного распределения звуков, реализующих фонемы /ω/, /о/, /ѣ/, /е/. Материал, собранный на территории южнорусского наречия в говорах с архаическими типами аканья и яканья, свидетельствует о том, что общий вектор изменения этих систем вокализма определяется принципиальной возможностью появления под ударением гласного средне-нижнего подъема [ɛ] как реализации фонемы /е/. Наличие этого звука свидетельствует об устойчивости в говоре семифонемного вокализма, о параллелизме развития систем противопоставлений /ω/ и /о/, /ѣ/ и /е/, которые реализуются как оппозиция двух степеней подъема: верхне-средний ~ средне-нижний или средний ~ средне-нижний (соответственно, схемы 4 и 5).

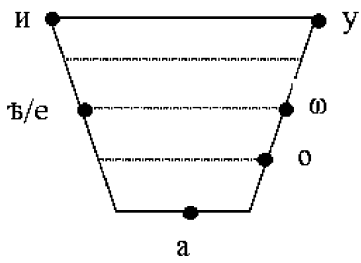
4. В большинстве южнорусских говоров, различающих под ударением семь гласных фонем, звук [ɔ] отмечается как возможная реализация фоне-

мы /о/. По всей видимости, этот факт связан с историей развития системы ударного вокализма в русском языке. Так, в слободских говорах Харовского р-на Вологодской обл. Р. Ф. Касаткина обнаружила следующую закономерность: в соответствии с **о* под нисходящим ударением в говоре произносятся дифтонг [о͡ў] и монофтонг [ɔ], а в соответствии с *ъ — почти исключительно [ɔ]. Эту особенность Р. Ф. Касаткина интерпретирует как сохранение следов «древнего различия **о* под нисходящим ударением и *ъ», то есть монофтонг [ɔ] был типичным воплощением фонемы /ъ/ в сильной позиции [Пауфошима 1983: 35—36; Касаткин 1999: 388].

Данные южнорусских говоров с архаическими типами аканья свидетельствуют о том, что в момент формирования архаических систем предударного вокализма звукотипы [о͡ў] и [ɔ] были реализациями одной фонемы и, возможно, уже тогда находились в отношении дополнительного распределения в зависимости от фразовой позиции. Впоследствии в результате развития процесса монофтонгизации звук [ɔ] из аллофона, характерного для слабой фразовой позиции, становится основной реализацией фонемы /о/; при этом на месте дифтонга [ў о͡], реализующего фонему /ω/, постепенно распространяются гласные [ọ] и [о], то есть функциональное противопоставление фонем /ω/ и /о/ сохраняется.

Иначе протекает монофтонгизация дифтонгов [и͡е] и [е͡и]. Сначала этот процесс захватывает дифтонг [е͡и] [Касаткин 1999: 393], который теряет [и]-образную фазу и изменяется в гласный [е], хотя спорадически на месте /е/ встречаются гласные верхне-среднего подъема [ẹ] или [ụ], а под акцентным выделением — дифтонги, причем не только [е͡и], но и [и͡е]. Основной реализацией фонемы /ѣ/ в сильной фразовой позиции остается дифтонг [и͡е], в слабой — появляются гласные [ẹ] и [е]. Важнейшим результатом начавшегося процесса становится появление зоны неразличения фонем, что создает условия для изменения системы вокализма в целом, ведет к утрате функциональной наполненности противопоставления /ѣ/ и /е/. На рис. 1 и 2 (с. 118) представлены осциллограммы и спектрограммы форм [д’и́е̯да] и [ạт’и́е̯ц], отмеченных в говоре с. Веретье. На графиках отчетливо видно, что обе формы имеют под ударением дифтонг [и͡е], который в первом случае реализует фонему /ѣ/, во втором — /е/. Таким образом, в южнорусских говорах противопоставление /ѣ/ и /е/ утрачивается раньше, чем /ω/ и /о/[4]. Отмечаемые шестифонемные системы вокализма обычно имеют следующий вид:

Схема 6



[4] Для говоров севернорусского наречия, а также для среднерусских говоров характерны шестифонемные системы вокализма с различением фонем /ѣ/ и /е/ [Высотский 1967: 75].

Подобные системы или следы их былого существования зафиксированы в некоторых населенных пунктах Белгородской и Воронежской обл. [Русские народные говоры: 157; Савинов 2010: сноска 5]. Г. А. Хабургаев отмечал похожие системы вокализма, сохраняющие рефлексы противопоставления фонем /ω/ и /о/, но не обнаруживающие никаких следов различения /ѣ/ и /е/, в окрестностях Курска [Хабургаев 1975: 72].

5. Однако в ряде южнорусских говоров процесс монофтонгизации дифтонгов сопровождается тенденцией к симметричности изменений системы ударного вокализма. В результате ее действия на месте фонемы /е/ появляется гласный средне-нижнего подъема [ɛ], то есть звукотип, соответствующий по степени подъема основной реализации фонемы /о/. Таким образом, с одной стороны, сохраняется параллелизм системы гласных фонем, с другой — этот параллелизм способствует консервации самой системы семифонемного вокализма. В большинстве южнорусских говоров распространение звука [ɛ] на месте /е/ — длительный процесс, который постепенно захватывает отдельные слова и формы. Фонема /е/ в этот период может реализоваться целой гаммой звуков: [ṵ], [ę], [е], [е͡й], [е͡ę], [ɛ], [ɛ͡ę], [ɛ͡е], а также дифтонгоидами со значительно более длинными [е]-образной или [ɛ]-образной частями. Например, в некоторых говорах Рязанской и Белгородской обл. отмечается следующая система распределения звуков на месте фонемы /е/.

I. Дифтонг [е́͡й] или гласные [ę] и [ṵ] более последовательно произносятся:

а) в Р. п. и В. п. местоимений *я*, *ты*, *себя*: *у мен*[е́͡й] или *у мен*[ę́];

б) у существительных, оканчивающихся на *-ец*[5], а также в словах, образованных от этих существительных: *от*[е́͡й]*ц*, *кон*[е́͡й]*ц*, *кон*[е́͡й]*чно* или *от*[ṵ́]*ц*, *кон*[ę́]*ц*, *кон*[ę́]*чно*;

в) в некоторых других словах, главным образом после переднеязычных согласных: *н*[е́͡й] *было*, *молод*[е́͡й]*нец*, *плет*[е́͡й]*нь* или *н*[ṵ́] *было*, *молод*[ę́]*нец*, *плет*[ę́]*нь*.

Гласный средне-нижнего подъема [ɛ] отмечается:

а) в Р. п. мн. ч. существительных с окончанием *-ей*: *сынов*[ɛ́]*й*, *дет*[ɛ́]*й*;

б) в личных формах настоящего времени глаголов I спряжения: *возьм*[ɛ́]*м*, *прид*[ɛ́]*шь*;

в) в некоторых других словах, главным образом — перед мягкими согласными: *д*[ɛ́]*ньги*, *п*[ɛ́]*чь*, *в*[ɛ́]*чером*, *с*[ɛ́]*рьги*, *в*[ɛ́]*рьх*.

Переход от восходящего дифтонга [е͡й] к монофтонгу [ɛ] происходит в результате понижения подъема обеих частей дифтонга до [ɛ͡е] и его после-

[5] Произношение [ę], [ṵ] и [и͡е] у существительных, оканчивающихся на *-ец*, а также в отрицательной частице *не-* объединяет эти гласные с рефлексами «нового ѣ», см. произношение дифтонга [и͡е] в словоформах *оте́ц*, *ове́ц*, *не́ было*, которое характерно для некоторых севернорусских говоров [Ваахтера 2009: 180—186]. Подробнее о «новом ѣ» см. [Shevelov 1979: 303].

дующей монофтонгизации: *в*[е͡ѝ]*чер* → *в*[е͡ę́]*чер* → *в*[ɛ͡ę́]*чер* → *в*[ɛ͡е́]*чер* → *в*[ɛ]*чер*. Для всех аллофонов фонемы /е/ характерно несколько общих особенностей. Во-первых, переднеязычные согласные *т*, *д*, *н*, *р* в позиции как перед гласными [е͡ѝ], [е], [ę], так и перед [ɛ͡е] или [ɛ], могут быть немягкими. Во-вторых, даже в том случае, если перед [ę], [е] или [ɛ] отмечается мягкий согласный, у гласного отсутствует начальный [и]-образный переходный участок, что создает акустическое впечатление твердого согласного.

Наконец, предударные гласные, находящиеся в позиции перед /е/, имеют тенденцию уподобляться ударному гласному не только по ряду, но и по подъему: например, в первом предударном слоге после твердых согласных перед [ɛ] могут произноситься на месте /о/, /а/ гласные [ą] или [æ], а перед [ę] и [и̯] — [ə̨] или [ə̨]. Подобную черту впервые обнаружили Р. Ф. Касаткина и Е. В. Щигель в говоре д. В. Колыбелка Хлевенского р-на Липецкой обл. — в этом говоре с архаическими типами предударного вокализма гласный [ə] перед ударным [е] становится более передним [Касаткина, Щигель 1995: 298]. То есть реализации фонемы /е/ имеют большой «ассимилирующий» потенциал.

6. Произношение перед реализациями фонемы /е/ звуков [е] и [ə][6], что характерно для наиболее архаических систем предударного вокализма, не может считаться диссимиляцией, но свидетельствует в пользу ассимилятивных отношений между гласными просодического центра[7] слова, то есть между ударным гласным и гласным первого предударного слога. Вероятно, существующая сегодня зависимость предударного гласного от степени подъема ударного гласного исторически не первична [Горшкова, Хабургаев 1997: 117] и причиной появления и развития типов предударного вокализма, подобных архаическому, не могла быть непосредственно диссимиляция, то есть стремление говорящих расподобить подъемы гласных. Можно предположить, что качественная диссимиляция — это лишь результат, внешнее проявление действия других фонетических процессов [Касаткин 2009: 96]. По-видимому, процессом, обусловившим появление и развитие диссимилятивных архаических систем предударного вокализма, стало формирование той ритмической структуры слова, которая характерна сегодня для южнорусских говоров. Выделение просодического центра и его противопоставление другим гласным слова привело к изменению всей вокалической системы: в новых условиях оптимальным основанием для ее существования становится компенсаторная зависимость между гласными просодического центра — система стабилизируется на основании различения ударных и предударных гласных по длительности.

Не вызывает сомнений первичность количественных отношений между гласными просодического центра [Брок 1916: 57—59; Касаткин 1999:

[6] Имеющего в этой позиции склонность к переходу в более передний ряд.

[7] Термин предложен Р. Ф. Касаткиной.

447—448; Касаткин 2009: 96—98]. Важнейшее условие существования подобной системы: чем длительнее ударный гласный, тем более короткие звуки произносятся в первом предударном слоге.

Со временем произошло качественное разграничение предударных гласных в зависимости от их квантитативных характеристик. Возможные количественные модификации были обобщены в два звукотипа: [а] — не-[а]. Долгий широкий [а] стал произноситься перед гласными верхнего и верхне-среднего подъемов, а более короткие и закрытые [ə] и [е] — перед гласными среднего и нижнего подъемов. Появление после мягких согласных звука [е] перед ударными гласными среднего подъема в принципе нарушало диссимилятивный принцип, поскольку свидетельствовало скорее о регрессивной ассимиляции. Поэтому задонская разновидность архаического яканья может быть отнесена к диссимилятивным типам вокализма лишь отчасти.

Кроме того, появление системных различий в реализации звукотипа не-[а] в зависимости от твердости-мягкости предшествующего согласного ([е] после мягких, [ə] после твердых) становится первым шагом к утрате абсолютного параллелизма систем предударного вокализма после твердых и после мягких согласных — на предыдущем этапе система корреляции предударных гласных основывалась только на квантитативных признаках, которые, очевидно, не зависели от качества предшествующего согласного. Таким образом формируются наиболее архаические типы диссимилятивного аканья и яканья задонской разновидности, поддержанные семифонемным ударным вокализмом с системой нисходящих и восходящих дифтонгов в соответствии с фонемами /ω/, /ѣ/ и /о/, /е/.

7. Однако начинается трансформация исходной прототипичной системы ударного вокализма — получает развитие процесс монофтонгизации дифтонгов. Система предударного вокализма чутко реагирует на происходящие изменения: для архаического диссимилятивного яканья задонского типа, точно настроенного на прежнюю модель ударного вокализма, важны не конкретные характеристики складывающейся системы корреляций /ω/ — /о/ и /ѣ/ — /е/, но сам факт начавшихся изменений. Появление тенденции к разрушению старой системы дифтонгов провоцирует в задонской разновидности яканья структурные сдвиги, адекватные новым условиям функционирования.

Ассимилятивно-диссимилятивная природа задонского архаического яканья обусловливает нестабильность этого типа вокализма: в нем всегда присутствуют либо черты обоянского диссимилятивного яканья, свидетельствующие о переходе к «подлинной» диссимилятивной системе вокализма, либо элементы умеренно-диссимилятивного и ассимилятивно-диссимилятивного яканья новосёлковской разновидности, свидетельствующие об утрате самого принципа диссимиляции.

Соответственно, возможны два варианта развития задонского типа вокализма. Если в говоре ритмическая структура слова допускает произно-

шение широких длительных гласных перед гласными среднего, средне-нижнего и нижнего подъемов (при наличии в говоре ассимилятивных тенденций), гласный [а] распространяется в первом предударном слоге перед ударными [ɔ] и [а], и диссимилятивный принцип перед этими гласными исчезает в принципе. Например, в говоре д. В. Колыбелка наблюдается первая ступень перехода задонского архаического яканья к ассимилятивно-диссимилятивному, ассимиляция наслаивается и на систему архаического диссимилятивного аканья, что ведет к формированию особой модели вокализма, которую авторы называют ассимилятивно-диссимилятивным аканьем [Касаткина, Щигель 1995].

Р. Ф. Касаткина и Е. В. Щигель показали, что изменение обусловлено ассимиляцией гласных первого предударного слога ударным гласным средне-нижнего и нижнего подъемов [ɔ] и [а]. В результате в первом предударном слоге на месте фонем неверхнего подъема начинают употребляться не две, а три звуковые единицы: <u>после твердых согласных</u> — [ā] перед /и/, /у/, /ω/, /ѣ/; [ą̆] перед /а/; [ə] перед /о/, /е/, /’а/; <u>после мягких</u> — [ā] перед /и/, /у/, /ω/, /ѣ/; [æ] перед /о/, /а/; [е] перед /’о/, /е/, /’а/. Очевидно, что прежде всего ассимиляции подвергаются гласные перед ударным [а], затем перед [ɔ]. По-видимому, со временем гласный [ą̆] после твердых согласных распространяется также перед ударным [ɔ], то есть возникает система умеренно-диссимилятивного аканья и яканья на новосёлковской основе.

Переходу [ə] и [е] в [а] перед ударным [’а] мешает дифтонгическое образование этого гласного, [е]-образная фаза составляет практически половину длительности дифтонга, реализующего фонему /а/ после мягких согласных, см. примеры [м’итéӑшка], [рéӑдəм], [ləшədéӑх] [Русские народные говоры 1999: 127]. Только после монофтонгизации [e͡a] начинается распространение [а] перед ударным [’а], которое совпадает с изменением системы корреляций после мягких согласных: от **[а] — не-[а]** к **[и] — не-[и]**. Видимо, именно этим объясняется непоследовательность произношения [а] перед [’а].

Это изменение системы корреляций приводит к фонологизации противопоставления [и] — [а] и к утрате фонетической зависимости гласного первого предударного слога от ударного гласного. После твердых согласных возможность для лексикализации и грамматикализации противопоставления отсутствует, с чем связано распространение в говорах сильного аканья, которое может сохранять лишь следы прежней диссимилятивной системы перед ударным *а*.

Как правило, новосёлковское ассимилятивно-диссимилятивное яканье сочетается в южнорусских говорах с системой семифонемного вокализма, в которой гласные средне-верхнего или среднего подъемов противопоставляются гласным средне-нижнего подъема: [ǫ] ~ [ɔ], [ę] ~ [ɛ] или [о] ~ [ɔ], [е] ~ [ɛ]. Однако сохранение противопоставления гласных [а] — [и] перед /е/ и /ѣ/ при этом типе вокализма уже не имеет никакого отношения к особенностям системы ударных фонем. На выбор гласного в первом предударном слоге влияют морфонологические факторы, то есть консервация

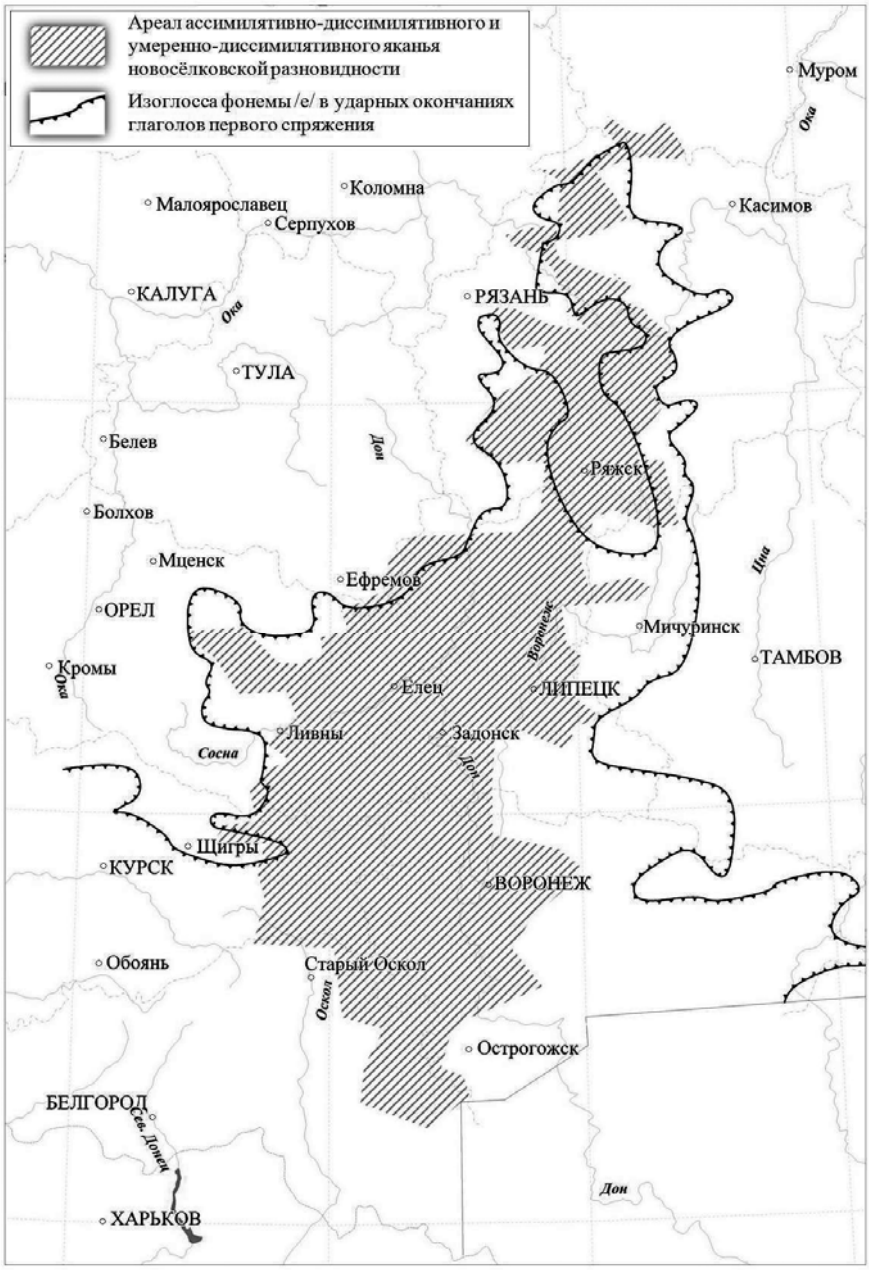
системы новосёлковского ассимилятивно-диссимилятивного яканья поддерживается наличием в говоре ряда значимых грамматических черт. Так, изоглосса фонемы /е/ в ударных окончаниях глаголов первого спряжения в основных чертах совпадает с ареалом ассимилятивно-диссимилятивного и умеренно-диссимилятивного типов яканья новосёлковской разновидности (см. карту).

Эта же изоглосса практически полностью покрывает и территорию, на которой Диалектологический атлас русского языка фиксирует щигровское диссимилятивное яканье, для которого характерно чередование [а] ‖ [и] перед ударным [е] в зависимости от его происхождения. Впрочем, населенных пунктов, в которых отмечается этот тип вокализма, немного, и они не занимают сплошной территории [Захарова 1971: 7].

8. В том случае, если в говоре ритмическая структура слова жестко ориентирована на диссимилятивный принцип (перед ударными гласными среднего, средне-нижнего и нижнего подъемов могут произноситься только короткие узкие гласные), происходит фонологизация корреляции гласных в первом предударном слоге. Для увеличения контрастности противопоставления гласный [е] повышает подъем и смещается в область [и], в результате чего формируется архаическое яканье обоянской разновидности.

При переходе системы противопоставления от **[а] — не-[а]** к **[и] — не-[и]** также прекращается действие прежних фонетических закономерностей, поскольку образуется новая фонологическая модель. В зависимости от различных условий звук [и], являющийся основным вариантом фонемы /и/, противопоставляется гласному [а], реализующему фонемы /а/, /о/, /е/. Поэтому даже в системе архаического яканья обоянской разновидности, поддержанного семифонемным вокализмом, появление того или иного варианта зависит уже не только от фонетической позиции, но также от различных фонологических или лексико-грамматических условий [Захарова 1971: 6—11; Высотский 1975: 9—11]. Подобная система, как правило, изменяется лишь за счет закрепления или распространения одного из звукотипов в определенных формах или словах, а также за счет распространения [и] перед фонологически мягкими согласными.

Если трансформация системы ударного вокализма приводит к появлению на месте фонемы /е/ гласного [ε], что свидетельствует о стабильности системы семифонемного вокализма в целом, архаическое аканье и обоянское диссимилятивное яканье также последовательно сохраняются, отмечаются лишь единичные исключения. Если развитие системы ударного вокализма не приводит к появлению [ε] как возможной реализации фонемы /е/, начинается постепенная утрата противопоставления /ѣ/ ~ /е/, что провоцирует изменения систем аканья и яканья. Прежде всего это выражается в разрушении системы диссимилятивного яканья, и лишь затем — диссимилятивного аканья, вопреки существовавшему ранее мнению о «более раннем устранении диссимилятивного принципа» после твердых согласных


Ареал ассимилятивно-диссимилятивного и умеренно-диссимилятивного яканья новосёлковской разновидности
Изоглосса фонемы /е/ в ударных окончаниях глаголов первого спряжения
Муром
Ока
Коломна
Малоярославец
Серпухов
Касимов
КАЛУГА
Ока
РЯЗАНЬ
ТУЛА
Белев
Дон
Ряжск
Болхов
Мценск
Ефремов
Цна
ОРЕЛ
Мичуринск
Воронеж
ТАМБОВ
Кромы
Ока
Елец
ЛИПЕЦК
Ливны
Задонск
Сосна
Дон
Щигры
КУРСК
ВОРОНЕЖ
Обоянь
Старый Оскол
Оскол
Острогожск
БЕЛГОРОД
Сев. Донец
Дон
ХАРЬКОВ

[Захарова 1959: 42]. Как показывают последние исследования[8], архаичная диссимилятивная система предударного вокализма после твердых согласных сохраняется значительно лучше, чем после мягких согласных, и становится, по сути, особой ритмической моделью слова. Это связано с тем, что артикуляционный контраст между гласными непереднего ряда [а] и [ə] оказывается гораздо менее четко выраженным, чем между гласными переднего ряда, более удаленными друг от друга в артикуляционном пространстве [Касаткина 2000: 102], различие звукотипов после твердых согласных не осознается носителями говора и потому легко сохраняется как произносительный стереотип. Яканье, напротив, «одиозная» черта, которая воспринимается как яркая диалектная особенность и потому первой устраняется из речи.

В качестве примера можно привести говоры с. Веретья Острогожского р-на Воронежской обл. и Солдатского Старооскольского р-на Белгородской обл. В первом говоре звук [ε] как реализация фонемы /е/ не отмечен, противопоставление фонем /ѣ/ и /е/, /ω/ и /о/ постепенно утрачивается, что сразу же приводит к нарушениям в системе диссимилятивного яканья обоянской разновидности, к появлению элементов иканья. Особенно отчетливо эта тенденция проявляется в системе приставок, предлогов и отрицаний, находящихся в первом предударном слоге. Независимо от ударного гласного звук [и] в этой позиции постепенно становится основным произносительным вариантом, что указывает на начавшийся процесс разрушения архаического типа диссимилятивного яканья обоянской разновидности.

В говоре Солдатского, напротив, звук [ε] — основная реализация фонемы /е/, соответственно, этот говор практически не знает отклонений от системы обоянского яканья. При этом в говоре отмечается единая система предударного вокализма как в значимых словах, так и в предлогах, приставках и отрицаниях. Подобная структурная целостность подтверждает, что диссимилятивный тип яканья является живой действующей закономерностью, основанной на различении /ѣ/ и /е/, /ω/ и /о/ [Захарова 1959: 13]

Обоянское диссимилятивное яканье при изменении условий своего существования, то есть при полном исчезновении противопоставления /ѣ/ — /е/ и /ω/ — /о/, может трансформироваться в щигровский или суджанский типы диссимилятивного яканья. Развитие этих систем предударного вокализма происходит под действием морфонологических факторов: звук [а] перед ударным [о] из **о* и **ъ* распространяется благодаря морфологическому обобщению основ слов с ударением на флексии, при этом в лексемах с ударением на основе звук [и] может сохраняться [Захарова 1971: 6—11]. В первую очередь [а] распространяется в И. п. прилагательных м. р.: *с*[’а]*дóй*, *св*[’а]*тóй* и в Тв. п. существительных ср. и м. р.: *с*[’а]*лóм*, *мо-*

[8] См. работу С. В. Дьяченко «К вопросу о соотношении между гласными после твердых и после мягких согласных в южнорусских говорах (на примере говора с архаическим типом вокализма)» в данном номере.

лодн[’а]*ко́м*. Гласный [а] произносится также перед таким гласным [’о] (из **е* и **ь*), который находится в некоторых суффиксах и флексиях и ассоциируется с фонемой /о/: *штаб*[’а]*лёв*, *з*[’а]*млёй*, *кис*[’а]*лёв*, но *б*[’и]*рёза*, *з*[’и]*лёный*, *в*[’и]*дёрко*. Очевидно, что гласный [и] наиболее последовательно сохраняется перед *’о*, находящимся в корне слова, и становится в этой позиции вариантом фонемы /и/.

Разумеется, процессы аналогического выравнивания всегда ограничены определенными парадигмами и не распространяются механически, поэтому системы суджанского и щигровского типов яканья практически всегда сохраняют черты своей основы — архаического яканья обоянской разновидности. Наиболее последовательно звукотип [и] перед [о] из **о* и **ъ* сохраняется в формах И. п. и Тв. п. существительных с финалью *-ок*: *п*[’и]*со́к*, *м*[’и]*шо́к* и *п*[’и]*ско́м*, *м*[’и]*шко́м*; в Р. п. местоимений (типа *его*): [йи]*го́*, *неч*[’и]*го́*; в словах различных частей речи с ударением на основе: *св*[’и]*кро́вь*.

Появление [а] перед ударным [а] при щигровском и суджанском типах диссимилятивного яканья всегда характеризует отдельные формы, например глагольные формы прошедшего времени или формы существительных м. и ср. р., а также прилагательных ж. р., но не становится правилом позиционного чередования: *ун*[’а]*сла́*, *вз*[’а]*ла́*, *с*[’а]*ла́*, *молодн*[’а]*ка́*, *альн*[’а]*на́я*, но *с*[’и]*стра́*, *в*[’и]*рста́*, *в дер*[’и]*вня́х*, *по ст*[’и]*на́м*, *перев*[’и]*за́ть*.

9. Таким образом, архаические типы вокализма проходят сложный путь эволюции, в результате которой качественно меняется система зависимости гласных первого предударного слога от ударных гласных: изначальная зависимость от конкретных квантитативных характеристик ударного гласного сменяется зависимостью от качества конкретной реализации фонемы. На следующем этапе употребление предударного гласного связано с положением перед определенной фонемой, а затем — с положением в определенном слове или грамматической категории. То есть развитие системы предударного вокализма проходит три этапа: от регулярного варьирования аллофонов, обусловленного фонетическим законом позиционного чередования, через фонологизацию к морфонологизации, к усилению влияния слов и форм на функционирование этих систем.

Литература

Брок 1916 — О. Брок. Говоры к западу от Мосальска. Пг., 1916.

Ваахтера 2009 — Й. М. Ваахтера. Эволюция системы гласных фонем в некоторых русских говорах Вологодской области // Slavica Helsingiensia 37. Helsinki, 2009.

Васильев 1904 — Л. Л. Васильев. Гласные в слоге под ударением в момент возникновения аканья в обоянском говоре // Изв. ОРЯС. 1904. Т. 9. Кн. 1. С. 336—355.

Высотский 1967 — С. С. Высотский. Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967. С. 5—82.

Высотский 1975 — С. С. Высотский. К проблеме изучения вокализма южнорусских говоров // Русские говоры / Отв. ред. Е. В. Немченко. М., 1975. С. 3—19.

Горшкова, Хабургаев 1997 — К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев. Историческая грамматика русского языка. 2-е изд. М., 1997.

Дурново 1917 — Н. Н. Дурново. Диалектологические разыскания в области великорусских говоров. Ч. 1: Южновеликорусское наречие. Вып. 1. М., 1917.

Дурново 1929 — М. М. Дурнаво. Працы Алёны Курылавай у галіне дыялекталёгіі і гісторыі беларускай і ўкраінскай мовы // Беларуская акадэмія навук. Зап. аддзелу гуманіт. навук. Кн. 9. Працы клясы філёлёгіі. Т. II. Менск, 1929. С. 317—320.

Захарова 1959 — К. Ф. Захарова. Архаические типы диссимилятивного яканья в говорах Белгородской и Воронежской областей // Мат-лы и исслед. по русской диалектологии. Новая серия. М., 1959. Т. I. С. 6—55.

Захарова 1970 — К. Ф. Захарова. Типы диссимилятивного яканья: Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1970.

Захарова 1971 — К. Ф. Захарова. Типы диссимилятивного яканья в русских говорах (Лексико-морфонологическая характеристика) // ВЯ. 1971. № 2. С. 3—18.

Касаткин 1999 — Л. Л. Касаткин. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.

Касаткин 2009 — Л. Л. Касаткин. К истории аканья — яканья // Актуальные проблемы русской диалектологии и исследования старообрядчества: Тез. докл. Междунар. конф. 19—21 октября 2009 г. М., 2009. С. 96—99.

Касаткина 2000 — Р. Ф. Касаткина. Южнорусское наречие. Новые данные // ВЯ. 2000. № 6. С. 98—109.

Касаткина, Щигель 1995 — Р. Ф. Касаткина, Е. В. Щигель. Ассимилятивно-диссимилятивное аканье // Проблемы фонетики II / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 1995. С. 295—309.

Кодзасов, Кривнова 2001 — С. В. Кодзасов, О. Ф. Кривнова. Общая фонетика. М., 2001.

Пауфошима 1983 — Р. Ф. Пауфошима. Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М., 1983.

Русские народные говоры 1999 — Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие / Под ред. Р. Ф. Касаткиной. М., 1999.

Савинов 2010 — Д. М. Савинов. Суджанское диссимилятивное яканье в синхронии и диахронии // Мат-лы по русско-славянскому языкознанию. Вып. 30. Воронеж, 2010.

Строганова 1955 — Т. Г. Строганова. Одна из особенностей южнорусского вокализма // ВЯ. 1955. № 4. С. 94—103.

Трубецкой 2000 — Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. 2-е изд. М., 2000.

Филин 1968 — Ф. П. Филин. О происхождении и развитии восточнославянского аканья // В. И. Георгиев, В. К. Журавлев, Ф. П. Филин, С. И. Стойков. Общеславянское значение проблемы аканья. София, 1968.

Хабургаев 1965 — Г. А. Хабургаев. О фонологических условиях развития русского аканья // ВЯ. 1965. № 6. С. 55—63.

Хабургаев 1975 — Г. А. Хабургаев. Географическое варьирование системных отношений как материал исторической диалектологии // Русские говоры.

К изучению фонетики, грамматики, лексики / Отв. ред. Е. В. Немченко. М., 1975. С. 72—76.

Shevelov 1979 — G. Y. Shevelov. A Historical Phonology of the Ukrainian Language. Heidelberg, 1979.

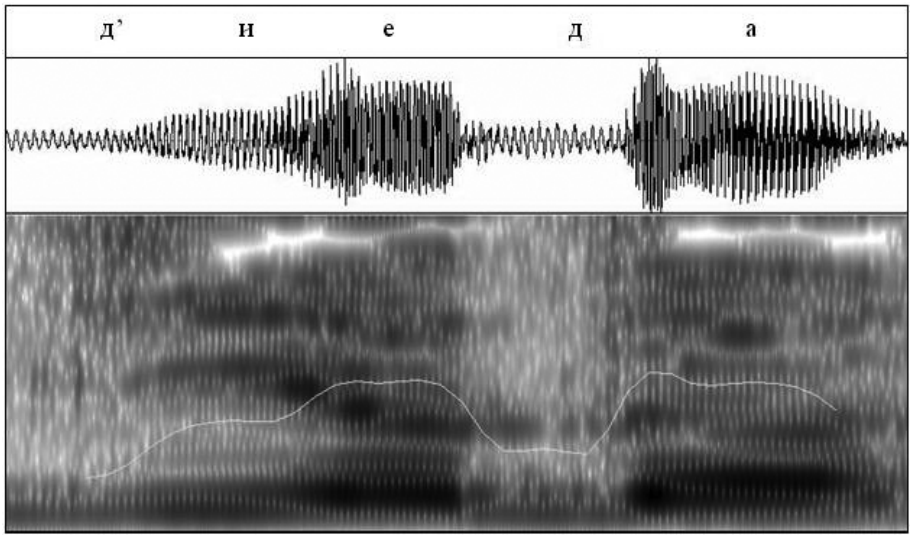


Рис. 1. Осциллограмма и спектрограмма формы *д’и͡е́да* (деда)

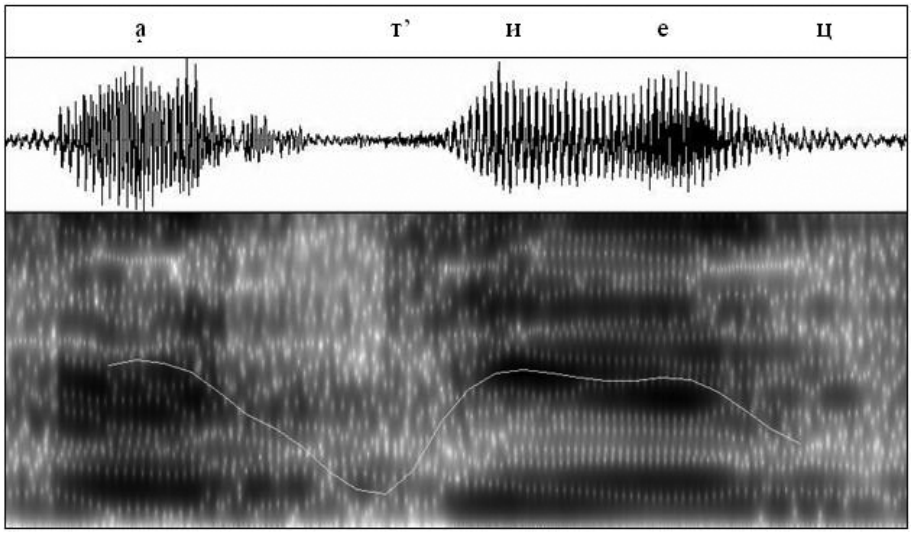


Рис. 2. Осциллограмма и спектрограмма формы *а̣т’и͡е́ц* (отец)

Summary

The archaic types of vocalism emerged as a result of a complicated evolutionary process. This process radically changed the system of dependence of pretonic vowels on stressed vowels: regular allophonic variation conditioned by phonetic law underwent a process of phonologization and then morphonologization. This development was initially motivated by the monophthongization of diphthongs and by the consequent process of the loss of the /ω/ — /o/ and /ѣ/ — /e/ oppositions.

Ключевые слова: русская фонетика, диалектология, история русского языка, аканье, яканье.

Keywords: Russian phonetics, dialectology, history of Russian language, akanie, jakanie.

С. В. ДЬЯЧЕНКО

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ МЕЖДУ ПРЕДУДАРНЫМИ ГЛАСНЫМИ ПОСЛЕ ТВЕРДЫХ И МЯГКИХ СОГЛАСНЫХ В ЮЖНОРУССКИХ ГОВОРАХ

(на примере говора с архаическим типом вокализма)

Архаические системы предударного вокализма в южнорусских говорах образовались, вероятно, в результате компенсаторной диссимиляции гласных по длительности, при которой перед долгим гласным может быть краткий гласный, а перед кратким — долгий. Впервые этот принцип был сформулирован О. Броком [Брок 1916: 57—59]. Поскольку закон количественной диссимиляции никак не связан с твердостью/мягкостью предшествующего согласного, модели аканья и яканья должны были сосуществовать как параллельные системы.

Однако такой параллелизм обнаруживается далеко не во всех современных говорах, знающих нейтрализацию фонем неверхнего подъема в первом предударном слоге. Об этом свидетельствует гораздо большее многообразие типов яканья, чем типов аканья. Обнаруженные и описанные в последние десятилетия типы яканья дополнили картину русского предударного вокализма после мягких согласных. Так, Л. Л. Касаткин и Е. Г. Бурова при обследовании чухломского акающего острова обнаружили в нем особое диссимилятивно-умеренное яканье с противопоставлением в предударном слоге после мягких согласных трех звуков: [е], [а], [и] [Касаткин 1999: 417—418]. В некоторых псковских говорах В. Н. Чекмонасом был открыт бельский тип яканья, он описан в [Чекмонас 1999: 89—141]. В то же время исследования Д. М. Савинова показали, что дмитриевский тип диссимилятивного яканья является разновидностью суджанского типа [Корпечкова, Савинов 2009: 53—62]. Следует заметить также, что были открыты новые типы аканья: ассимилятивно-диссимилятивное, которое соответствует ассимилятивно-диссимилятивному яканью [Касаткина, Щигель 1995: 295—309], белевское, соответствующее дмитриевскому диссимилятивному яканью [Савинов 2001: 212—213]. Кроме того, в некоторых районах Белгородской области в 1950-х гг. был отмечен тип аканья, соответствующий донскому яканью. Но в связи с недостаточной достоверно-

Русский язык в научном освещении. № 2 (20). 2010. С. 120—142.

стью материалов, подтверждающих такой тип аканья, его наличие ставилось учеными под сомнение [Строганова 1964: 39]. Диалектные тексты из Хвастовического района Калужской области (расшифровка и комментарий произведены Л. Л. Касаткиным) подтвердили существование такого типа аканья, и он был назван прохоровским [Касаткина (ред.) 1999: 46]. Однако эти типы аканья реализуются непоследовательно и представляют собой лишь следы единого происхождения. Не обнаружено моделей вокализма после твердых согласных, соответствующих щигровскому, суджанскому, мосальскому типам диссимилятивного яканья, а также умеренному. Все это говорит о том, что вокализм после твердых и после мягких согласных развивается по разным моделям, параллельно, но не идентично.

В данной статье ставится задача определить, в какой момент происходит разрыв связи между развитием системы гласных после твердых и после мягких согласных, установить причины и последствия этого разрыва.

Основным материалом послужили записи говора с. Веретье Острогожского района Воронежской области, произведенные в 1953—1954 гг. при составлении ДАРЯ (рукописные материалы) и в 2002, 2009 г. (аудиозаписи), сделанные О. Г. Ровновой и Д. М. Савиновым (2002 г.), Е. В. Корпечковой и С. В. Дьяченко (2009 г.). Использование данных других говоров оговаривается.

I

1. В современных говорах архаическому аканью полностью соответствует наиболее архаичное задонское яканье, здесь системы гласных после мягких и твердых согласных параллельны. Соответствие поддерживается семифонемным ударным вокализмом.

Параллелизм между системами гласных после твердых и мягких согласных свидетельствует о диссимиляции, зависимости предударного гласного от ударного гласного: перед ударными гласными верхнего подъема, а также перед гласными, которые примыкают к ним по характеру влияния на предударный слог, то есть перед гласными верхне-среднего подъема, фонемы /ѣ/, /ω/, /е/, /о/, /а/ реализуются в звуке нижнего подъема, и наоборот, перед ударным гласным нижнего подъема, а также перед гласными, которые примыкают к нему по характеру влияния на предударный слог, то есть перед гласными среднего подъема, эти фонемы не могут быть представлены звуком нижнего подъема.

Соотношение гласных в говорах с архаическим аканьем и задонским яканьем представлено в табл. 1.

Таким образом, расподобление гласных по подъему выражается в противопоставлении звуков [ə] — [а] после твердых согласных и [е] — [а] после мягких согласных. Это противопоставление обусловлено фонетической зависимостью.

Таблица 1

Гласные 1-го предударного слога в говорах с архаическим аканьем и яканьем задонского типа

Гласный 1-го предударного слога				Гласный под ударением
Предшествующий согласный \ на месте фонем	/у/	/и/	/ѣ/, /ѡ/, /е/, /о/, /а/	
Твердый	[у]	[ы]	[а]	/и/, /у/, /ѣ/, /ѡ/
Мягкий	[у]	[и]	[а]	
Твердый	[у]	[ы]	[ə]	/е/, /о/, /а/
Мягкий	[у]	[и]	[е]	

Пока зависимость между предударным и ударным гласным существует на фонетическом уровне, вокалические системы после твердых и мягких согласных развиваются в соответствии друг с другом. В говорах с архаическим типом вокализма такой параллелизм отмечала К. Ф. Захарова [Захарова 1959: 14—15].

Однако на определенной ступени развития говора фонетическая позиционная зависимость утрачивается, и далее отношения между предударным и ударным гласным развиваются под действием фонологических и морфонологических факторов. Это проявляется в том, что система предударных и ударных гласных существует как модель, где употребление звукотипа в предударной позиции регламентируется ударной фонемой, а не ее конкретной реализацией. Таким образом, тот или иной звук в первом предударном слоге после мягких согласных может являться показателем определенной формы, притом что под ударением может произноситься один и тот же звук. Так, при пятифонемном ударном вокализме может произноситься *н*[’имó]*й* в именительном падеже м. р., но *н*[’амó]*й* в косвенных падежах ж. р.

Этот процесс отражается в первую очередь на системе гласных после мягких согласных, хотя в некоторых случаях особым образом сказывается на вокализме после твердых согласных. Речь идет о западных говорах русского языка и северо-восточных говорах белорусского языка. В них представлено последовательное диссимилятивное аканье жиздринского типа при пятифонемном ударном вокализме, причем звуком, противопоставленным [а] по подъему в предударной позиции после твердых согласных, является [ы], то есть диссимиляция выражается в противопоставлении гласных звуков верхнего и нижнего подъема [Строганова 1975: 42—43]. Учитывая, что после мягких согласных в этих говорах также противопоставлены гласные верхнего и нижнего подъема [и] и [а], можно сказать, что здесь наблюдается параллелизм после твердых и мягких согласных, имеющий иную основу по сравнению с архаическим аканьем и задонским яканьем. В этом случае предударная позиция оказывается позицией ней-

трализации для фонем неверхнего подъема и для фонемы /и/. Фонемы неверхнего подъема и /и/ нейтрализуются перед ударными гласными нижнего подъема и различаются перед гласными верхнего и среднего подъема.

Соотношение звуков, реализующих гласные фонемы в первом предударном слоге в таких говорах, показано в табл. 2.

Таблица 2

Гласные 1-го предударного слога
в говорах с диссимилятивным аканьем и яканьем жиздринского типа,
при котором гласные неверхнего подъема
перед ударным гласным нижнего подъема совпадают в звуках верхнего подъема

Гласный 1-го предударного слога				Гласный под ударением
Предшествующий согласный \ на месте фонем	/у/	/и/	/ѣ/, /ω/, /е/, /о/, /а/	
Твердый	[у]	[ы]	[а]	/и/, /у/, /е/, /ω/
Мягкий	[у]	[и]	[а]	
Твердый	[у]	[ы]		/а/
Мягкий	[у]	[и]		

Возникновение «нового» параллелизма как «важн⟨ого⟩ фактор⟨а⟩ разрушения старых типов вокализма и развития новых» было описано Р. И. Аванесовым [Аванесов 1970: 477]. Такой «новый» параллелизм содержит в себе противоречие в том плане, что фонема /и/ и фонемы неверхнего подъема нейтрализуются в звуках [ы], [и] только перед ударным гласным нижнего подъема, причем теми же самыми звуками фонема /и/ реализуется во всех остальных позициях, отличаясь этим от фонем неверхнего подъема.

Язык в стремлении преодолеть это противоречие может развиваться разными путями. Так, например, в некоторых говорах, знающих нейтрализацию фонем неверхнего подъема и /и/ перед ударным гласным нижнего подъема, фонемы неверхнего подъема могут быть представлены звуками [и] и [ы] не только перед ударным гласным нижнего подъема, но и перед ударными гласными среднего подъема, например *р*[’ико́]*й*, *н*[ыго́]*й* (рекой, ногой) [Аванесов 1970: 477].

Включение фонемы /и/ в систему отношений между предударным и ударным слогом может происходить другим способом. Так, в некоторых смоленских говорах фонема /и/ после твердых согласных реализуется в звуке [ы] перед ударными гласными верхнего и среднего подъема и в звуке [ə] перед ударным гласным нижнего подъема. Но, как отмечает И. Л. Сталькова, хотя эта фонема в данном случае и включается в системные отношения ударных и предударных гласных, но отражает не диссимилятивную зависимость подъема предударного гласного от подъема ударного, а ско-

рее ассимилятивную, поскольку звук [ə] по сравнению с [ы] ниже по подъему и ближе к [а] [Сталькова 1973: 74—86].

Помимо этого исследователи отмечают в некоторых говорах с диссимилятивным типом вокализма явления, якобы свидетельствующие о включении в отношения между предударным и ударным гласными фонемы верхнего подъема /у/. Это выражается в том, что перед ударным гласным нижнего подъема фонемы неверхнего подъема после твердых согласных реализуются звуками [у], [ə^{у}], [ы^{у}] и т. п. [Строганова 1975: 43—50]. Но тот факт, что помимо лабиализованного гласного [у] в этой позиции в других говорах может встречаться лабиализованный же [о], а также преимущественное употребление этих звуков в «лабиализирующем» окружении (в соседстве с губными или заднеязычными согласными, согласным [л] или при наличии звука [у] в предыдущем слоге) свидетельствует о том, что лабиализованные звуки в этой позиции, вероятно, произносятся под влиянием соответствующего звукового окружения.

Таким образом, утрата фонетической зависимости гласного первого предударного слога от гласного ударного слога приводит к преобразованию всей системы гласных.

2. Задонское яканье представляет собой весьма неустойчивый тип предударного вокализма, склонный к изменениям, поскольку при таком типе в предударной позиции различается наибольшее количество фонем, а для русских говоров характерна тенденция к уменьшению количества звукотипов в первом предударном слоге. С этой тенденцией связано появление гласного [и] как варианта противопоставления гласному [а] в говорах с диссимилятивным вокализмом. К. В. Горшкова и Г. А. Хабургаев видели причину возникновения в этой позиции звука [и] во влиянии «вторично» акающих среднерусских говоров [Горшкова, Хабургаев 1981: 111]. Однако это представляется сомнительным. Возникновение такого противопоставления, вероятно, связано с внутренними закономерностями развития говоров [Савинов 2010].

В юго-западных русских говорах изменение задонского яканья приводит к тому, что пара противопоставленных после мягких согласных звуков [е] — [а] сменяется парой [и] — [а], то есть [е] → [и]. Изменение [е] в [и] в первом предударном слоге не уникально, многочисленные аналогичные примеры приводит В. Н. Сидоров [Сидоров 1969: 15—24]. Условия для изменения [е] в [и] в говорах с архаическим типом вокализма появляются тогда, когда начинает изменяться система ударного вокализма, то есть при непоследовательном различении фонем /ω/ и /о/, /ѣ/ и /е/. Система предударного вокализма реагирует на это таким образом, что увеличивается контрастность противопоставления, которая зависит уже от позиции перед фонемой, а не перед звуком, ее реализующим. Противопоставление [ə] — [а] после твердых согласных, напротив, устойчиво и сохраняется в большинстве говоров с диссимилятивным вокализмом, но так же, как после мягких, зависит от ударной фонемы, а не звука.

Таким образом, вокализм после твердых и мягких согласных начинает развиваться по разным моделям:

а) после твердых согласных: противопоставление [ə] — [а] сохраняется;

б) после мягких согласных: противопоставление [е] — [а] → [и] — [а].

Современные говоры представляют разные ступени этого процесса. Так, по нашим наблюдениям, в говоре с. Татарино Каменского района Воронежской области изменение задонского яканья в обоянское — живой процесс, так как предударный [е] перед ударными средне-нижнего и нижнего подъема встречается наряду с предударным [и], а также [и^{е}], [е^{и}] в той же позиции, причем у некоторых информантов старшего поколения звук [е] в данной позиции наблюдается довольно последовательно, хотя и нерегулярно, тогда как у представителей младшего варианта говора здесь преобладает [и], а у большинства только он и возможен. В говоре с. Веретье Острогожского района Воронежской области сохраняются только рудименты былого [е], то есть звуки типа [и^{е}], [е^{и}], отмеченные спорадически.

II

Современный говор с. Веретье различает семь гласных фонем. Однако фонемы /ω/ и /о/, а также /ѣ/ и /е/ иногда совпадают в одном звуке. Приведем материал, подтверждающий это.

Фонема /ѣ/ представлена следующими звукотипами:

1) дифтонгом [и͡е] (рис. 1). Чаще всего именно он реализует фонему, если слово находится в сильной фразовой позиции, а ударный гласный — перед твердым согласным или в абсолютном конце слова: *б*[’и́е]*гаю*, *б*[’и́е]*гают*ь, *б*[’и́е]*гала*, *д*[’и́е]*ло*, *д*[’и́е]*ла*, *д*[’и́е]*лать*, *д*[’и́е]*лаешь*, *д*[’и́е]*лай*, *д*[’и́е]*лают*ь, *д*[’и́е]*лае*, *д*[’и́е]*лали*, *в*[’и́е]*тром*, *д*[’и́е]*вушка*, *д*[’и́е]*вочка*, *н*[’и́е]*ту*, *д*[’и́е]*д*, *д*[’и́е]*ду*, *д*[’и́е]*да*, *д*[’и́е]*душка*, *б*[’и́е]*лаи*, *пол*[’и́е]*зла*, *челов*[’и́е]*к*, *гор*[’и́е]*ла*, *Махачкал*[’и́е], *в курян*[’и́е], *сял*[’и́е], *ид*[’и́е] (где), *ус*[’и́е];

2) дифтонгоидом [и̯е]. Он также чаще произносится в сильной фразовой позиции, перед твердым согласным и в абсолютном конце слова: *д*[’и̯е́]*д*, *д*[’и̯е́]*душки*, *д*[’и̯е́]*лать*, *д*[’и̯е́]*лал*, *св*[’и̯е́]*т*, *н*[’и̯е́]*ту*, *д*[’и̯е́]*тства*, *б*[’и̯е́]*гают*ь, *у*[jи̯е́]*хала*, *на*[jи̯е́]*лси*, *няв*[’и̯е́]*ска*, *см*[’и̯е́]*ны*, *д*[’и̯е́]*вочку*, *бр*[’и̯е́]*зговаю*, *везд*[’и̯е́], *сторон*[’и̯е́], *ид*[’и̯е́] (где), *пяч*[’и̯е́], однако может произноситься и в слабой фразовой позиции: *д*[’и̯е́]*лают*ь, *д*[’и̯е́]*лала*, *д*[’и̯е́]*лае*, *д*[’и̯е́]*лаешь*, *д*[’и̯е́]*лали*, *б*[’и̯е́]*лый*, *б*[’и̯е́]*лых*, *в*[’и̯е́]*тка*, *д*[’и̯е́]*лси*, *н*[’и̯е́]*т*, *д*[’и̯е́]*ду*, *гд*[’и̯е́], *в огн*[’и̯е́].

Отмечено несколько примеров с дифтонгом или дифтонгоидом перед последующим мягким согласным: *д*[’и́е]*ти*, [jи́е]*ли*, *д*[’и́е]*вки*, *т*[’и̯е́]*стице*;

3) звуком [ę] верхне-среднего подъема переднего ряда (рис. 2). Он чаще реализует фонему /ѣ/ в том случае, когда слово находится в слабой фразовой позиции: а) перед твердым согласным и в абсолютном конце слова:

сял[’ę́], *вс*[ę́], *гр*[ę́]*х*, *дв*[ę́], *ид*[’ę́] (где), *д*[’ę́] (где), *д*[’ę́]-*то* (где-то), б) перед мягким согласным: *няд*[ę́]*ли*, *отв*[ę́]*те.*

Если слово находится в сильной фразовой позиции, звук [ę] произносится, как правило, под ударением перед мягким согласным и /j/: *р*[’ę́]*чку*, *дв*[’ę́]*сти*, *Андр*[’ę́]*й*, *сво*[ję́]*й*, хотя отмечены примеры, в которых этот звук находится перед твердым согласным или в абсолютном конце слова: *д*[’ę́]*душка*, *няв*[ę́]*ска*, *д*[’ę́]*лаешь*, *н*[’ę́]*ту*, *вообщ*[ę́]*;*

4) редко — звуком [е] среднего подъема: *д*[’é]*душка*, [jé]*дем.* Такие примеры характеризуются слабой фразовой позицией слова.

После отвердевших шипящих и [ц] отмечается [ę]: *на конц*[ę́] — и [е]: *ц*[é]*п*, *построж*[é]*й*.

Фонема /е/ представлена следующими звуками:

1) [е] среднего подъема (рис. 3): а) перед твердыми согласными и в абсолютном конце слова: *бер*[’é]*м*, *начн*[’é]*м*, *возьм*[’é]*м*, *бер*[’é], *жив*[’é], *соб*[jé], *мен*[’é] (меня), *себ*[’é] (себя), *и*[jé], *дво*[jé]*шками* (двойняшками), [э́]*то*, [э́]*того*, [э́]*той*, б) перед мягкими согласными: *д*[’é]*нь*, *дв*[’é]*ри,* [jé]*сть* (имеется), *д*[’é]*нег*, *вр*[’é]*мя*, *вер*[’é]*тьинская, дн*[’é]*й*, *дет*[’é]*й,* [э́]*ти,* [э́]*тим,* [э́]*тих*;

2) звуком [ę] верхне-среднего подъема (рис. 4): а) перед твердыми согласными и в абсолютном конце слова: *з*[’ę́]*млю*, *на з*[ę́]*м*, *н*[’ę́] *были*, *жив*[’ę́], *мен*[’ę́] (меня), б) перед мягкими согласными и /j/: *д*[’ę́]*нег*, *д*[’ę́]*ньги*, *д*[’ę́]*рева*, *м*[’ę́]*нее*, *н*[’ę́]*сть*, *д*[’ę́]*сять*, *д*[’ę́]*нь*, *рожд*[ę́]*нье*, *отб*[ę́]*йте*, *дет*[’ę́]*й*, *у н*[’ę́]*й*, *гост*[’ę́]*й*;

3) звуком [ṵ] верхнего подъема: а) перед твердыми согласными и в абсолютном конце слова: *молод*[’ṵ́]*ц*, *от*[’ṵ́]*ц*, *н*[’ṵ́] *было*, *привез*[’ṵ́] (привезет), б) перед мягкими согласными и /j/: *д*[’ṵ́]*сять*, *д*[’ṵ́]*нег*, [jṵ́]*й*, *рожд*[ṵ́]*нья*;

4) не систематически в сильной фразовой позиции дифтонгоидом [ⁿe͡]: а) перед твердыми согласными и в абсолютном конце слова: *д*[’ⁿé͡]*ржуть*, *н*[’ⁿé͡] *было*, *жив*[’ⁿé͡], *зайд*[’ⁿé͡]*шь*, *от*[’ⁿé͡]*ц*, б) перед мягкими согласными: *д*[’ⁿé͡]*нег,* [jⁿé͡]*сть*.

После отвердевших согласных представлены звуки [е], [ę]: *ц*[é]*ркве*, *три ц*[é]*нтнера*, *ш*[é]*рсти*, *уж*[é], *ж*[ę́]*нщину*.

Твердые согласные перед ударной /е/ отмечены в группе наречий *докель*, *откель*, *оттедова и т. п.: док*[ę́]*ль*.

Таким образом, фонемы /ѣ/ и /е/ в некоторых случаях совпадают. Это наблюдается как в сильной фразовой позиции, когда они выражаются дифтонгоидом [ⁿe͡], так и в слабой фразовой позиции, когда они представлены звуками [ę], [е].

Как известно, для южнорусских говоров с семью фонемами под ударением на месте фонемы /е/ характерен дифтонг [e͡и]. При отходе от семифонемного вокализма этот дифтонг утрачивается раньше, чем дифтонг [ие͡], реализующий /ѣ/, хотя определенные различия сохраняются: перед /ѣ/ согласные смягчаются, перед /е/ — остаются твердыми [Касаткин 1999: 393—394]. Однако в говоре с. Веретье на современном этапе его развития при утрате дифтонга [e͡и] согласные перед /е/ смягчаются.

Фонема /ω/ после твердых согласных реализуется звукотипами:

1) дифтонгом [ў͡о] (рис. 5). Он произносится только в сильной фразовой позиции, чаще перед твердым согласным или в абсолютном конце слова: *бр*[ў͡о]*шка*, *бр*[ў͡о]*шечку*, *гот*[ў͡о]*вим*, *гот*[ў͡о]*вили, сял*[ў͡о], *давн*[ў͡о], но иногда и перед мягким согласным: *прест*[ў͡о]*льные*;

2) дифтонгоидом [ᵞо]: а) перед твердыми согласными: *всп*[ᵞо]*мню*, *в*[ᵞо]*т*, *раб*[ᵞо]*тать*, *гор*[ᵞо]*д* (огород), *хор*[ᵞо]*ший*, *нямн*[ᵞо]*жко*, *Вазюн*[ᵞо]*вы*, *сяд*[ᵞо]*го*, б) перед мягкими согласными и /j/: *в*[ᵞо]*зим*, *в*[ᵞо]*зе* (возит), *ух*[ᵞо]*де*, *вых*[ᵞо]*дите*, *г*[ᵞо]*нются*, *ск*[ᵞо]*льки*, *х*[ᵞо]*чешь*, *спр*[ᵞо]*сишь*, *сс*[ᵞо]*рились*, *поб*[ᵞо]*льше*, *Г*[ᵞо]*зикова* (фамилия), *дедушка м*[ᵞо]*й*, *вод*[ᵞо]*ю*;

3) монофтонгом [ǫ] верхне-среднего подъема заднего ряда. Этот звук чаще произносится в слабой фразовой позиции: а) перед твердыми согласными и в абсолютном конце слова: *в*[ǫ́]*т*, *хв*[ǫ́]*ст*, *раб*[ǫ́]*ту*, *девян*[ǫ́]*сто*, *кор*[ǫ́]*вку*, *щ*[ǫ́] (что), *восьм*[ǫ́]*го*, *давн*[ǫ́], б) перед мягкими согласными: *Вор*[ǫ́]*неж*, *друг*[ǫ́]*е*, *Москв*[ǫ́]*ю*;

4) монофтонгом [о] среднего подъема заднего ряда (рис. 6). Он чаще произносится в слабой фразовой позиции: а) перед твердыми согласными и в абсолютном конце слова: *м*[ó]*жно, в*[ó]*т*, *нямн*[ó]*жко*, *пол*[ó]*жешь*, *пох*[ó]*ж*, *гор*[ó]*д* (огород), *кор*[ó]*ва*, *хор*[ó]*шая*, *девян*[ó]*сто*, *винт*[ó]*вка*, *год*[ó]*в*, *молок*[ó], б) перед мягкими согласными и /j/: *спр*[ó]*сишь*, *перях*[ó]*дють*, *вор*[ó]*нежская*, *гот*[ó]*вим*, *Григ*[ó]*рьевич*, *вод*[ó]*й*, *сястр*[ó]*й.*

После мягких согласных отмечен только звук [’о]: *по-сво*[jó]*му*, *Ряпь*-[jó]*вка*, *плятн*[’ó]*в*, *Гуля*[jó]*вы* (фамилия), *с сямь*[jó]*ю*, *бяль*[jó], *пляч*[’ó][1].

Фонема /о/ реализуется после твердых согласных звуками:

1) [ɔ] средне-нижнего подъема. Он характерен для слов в сильной фразовой позиции: а) перед твердыми согласными и в абсолютном конце слова: *в*[ɔ́]*ду*, *в*[ɔ́]*дка*, *р*[ɔ́]*стом*, *б*[ɔ́]*рш*, *в* [ɔ́]*бщем*, *с*[ɔ́]*тых*, *г*[ɔ́]*д*, *д*[ɔ́]*ма*, *д*[ɔ́]*лго*, *г*[ɔ́]*лод*, *г*[ɔ́]*роде*, *т*[ɔ́]*же*, *г*[ɔ́]*спиталь*, *г*[ɔ́]*споди*, *ик*[ɔ́]*ночку*, *бр*[ɔ́]*нзою*, *др*[ɔ́]*в*, *б*[ɔ́]*к*, *ветряк*[ɔ́]*м*, *хт*[ɔ́], *ког*[ɔ́], *колх*[ɔ́]*зы*, б) перед мягкими согласными и /j/: *д*[ɔ́]*чери*, *д*[ɔ́]*чка*, *бр*[ɔ́]*сил*, *с*[ɔ́]*весть*, *свекр*[ɔ́]*вья*, *стр*[ɔ́]*йная*, *н*[ɔ́]*чью*, *втор*[ɔ́]*й,*;

2) [о] среднего подъема (рис. 7). Этот звук произносится как в сильной, так и в слабой фразовой позиции: а) перед твердыми согласными и в абсолютном конце слова: *г*[ó]*д*, *г*[ó]*да*, *ик*[ó]*на*, *ик*[ó]*ны*, *ст*[ó]*рону*, *гр*[ó]*б*, *м*[ó]*лодости*, *т*[ó]*же*, *в*[ó]*ду*, *г*[ó]*лос*, *с*[ó]*рок*, *б*[ó]*ком*, *д*[ó]*м*, *б*[ó]*г*, *п*[ó]*варом*, *г*[ó]*лод*, *к*[ó]*су*, *др*[ó]*в*, *в* [ó]*бщем*, *мах*[ó]*тки*, *газопр*[ó]*вод*, *хт*[ó], *нихт*[ó], *ег*[ó], *моег*[ó], *ког*[ó], б) перед мягкими согласными и /j/: *д*[ó]*миках*, *п*[ó]*сле*, *вр*[ó]*де,* [ó]*чень*, *нестр*[ó]*гие*, *пос*[ó]*дим*, *г*[ó]*речко*, *д*[ó]*се* (до сих пор), *д*[ó]*черью*, *больш*[ó]*й*, *дв*[ó]*е*, *друг*[ó]*й*, *жив*[ó]*й*;

---

[1] Фонема /ω/ после мягких согласных, как известно, стала возможной в формах *семьею*, *белье*, *Репьевка* в результате грамматической аналогии с формами типа *страной*, *село*, *Петровка*. Это так называемый «новый ω», см. [Аванесов 1949: 54; Захарова 1959: 11].

3) отмечено несколько примеров с ударным гласным [ǫ̣] верхне-среднего подъема: *ег*[ǫ́], *сух*[ǫ́]*й*, *дом*[ǫ́]*чек*.

После мягких согласных фонема представлена звуком [о]: *гимнаст*[’о́]*рка*, *т*[’о́]*лка*, *т*[’о́]*лку*, *реб*[’о́]*нка*, *Кулен*[’о́]*нка*, *впер*[’о́]*д*, *вед*[’о́]*рочку*, *Апл*[’о́]*тов*, *хат*[’о́]*нка*, *девч*[’о́]*нка*.

Приведенный материал показывает, что фонемы /ω/ и /о/ могут совпадать в слабой фразовой позиции, реализуясь звуками [ǫ̣] и [о].

Таким образом, в ударной позиции имеется соотношение звуков после твердых и после мягких согласных, представленное в табл. 3.

Таблица 3

Соотношение звуков под ударением
после твердых и после мягких согласных в говоре с. Веретье

Фонемы под ударением / Их реализация	/и/	/у/	/ѣ/	/ω/	/е/	/о/	/а/
после твердых согласных	[ы]	[у]	[ę], [е][2]	[y͡o], [ʸ͡o], [ǫ̣], [о]	[ę], [е][3]	[ɔ], [о], [ǫ̣]	[а]
после мягких согласных	[и]	[у]	[ие͡], [ⁿе͡], [ę], [е]	[о]	[е], [ṵ], [ę], [ⁿе͡]	[о]	[а]

Параллелизм в реализации гласных под ударением после твердых и мягких согласных наблюдается у фонем /и/, /у/ и /а/.

Фонемы /ѣ/ и /е/, /ω/ и /о/ представлены целым рядом звуков. При этом часть примеров свидетельствует о совпадении звуков, которыми выражены фонемы /ѣ/ и /е/, /ω/ и /о/.

Количество примеров, произнесенных с тем или иным звуком на месте этих четырех фонем, неодинаково. Для того чтобы установить примерное процентное соотношение между числом слов с разными звуками, реализующими одну и ту же фонему, была проанализирована сплошная выборка слов из 45-минутной аудиозаписи. Были выбраны слова с ударными фонемами /ѣ/, /е/, /ω/, /о/. Из поля зрения исключены только слова, произнесенные шепотом. Результаты представлены в табл. 4.

Судя по данным, приводимым К. Ф. Захаровой, в 1950-х гг. соотношение звуков, реализующих фонемы /ω/ — /о/ и /ѣ/ — /е/, было несколько иным.

Во-первых, фонема /е/ могла быть представлена дифтонгоидом [е͡ⁿ]: *н’е͡ⁿ была*, *йе͡ⁿс’т’*, *ве͡ⁿтът*[4] [Захарова 1959: 9]. В современных материалах примеры с таким ударным гласным не отмечены.

---

[2] Реализации фонемы /ѣ/ после твердых согласных ограничены позицией после шипящих и [ц].

[3] Реализации фонемы /е/ после твердых согласных ограничены позицией после шипящих и [ц], а также после иных твердых согласных в группе наречий *откэль*, *покэль*, *оттэдова* и т. п.

[4] Здесь и далее сохранена транскрипция оригинала.

Таблица 4

Процентное соотношение звуков,
реализующих фонемы верхне-среднего и среднего подъемов

Фонема	Общее количество встретившихся в аудиозаписи слов с этой ударной фонемой	Звук, в котором реализуется фонема	Количество примеров с этим звуком	Отношение к общему количеству примеров с этой ударной фонемой, %
/ѣ/	282	[и͡е]	98	35
		[ᵐе]	99	35
		[ę]	66	23
		[е]	19	7
/е/	231	[е]	95	41
		[ę]	58	25
		[и̯]	31	14
		[ᵐе]	47	20
/ω/	318	[ў о]	24	8
		[ᵘо]	105	33
		[ǫ]	78	24
		[о]	111	35
/о/	278	[ɔ]	81	29
		[о]	166	60
		[ǫ]	31	11

Во-вторых, фонема /о/ могла быть представлена дифтонгоидом [о͡ᵘ]: *до͡ᵘч'ка*, *до͡ᵘйка*, *хто͡ᵘ* [Там же: 9]. В современных материалах таких примеров не зафиксировано.

Эти различия свидетельствует о движении говора в сторону пятифонемного вокализма.

III

Система предударных гласных после твердых согласных сохраняет достаточно последовательное противопоставление [ə] — [а].

Перед ударными гласными нижнего и средне-нижнего подъема наблюдается звук среднего ряда среднего подъема [ə], однако иногда он несколько снижается по подъему и приобретает качество [aᵊ]. Кроме того, часты примеры, когда в случае так называемого «лабиализирующего» окружения (соседство губных, заднеязычных согласных, [л]) звук [ə] приобретает огубленность[5].

Перед ударными гласными верхнего и верхне-среднего подъема произносится звук [а]. Он более длителен, чем [а] в той же позиции в речи лите-

[5] В транскрипции этот звук обозначается как [ə°].

ратурно говорящих людей, и по длительности близок к ударному гласному [а]. Случаев, когда в позиции перед гласными верхнего и верхне-среднего подъема после твердых согласных произносился бы другой звук, нами не отмечено.

Количественная диссимиляция гласных подтверждается данными, полученными в результате измерений длительностей предударных гласных после твердых согласных перед разными ударными фонемами. Они приведены в табл. 5. Длительность измерялась в *мсек*, с помощью программы PRAAT. За 100 % принимаем длительность ударного гласного, приводим минимальное и максимальное значение длительности предударного гласного и ударного гласного. При этом не разделяем длительность звуков, представляющих одну и ту же фонему под ударением, поскольку разница между длительностями этих звуков несущественна.

Таблица 5

Длительность предударных гласных после твердых согласных по отношению к ударным гласным разных подъемов

Предударный гласный	Длительность звука, мсек А	Отношение А:Б, %	Длительность звука, реализующего фонему, мсек Б	Ударная фонема
[а]	11,2 — 17,1	140,7±29,2	7,7 — 13,2	/и/
	12,4 — 17,9	113,3±24,6	7,5 — 16,9	/у/
	11,6 — 17,6	116,2±20,1	9,4 — 17,0	/ѣ/
	12,0 — 19,0	120,1±21,9	9,0 — 17,3	/ѡ/
[ə]	7,1 — 9,4	52,2±13,7	11,8 — 25,4	/е/
[əо]	6,6 — 9,1	55,8±8,1		
[аə]	6,4 — 10,0	51,5±9,0		
[ə]	6,1 — 9,3	50,4±8,1	11,0 — 24,6	/о/
[əо]	6,0 — 8,9	47,0±5,5		
[аə]	6,7 — 10,2	48,5±10,9		
[ə]	6,5 — 11,7	51,5±12,6	13,3 — 28,0	/а/
[əо]	6,0 — 9,7	47,9±9,2		
[аə]	7,4 — 10,8	50,5±7,3		

Результаты измерений показывают, что предударный гласный перед ударными гласными нижнего и среднего подъема составляет примерно половину длительности ударного гласного вне зависимости от того, какую тембровую характеристику он имеет: [ə], [ə^{о}] или [а^{ə}]; предударный [а] перед гласными верхне-среднего и верхнего подъема длиннее ударного или равен ему по длительности.

Обращает на себя внимание тот факт, что такое распределение длительности звуков выдерживается вне зависимости от того, каким звуком реализуются под ударением фонемы /ѣ/, /ѡ/, /е/, /о/. Иными словами, качество и длительность предударного гласного зависят не от акустической ха-

рактеристики звука, который произносится в ударном слоге, а от фонемы, которую этот звук реализует.

1) Перед ударными гласными верхнего и верхне-среднего подъема.

П е р е д /и/, /у/:

— *мам*[алы́]*га*, *сн*[апы́], *к*[анты́], *ст*[албы́], *пр*[ажы́]*ли*, *з*[абы́]*то*, *по-н*[ашы́]*таи*, *з*[абы́]*ла*, *т*[ап'и́]*сь*, *м*[ал'и́]*твы*, *к*[ас'и́]*ли*, *т*[ак'и́]*е*, *п*[ашл'и́];

— *в*[аи̯ну́], *п*[асту́]*х*, *красн*[ату́], *ст*[ару́]*хи*, *с*[аи̯ду́]*тся*, *з*[а бу́]*дкою*, *з*[асну́]*ли*, *п*[адру́]*жка*, *п*[апу́]*тно*, *п*[аду́]*мала*, *пор*[азру́]*шили*, *п*[амну́]*ть*, *раз*[атру́].

П е р е д /ѣ/:

— *с*[аб'и̍ е̍], *г*[ар' и̍ е̍]*ли*, *на дв*[а̯р'ᶦе̍], *с*[ас'ᶦе̍]*ди*, *х*[ат'ᶦе̍]*лося*, *на в*[айн'ᶦе̍], *у к*[ал'ᶦе̍]*ны*, *с*[аўс'ᶦе̍]*м*, *на г*[ар'ᶦе̍], *р*[азб'ᶦе̍]*глися*, *п*[аб'ᶦе̍]*гли*;

— *на в*[ад'ę́], *на гол*[ав'ę́], *по з*[ар'ę́], *усе н*[а с'в'ę́]*те*, *по-з*[а р'ę́]*чкою*, *р*[аз'в'ę́]*дка*, *п*[апр'ę́]*е*, *п*[атсл'ę́]*дники*, *н*[ад'ę́]*ну*, *п*[аję́]*дешь*, *н*[аję́]*лися*, *п*[аję́]*ли*, *п*[аję́]*дем*;

— *сг*[ар'е́]*ли*, *у кр*[ав'е́], *пох*[ат'е́]*лось*, *раскр*[ас'н'е́]*ются*, *у Караг*[ан'д'е́], *п*[аjе́]*хала*, *п*[ав'е́]*сил*, *постр*[аже́]*й*.

П е р е д /ω/:

— *р*[абу̍о]*тали*, *пост*[ану̍о]*вишь*, *п*[аму̍о]*лисси*, *б*[алу̍о]*то*, *п*[атцᶣо]*пишь*, *п*[алᶣо]*ть*, *г*[атᶣо]*вим*, *м*[алᶣо]*денький*, *н*[алᶣо]*г*, *п*[азᶣо]*р*, *в*[ас'мᶣо]*го*, *мол*[ач'кᶣо], *к*[алᶣо]*тются*, *у к*[алᶣо]*дца*, *п*[атхᶣо]*де*, *кол*[а шкᶣо]*лы*, *н*[а двᶣо]*р*, *н*[а кᶣо]*никах*, *н*[а γᶣо]*рки*, *з*[азвᶣо]*не*, *р*[азмᶣо]*чишь*, *н*[а двᶣо]*р*;

— *г*[ало́]*вку*, *в*[ас'мо́]*м*, *р*[або́]*тал*, *у В*[аро́]*неже*, *п*[аро́]*г*, *х*[аро́]*шая*, *на к*[аро́]*вах*, *заг*[ато́]*вку*, *тр*[аво́]*ю*, *сир*[ато́]*й*, *г*[ато́]*вила*, *сх*[аро́]*нють*, *вт*[аро́]*го*, *к*[ало́]*нки*, *д*[а шко́]*ле*, *з*[ахо́]*чется*, *з*[амо́]*лкло*, *с*[а мно́]*ю*, *п*[адво́]*рье*;

— *вт*[аро́]*го*, *м*[ало́]*денькие*, *г*[ало́]*се*, *х*[ало́]*дный*, *д*[амо́]*й*, *к*[аро́]*ва*, *д*[амно́], *на в*[аро́]*тах*, *п*[аγо́]*нють*, *н*[а во́]*лю*, *з*[аво́]*дются*, *по-св*[аjо́]*му*.

2) Перед ударными гласными среднего и нижнего подъема.

П е р е д /е/:

— *пр*[эвл'е́]*ние*, *к*[эн'е́]*чно*, *ст*[элк'е́]*м*, *с*[эп'е́]*ль*, *н*[эч'н'е́]*шь*, *з*[эс'н'е́]*м*, *в*[эз'м'е́]*шь*, *з*[эдр'е́]*мим*, *под*[этр'е́], *н*[э з'е́]*млю*, *п*[этр'е́]*м*, *н*[э см'е́]*рть*, *под*[эщjе́]*шь*, *др*[эжже́]*й*, *бл*[эже́]*нная*;

— *мол*[эд'ę́]*ц*, *хол*[эд'ę́]*ц*, *р*[эжд'ę́]*ния*;

— *у в*[э°jе́]*нных*, *р*[э°в'е́]*сники*, *поп*[э°д'е́]*тся*, *в*[э°з'м'е́]*м*, *пом*[э°γн'е́]*те*, *п*[э°м'е́]*ньше*, *п*[э°мн'е́]*м*;

— *мол*[аᵊд'е́]*ц*, *х*[аᵊрч'е́]*й*, *рог*[аᵊч'е́]*й*, *понакл*[аᵊд'е́]*м*, *н*[аᵊтр'е́]*м*, *н*[аᵊп'е́]*нсии*, *з*[аᵊд'е́]*ньги*.

П е р е д /о/:

— *ряд*[эво́]*й*, *к*[эγо́], *мол*[эдо́]*й*, *гор*[эцко́]*й*, *по пл*[это́]*чку*, *до т*[эγо́], *по-р*[эшо́]*к*, *к*[эрто́]*шку*, *ник*[эγо́], *на в*[эсто́]*к*, *н*[э γро́]*б*, *н*[э о́]*сень*, *п*[это́]*лшше*;

— *за п*[эпо́]*м*, *н*[эсо́]*к*, *н*[эжо́]*м*, *с*[эво́]*к*, *кол*[эсо́]*чек*, *вт*[эро́]*й*, *пир*[эжо́]*чек*, *с мол*[эко́]*м*, *с*[эво́]*к*, *р*[эско́]*пки*, *н*[э жо́]*рдке*, *с*[эл'о́]*ная*, *черн*[эз'о́]*м*;

— *п*[э° о́]*череди*, *у к*[э°γо́];

— *м*[ə^{o}хó]*тки*, *б*[ə^{o}л’шó]*й*, *п*[ə^{o}тсó]*лнухи*, *в*[ə^{o}с’м’ó]*рка*, *п*[ə^{o}крó]*в*, *п*[ə^{o}тсó]*вывали*, *п*[ə^{o} зó]*нтику*, *п*[ə^{o}стрó]*ились*, *п*[ə^{o}ч’ó]*тные;*

— *пл*[aᵊтó]*чки;*

— *пом*[aᵊзó]*чек*, *н*[aᵊбó]*жники*, *в*[aᵊс’мó]*й*, *гимн*[aᵊс’т’ó]*рка*, *п*[aᵊн’ó]*вы*, *нед*[aᵊл’ó]*ко*, *з*[aᵊв’ó]*л*.

Перед /а/:

— *уд*[əўцá] (*вдовца*), *к*[əсá]*ми*, *под*[əшлá], *к с*[əбá]*чьим*, *к*[əрмá], *ост*[əлá]*ся*, *скл*[əдá]*е*, *разв*[əрá]*чуй*, *скл*[əдá]*ла*, *п*[əшлá], *к*[əсá], *к*[əтá]*ли*, *пр*[əхлá]*днай*, *ск*[əзá]*ла*, *раз*[əрвá]*лся*, *заст*[əвл’á]*ють*, *напр*[əвл’á]*ешь*, *у л*[əпт’á]*х*, *р*[əд’н’á], *Тр*[əс’т’á]*нка*, *д*[əjá]*ркам*, *на сух*[əр’á]*х*, *дог*[ən’á]*ли*, *н*[əч’á]*ли*, *самост*[əjá]*тельно*, *п*[ən’á]*тно*, *н*[ər’á]*дно;*

— *п*[ə^{o}пá]*ли*, *с*[ə^{o}брá]*л*, *к*[ə^{o}пнá], *к*[ə^{o}пá]*ли*, *об*[ə^{o}рвá]*тые*, *п*[ə^{o} хá]*тах*, *м*[ə^{o}тá]*ется*, *обр*[ə^{o}бá]*тывали*, *в*[ə^{o}инá], *доб*[ə^{o}вл’á]*ть*, *г*[ə^{o}н’á]*етеся*, *б*[ə^{o}já]*тся;*

— *непр*[aᵊзрá]*чный*, *з*[aᵊ двá]*дцать*, *в*[aᵊл’á]*ется*.

В системе гласных после отвердевших согласных наблюдается тенденция к совпадению с системой гласных после твердых согласных: перед ударными гласными верхнего и верхне-среднего подъемов произносится [а], а перед ударными среднего и нижнего подъемов — [ə], [aᵊ] или [ə^{o}]. Об этом свидетельствуют примеры.

Перед гласными верхнего и верхне-среднего подъемов:

— *ж*[ан’и́]*х*, *пш*[ан’и́]*ца*, *двадц*[ат’и́], *ж*[ан’и́]*лси*, *уц*[ап’и́]*лась*, *ц*[апы́]*;*

— *ж*[ал’и͡е]*тки*, *ж*[ан’и͡е], *чиж*[ал’ę́]*й*, *чиж*[алǫ́], *ш*[астǫ́]*го*, *ш*[астǫ́]*м*.

Перед гласными среднего и нижнего подъемов:

— *пара лош*[əд’é]*й*, *лош*[aᵊд’и́]*й*, *ж*[aᵊр’ó]*бная*, *ж*[ə^{o}лтó]*к*, *аржж*[əнó]*й* (Им. п., м. р.);

— *ж*[əнá]*тай*, *на лош*[əд’á]*х*, *на лош*[aᵊд’á]*х*, *круж*[aᵊвá], *ц*[ə^{o}пл’á]*ють*, *нишш*[этá], *шш*[əкá].

Реже после отвердевших шипящих перед ударными гласными среднего и нижнего подъемов произносится гласный [ы], который соответствует гласному [и] в модели архаического обоянского яканья: *ж*[ынá], *лош*[ыд’é]*й*, *ц*[ыпó]*м*. Эти примеры свидетельствуют о том, что прежде система гласных после отвердевших согласных в говоре соответствовала системе гласных после мягких согласных.

После мягких согласных в говоре представлено противопоставление [и] — [а].

Эквивалентом [ə] после мягких согласных выступает [и], он произносится перед гласными нижнего и среднего подъема. Отмечены отдельные примеры с [е] и [и^{e}]. Надо заметить, что в рукописных материалах к ДАРЯ (комплект 540, южный том) имеется несколько примеров с [и^{e}] и [е^{и}] в этой

позиции: *б'и^е^р'óза*, *пъс'т'р'е^и^л'áйут'*, *с'е^и^м'йá*, *път'е^и^р'áл*[6]. Наличие этих примеров свидетельствует о том, что существующий сегодня обоянский тип яканья сформировался на основе задонского типа. Это подтверждается данными соседних говоров. Так, задонское яканье имеют в основе говоры Алексеевского района Белгородской области, граничащие с Воронежской областью на западе. Задонское яканье наряду с умеренно-диссимилятивным кидусовской разновидности наблюдается в говорах Лискинского района Воронежской области, к востоку от Веретья [ДАРЯ 1986: карта 8]. Кроме того, переход от задонского к обоянскому яканью отмечен в говоре с. Татарино (к югу от Веретья).

Перед ударными гласными верхнего и верхне-среднего подъема, как и после твердых согласных, произносится [а]. Но в этой же позиции наблюдаются иногда [е] и [и].

Перед ударными /ѣ/, /ω/, /е/, /о/ так же, как и после твердых согласных, выбор того или иного звука зависит от ударной фонемы.

Приведем примеры.

1) Перед ударными гласными верхнего и верхне-среднего подъема.

П е р е д /и/, /у/:

— предударный гласный в корне: *л*['ажы́], *с ч*['аты́]*рнадцати*, *пят*['ары́]*х*, *р*['ады́], *хр*['асцы́], *ч*['аты́]*ре*, *св*['аклы́], [и̯азы́]*к*, *л*['ажы́]*ть*, *р*['ашы́]*ли*, *ч*['асы́], *шерст*['аны́]*е*; — *л*['ап'и́], *отд*['ал'и́]*лися*, *стер*['аγл'и́], *л*['ач'и́]*ла*, *прив*['аз'и́], *в*['анк'и́], *б*['ал'и́]*ли*, *з*['амл'и́], *м*['ашк'и́], *посв*['ат'и́]*ть*, *р*['аз'и́]*ною*, *разв*['ал'и́]*ся*, *до п*['ат'и́], *изм*['ан'и́]*лси*, *л*['ап'и́]*ли*, *подв*['ал'и́], *р*['ад'и́]*ску*, *н*['ас'и́], *поразд*['ал'и́]*лись*, *св*['ат'и́]*ли*, *п*['акл'и́], *погл*['ад'и́]*м;* — *б*['ару́]*ть*, *зав*['арну́], *пр*['аду́], *бер*['аγу́], *по м*['ашку́], *у д*['ар'у́]*жку*, *по зв*['ану́], *по сн*['аγу́], *гл*['ажу́], *дов*['аду́], *п*['аку́]*ть*, *прин*['асу́], *по с*['алу́], *хл*['абну́]*ла*, *в*['арну́]*ли*, *д*['аржу́], *подм*['ату́], *т*['ану́]*ли*, *с*['аку́]*нды*, *л*['апл'у́], *л*['ач'у́];

— предударный гласный в частице *не*, предлогах и приставках: *н*['а з'и́]*мы*, *н*['а х'и́]*тро*, *н*['а пр'и́]*дуть*, *н*['а бл'и́]*жний*, *н*['а л'и́]*пли*, *н*['а в'и́]*жу*, *н*['а б'и́]*лися*, *н*['а вы́]*росли*, *чер*['ас тр'и́], *пер*['акл'и́]*чу*, *пер*['ашл'и́], *пер*['ас'и́]*ле*, *пер*['ажы́]*ли*, *пер*['ары́]*в*, *пер*['ажы́]*тки*; — *н*['а бу́]*де*, *н*['а д'у́]*же*, *н*['а ру́]*сский*, *н*['а ту́]*тошняя*, *чер*['аз лу́]*г*.

Примеры с [е] и [и] в позиции перед ударными гласными верхнего подъема:

— *ч*['иты́]*ре, п*['икл'и́], *д*['ит'и́]*шек*, *пригл*['ид'и́]*ть*, *с*['им'ј и́], [и̯ий́]*чко*, *с*['истр'и́]*на*, *н*['ис'и́]*те*, *кр*['ис'т'и́]*ли*, *п*['икл'и́]; — *п*['етл'у́], *сор*['ивну́]*емся*, *б*['иру́]*ть*, *в*['изу́]*ть*, *п*['иску́], *пов*['ирху́], *н*['ису́]*ть*;

— *н*['и слы́]*шала*, *н*['и п'и́]*ли*, *н*['и шл'и́], *н*['и пр'и́]*де*, *чер*['ис тр'и́]; — *н*['и бу́]*дет*, *чер*['из зу́]*бы*, *чер*['из лу́]*г*. Треть примеров — с предударным гласным в предлоге, приставке или частице *не*.

[6] В примерах сохранена оригинальная транскрипция.

Перед /ѣ/:

— предударный гласный в корне: *в*['арт'и̂е]*лась*, *в кур*['ан'ᵸе̂], *н*['ав'ᵸе̂]*ска*, *у моем зв*['ан'ᵸе̂], *у другом с*['ал'ᵸе̂], *у гр*['аз'ᵸе̂], *к ст*['ан'ᵸе̂]; — *н*['адę́]*ли*, *к с*['астр'ę́], *С*['иргʼę́]*евича*, *у зв*['ан'ę́], *у н*['ав'ę́]*сти*, *гл*['ад'ę́]*ли*, *Ал*['акс'ę́]*евку*, *коло в*['арб'ę́], *по гр*['аз'ę́], *у пон*['ад'ę́]*льник*, *вес*['ал'ę́]*й*, [и̯авр'ę́]*и*, *в*['арт'ę́]*лися*, *две н*['ад'ę́]*ли*, *на п*['ач'ę́], *С*['аргʼę́]*евна*, *к н*['ав'ę́]*сте*, *на кол*['ас'ę́], *пч*['ал'ę́]; — *гл*['ад'е́]*ли*, *по н*['ад'е́]*ли*, *см*['ашн'е́]*й*, *у каждой с*['ам'jе́], *у п*['ач'е́], *в н*['ав'е́]*ска*, *на св*['акл'е́], *с*['астр'е́] *сын*, *в но*[и̯абр'е́];

— предударный гласный в частице *не*, предлогах и приставках: *н*['а б'ᵸе̂]*лый*, *н*['а гр'ᵸе̂]*бувають*, *н*['а д'ᵸе̂]*лали*, *чер*['аз р'ᵸе̂]*чку*, *б*['аз д'ᵸе̂]*ла*; — *н*['а св'ę́]*тя*, *н*['а ję́]*ли*, *н*['а ję́]*здя*, *н*['а ję́]*здили*, *н*['а р'ę́]*чка*, *н*['а п'ę́]*ли*, *чер*['аз р'ę́]*чку*, *чер*['аз м'ę́]*сяц*, *пер*['аję́]*хал*; — *н*['а д'е́]*лали*, *н*['а гр'е́]*ли*, *чер*['аз р'е́]*чку*, *чер*['аз дв'е́], *пер*['ат т'е́]*м*, *пер*['агр'е́]*ешь*, *пер*['ад'е́]*лали*, *пер*['ар'е́]*жешь*.

Отмечено несколько примеров с предударным гласным [и] в этой позиции:

— *вес*['ил'и̂е]*е*, *Ал*['икс'ᵸе̂]*евка*, *по з*['им'ᵸе̂] (от *зем*), *Ал*['икс'ę́]*вку*,

— *н*['и д'ᵸе̂]*лали*, *н*['и в'ᵸе̂]*шають*, *н*['и в'е́]*шаный*, *н*['и ję́]*здили*, *пер*['иjе́]*хал*. Половина примеров — с предударным гласным в приставке или частице *не*.

Перед /ω/:

— предударный гласный в корне: *в*['аснᵘ̂о]*ю*, *дев*['анᵘ̂о]*сто*, *ум*['арлᵘ̂о], *з*['арнᵘ̂о], *к с*['адᵘ̂о]*му*, *м*['ашкᵘ̂о]*в*, *с*['адᵘ̂о]*го*, *Бел*['акᵘ̂о]*ва*, *Кул*['ашᵘ̂о]*вка*, *с*['адᵘ̂о]*й* (ж.р., Р.п.), *с*['адлᵘ̂о], *п*['ач'нᵘ̂о]*я*, [и̯аи̯цᵘ̂о], *т*['аплᵘ̂о], [и̯агᵘ̂о]*рий*; — [и̯аго́]*рий*, *в*['аснó]*й*, *з*['арнó], *звень*[и̯авó]*й*, *кол*['асó], *м*['ашкó]*в*, *у св*['атó]*м угле*, *в*['анкó]*в*, *вес*['алó], *звень*[и̯авó]*ю*, *к с*['ад'мó]*му*, *Кул*['ашó]*вке*, *про зв*['анó], *у сорок с*['ад'мó]*м*, *хр*['астó]*в*, *с л*['аснó]*й ягоды*, *Ч*['арнó]*ва*, *в*['аснó]*ю*, *с*['ад'мó]*е*; — *дев*['анó]*сто*, *в*['адрó], *с*['ад'мó]*го*, *сем*['анó]*в*, *д*['адó]*в*, *за н*['амó]*го*, *у с*['алó], *ч*['асó]*в*, *б*['ал'jó], *с с*['ам'jó]*ю*, *Гул*['аjó]*вы* (фамилия);

— предударный гласный в частице *не*, в приставке: *н*['а скᵘ̂о]*се*, *н*['а хᵘ̂о]*дим*, *н*['а стᵘ̂о]*е*, *н*['а рᵘ̂о]*дный*; — *н*['а хó]*че*, *н*['а схó]*де*, *н*['а хó]*дим*, *н*['а пó]*мню*, *пер*['ахó]*дчивая*, *пер*['авó]*дють*; — *н*['а пó]*мню*, *н*['амнó]*жко*, *н*['а хó]*цца*.

Отмечены следующие примеры с [е] и [и] перед ударной /ω/:

— *у в*['идрᵘ̂о], *вес*[илᵘ̂о], [и̯игó]*р*, *д*['илó]*в*, *с*['ид'мó]*го*, *в*['иснó]*ю*, *з*['ернó],

— *н*['и пó]*мню*, *н*['емнó]*жко*, *н*['е хᵘ̂о]*дють*, *н*['е пó]*мню*. В трети примеров предударный слог находится в частице или приставке *не*.

2) Перед ударными гласными среднего и нижнего подъема.

Перед /е/:

— предударный гласный в корне: *зад*['ир'е́]*шь*, *пл*['ит'е́]*нь*, *т*['ик'е́], *запл*['ит'е́], *д*['ит'е́]*й*, *т*['ип'е́]*рь*, *в*['из'е́]*м*, *дер*['ив'е́]*нскай*, *заб*['ир'е́]*м*, *п*['ик'е́]*м*, *пов*['из'е́], *прин*['ис'е́]*шь*, *соб*['ир'е́]*иси*, *хр*['иш'ш'е́]*нье*, *д*['ир'е́]*вьями*, *наб*['ир'е́]*м*, *п*['ич'е́]*й*, *спл*['ит'е́], *д*['ир'е́]*вня*, *т*['ип'е́]*рича*, *т*['ирп'е́]*ния*, *б*['ир'е́]*м*, *позаб*['ир'е́], *ч*['итв'е́]*рг*, *по д*['ир'е́]*вне*, *н*['ис'е́]*м*, *в*['ис'е́]*нний*, [ич'м'е́]*нь*, *д*['ише́]*вле*; — *д*['ит'ę́]*й*, *инт*['ир'ę́]*сно*, *в*['ид'ę́]*тся*;

— предударный гласный в частице *не*, предлоге и приставке: *н*[’и же́]*нится*, *н*[’и кр’е́]*стится*, *чер*[’из γр’е́]*йдер*, *чер*[’из н’е́]*сколькя*, *пер*[’ив’е́]*сть*, *пер*[’итк’е́]; — *чер*[’из д’ę́]*нь*.

П е р е д /о/:

— предударный гласный в корне: *св*[’икрɔ́]*вья*, *с*[’идɔ́]*й*, *в*[’инɔ́]*чек*, *земл*[’инɔ́]*й*, *св*[’итɔ́]*й*, *ч*[’иснɔ́]*к*, *м*[’ишɔ́]*к*, *земл*[’инɔ́]*й*; — *п*[’исо́]*к*, *ветр*[’ико́]*м*, *зв*[’ино́]*м*, *м*[’ишо́]*к*, *н*[’имо́]*й*, *п*[’исо́]*к*, *п*[’ишко́]*м*, *с*[’идо́]*й*, *с*[’ид’мо́]*й*, *с*[’ило́]*м*, *с*[’имсо́]*т*, *св*[’ито́]*й*, *б*[’ило́]*к*, *греб*[’ишо́]*к*, *бурь*[u̯ино́]*м*, *п*[’исо́]*к*, *п*[’ишко́]*м*, *в*[’ирхо́]*м*, *п*[’ицсо́]*т*, *с*[’ирпо́]*м*, *ч*[’ижо́]*лая*, *св*[’ишшо́]*ная*, *раскл*[’ишо́]*ванны*, *т*[’ил’о́]*нок*, *некр*[’иш’ш’о́]*най*, *п*[’ин’о́]*к*, *пос*[’ир’о́]*дке*, *р*[’иб’о́]*нка*, *с р*[’им’н’о́]*м*, *с*[’ир’о́]*жку*, *у в*[’из’о́]*нках*, *ч*[’ит’в’о́]*ртом*, *п*[’ил’о́]*нки*, *п*[’ит’о́]*рки*, *прив*[’из’о́]*ных*, *у б*[’ир’о́]*зе*, *у с*[’ир’о́]*дке*, *вп*[’ир’о́]*д*, *в*[’ид’о́]*рочку*, *в*[’ир’о́]*вкою*, *с*[’ил’о́]*дки;*

— предударный гласный в частице *не*, предлогах: *н*[’истрɔ́]*гие*, *н*[’и ɔ́]*чень*, *н*[’и скɔ́]*льзкие*, *н*[’и бɔ́]*чка*, *чер*[’из мɔ́]*ст*, *б*[’из рɔ́]*га*; — *н*[’е ко́]*лоны*, *н*[’и тро́]*нули*, *н*[’и мо́]*й* (глагол в императиве), *б*[’из ɔ́]*череди*, *б*[’из γро́]*ба*, *чер*[’из γо́]*д;*

— предударный гласный в местоимениях *его*, *ничего*: [u̯иγо́], *нич*[’иγо́], *нич*[’иγɔ́], *нич*[’еγо́].

П е р е д /а/:

— предударный гласный в корне: *в*[’еза́]*ли*, *ст*[’и^{е}ба́]*ть*, *пом*[’и^{е}рла́], *запр*[’и^{е}γа́]*ем, опред*[’и^{е}л’а́]*ть*, *дов*[’и^{е}р’а́]*ла*, *с*[’ида́]*я*, *сгр*[’иба́]*ли*, *зв*[’ина́], *од*[’ива́]*лись*, *отр*[’иза́]*л*, *подн*[’ила́], *предс*[’ида́]*тель*, *с*[’истра́], *выр*[’иза́]*л*, *п*[’икла́], *т*[’иγа́]*ю*, *в*[’иза́]*ть*, *вос*[’имна́]*дцатого*, *п*[’итна́]*дцать*, *з*[’ива́]*ть*, *хл*[’иба́]*йте*, [u̯ивл’а́]*ется*, *д*[’ин’γа́]*ми*, *с д*[’ит’а́]*ми*, *с*[’им’ја́], *ст*[’ир’н’а́], *т*[’ил’а́]*т*, *в*[’итр’а́]*к*, *д*[’ив’а́]*тый*, *пл*[’им’а́]*нник*, *р*[’иб’а́]*та*, *разд*[’ил’а́]*лась*, *не в*[’ил’а́], *с*[’им’ја́], *см*[’ија́]*лась*, *с*[’истра́], *в*[’иза́]*ли*.

— предударный гласный в частице *не*, предлогах и приставках: *н*[’и на́]*до*, *н*[’и зна́]*ю*, *н*[’ипра́]*вда*, *н*[’и пр’а́]*ли*, *б*[’ис па́]*мяти*, *пер*[’ипра́]*ва*.

Приведенный материал позволяет представить в табл. 6 соотношение звуков, реализующих гласные фонемы в первом предударном слоге после твердых и мягких согласных.

Картина соотношения звуков после твердых и после мягких согласных представляется противоречивой в области реализации фонем неверхнего подъема.

Основным звуком, представляющим гласные фонемы неверхнего подъема перед ударными гласными среднего и нижнего подъема после мягких согласных, является [и]. Звуки [и^{е}] и [е] употребляются факультативно, они отмечены в нескольких словах с ударными /о/, /а/. Таким образом, в говоре сформирован тот тип яканья, который принято называть обоянским. При этом в позиции перед ударными гласными верхнего и верхне-среднего подъема функционируют звуки от нижнего до среднего подъема. Такое противопоставление характерно для большинства южнорусских говоров [Касаткин 1999: 441—442].

Таблица 6

Соотношение гласных в первом предударном слоге
после твердых и мягких согласных в говоре с. Веретье

Предшествующий согласный	Гласный 1-го предударного слога	Гласный под ударением
	/ѣ/, /ω/, /е/, /о/, /а/	
Твердый	[а]	/и/, /у/, /ѣ/, /ω/
Мягкий	[а], (единично [и], [е])	
Твердый	[ə], [а^{ə}], [ə^{о}]	/е/, /о/, /а/
Мягкий	[и], (единично [и^{е}], [е])	

При обоянском типе яканья гласные фонемы неверхнего подъема перед ударными /е/, /о/, /а/ и фонема /и/ перед всеми ударными гласными реализуются одним и тем же звуком [и]. Он становится функционально свободным в употреблении и поэтому проникает в позиции перед ударными гласными верхнего и верхне-среднего подъема, где в соответствии с системой обоянского яканья ожидается [а]. С [и] в этой позиции чаще употребляются те слова, в которых первый предударный слог находится в приставках, предлогах и частице *не*: *пер*[’ијé]*хал*, *чер*[’ис тр’и́]*,* *чер*[’из зу́]*бы*, *чер*[’из лу́]*г*, *н*[’и пǫ́]*мню*, *н*[’и д’^{н}ê]*лали*, *н*[’и в’^{н}ê]*шають*, *н*[’и јę́]*здили*, *н*[’и в’é]*шаный*, *н*[’и п’и́]*ли*, *н*[’и шл’и́]*,* *н*[’и слы́]*шала*, *н*[’и пр’и́]*де*, *н*[’и бу́]*дет*. Предлоги, приставки и частицы как наиболее подвижное звено системы реагируют на изменения в ней первыми.

Подводя итоги, надо сказать следующее.

1. При отходе от семифонемного ударного вокализма в предударной позиции после мягких согласных достаточно быстро распространяется звук [и] вместо [а], тогда как звук [ə] вместо [а] в позицию после твердых согласных не проникает. При этом в позиции, где ожидается [ə], иногда отмечается [а]-образный звук, однако по длительности он значительно отличается от [а], произнесенного в «законной» позиции, что подтверждается результатами измерений.

Таким образом, архаическая основа в говоре лучше сохраняется после твердых согласных, чем после мягких, вопреки высказанному ранее мнению «об особом пути развития вокализма после твердых согласных и более раннем устранении диссимилятивного принципа в этом положении» [Захарова 1959: 42].

2. При архаическом аканье закономерно чередование предударных гласных [ə]||[а]. При этом и тот и другой звук реализуют всегда только фонемы неверхнего подъема /о/, /ω/ и /а/. Выбор звука зависит от длительности ударного гласного: перед долгим гласным произносится краткий, перед кратким — долгий. Следовательно, такой тип аканья представляет собой ритмическую модель, которая выражается в «волнообразной смене последовательности долгих и кратких слогов» [Касаткин 2009: 98]. Дисси-

милятивный принцип свойствен русскому аканью в целом, однако в одних говорах он касается количественных и тембровых характеристик гласных, в других (в том числе в московском аканье) — только количественных [Касаткина 2005: 38].

В противоположность системе архаического аканья, при котором в предударном слоге чередуются звуки, реализующие гласные фонемы неверхнего подъема, обоянское яканье предполагает чередование гласных [и]||[а], в котором, помимо гласных фонем неверхнего подъема, участвует фонема /и/. Таким образом, это противопоставление носит фонологический характер. Поэтому диссимилятивное аканье сохраняется лучше, чем диссимилятивное яканье.

Лучшая сохранность диссимилятивного аканья связана также с тем, что гласные непереднего ряда [ə] и [а] менее удалены друг от друга в артикуляционном пространстве по сравнению с гласными переднего ряда [и] и [’а]; см. об этом [Касаткина 2000: 102].

Кроме того, яканье — черта одиозная, она не может присутствовать в речи литературно говорящих людей, тогда как диссимилятивное аканье может характеризовать южнорусский вариант литературного языка, см. [Букринская, Кармакова 2010].

3. Несмотря на то что звук [ə] представляет всегда фонемы /а/, /о/, /ω/ в определенных позициях, в отличие от его эквивалента после мягких [и], который, помимо фонем неверхнего подъема, реализует фонему /и/, архаическое аканье может быть фонологической моделью, то есть существовать как «стереотип произношения», при котором качество предударного гласного не зависит от конкретных тембровых характеристик ударного гласного.

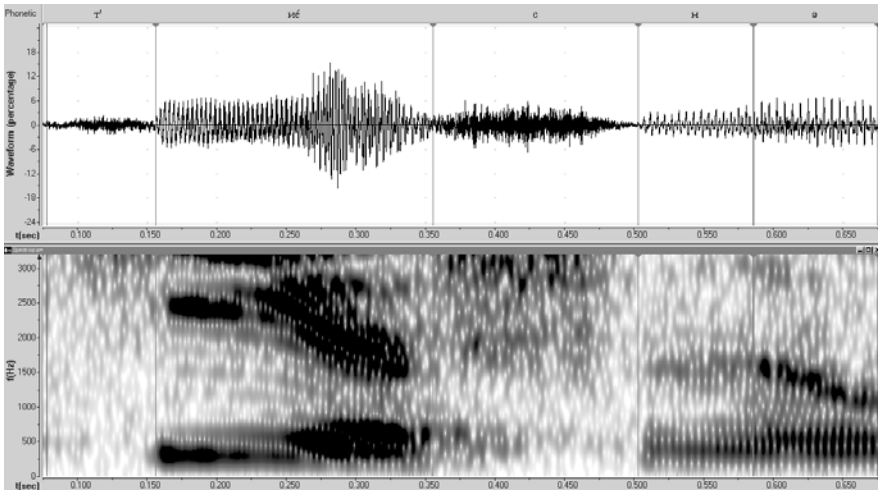


Рис. 1. Осцилограмма и спектрограмма слова [т’и͡е́снə] — *тесно*.

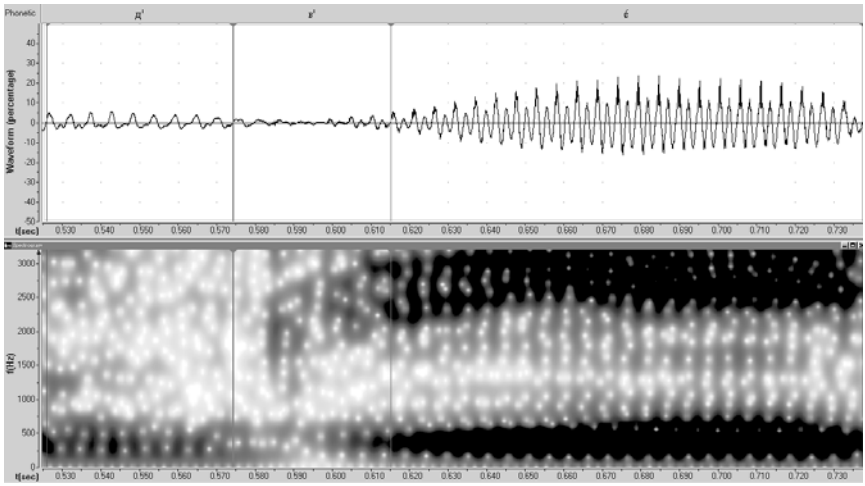


Рис. 2. Осцилограмма и спектрограмма слова [д’в’é] — *две.*

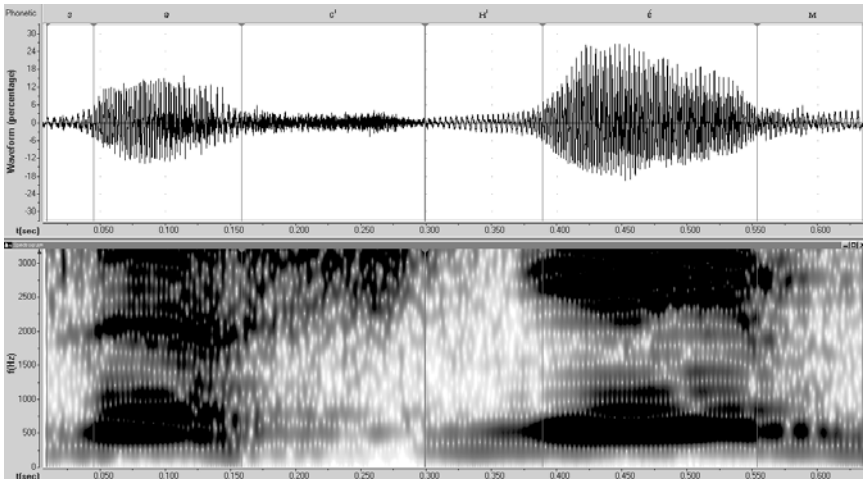


Рис. 3. Осцилограмма и спектрограмма слова [зəс’н’éм] — *заснем.*

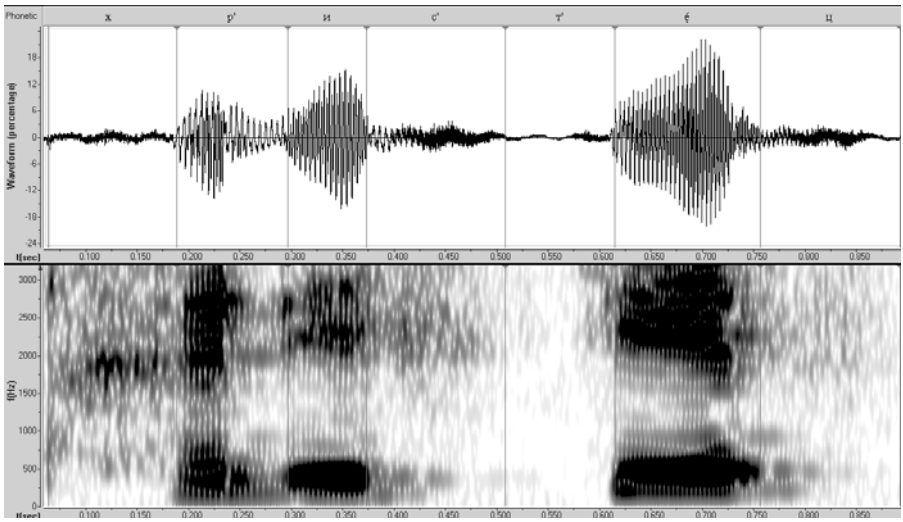


Рис. 4. Осцилограмма и спектрограмма слова [хр’ис’т’е̯́ц] — *крестец*.

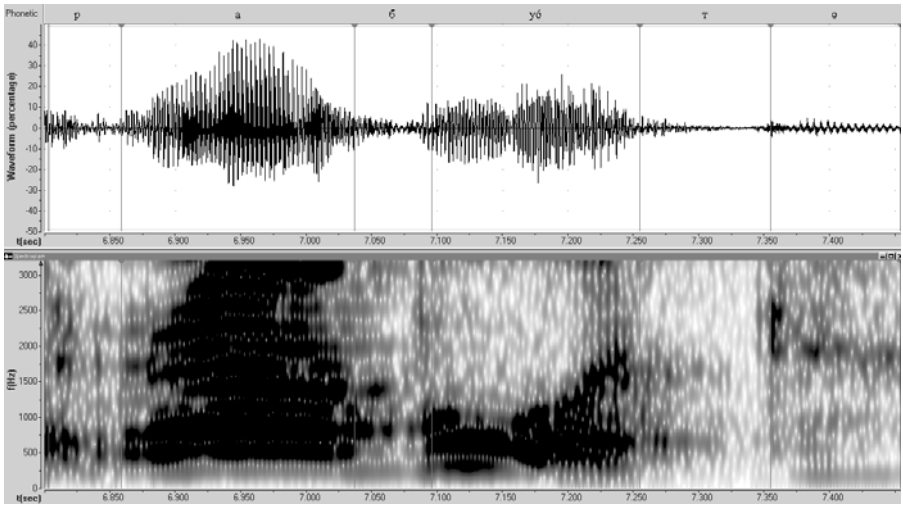


Рис. 5. Осцилограмма и спектрограмма слова [рабу́ота] — *работа.*

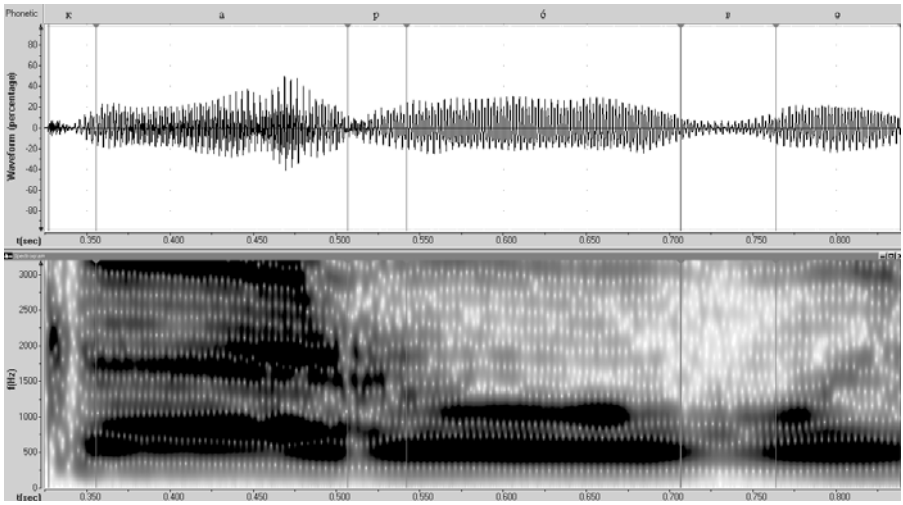


Рис. 6. Осцилограмма и спектрограмма слова [каро́вэ] — *корова*.

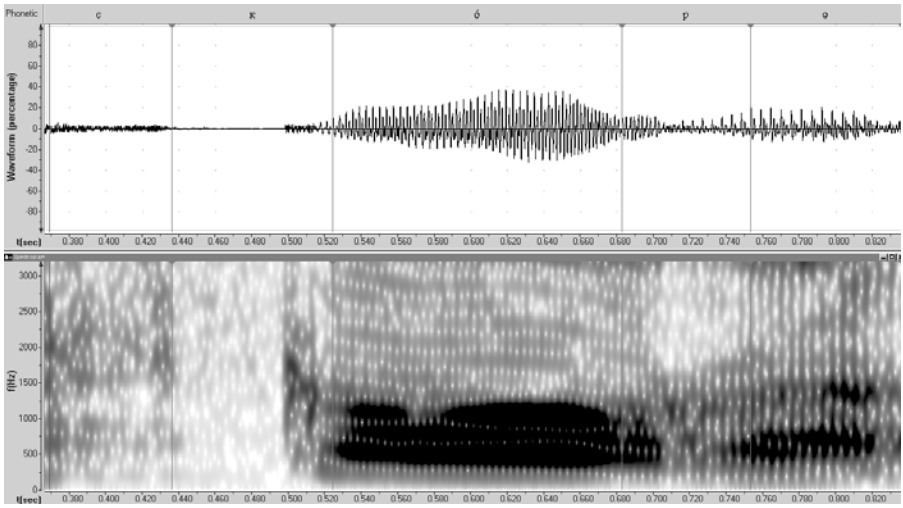


Рис. 7. Осцилограмма и спектрограмма слова [ско́рэ] — *скоро*.

Литература

Аванесов 1949 — Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии. Ч. 1. М., 1949.

Аванесов 1970 — Р. И. Аванесов. О соотношении предударного вокализма после твердых и после мягких согласных в русском языке // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Вып. 6. М., 1970. Т. XXIX. С. 473—477.

Брок 1916 — О. Брок. Говоры к западу от Мосальска. Петроград, 1916.

Букринская, Кармакова 2010 — И. А. Букринская, О. Е. Кармакова. Языковая ситуация в малых городах России // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 15 (в печати).

Горшкова, Хабургаев 1981 — К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев. Историческая грамматика русского языка: Учеб. пособие для ун-тов. М., 1981.

ДАРЯ 1986 — Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР / Под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. Вып. 1. Фонетика. М., 1986.

Захарова 1959 — К. Ф. Захарова. Архаические типы диссимилятивного яканья в говорах Белгородской и Воронежской областей // Мат-лы и исслед. по русской диалектологии: Новая серия. М., 1959. Т. I. С. 6—44.

Касаткин 1999 — Л. Л. Касаткин. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.

Касаткин 2009 — Л. Л. Касаткин. К истории аканья-яканья // Актуальные проблемы русской диалектологии и исследования старообрядчества: Тез. докл. Междунар. конф. 19—21 октября 2009 г. М., 2009. С. 96—99.

Касаткина 2000 — Р. Ф. Касаткина. Южнорусское наречие. Новые данные // ВЯ. 2000. № 6. С. 98—109.

Касаткина 2005 — Р. Ф. Касаткина. Московское аканье в свете некоторых диалектных данных // ВЯ. 2005. № 2. С. 29—45.

Касаткина (ред.) 1999 — Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие / Под ред. Р. Ф. Касаткиной. М., 1999.

Касаткина, Щигель 1995 — Р. Ф. Касаткина, Е. В. Щигель. Ассимилятивно-диссимилятивное аканье // Проблемы фонетики II: Сб. статей / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 1995. С. 295—309.

Корпечкова, Савинов 2009 — Е. В. Корпечкова, Д. М. Савинов. Дмитровское диссимилятивное яканье в говорах Белгородской области // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 14. М., 2009. С. 53—67.

Савинов 2001 — Д. М. Савинов. Развитие предударного вокализма в одном тульском говоре // Жизнь языка. Сб. статей к 80-летию М. В. Панова / Сост. Л. А. Капанадзе; Отв. ред. С. М. Кузьмина. М., 2001. С. 211—215.

Савинов 2010 — Д. М. Савинов. Архаический диссимилятивный вокализм в развитии // Активные процессы в русской фонетике: фонетические отцы и дети / Под ред. Р. Ф. Касаткиной (в печати).

Сидоров 1969 — В. Н. Сидоров. Из русской исторической фонетики. М., 1969.

Сталькова 1973 — И. Л. Сталькова. Предударный гласный *ы* (этимологический) в системе диссимилятивного аканья // Исследования по русской диалектологии. М., 1973. С. 74—87.

Строганова 1964 — Т. Ю. Строганова. Вокализм // Русская диалектология / Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964. С. 31—68.

Строганова 1975 — Т. Ю. Строганова. О характере реализации гласных неверхнего подъема в 1-м предударном слоге после твердых согласных в говорах с диссимилятивным аканьем // Русские говоры. К изучению фонетики, грамматики, лексики. М., 1975. С. 40—53.

Чекмонас 1999 — В. Чекмонас. Аканье и яканье в говорах Псковского района (современное состояние и проблемы истории) // Kalbotyra 48 (2). Slavistica Vilnensis, 1999. С. 89—141.

Summary

The article deals with the correlation between vowels after hard and soft consonants in South-Russian dialects, primarily in the dialects with archaic vocalism. The parallelism of vocalic systems after hard and soft consonants in the archaic Zadonsk *akanie* and *jakanie* is destroyed when the quality of the pretonic vowel ceases to depend on the stressed vowel. The article demonstrates that the archaic system is more stable in the position after hard consonants-than in the position after soft consonants. For this reason archaic *akanie* is better preserved than archaic *jakanie*.

Ключевые слова: диалектология, диалектная фонетика, ударный вокализм, предударный вокализм, аканье, яканье.

Keywords: dialectology, dialectal phonetics, stress vocalism, prestress vocalism, akanie, jakanie.

А. А. ГИППИУС

ПРЕДИСЛОВИЕ К «СОФИЙСКОМУ ВРЕМЕННИКУ» (КИЕВСКОМУ НАЧАЛЬНОМУ СВОДУ): ТЕКСТ, ЯЗЫК, ИСТОЧНИКИ*

Опубликованная в XIII томе Известий ОРЯС за 1909 г. статья «Предисловие к Начальному Киевскому своду и Несторова летопись» — одна из наиболее важных работ А. А. Шахматова о раннем русском летописании. В этой статье концепция Начального свода, разрабатывавшаяся ученым на всем протяжении его занятий русскими летописями, обрела свои «классические» очертания. Тезис об отражении в Новгородской 1-й летописи младшего извода (Н1Л[1]) летописного свода, предшествовавшего созданию Повести временных лет, был дополнен отнесением к этому своду и предисловия Н1Л, читаемого также в летописях Новгородско-Софийской группы (НСГ) и связанных с ними летописных памятниках[2].

---

* Исследование выполнено в рамках Программы ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей». Благодарю А. Ю. Виноградова, А. А. Зализняка, В. А. Кучкина, П. В. Лукина, А. А. Пичхадзе, П. С. Стефановича и А. А. Турилова за конструктивные замечания, высказанные в ходе обсуждения предварительного варианта статьи.

[1] Поскольку в старшем изводе Н1Л (Синодальном списке) начало отсутствует, что делает его нерелевантным для нашей темы, в дальнейшем, говоря об Н1Л, мы имеем ввиду лишь ее младший извод.

[2] Реконструкция исходного вида Предисловия к Начальному своду дана А. А. Шахматовым в приложении к статье и, с небольшими изменениями, воспроизведена в книге 1916 г. [Шахматов 1916 (2003): 937—940]. Содержание Предисловия напомним словами самого Шахматова: «Киев назван по имени Кия, подобно тому, как Рим назван по имени царя Рима и т. п. Промыслу Божию было угодно, чтобы на месте, где прежде приносили жертвы бесам, возникли златоверхие каменные церкви и монастыри, наполненные черноризцами, проводящими время в молитвах. Если мы прибегнем к святым церквам, то получим большую пользу душе и телу. Засим автор обращается к читателю с просьбою уделить внимание его рассказу о том, каковы были древние князья и их мужи, как они обороняли Русскую землю и покоряли под себя другие страны. Те князья не собирали себе большого имения и не теснили людей вирами и продажами. А дружина князя кормилась, воюя другие страны, и не обращалась к князю с жалобой на то, что ей мало

В более ранних работах (исключая вышедшие в 1908 г. «Разыскания о древнейших русских летописных сводах», где представлен уже новый взгляд на Предисловие) Шахматов, следуя принятой в историографии XIX в. точке зрения, видел в Предисловии новгородский текст XIII в. Такая датировка целиком основывалась на заключительной фразе, определяющей хронологические пределы летописного рассказа временем «от Михаила цесаря до Александра и Исакия». М. П. Погодин [1857] первым отождествил царей Александра и Исакия с византийскими императорами Алексеем и Исааком Ангелами, фигурирующими в «Повести о взятии Царьграда фрягами» (в Н1Л под 6712 / 1204 г.), и предположил, что Предисловие было написано для Новгородской летописи, заканчивавшейся «Повестью».

Основанием для пересмотра этого представления, произведенного Шахматовым в статье 1909 г., стал, с одной стороны, анализ содержания Предисловия, выявивший соответствие реалий текста и его общей направленности исторической обстановке Киева 90-х гг. XI в., а с другой — обнаруженная возможность альтернативной идентификации «Александра и Исакия», отождествленных на этот раз с Алексеем Комниным (1090—1118) и его братом Исааком, севастократором. Опираясь на это двойное основание, Шахматов заключил, что Предисловие Н1Л («Софийского временника») является не элементом обрамления, полученного Начальным сводом в новгородской летописи, но органической частью самого этого свода. Из текста, маргинального для истории начального летописания, Предисловие сделалось таким образом важнейшим звеном шахматовской концепции. Это положение оно сохранило и в работах продолжателей Шахматова: М. Д. Приселкова, Д. С. Лихачева, А. Н. Насонова, М. Х. Алешковского.

Впрочем, как и гипотеза Начального свода в целом, шахматовская атрибуция Предисловия была воспринята последующей историографией далеко не единодушно. За прошедшие сто лет не растерял своих сторонников и старый взгляд на Предисловие как новгородское сочинение XIII в. (см. [Кузьмин 1977; Петрухин 1998]), а также новейшую работу [Цукерман 2009]). Свое крайнее выражение мнение о позднем новгородском происхождении текста получило в недавней статье киевского автора С. Фоллина [2009], датирующего создание Предисловия началом XV в. Одновременно в стане исследователей, разделяющих идею Начального свода, предпринимались попытки еще большего удревнения текста: В. К. Зиборов [1995] от-

предложенного ей жалованья. За наше несытство Бог навел на нас поганых. Далее следуют благочестивые увещания. Предисловие оканчивается, как в Комиссионном списке Новгородской 1-й, так и в сводах, восходящих к Новгородскому своду 1448 г. (как Шахматов определяет общий протограф НСГ. — *А. Г.*), словами: «Мы же от начала Рускы земля до сего лета и все по ряду извѣстьно да скажемъ от Михаила царя до Александра и Исакья» [Шахматов 1909 (2003): 383].

нес его к своду 1076 г., а И. Н. Данилевский (правда, без специальной текстологической аргументации) — к Древнейшему своду 1037 г. [Данилевский 1997: 208—210].

Таким образом, с течением времени разброс в датировках Предисловия только увеличивался, достигнув к настоящему моменту почти четырех столетий, — случай едва ли не уникальный в историографии русского летописания. О том, что с изучением этого памятника дело обстоит неблагополучно, говорит и отсутствие его современных публикаций. Вопреки значению для истории начального летописания, признаваемому за ним исследователями шахматовской школы, Предисловие не нашло себе места ни в академическом издании ПВЛ Д. С. Лихачева, ни на страницах «Памятников» и «Библиотеки литературы Древней Руси». Над этим текстом как будто тяготеет груз подозрений, препятствующих восприятию его как аутентичного произведения XI в.

Попытка развеять эти подозрения, продемонстрировав несостоятельность возражений против обоснованной Шахматовым датировки Предисловия, была предпринята в работе [Гиппиус 2006]. Как показало появление уже упомянутых работ С. Фоллина и К. Цукермана, попытка эта не увенчалась успехом — она, напротив, лишь стимулировала оформление позиции, полностью противоположной шахматовской. Спустя сто лет после выхода в свет работы Шахматова о Предисловии, последним словом науки об этом памятнике оказалось следующее высказывание: «*Предисловие к Софийскому временнику* — довольно топорная поделка позднего автора, не вполне хорошо владевшего языком и не способного изъясняться внятно. Текст объемом менее чем две страницы полон неловких выражений, стилистических неуклюжестей, которые выдают в его авторе скорее неумелого редактора чужих текстов, чем добротного писателя. Провозглашение его древним памятником — не более чем дань авторитету Шахматова» [Фоллин 2009: 152].

В своей оценке шахматовских гипотез в области начального летописания С. Фоллин не одинок, разделяя позицию, характерную для новейшей киевской историографии ПВЛ, см. [Вилкул 2003, 2007; Толочко 2008]. Полемика с этой тенденцией не входит в задачи настоящей статьи. Специфика критического выступления С. Фоллина заключается в активной апелляции к языковым и стилистическим данным, что вполне оправданно: им и в самом деле должна принадлежать решающая роль в атрибуции текста, особенно когда речь идет о выборе между XI и XV в. Однако вердикт, вынесенный исследователем на основании этих данных, представляется неоправданным и преждевременным.

«[С]тилистика Предисловия, — пишет С. Фоллин, — заслуживала бы специального внимания филологов. Глаз постоянно цепляется за несуразности и нелепости, выдающие руку почти малограмотного автора. Ср.: *придаху подъ ся; ни творимыхъ виръ ... вскладаху люди; жены ... расплодили были землю Руськую; останемся от несытьства; нарицають тако пе-*

ревозника бывша; нарицають ... же ловы дѣяше; како во имя назвася и т. д.» [Фоллин 2008: 148, прим. 148]. Занесение в список «нелепостей» нормального для древнерусских памятников управления *остатися от чего-л.* и восточнославянского плюсквамперфекта *расплодили были* оставим без комментария. Важнее другое: четыре приведенных контекста, действительно неудовлетворительные в смысловом и стилистическом отношениях, суть индивидуальные чтения Толстовского списка Н1Л XVIII в., по которому, из-за утраты листов в Комиссионном и Академическом списках, текст Предисловия был опубликован А. Н. Насоновым [НПЛ: 103—104]; в Троицком списке Н1Л и летописях Новгородско-Софийской группы им соответствуют не вызывающие подобных нареканий варианты. Ср.: *придаху подъ ся* / *приимаху подъ ся*; *вскладаху люди* / *вскладаху на люди; тако перевозника бывша* / *древле перевозника бывша; како во имя назвася* / *како воименовася*.

Всем, кому приходилось приводить текст Предисловия по изданию А. Н. Насонова (по которому он обычно цитируется), должны быть знакомы связанные с этим трудности, вызванные ущербностью Толстовского списка — одного из худших списков памятника, в силу случайных обстоятельств сделавшегося его наиболее известным представителем[3]. Поновленные и испорченные чтения Толстовского списка кажутся во многом ответственными за окружающую Предисловие атмосферу скептицизма, препятствующую восприятию его как полноценного раннедревнерусского текста.

Это положение делает важнейшей задачей изучения Предисловия (актуальной безотносительно к спорам о времени создания текста) реконструкцию архетипа, к которому восходят все сохранившиеся списки. В отсутствии такой реконструкции любое филологическое утверждение об этом памятнике неизбежно повисает в воздухе.

Сразу оговорим, что речь идет именно о реконструкции несомненно существовавшего архетипа начала XV в., а не гипотетического древнего оригинала, опыт восстановления которого был предложен Шахматовым в приложении к его статье. Реконструкция последнего составляет отдельную задачу уже второго порядка, постановка которой, как будет показано ниже, с необходимостью вытекает из результата первой реконструкции.

---

[3] Неудовлетворительность чтений Толстовского списка Н1Л хорошо видна из сопоставления двух вариантов реконструкции Предисловия, опубликованных Шахматовым. Реконструируя текст в 1909 г., Шахматов взял за основу версию Софийской 1-й летописи. В книге 1916 г. он реконструировал Предисловие в составе Начального свода и должен был поэтому опираться на списки Н1Л. Притом, что текстуальные отличия двух реконструкций минимальны (за исключением заголовка, который в первой из них отсутствует), критический аппарат во втором случае существенно разросся — из-за необходимости оговаривать все отступления от Толстовского списка.

В соответствии с только что сказанным дальнейшее изложение строится в два этапа. На первом этапе на основе сопоставления списков Предисловия мы восстанавливаем состояние текста в «Софийском временнике» начала XV в., к которому восходят все сохранившиеся свидетельства. На втором этапе реконструируется исходный вид Предисловия и дается филологический комментарий к этой реконструкции.

От списков к архетипу: Предисловие в «Софийском временнике» начала XV в.

«Предисловие, — писал А. А. Шахматов, приступая к его реконструкции, — не вошло в состав ПВЛ. Поэтому единственным источником для знакомства с ним оказывается новгородский свод начала XV в., Софийский временник, не дошедший до нас в первоначальном своем виде, но известный по позднейшим сводам, воспринявшим текст Софийского временника в более или менее измененном виде» [Шахматов 1909 (2003): 405].

Понятие «Софийский временник», как известно, толкуется в литературе неоднозначно. Сам Шахматов, в более поздней работе о Киевском Начальном своде, относил его к младшему изводу Н1Л, имея в виду, однако, не общий протограф Комиссионного и Академического списков (доведенный до 1439 г.), а предшествовавшую ему редакцию, созданную в 1433—1434 гг. [Шахматов 1947: 137—138]. Такая «текучесть» термина вызвана объективной сложностью самого обозначаемого объекта, каковым при любом понимании «Софийского временника» оказывается основной массив новгородского летописания XII — первой трети XV в., связанный институционально с архиепископской кафедрой, а территориально — с Софийским собором. Прежде чем отразиться в Н1Л в ее известном нам виде, этот массив претерпел сложную эволюцию. Развитие его шло, с одной стороны, путем постепенного накопления погодных записей владычных летописцев, а с другой — путем их периодической переписки, иногда сопровождавшейся редактурой и включением дополнительных материалов. Один из таких «срезов» новгородского владычного летописания первой трети XV в., начинавшийся Предисловием, был использован протографом Новгородско-Софийской группы летописей в соединении с центрально-русским источником, в начале которого читалась Повесть временных лет. Названию своего новгородского источника — «Временникъ, еже нарицается лѣтописание рускых князии и земля Рускыя» — составитель Новгородско-Софийского свода предпослал определение «Софийский», указав таким образом на его происхождение; ср. [Бобров 2001: 123; Накадзава 2006: 259—266][4].

[4] В большинстве списков летописей Новгородско-Софийской группы это прилагательное находится строкой выше слова «Временник», открывающего новую строку и начинающегося инициалом. Это означает, что выделяемое публикаторами

Таким образом, сочетание «Софийский временник», никогда не бывшее самоназванием летописи, имеет смысл лишь как условный термин, обозначающий Новгородскую владычную летопись в том виде, в каком она была использована в Новгородско-Софийском своде.

Характер отражения понимаемого таким образом Софийского временника в Н1Л принципиально отличен от характера его отражения в Новгородско-Софийском своде. В то время как Н1Лмл представляет собой воспроизведение «Временника» на более продвинутом этапе его существования, Новгородско-Софийский свод использовал его как один из источников, в своей начальной части — в соединении с текстом ПВЛ. Отсюда — различие в положении, занимаемом Предисловием в этих памятниках: в Н1Л Предисловие, как и пристало тексту этого жанра, открывает летопись, в НСГ оно читается уже по ходу летописного повествования, после начальных выписок из ПВЛ, завершающихся рассказом о хазарской дани.

Взаимные отношения между летописями Новгородско-Софийской группы и списками Н1Л, вероятно, еще долгое время останутся предметом дискуссий. По ряду вопросов, однако, консенсус уже достигнут. К числу таких общепризнанных положений относится и следующее: главным новгородским источником свода — протографа НСГ послужила летопись типа Н1Л, представлявшая, однако, более ранний этап развития текста, чем тот, который засвидетельствован Комиссионным и Академическим списками. Это означает, что для реконструкции исходного вида фрагментов, читаемых как в Н1Л, так и в НСГ (к числу которых относится и Предисловие), списки Н1Л и летописи Новгородско-Софийской группы представляют равный интерес как независимые свидетельства[5]. Сопоставление этих двух

сочетание «Софейский временник» для составителя Новгородско-Софийского свода не существовало: прилагательное «софейский» относилось им не к «Временнику», но к подразумеваемому «лѣтописець» — ср. аналогичное употребление прилагательного в известных пометах «ищи в кыевском», читаемых в списках Софийской 1-й летописи и, скорее всего, также восходящих к протографу НСГ, см. [Кистерев 2000].

[5] Непонимание этой элементарной текстологической логики заставляет С. Фоллина иронизировать по поводу того, что Шахматов, настаивая на отражении Начального свода в Н1Лмл, взял за основу реконструкции Предисловия к этому своду Софийскую 1-ю летопись. Исследователь приписывает Шахматову интеллектуальную раздвоенность, противопоставляя абстрактное теоретизирование о Начальном своде трезвому анализу конкретных рукописей. «Приложение к статье, в котором Шахматов обосновывает свой выбор в пользу *Соф 1*, написано как будто другим исследователем, не принимающим в расчет идеи Шахматова об отражении *Начального свода* именно в *НПЛмл*. Каким-то непостижимым образом оказывается, что *Начальный свод* и *Предисловие* к нему живут двумя различными археографическими жизнями: предисловие мигрирует по рукописям отдельно от остального текста летописи, который мигрирует по совершенно другим рукописям. Как случилось, что *Предисловие* оторвалось от летописи, и как случилось, что этот “ото-

ветвей рукописной традиции Предисловия позволяет реконструировать его архетип с высокой степенью надежности.

Предлагаемая ниже реконструкция в своих текстологических основаниях (и как следствие — в результатах) несколько отличается от предложенной А. А. Шахматовым.

Во-первых, рассматривая в качестве самостоятельной задачи реконструкцию архетипа сохранившихся списков Предисловия, мы, естественно, восстанавливаем этот архетип вместе со свойственными ему ошибками, не пытаясь на данном этапе исправить эти ошибки. Как нам предстоит убедиться, само наличие этих ошибок и их характер представляют для истории текста памятника исключительный интерес.

Во-вторых, мы несколько иначе оцениваем относительную значимость основных источников реконструкции и характер их отношений между собой. Оговорим главные из таких расхождений.

Наиболее надежным основанием для реконструкции Предисловия Шахматов считал текст летописей Новгородско-Софийской группы (Новгородской 4-й и Софийской 1-й), отдавая им приоритет над списками Н1Л в силу того, что последняя, как полагал ученый, сама испытала известное влияние со стороны «Свода 1448 г.» (т. е. протографа НСГ). Свидетельство такого влияния принято усматривать во входящих в Н1Л повестях общерусского содержания: об Александре Невском (6748, 6750, 6754, 6759), Михаиле Черниговском (6753), о Куликовской битве (6888). Шахматов [1938: 164] считал эти тексты заимствованными из Новгородско-Софийского свода, с чем согласны Я. С. Лурье [1976: 91—93], Ю. К. Бегунов [1959: 228—238], А. Г. Бобров [2001: 89] и другие авторы. Результаты новейших исследований заставляют, однако, иначе трактовать данный вопрос. Согласно выводу Т. В. Гимона [2006: 118], основанному на анализе разночтений списков Н1Л, летописей Новгородско-Софийской группы и Тверского сборника, включение в Новгородскую летопись житийных по-

рванный” вид оказался древнее и исправнее того, что остался при *Начальном своде* (т. е. в *НПЛмл*), Шахматов не пояснил, да, вероятно, и не задумался об этом» [Фоллин 2009: 150]. В действительности загадочные «миграции» суть плод воображения самого С. Фоллина, приписывающего Шахматову абсурдные утверждения вроде того, что «впервые Предисловие к Софийскому временнику появилось в списках Софийской первой летописи» [Там же]. Приводя слова Шахматова о том, что «Софийским временником и названа была в Новгороде Новгородская 1-я летопись младшего извода» [Шахматов 2003: 445], Фоллин не замечает, что Шахматов имеет здесь в виду «раннюю редакцию» младшего извода Н1Л, далеко не тождественную тексту Комиссионного и Академического списков. Справедливости ради заметим, что представление Шахматова об этой «ранней редакции» было довольно неустойчивым; однако ответы на вопросы, над которыми, как полагает Фоллин, «не задумался» Шахматов, ясны из его текстов любому внимательному и непредвзятому читателю.

вестей об Александре Невском и Михаиле Черниговском было сделано на этапе, предшествовавшем созданию копии владычной летописи, использованной составителем Новгородско-Софийского свода. Этот вывод согласуется с заключением В. А. Кучкина [Кучкин 1998], показавшего, что рассказ Н1Л о Куликовской битве не является извлечением из Новгородско-Софийского свода, но, напротив, первичен по отношению к тексту Новгородской 4-й и Софийской 1-й и восходит к тому же источнику, что и текст Рогожского летописца. Поскольку других убедительных свидетельств влияния протографа НСГ на протограф НПЛмл до сих пор приведено не было, две группы списков оказываются абсолютно равноценны как отражения текста Предисловия.

Из летописей Новгородско-Софийской группы Шахматов использовал в своей реконструкции Софийскую 1-ю и Новгородскую 4-ю, причем Софийская 1-я была выбрана им в качестве основного списка. Введенное позже самим Шахматовым подразделение обеих летописей на редакции (изводы) — старшую и младшую — в работе 1909 г. еще не нашло отражения. Не была в то время известна Шахматову и Новгородская Карамзинская летопись (НК) — третий представитель Новгородско-Софийской группы. Происхождение необычной структуры НК, имеющей вид двух летописных подборок, и ее соотношение с Н4 и С1 является предметом непрекращающейся дискуссии. Не решаясь принять в ней ту или иную сторону, мы условно рассматриваем три летописи как ответвления Новгородско-Софийского свода, подразумевая под последним тот летописный памятник первой трети XV в., в котором текст Новгородской владычной летописи был впервые соединен с текстом ПВЛ, — и ничего больше.

Из рукописей Н1Л Шахматов ставил на первое место Толстовский список, представляющий собой копию с Академического списка XV в., снятую в 20-х гг. XVIII в., когда последний еще сохранял утраченные ныне листы с Предисловием. Однако Толстовский список является не единственным отражением утраченного текста Академического: в 1730-х гг. с рукописи была сделана еще одна копия, известная как список Филиппса и хранящаяся в Прусской королевской библиотеке в Берлине. На длительное время исчезнувший из поля зрения исследователей, список Филиппса был совсем недавно вновь введен в научный оборот [Майоров 2008]; копиями этой рукописи являются Воронцовский и Румянцевский 2-й списки Н1Лмл.

Наличие в нашем распоряжении двух независимых копий Академического списка в высокой степени компенсирует утрату начальных листов в нем самом. Действительно, опираясь на общий текст Толстовского списка и списка Филиппса, а при расхождении между ними выбирая то из чтений, которое поддерживается другими летописями, текст Предисловия в Академическом списке можно реконструировать практически целиком и с полной достоверностью. Для концовки Предисловия мы располагаем и параллельным текстом Комиссионного списка.

Отдельную проблему составляет текстологический статус Троицкого списка Н1Л (Тр.). В статье о Предисловии Шахматов предполагал использование составителем Троицкого списка четырех источников: «а) Комиссионным списком Новгородской 1-й летописи, б) каким-то суздальским сводом, содержавшим ПВЛ; в) какою-то особою редакцией Софийской 1-й летописи; г) первоначальною редакцией Новгородской 1-й летописи (сводом 1433 г.)» [Шахматов 1909 (2003): 406]. В такой оценке сказалось преувеличенное представление Шахматова о степени сложности текстуальных связей между летописными сводами XV в. В действительности ничто не говорит об использовании составителем Тр. самого Комиссионного списка, а не его протографа. Из ПВЛ составителем Тр. было, несомненно, выписано его окончание. Установлено и происхождение этого окончания: как показал Б. М. Клосс [1974: 254], источником его послужила Новгородская 5-я летопись. Однако никаких свидетельств влияния этой летописи на основной текст Тр. до сих пор предъявлено не было. Нет, на наш взгляд, и оснований предполагать влияние со стороны Софийской 1-й летописи: примеры, на которые ссылается Шахматов, недостаточно показательны и допускают иное объяснение.

Таким образом, ничто не мешает считать Троицкий список в его основном протяжении (до 1015 г.) отражающим единственный источник, который Шахматов определяет как первоначальную редакцию Новгородской первой летописи (свод 1434 г.)[6]. К чтениям этого свода, восстанавливаемым по Тр., Шахматов относил в первую очередь передачу имен императоров в заключительной фразе Предисловия: «до Олекси, Исакья» (в остальных списках Н1, как и в Н4—НК—С1: «до Александра (Олександра) и Исакья»). В «Обозрении русских летописных сводов XIV—XVI вв.» Шахматов привел еще несколько примеров первоначальных чтений Тр., но примеры эти, как отметил А. Г. Бобров [2001: 77], проверкой не подтверждаются. На наш взгляд, первичные по сравнению с другими списками Н1Л чтения Тр. все же имеются, заставляя возводить его к копии владычной летописи, отличной от общего оригинала Комиссионного и Академического списков[7]. Едва ли, однако, к их числу следует относить чтение «до Олекси Исакья». Признание его первоначальным, а варианта «до Александра и Исакья» — вторичным делает необъяснимым присутствие последне-

[6] Основанием для такого определения является читаемая в Тр. дополнительная статья «А се роды рускихъ князей», заканчивающаяся именем Юрия Дмитровича, занимавшего великокняжеский стол в 1433—1434 гг.

[7] Так, в статье 6463 г. читаем: «и рече царь: приклюкала мя Олга» и ниже: «она же, хотящи домовъ, придѣ к патриарху», что соответствует чтениям ПВЛ, тогда как Комиссионный и Академический списки дают явно вторичные чтения: «упремудри мя Олга» и «хотящи возвратитися къ странѣ своеи»; предполагать же, что писец Троицкого списка восстановил первоначальные чтения ПВЛ, искаженные в его протографе, оснований нет.

го не только в других списках Н1Л, но и в летописях Новгородско-Софийской группы, создание протографа которой в настоящее время датируется большинством исследователей 1410 гг. Шахматов объяснял наличие этого чтения в Комиссионном списке влиянием Новгородско-Софийского свода, но в отсутствие других свидетельств такого влияния (о чем см. выше) такое предположение было бы объяснением ad hoc.

Правильной представляется поэтому точка зрения С. Фоллина, считающего чтение «до Александра и Исакья» первоначальным и объясняющего индивидуальное чтение Троицкого списка правкой, произведенной его составителем. В пользу этого, заметим, свидетельствует и обычно не акцентируемая (хотя и очевидная) грамматическая нерегулярность чтения Троицкого списка: «Олекси Исакья» вместо ожидаемого «Олексы и Исакья». Ее возможно объяснить копированием оригинала, в котором исход первого имени в «стандартном» чтении «до Олександра и Исакия» был подскоблен или зачеркнут, результатом чего явилась именно та буквенная последовательность, которую находим в Троицком списке: «олекс(андра)иисакия» → «олексиисакия». По всей вероятности, кто-то из читателей рукописи, соотнеся фразу с «Повестью о взятии Царьграда», попытался исправить ошибочное, с его точки зрения, чтение.

Помимо списков Н1Л и летописей Новгородско-Софийской группы Шахматов называет среди источников своей реконструкции также Новгородскую 5-ю летопись и Тверской сборник, предполагая независимое отражение в этих памятниках текста Софийского временника. Новгородская 5-я, как показал Шахматов, положила в свое основание текст Новгородской 4-й летописи младшего извода, заменив его на двух отрезках (955—996, 1384—1405) текстом Новгородской 1-й летописи. Предисловие читается в той части Н5, в которой она следует Н4, и оснований предполагать правку по Н1 текст не дает: мы находим в нем все характерные чтения Н4 младшего извода (см. перечень ниже), наряду с добавлениями, явно принадлежащими составителю. Не удивительно, что в реконструированном Шахматовым тексте индивидуальные чтения Н5 отражения не нашли.

Сходным образом дело обстоит и с Тверским сборником, использующим Софийскую 1-ю летопись в соединении с летописью типа Н1Л. Как и в предыдущем случае, текст Предисловия в Тв. определенно восходит к летописи из Новгородско-Софийской группы, демонстрируя на этот раз все характерные приметы С1 старшего извода (см. перечень ниже). Чтения, в которых Тв. отклонялся бы от С1ст, совпадая с Н1Лмл (что могло бы свидетельствовать о параллельном использовании составителем Новгородской владычной летописи), в тексте Предисловия отсутствуют. Однако, в отличие от Н5, пользование Тв. в одном случае отразилось в реконструкции Шахматова. На основании Тв. Шахматов восстанавливает чтение «не жадааху» с отрицательной частицей, отсутствующей во всех остальных списках. Теоретическая возможность сохранения в Тв. первоначального чтения, одинаково искаженного в других списках, действительно имеется:

по данным Т. В. Гимона [2006: 118—119], Тв. восходит к списку Новгородской владычной летописи, предшествовавшему расхождению вариантов Н1Л и НСГ. Однако привлекать эту возможность для объяснения данного разночтения оснований нет: как указал нам В. А. Кучкин, частица *не* в Строевском списке, по которому Тверской сборник опубликован в ПСРЛ, дописана другим почерком; во втором же, Забелинском списке памятника, она отсутствует. Таким образом, кто-то из читателей Строевского списка просто исправил чтение, справедливо показавшееся ему ошибочным.

Описанное соотношение основных летописных памятников, донесших до нас текст Предисловия, нужно признать вполне благоприятным для реконструкции архетипа. Наличие двух независимых ветвей традиции, какими мы склонны считать Н1Л и НСГ, дает объективное основание для критики вариантных чтений, позволяя уверенно отбраковывать как вторичные чтения отдельных списков и групп списков, не представленные в другой ветви.

Приведем перечень определяемых таким образом вторичных чтений двух летописей Новгородско-Софийской группы и их изводов.

Вторичные чтения Софийской 1-й летописи (С1 ≠ НК = Н4 = Н1):

«рускихъ князей» / «рускихъ князеи и земля Руския»;
«его же древле нарицають» / «его же нарицають древле»;
«церкви стоять златоверхия» / «церкви златоверхия»;
«исполнени черноризець (-зцевъ)» / «исполнени черноризци»;
«скоро извѣется» / «извѣется»;
«възлюбленая моя» / «моя възлюбленая».

Вторичные чтения Софийской 1-й летописи старшего извода (С1ст ≠ С1мл = НК = Н4 = Н1):

«лѣтописець» / «лѣтописание»;
«перевозника суща» / «перевозника бывша»;
«а ту взимааше» / «а ту возма»;
«имѣния наша» // «имѣния».

Вторичные чтения Софийской 1-й летописи младшего извода (С1мл≠С1ст=НК=Н4=Н1):

«велику пользу прииметь души же и тѣлу» / «велику пользу прииметь души и тѣлу»;
«доволни будите» / «но доволни будете»;
«сбираеть» / «сбираеть я».

Вторичные чтения Новгородской 4-й летописи (Н4≠С1=НК=Н4=Н1):

«градъ Кыевъ» / «градъ великыи Кыевъ»;
«Римъ градъ» / «градъ Римъ».

Вторичные чтения Новгородской 4-й летописи младшего извода (Н4мл≠Н4ст=НК=С1=Н1):

«въ послѣдняя лѣта» / «въ послѣдняя времена»;
«имѣния многа» / «многа имѣния»;
«бьющеся, ркуще» / «бьющеся».

Отметим, что надежные примеры вторичных чтений, которые бы объединяли какие-либо две из летописей НСГ в противоположность третьей, в тексте Предисловия отсутствуют. Не беремся интерпретировать этот факт с точки зрения соотношения трех летописей — не исключено, что он обусловлен лишь незначительным размером нашего текста. Но если это соотношение не случайно, то оно может быть объяснено лишь исходя из схемы Г. М. Прохорова — А. Г. Боброва, предполагающей независимое восхождение НК, Н4 и С1 к протографу первой подборки НК (по Боброву — своду 1411 г.).

В двух случаях варианты распределены между Н1мл и НСГ (Н1≠НК=Н4=С1), что делает невозможным выбор первоначального чтения на основе стеммы:

«прозвани быша гради» / «прозвани быша гради ти»;
«званъ бысть градъ» / «прозванъ бысть градъ».

Индивидуального разбора требуют случаи, в которых варианты (одни и те же или разные) присутствуют в обеих ветвях традиции. Случаи эти таковы[8].

[8] Использованы следующие летописные памятники и их списки: *Новгородская Карамзинская летопись* (НК), кон. XV—нач. XVI в. (РНБ, F. IV.603). *Новгородская четвертая летопись* (Н4) — старший извод: Голицынский список (Г), нач. XVI в. (РНБ, Q.XVII.62); Новороссийский список (Н), 70-е гг. XV в. (БРАН, Тек. пост., № 1107); младший извод: Фроловский список (Ф), 70—80 гг. XV в. (РНБ, F.IV.235); Синодальный список (С), 1544 г. (ГИМ, Син., № 152 [ПСРЛ, 4: 8—10]). В Строевском, Толстовском, Академическом списках Н4 текст Предисловия отсутствует. *Софийская первая летопись* (С1) — старший извод: Карамзинский список (К), 2-я пол XV в. (РНБ, Q.IV.298); список Оболенского (О), 70—80-е гг. XV в. (РГАДА, ф. 135, отд. V, рубр. 2, № 3 [ПСРЛ, 6: 11—12]); младший извод: Толстовский список (Т), кон. XV в. (РНБ, F.IV.211); Бальзеровский список (Б), кон. XV в. (СПБИИ, колл. 11, оп. 1, собр. Арх. ком., № 23); список Царского (Ц), нач. XVI в. (ГИМ, Увар., № 248 [ПСРЛ, 39: 9]); *Новгородская первая летопись младшего извода* (Н1): Комиссионный список (К), сер. XV в. (СПБИИ, собр. Археографической комиссии, № 240 [НПЛ: 104]); Толстовский список (Т), сер. XVIII в. (РНБ, F.IV.23 [НПЛ: 103—104]); список Филиппса (Берлинский, Ф), 1738 г., (Staatsbibliothek zu Berlin — Preussischer Kulturbesitz. Ms. Phil. 1987; Троицкий список (Тр), 60-е гг. XVI в. (РГБ, собр. МДА, № 69 [НПЛ: 511—512]). Опубликованные списки цитируются по изданиям, остальные — по рукописям. Берлинский (Филиппса) список Н1Л цитируется по фотокопии, любезно предоставленной нам А. В. Майоровым. Под сиглой Н1*Ак приводятся чтения, общие для Толстовского и Берлинского (Филиппса) списков Н1Л, с полной надежностью возводимые к Академическому списку.

НК: туда же нынѣ святыа церкви златоверхыа каменозданыя
Н4: туда же нынѣ святыя церкви златоверхыя каменозданыя
С1ст: туда же нынѣ святыя церкви *стоять* златоверхыя каменозданыя
С1мл: туда же нынѣ святыя церкви *стоять* златоверхыя каменозданыя (Б, Ц)
туда же нынѣ церкви святыя *стоять* златоверхыя каменозданыя (Т)
*Н1*Ак:* нынѣ же паки туды святыя церкви златъверхия каменозданныя *стоят* (Т)
нынѣ же паки туды святыя церкви *и* златоверхия каменозданныя *стоят* (Ф)
Н1Тр: туда же нынѣ святаа церькви златоверхие каменозданныя
α: туда же нынѣ святыя церкви златоверхыя каменозданыя

Различное положение сказуемого *стоять* в С1 и Н1*Ак, а также представленность варианта с эллипсисом сказуемого в обеих ветвях традиции позволяют уверенно возводить к архетипу (α) этот последний.

НК: въ молитвахъ, въ бдѣнии, *и* въ постѣ, *и* въ слезахъ
Н4: въ молитвахъ, въ бдѣнии, въ постѣ, въ слезахъ (С: постѣхъ)
С1ст: въ молитвахъ, въ бдѣниихъ, въ постѣхъ, въ слезахъ
С1мл: въ молитвахъ *и* въ бдѣнии, въ постѣ, въ слезахъ (Т)
в молитвахъ *и* бдѣнии, *и* въ постѣхъ *и* слезахъ (Б, Ц)
*Н1*Ак*: въ молитвахъ, во бдѣнии, въ постѣ *и* въ слезахъ
Н1Тр: въ молитвахъ, во бдѣниихъ, въ посте, въ слезахъ
α: въ молитвахъ, въ бдѣнии, въ постѣ, въ слезахъ

Варьирование проявляется: 1) в наличии/отсутствии союзов и 2) в выборе формы числа второго и третьего членов ряда. Разнобой между списками в постановке союзов, а также наличие полностью бессоюзного варианта в обеих ветвях традиции позволяют уверенно возводить последний к архетипу. Во втором отношении наблюдаем такой же разнобой в постановке во множественном числе третьего члена (Н4С), второго и третьего (С1ст), второго (Н1Тр), при наличии варианта со вторым и третьим членами в единственном числе в обеих ветвях. В качестве первоначального, таким образом, однозначно восстанавливается чтение старшего извода Н4.

НК: аще бо къ святымъ сыи прибѣгнет церквамъ, тѣмъ велику ползу прииметь души и тѣлу
Н4ст: аще бо къ святымъ церквамъ прибѣгнеть, тѣ велику ползу приимуть души и тѣлу (Н);
аще бо къ святымъ сы прибѣгнеть церквамъ, тѣмъ велику ползу прииметь души и тѣлу (Г);
Н4мл: аще бо къ святымъ сы прибѣгнет церквамъ, тѣмъ велику ползу прииметь душѣ и тѣлу;
С1ст: аще бо къ святымь сы ц(е)рквемъ прибѣгнеть, тѣмъ велику ползу прииметь души и тѣлу (О; К: сы прибегнеть церквамъ);

С1мл: аще бо къ святымъ сы прибѣгнеть церквамъ, тѣмь велику пользу прииметь души же и тѣлу (Т);
аще бо къ святымъ прибѣгнеть церквамъ, тѣмь велику пользу прииметь души же и тѣлу (Б);
аще бо къ святымъ прибѣгноуть церквамъ, тѣм великоу пользоу прииметъ души же и тѣлу (Ц);
*Н1*Ак*: Аще бо къ святымъ сыи прибѣгнемъ церквамъ, тѣмъ велику ползу прииметъ души и тѣлу.
Н1Тр: Аще бо къ святым сыи прибѣгнет церквамъ, тѣмъ велику пользу прииметъ души и тѣлу
α: Аще бо къ святымъ сы(и) прибѣгнеть церквамъ, тѣмъ велику пользу прииметь души и тѣлу

Несмотря на то что причастие *сыи* в данном контексте совершенно неуместно, оно, несомненно, читалось уже в архетипе. Это — одна из ошибок архетипа Предисловия, о которых уже упоминалось выше.

НК: Мы же на послѣднее възвратимъся
Н4: Мы же на послѣднее възвратимъся
С1: Мы же на послѣднее възвратимъся
*Н1*Ак*: Мы же паки на послѣдование возвратимся
Н1Тр: Мы же на преднее възвратимся
α: Мы же на послѣдование възвратимъся

Чтение Н1*Ак возводится к архетипу как lectio difficilior, из которого в равной степени выводимы два других варианта.

НК: и како <u>обараху</u> Рускыа земли
Н4ст: отбараху (Г), отбораху → отборо^{н}ху (Н)
Н4мл: обороняху (С), обораху (Ф)
С1ст: обарааху (О), отбараху (К)
С1мл: отбараху (БТ), отбароняху (Ц)
*Н1*Ак*: отбараху (отбараху Т, отбираху Ф)
Н1Тр: й обороняху
α: и како отбараху Рускыя земля

Варианты противопоставлены в трех отношениях: 1) приставкой (*от-* / *о-*); 2) использованием глагольной основы, восходящей к **borniti* (др.-р. *боронити*) или **barati*; 3) огласовкой корня (*о*/*а*). Начав с третьего параметра, можно отвести как безусловно вторичные этимологически неправильные и текстологически маргинальные варианты *отбораху* и *обораху*. В плане выбора основы варианты, восходящие к **borniti* (*отборо^{н}ху*, *отбароняху*) обнаруживают свою периферийность в рамках Н4 и С1, а следовательно, и НСГ в целом; в протографе этой группы могло стоять только *отбараху* или *обараху*. Первый из этих вариантов находит поддержку в Н1*Ак, и именно его нужно признать первоначальным. По сравнению с чтением Н1Тр *обороняху* этот вариант предпочтителен также как lectio difficilior. Выигрывает

он и в сравнении с *обараху*, которое считал первоначальным чтением Шахматов. Глагол *обарати* не засвидетельствован историческими словарями русского языка и в Предисловии должен был бы трактоваться как гапакс. Между тем *отбарати* в значении ‘давать отпор’ зафиксировано в Изборнике 1073 г., хотя и с другим управлением: «рать приемлюште, не отбараимъ имъ» [СлРЯ XI—XVII, 13: 180].

НК: а ту вземъше даяше дружинѣ на оружьи
Н4ст: а ту возмя даяше дружинѣ на оружии (Г; Н: на оружии)
Н4мл: а ту възмя даяше дружинѣ на оружья
С1ст: а ту взимаше и дружинѣ на оружие дая (О)
а ту взимаше и дая дружинѣ на оружие (К)
С1мл: и ту возма, даяше дружинѣ на оружие (Т)
и ту возма, даяше дружинѣ на оружии (Б)
*Н1*Ак*: а ту возмя, даяше дружинѣ на оружие
Н1Тр: а ту возмя, даяше дружинѣ на оружие
α: а ту возма даяше дружинѣ на оружии

Хотя вариант *на оружье* представлен в обеих ветвях традиции, а *на оружьи* — только в НСГ, считать последний вторичным не следует. Форма местного падежа в данном контексте есть, безусловно, lectio difficilior и может восходить к архетипу. Замена на более тривиальную форму аккузатива вполне могла быть независимо произведена в разных списках.

НК: и ждаху: «мало ми е^{с}, княже, 200 гривенъ»
Н4ст: ждяху: «мало ми е, княже, 200 гривенъ» (Н)
ждяху: «малое ми княжение 200 гривенъ» (Г)
Н4мл: ждаху: «мало ми есть, княже, 200 гривенъ»
С1ст: ждяху: «мало ми е[9], княже, 200 гривенъ»
С1мл: ждяху: «мало ми есть, княже, 200 гривенъ»
*Н1*Ак*: глаголюще: «мало ми есть намъ, княже, дву сотъ гривенъ» (Т)
глаголюще: «мало ми есть намъ, княже, 200 гривенъ» (Ф)
Н1Тр: женяху: «мало ми е князь же, дву сотъ гривенъ»
α: ждяху: «мало ми е, княже, 200 гривенъ»

За исключением позднейшего исправления в Тверском сборнике, ни один из вариантов не дает удовлетворительного смысла: архетип, несомненно, содержал здесь ошибку. Вторичность обоих чтений Н1Л не вызывает сомнений, так что выбирать приходится между *ждяху* и *ждаху*. Морфологическая неправильность первого варианта позволяет видеть именно в нем чтение архетипа, в части списков замененное регулярным образованием *ждаху*. К происхождению самой формы *ждяху* мы еще вернемся.

[9] «Мало ми е», читаемое в обоих списках С1 старшего извода, в издании ошибочно передано как «мало мне» [ПСРЛ 6: 12]. Благодарю И. Ю. Анкудинова, проверившего чтение данного места в списке Оболенского.

Большой интерес представляет и другое разночтение в данном контексте. Наряду со «стандартным» вариантом «мало ми есть» в обеих ветвях традиции находим вариант «мало ми е», с широко распространенной диалектной формой 3-го лица презенса с нулевым окончанием. Тот же вариант угадывается и за необычным чтением Голицынского списка Н4 «малое ми княжение...»: переписчик явно не распознал в своем оригинале сочетания энклитического местоимения *ми* с диалектной формой *е* и, переставив эти компоненты, получил форму прилагательного *малое*, для которой «нашлось» и определяемое — *княжение*, полученное из вокатива *княже*. Чтение «мало ми е» уверенно возводится, таким образом, к протографу Новгородско-Софийской группы, а через него — с учетом наличия этого чтения в Н1Тр — и к архетипу Предисловия.

НК: не кладяху на свои жены <u>златых</u> обручеи, но хожаху жены ихъ в <u>сребрѣ</u>
Н4ст: не кладяху на своя жены <u>золотыхъ</u> обручевъ, но хожаху жены ихъ в <u>серебрѣ</u>
Н4мл: не кладяху на свои жены <u>златыхъ</u> обручевъ, но хожаху жены ихъ в <u>сребреныхъ</u>
С1ст: не кладяаху на свои жены <u>золотыхъ</u> обручеи, но хожаху жены ихъ в <u>сребрѣ</u>
С1мл: не кладаху на свои жены <u>златыхъ</u> обручеи, но хожаху жены ихъ в <u>серебрѣ</u>
*Н1*Ак*: не складаху на своя жены <u>златыхъ</u> обручеи, но хожаху жены ихъ въ <u>сребреныхъ</u>
Н1Тр: не кладяаху на свои жены <u>золотыхъ</u> обручеи, но хожаху жены ихъ в <u>серебрѣ</u>
α: не кладяху на свои жены <u>золотыхъ</u> обручеи, но хожаху жены ихъ в <u>серебрѣ</u>

Соотношение чтений делает несомненной принадлежность архетипу варианта с существительным *с(е)ребро*; замена на прилагательное в Н4мл и Н1*Ак была явно произведена по аналогии с предыдущей фразой. Выбор между полногласными и неполногласными формами произвести затруднительно, но, учитывая общую тенденцию к окнижнению языка в летописях XV в., более вероятным кажется присутствие в архетипе неполногласия *золотыхъ* и «квази-неполногласия» *серебрѣ* (результат ассимиляции гласных в исходном *сьребр-*).

НК: а мы <u>злѣи</u> своих не останем
Н4ст: а мы <u>злии</u> своихъ не останемъ (Н)
а мы <u>злѣи</u> своихъ не останемъ (Г)
Н4мл: а мы <u>злыхъ обычаи</u> своихъ не останемъ
С1ст: а мы <u>злыхъ своихъ</u> не останемъ
С1мл: а мы <u>злыхъ своихъ</u> не останемъ

*Н1*Ак*: а мы своихъ злыхъ дѣлъ не останемъ
Н1Тр: а мы злобъ своихъ не останемся
α: а мы злии своихъ не останемъ

Крайнее разнообразие вариантов, демонстрируемое этим контекстом, несомненно, объясняется тем, что читавшаяся в архетипе форма род. мн. архаичного существительного *золь* (< *зъль*) вызывала отторжение у переписчиков, находивших для нее различные замены.

НК: да и здѣ добрѣ и тамо вѣчнѣи жизни причастници будемь
Н4ст: да и здѣ добрѣ и тамо вѣчнии жизни причастници будемь
Н4мл: да и здѣ добрѣ поживемъ и тамо вѣчнѣи жизни причастници будемь
С1ст: да и здѣ добрѣ поживемъ и тамо въ вѣчнѣи жизни причастници будемь
С1мл.: да и здѣ добрѣ поживемъ и тамо вѣчнѣи жизни причастници будемь
Н1Км: да и здѣ добрѣ и тамо вѣчнѣи жизни причастьници будемь
*Н1*Ак*: да и здѣ добрѣ поживемъ и тамо вѣчнѣи жизни причастници будемь
Н1Тр: (текст отсутствует)
α: да и здѣ добрѣ и тамо вѣчнѣи жизни причастьници будемъ

В данном случае, казалось бы, возводить к архетипу следует чтение Н4мл, С1 и Н1*Ак, поскольку альтернативу ему составляет явно испорченное чтение. Это означало бы, однако, что слово *поживемъ* независимо друг от друга пропустили составители НК, Н4ст и Н1Км, что кажется совершенно невероятным. Напротив, обратный сценарий — пропуск в архетипе, независимым образом восполненный в Н4мл, С1 и Н1*Ак, — вполне правдоподобен, учитывая очевидность лакуны и легкость ее заполнения. И в этом случае архетип содержал ошибку.

Реконструкция архетипа Предисловия дается ниже в нормализованной позднедревнерусской орфографии. За основу взят текст Новгородской Карамзинской летописи. Все внесенные из других списков исправления оговорены в примечаниях; никаких других исправлений текст не содержит. Текстологически равноправные варианты приводятся в скобках в основном тексте.

Временникъ, еже нарицается лѣтописание рускыхъ князеи и земля Рускыя, и како избра Богъ страну нашю на[10] послѣднее время, и гради почаша бывати по мѣстомъ, преже Новгороцкая волость и потомъ Кыевская, и о статии Кыева, како воименовася Кыевъ.

Яко древле цѣсарь Римъ — прозвася въ имя его градъ Римъ; и паки Антиохъ — и бысть Антиохия; и пакы Селевкъ — и бысть Селевкия; и паки Александръ — и бысть въ имя его Александрия; и по многа мѣста тако прозвани быша гради (ти)[11] въ имена цѣсаревъ тѣхъ и князь[12] тѣхъ, яко въ на-

[10] *Испр. по ост.*; *НК*: в.

[11] *Н1*: *нет.*

[12] *Испр. по С1, Н4, Н1Тр, НК*: князеи.

шеи странѣ (про)званъ[13] бысть градъ великыи Кыевъ въ имя Кыя, егоже нарицають древле перевозника бывша; инии же — яко (и)[14] ловы дѣяше около града своего. Великъ бо есть промыслъ Божии, еже яви въ послѣдняя времена! Куда же древле [15]погании жряху бѣсомъ[15] на горахъ, туда же нынѣ святыя церкви златоверхыя каменозданыя и монастыреве исполнени[16] черноризци, безпрестани славяще Бога в молитвахъ, въ бдѣнии, въ[17] постѣ, въ[18] слезахъ, ихже ради молитвъ миръ стоитъ. Аще бо къ святымъ {сы(и)[19]} прибѣгнеть церквамъ, тѣмь велику пользу прииметь души и тѣлу.

Мы же на послѣдование[20] возвратимся: о началѣ Рускыя земля и о князехъ, како[21] откуду быша. Васъ молю, стадо Христово, съ любовию приклоните ушеса ваша разумно: како быша древнии князи и мужи ихъ, и како отбараху[22] Рускыя земля, и ины страны приимаху подъ ся; тии бо князи не сбираху многа имѣния, ни творимыхъ виръ, ни продажь вскладаху на люди; но оже будяше правая вира, а ту возмя[23], даяше дружинѣ на оружьи. А дружина его кормляхуся, воююще иныя страны, бьющеся: «Братие, потягнемъ по своемъ князи и по Русьскои земли»; {ждяху}[24]: «Мало ми е[25], княже, 200 гривенъ». Не кладяху на своя жены златыхъ обручеи, но хожаху жены ихъ въ сребрѣ; и росплодили были землю Русьскую. За наше несытство навелъ Богь на ны поганыя, а и скоти наши и села наша и имѣния за тѣми суть, а мы злии[26] своихъ не останемъ. Пишетъ бо ся: «Богатство неправдою сбираемо извѣется». И пакы: «Сбираеть, и[27] не вѣсть, кому сбираетъ я». И пакы: «Луче малое праведнику, паче богатства грѣшныхъ многа». Да отселѣ, братье моя возлюбленая, останемся отъ несытства своего, но доволни будете урокы вашими; яко[28] и Павелъ пишеть: «Емуже дань, то дань; емуже урокъ, то урокъ». Никомуже насилья творяще, милостынею оцвѣтуще, страннолюбиемъ, въ страсѣ Божии и правовѣрии свое спасение

---

[13] *Н1*: званъ.

[14] *Н1*: *нет*.

[15] *Испр. по ост. НК*: жряху погании.

[16] *Испр. по С1, Н4, Н1 (Тр)*; *НК*: исполненыи.

[17] *Испр. по ост.*; *НК*: и въ.

[18] *Испр. по С1, Н4, Н1 (Тр)*; *НК*: и въ.

[19] *С1, Н4*: сы.

[20] *Испр. по Н1*Ак; НК, Н4, С1*: послѣднее; *Н1Тр*: преднее.

[21] *Испр. по ост.*; *НК*: како и.

[22] *Испр. по С1К, Н4Г, Н1*Ак*; *НК, С1О*: обараху; *Н4П* обораху; *Н4С, Н1Тр* обороняху; *Н4Н* отбороняху (из отбораху).

[23] *Испр. по Н1*, *Н4*; *НК*: въземше, *С1*: взимаше.

[24] *Испр. по Н4НГ, С1КО*; *НК*: и ждаху; *Н4С*: ждаху; *С1Ц* жадяху.

[25] *Испр. по Н4Н*, *Н1Тр*; *НК*: есть.

[26] Испр. по Н4Н; НК: злѣи.

[27] *Доб. из ост.*; *НК*: *нет*.

[28] *Испр по ост.*; *НК*: якоже.

сдѣвающе, да и сдѣ добрѣ{...}[29] и тамо вѣчнѣи жизни причастници будемъ.

Си же таковая. Мы же от начала Русьскыя земля до сего лѣта и[30] все по ряду извѣстно да скажемъ, от Михаила цѣсаря до Олександра и Исакия.

От архетипа к оригиналу: Предисловие в Киевском Начальном своде 1090-х гг.

Еще раз подчеркнем: восстанавливая архетип Предисловия, мы старались руководствоваться одной лишь текстологической логикой, отбирая чтения, представленные в обеих ветвях традиции, а в сложных случаях отдавая предпочтение вариантам, позволяющим объяснить филиацию чтений. Индивидуальные чтения, выбранные как «лучшие» (по смыслу или же в силу их большей архаичности), в нашей реконструкции отсутствуют, равно как и чистые конъектуры. Следование этим принципам позволило избежать идеализации архетипа и восстановить его вместе со свойственными ему дефектами.

Как уже было сказано, для истории текста эти дефекты представляют исключительный интерес: в них мы видим однозначное свидетельство того, что архетип начала XV в. не был оригиналом Предисловия. Это, само по себе, не дает оснований относить создание оригинала ко времени, существенно более раннему, чем создание архетипа. Текстологически архетип Предисловия определяется как общий оригинал, к которому восходит, с одной стороны, протограф летописей Новгородско-Софийской группы, а с другой — протограф младшего извода Н1Л. В стемме Т. В. Гимона [2006: 119] эта стадия развития текста соответствует «гипотетическому *X*», которому предшествует «гипотетический *Y*» — общий протограф *X* и Тверского сборника. Теоретически можно было бы допустить, что Предисловие впервые появилось в *Y*, а отмеченные нами ошибки возникли под пером писца *X*.

Против этого, однако, свидетельствует характер ошибок. В двух из трех случаев мы имеем дело с пропусками конструктивно важных элементов фразы (отрицательной частицы и сказуемого), не имеющими видимых оснований в контексте. Подобных пропусков нет более ни в одном из использованных нами списков Предисловия, что ставит архетип с его ошибками в совершенно особое положение.

Впечатление этой «особости» усугубляется, когда в ближайшем окружении второго пропуска мы обнаруживаем еще один, до сих пор остававшийся невыявленным. Обращает на себя внимание необычное построение ряда причастных оборотов: «никомуже насилья творяще, милостынею

[29] *С1, Н4С, Н1Т*: добрѣ поживемъ.

[30] *Испр по ост.*; *НК*: *нет*.

оцвѣтуще, страннолюбиемь, в страсѣ Божии и правовѣрии свое спасение содѣвающе». Издательская пунктуация этого места примечательным образом варьирует: в одних публикациях запятая после *страннолюбиемь* ставится (что предполагает трактовку этого слова как второго дополнения при *оцвѣтуще*); в других она отсутствует (что предполагает управление со стороны *содѣвающе*). В обоих случаях синтаксис фразы выглядит неестественно: слово *страннолюбиемь* как бы повисает в воздухе, не соединяясь органично ни с предшествующим, ни с последующим текстом. И дело здесь, безусловно, не в «малограмотности» автора Предисловия. Как видно из приводимых ниже параллелей, рассматриваемая фраза воспроизводит гомилетический топос с устойчивой синтаксической структурой. Ср.:

> Нъ да съвьршимъ обѣтованиꙗ наша, ꙗже къ гоу боу нашемоу, любѧще ѥго всѣмь срдцьмь своимь и всею мыслью и всею крѣпостию, и ближьнѧго своѥго ꙗко самъ сѧ: *братолюбиѥмь просвѣтѧще сѧ, страннолюбиѥмъ процвьтоуще* да вънидемъ радоующесѧ въ бесконьчьную радость, въ бесмьртьныи животъ, въ неиздреченьную красоту (Поучение на память апостола или мученика, Троицкий сборник XII—XIII вв., РГБ, ф. 304, № 12, л. 25 об. [Клим. Охр., 1: 99])

> ... *братолюбие*[м] *свѣтѧщесѧ, страннолюбиемъ цвѣтоуще*, да внидемъ в'бесконечную радость и въ бесмртныи животъ и в неизреченную красоту... (Поучение в 10-ю неделю после недели всех святых, Сборник XVI в., РНБ, Погод. 1024, л. 227 об. [Там же: 149])

> Тои, братиꙗ, блгости потъщиимъ сѧ и мы сподобити, црквь бжию ствараѧюще себе стомоу дхоу, не поминающе дроугъ дроугоу злобы, *блговѣриѥмь цвьтуще, нищелюбиѥмь свьтѧщесѧ, братолюбиѥмь оукрашьшесѧ, дхмь горѧще*, бви работающе, чтотою и страхъм к нѥмоу пристоупающе да достоини сѧ ꙗвимъ ѥмоу (Поучение в воскресение, РГБ, ф. 304, № 12, л. 27 б. [Там же: 156])

> Оубоудимъ сѧ покаꙗниѥ приѥмлюще, *смѣрениѥмь просвѣщь сѧ, бра*[т]*любиѥмь процвѣтоуще, страньнолюбиѥмь къ боу приближающе сѧ, пощениѥмь възносѧще сѧ, мл*[с]*тынею снве бжии нарицающе сѧ*, приѥмлюще прч[с]тоѥ тѣло и кровь Х[с]воу (Поучение на Богоявление, Лобковский пролог 1262 г., [Там же: 371])

Синтаксический каркас этого топоса образует ряд однородных причастий, каждое из которых имеет при себе одно (!) существительное в творительном падеже. На этом фоне рассматриваемая фраза Предисловия обнаруживает свою дефектность: в ней пропущено причастие, управлявшее формой *страннолюбиемь*. Данный пропуск должен иметь ту же природу, что и пропуск формы *поживемъ* в продолжении фразы. Не исключено, что той же серии дефектов обязана появлением и форма *оцвѣтуще* — единственная фиксация глагола *оцвѣсти* в древнерусской и церковнославянской письменности. Уникальность этого словоупотребления слишком контрастирует с клишированностью контекста, чтобы возводить его к ориги-

налу Предисловия; более оправданным кажется видеть в *оцвѣтуще* результат пропуска первых двух букв в исходном чтении [*пр*]*оцвѣтуще*.

Эта серия пропусков допускает, на наш взгляд, единственное объяснение: писец работал с ветхим антиграфом, которого местами он не мог разобрать. Для писца архетипа Предисловия («гипотетического *X*») таким антиграфом не мог быть «гипотетический *Y*», написанный самое большее четвертью века ранее. Это заставляет думать, что ошибки архетипа перешли в него из «гипотетического *Y*», писец которого действительно мог и должен был копировать древний антиграф — «официальный экземпляр» новгородской владычной летописи, в составе которой, согласно развиваемой нами концепции истории текста Н1Л, Предисловие находилось с начала XII в.

Принимая важнейшую поправку к схеме Шахматова, предложенную М. Х. Алешковским, мы считаем, что открывавшийся Предисловием киевский Начальный свод 1090-х гг. лег в основание летописного свода Мстислава Владимировича 1115 г., который впоследствии был продолжен погодной летописью. Хотя локальные редактуры, затрагивавшие отдельные листы и тетради «официального экземпляра», имели место, нет никаких оснований предполагать, что с 1115 г. по конец XIV в. этот кодекс был хотя бы раз полностью заменен новым списком. Таким образом, составитель первой из ряда копий, снятых с владычной летописи в конце XIV — первой трети XV в. (списка *Y*, по Т. В. Гимону), должен был переписывать текст Предисловия с пергаменной рукописи, возраст которой составлял к этому моменту заведомо более двух столетий[31]. Следствием трудностей, которые испытывал писец, копируя первые листы этого ветхого манускрипта, очевидно, и явились лакуны, перешедшие затем и в архетип Предисловия[32].

---

[31] Согласно гипотезе, изложенной в [Гиппиус 1997], наиболее крупная из локальных редактур владычной летописи была произведена в конце 1160-х гг. Германом Воятой, заменившим начальную часть летописи (до статьи 1074 г.) на отредактированный им текст. Это означало бы, что к концу XIV в. Предисловие читалось в составе «официального экземпляра», переписанное рукой Вояты. Нужно, однако, заметить, что вплоть до статьи 997 г. текст Н1Лмл не содержит явных свидетельств переработки его новгородским летописцем; нельзя исключить, что и в этой его части свод Мстислава не был переписан Германом Воятой, ограничившимся редактурой тетрадей, заключавших в себе текст с 997 по 1074 г. В другой работе нами было высказано предположение, что в Новгороде в 1115 г. был использован оригинал той части Начального свода, которая к этому моменту уже была переработана составителем ПВЛ [Гиппиус 2008в: 22]. Интересные кодикологические доводы в пользу этого предположения были недавно приведены С. М. Михеевым [2008: 56]. Таким образом, оказывается вполне возможным, что работавший на рубеже XIV — XV вв. новгородский редактор копировал Предисловие непосредственно с оригинала Начального свода.

[32] С трудностями того же рода пришлось столкнуться в XVIII в. писцам, снимавшим копии с Академического списка Н1Л. На первых листах Толстовского списка имеется немало пробелов, соответствующих не разобранным переписчиком

Заполнение этих лакун не представляет особых сложностей. Для конъектуры «(не) жадяху» альтернатив не видно вообще; для «(про)цветуще» — также (если, конечно, мы признаем чтение архетипа дефектным); чтение «поживемъ», независимым образом восстановленное в части списков, допускает вариант «поживше» (ср. приведенную выше параллель). Пропущенное причастие, управлявшее формой *страньнолюбиемь*, восстановить однозначно не представляется возможным.

Плохой читаемостью оригинала Предисловия могло быть обусловлено и ошибочное чтение архетипа «сыи прибегнеть». По своему характеру, однако, эта ошибка отличается от остальных: здесь перед нами не пропуск, а явное искажение первоначального чтения. Конъектура Шахматова «къ святымъ *симъ* прибѣгне*мъ* цьрквамъ» удовлетворительна по смыслу, но оставляет необъясненной природу ошибки. Грамматически неуместное *сыи* не могло быть введено в текст переписчиком древнего оригинала без всяких на то оснований. Следует полагать, что это причастие восходит к оригиналу Предисловия, в котором оно читалось в составе какой-то более полной конструкции, деформированной в архетипе. Правдоподобной конъектурой представляется в таком случае: «аще бо *къто*, [...] сыи, къ святым прибѣгнеть цьръквамъ», где на месте отточия могло находиться прилагательное, причастие или предложно-падежное сочетание. Следующая параллель из Слова похвального на память св. Леонтия Ростовского подсказывает и наиболее вероятное заполнение для этой лакуны: «Аще кто *въ бѣдѣ сыи*, имя его нарицая, помолитъ Бога, оставляя первая съгрѣшения, то молбами его приемлютъ простыню» [Слово 1858: 430]. По-видимому, не разобрав в оригинале местоимения во фрагменте *къто въ бѣдѣ*, писец сначала пропустил и *сыи*, но затем механически дописал его после «къ святымъ».

Реконструкция оригинала Предисловия приведена ниже. Для удобства восприятия текст дается с делением на строки, соответствующим его — очевидной, на наш взгляд, — ритмической организации. Исправления ошибок архетипа даны курсивом, также как и отдельные отступления от его морфологии — в случаях, где чтение архетипа не может быть, по лингвистическим соображениям, возведено к XI в.

1 **Временьникъ**, еже нарицаеть ся лѣтописание
2 русьскыхъ кънязь и земля Русьскыя;
3 и како избьра Богъ страну нашю на послѣдьнее время,

местам оригинала. Так, в соответствии с «ни продажь въскладаху на люди» других списков в Толст. читаем: «ни продажь вскла... (пробел) люди». В списке Филиппса этому соответствует чтение, отражающее попытку писца заполнить лакуну: «ни продажъ въскладаху *съ* люди». Пробелы, подобные оставленным в Толстовском списке, вполне могли иметься и в рукописи *Y*, но быть проигнорированными в архетипе Предисловия.

4 и гради почаша бывати по мѣстомъ,
5 ⟨преже Новгороцкая волость и потомъ Кыевская⟩
6 и о статии Кыева, како въименова ся Кыевъ.
7 Яко древле цѣсарь Римъ — прозъвася въ имя его градъ Римъ;
8 и пакы Антиохъ — и бысть Антиохия;
9 и пакы Селевъкъ — и бысть Селевъкия;
10 и пакы Александръ — и бысть въ имя его Александрия;
11 и по мънога мѣста тако прозъвани быша гради ти
12 въ имена цѣсаревъ тѣхъ и кънязь тѣхъ,
13 яко въ нашеи странѣ зъванъ бысть градъ великыи Кыевъ въ имя Кыя,
14 егоже нарицають древле перевозьника бывъша,
15 инии же — яко ловы дѣяше около града своего.
16 Великъ бо есть промыслъ Божии,
17 еже яви въ послѣдьняя времена!
18 Куда же древле погании жьряху бѣсомъ на горахъ,
19 туда же нынѣ святыя цьркъви златовьрхыя каменозьданыя,
20 и монастыреве испълнени чьрноризьци,
21 беспрестани славяще Бога въ молитвахъ,
22 въ бъдѣнии, въ постѣ, въ сльзахъ,
23 ихъже ради молитвъ миръ стоить.
24 Аще бо къ*то*, *въ бѣдѣ* сыи, къ святымъ прибѣгнеть цьркъвамъ,
25 тѣмь велику пользу прииметь души и тѣлу.
26 Мы же на послѣдование възвратимъ ся:
27 о началѣ Русьскыя земля и о кънязихъ, како отъкуду быша.
28 Васъ молю, стадо Христово:
29 съ любъвию приклоните ушеса ваша разумьно,
30 како быша древьнии кънязи и мужи ихъ,
31 и како отъбараху Русьскыя земля,
32 и ины страны приимаху подъ ся.
33 Ти бо кънязи не събираху мънога имѣния,
34 ни творимыхъ виръ, ни продажь въскладаху на люди,
35 нъ оже будяше правая вира,
36 а ту възьма, даяше дружинѣ на оружьи.
37 А дружина его кърмляхуся, воююще ины страны, бьющеся:
38 «Братие, потягнѣмъ по своемь кънязи и по Русьск*ѣи* земли»;
39 *не* жа*д*яху: «Мало ми е, кънъже, 200 гривьнъ»;
40 не кладяху на своя жены золотыхъ обру*чь*,
41 нъ хожаху жены ихъ въ сьребрѣ;
42 и росплодили были землю Русьскую.
43 За наше несытьство навелъ Богь на ны поганыя,
44 а и скоти наши, и села наша, и имѣния за тѣми суть,
45 а мы зълии своихъ не останемъ.
46 Пишетъ бо ся: «Богатьство неправьдою събираемо извѣеть ся».
47 И пакы: «Събираеть, и не вѣсть, кому събираетъ я».

48 И пакы: «Луче малое правьдьнику, паче богатьства грѣшьныхъ мънога».
49 Да отъселѣ, братье моя възлюбленая,
50 останѣмъ ся отъ несытьства своего,
51 нъ довълъни будѣте урокы вашими;
52 яко и Павьлъ пишеть: «Емуже дань, то дань; емуже урокъ, то урокъ».
53 Никомуже насилия творяще, милостынею *про*цвѣтуще, страньнолюбиемь [...],
54 въ страсѣ божии и правовѣрии свое съпасение съдѣвающе,
55 да и сьдѣ добрѣ *поживемъ*
56 и тамо вѣчьнѣи жизни причастьници будемъ.
57 Си же таковая. Мы же отъ начала Русьскыя земля до сего лѣта
58 и вьсе по ряду извѣстьно да съкажемъ.
59 ⟨отъ Михаила цѣсаря до Олексы и Исака⟩.

Перевод

Временник, то есть летопись, русских князей и Русской земли,
и [о том,] как Бог избрал нашу страну на последнее время,
и [как] города стали возникать на местах,
и об основании Киева, как он был назван Киевом.
Как в древности [был] царь Рим — и от имени его был назван Рим,
или Антиох — и стала Антиохия,
или Селевк — и стала Селевкия,
или Александр — и стала от имени его Александрия, —
и так во многих местах были названы другие города,
по именам других царей и других князей,
как в нашей стране великий город Киев был назван от имени Кия,
о котором говорят, что он был некогда перевозчиком,
другие же — что он охотился возле своего города.
Ибо велик промысел Божий,
что Он открыл в последние времена!
Где некогда язычники приносили жертвы бесам на горах,
там ныне святые церкви, златоверхие, каменнозданные,
и монастыри, полные черноризцев,
непрестанно славящих Бога в молитвах,
в бдении, в посте, в слезах,
из-за чьих молитв и мир стоит.
Если кто, находясь *в беде*, прибегнет к святым церквам, —
от того получит большую пользу для души и тела.
Мы же вернемся к последовательности [рассказа]
о начале Русской земли и о князьях, как и откуда они произошли.
Молю вас, Христово стадо:
с любовью послушайте (приклоните свой слух), сознательно,
какими были прежние князья и их мужи,

и как отстаивали Русскую землю
и другие страны подчиняли себе.
Ведь те князья не собирали много имущества,
и не возлагали на людей ложных (собств. «выдуманных») вир и штрафов,
но если была справедливая вира,
то ее взяв, [князь] давал на оружье дружине.
А дружина его кормилась, завоевывая другие страны, сражаясь:
«Братья, потрудимся за своего князя и за Русскую землю!»;
не жаждали: «Мало мне, князь, двухсот гривен!»;
не возлагали на своих жен золотых обручей,
но ходили их жены в серебре
— и расплодили Русскую землю.
За нашу алчность Бог навел на нас язычников,
а [уже] и скот наш, и села, и имущество у них,
а мы своих злоб [все] не оставим.
Ведь пишется: «Богатство, собираемое неправедно, развеется»;
И еще: «Лучше малое праведнику, чем многое богатство грешников».
Отныне, братья мои возлюбленные,
оставим свою алчность,
но довольствуйтесь пожалованным вам,
потому что и Павел пишет: «Кому дань — дань, кому оброк — оброк».
Никому не причиняя насилия, расцветая милостыней, (светясь?) гостеприимством,
в страхе Божьем и правоверии совершая свое спасение,
— да поживем и здесь добродетельно,
и там станем причастниками вечной жизни.
Об этом — так. Мы же от начала Русской земли до этого года
все по порядку достоверно расскажем,
от царя Михаила до....

Комментарий

К стр. 1—5. Первые шесть строк, образующие заголовок Предисловия, отсутствуют в реконструкции Шахматова 1909 г., но имеются в реконструкции 1916 г. Сначала Шахматов, как можно думать, исходил из того, что слова «преже Новгороцкая волость и потомь Кыевская» не могли читаться в киевском Начальном своде, однако позже изменил свое мнение, отнеся заголовок к Начальному своду вместе с данной фразой. Д. С. Лихачев [1986 (1948): 175] предложил трактовать эту фразу (и только ее) как новгородскую вставку, с чем, на наш взгляд, следует согласиться. Вставное происхождение фразы обнаруживает себя в нарушении как синтаксического рисунка текста (ср. начала строк 3—5: «*и* како избьра...», «*и* гради почаша быти...», «*и* о статии Кыева»), так и — что особенно важно — последовательности его развертывания. Вопреки С. Фоллину [2009: 149] и

К. Цукерману [2009: 285], слова о приоритете новгородской «волости» над киевской нужно, несомненно, понимать не в плане хронологии основания этих городов (какой ее представляет ПВЛ), но в смысле первенства Новгорода как центра княжеской власти на Руси (что полностью отвечает и композиции Начального свода); ср. приводимую Д. С. Лихачевым параллель в виде слов Всеволода Большое Гнездо (в Лавр. под 1206 г.): «а Новъгородъ Великыи старѣишиньство имать *княженью* во всеи Русьскои земли» [Лавр.: 422]». Инородность рассматриваемой фразы первоначальному контексту Предисловия (в котором речь идет как раз об основании городов) представляется поэтому очевидной.

К стр. 1—2. *Временьникъ, еже нарицаеть ся лѣтописание русьскыхъ кънязь и земля Русьскыя.* — Название «Временник», несомненно, восходит к Хронике Георгия Амартола (ХГА), основной текст которой (после подробного оглавления — «Криницы» и предисловия с заголовком «Книгы временныꙗ и wбразныꙗ Геwргиꙗ мниха») в славянском переводе озаглавлен: «**Временьникъ** въпростѣ ѿ различных же хронографъ же и сказатель, събранъ же и сложенъ Геwргиѥмь грѣшьникомь мнихомь». То же жанровое определение выступает и в начале 9-й книги, в рукописной традиции ХГА иногда выделяемой в отдельный том: «**Временьникъ** w хрестьꙗньскыхъ ц҃рехъ и w Коньстѧнтинѣ велицѣмь ц҃ри») [Истрин 1920: 31, 333]. В списках ХГА и основанных на ней хронографических компиляций второй заголовок известен также в варианте «Временникъ християньскыхъ цѣсарии (-ревъ)», представленном, в частности, в Архангельском списке ХГА 1453 г. [Анисимова 2009: 95] и, что особенно важно, в Ленинградском списке Троицкого хронографа [Водолазкин 2008: 329], представляющего «хронографическую» редакцию текста, использованную составителем Начального свода. Этот вариант структурно идентичен сочетанию «Временьникъ... русьскыхъ кънязь» и может считаться его непосредственным источником.

Слово *лѣтописание* (в отличие от более распространенного *лѣтописьць*) известно в древнерусскую эпоху исключительно из ПВЛ, где оно дважды выступает как обозначение той же ХГА (Введение: «Гл҃ть Геwргии в лѣтописаньи», «ꙗко же пишетсѧ в лѣтописаньи Гречьстѣмь») и один раз, в записи о смерти Яня Вышатича под 1106 г., — как обозначение труда самого летописца («еже и вписа^{х} в лѣтописаньи семь») [Лавр.: 14, 17, 281]. Запись о смерти Яня была, как мы считаем вслед за А. Тимберлейком [2001: 207—209], сделана в погодной Печерской летописи, которой составитель Начального свода продолжил свой труд; появление в ней того же термина, что и в Предисловии, выглядит поэтому далеко не случайным. Что же касается первых двух контекстов, возникших, несомненно, уже на этапе составления ПВЛ в середине 1110-х гг., то отраженное ими словоупотребление вполне могло основываться на эквивалентности «*временьникъ = лѣтописание*», установленной в Предисловии, хотя с уверенностью утверждать это, конечно, невозможно.

К стр. 3. *...како избьра Богъ страну нашю на послѣдьнее время...* — Фраза, формулирующая одну из главных идей Предисловия, является одновременно и «тематическим ключом» к композиции Начального свода. Тема богоизбранности Русской земли как страны «последнего времени» организует эту композицию, связывая между собой множество элементов разных уровней: хронологическую сеть, наложенную на изначально сплошное повествование; выдержки из Хронографа с описанием первых походов руси на Царьград, взятых за точку отсчета истории «нового народа»; описания апокалиптических знамений, достигающие предельной концентрации на эсхатологически отмеченном рубеже 6600 г.; наконец — отступления агиографического и гомилетического характера, развивающие мотив «новых людей христианских». Прямым коррелятом этой историософской концепции в ранней русской агиографии является вводная часть Чтения о Борисе и Глебе Нестора с его толкованием притчи о «работниках одиннадцатого часа»; тема «последнего времени» звучит и в Житии Феодосия Печерского. См. подробнее [Гиппиус 2006: 77—81].

К стр. 4. *...и гради почаша бывати по мѣстомъ...* — В эсхатологической перспективе, заданной предыдущей фразой, эти слова могут быть поняты как аллюзия к «Откровению Мефодия Патарского», в котором строительство городов упоминается как примета «последнего времени». Ср.: «И боудеть на земли тихость велика, ꙗкоже нѣ^{є} была ни боудеть, ибо *послѣднаꙗ есть година и на конць вѣка*, и будеть веселиѥ на земли и жити начьноуть члвѣци миромь *и начноуть гради творити*…» [Истрин 1897: 98]. Любопытно, что еще два фрагмента данного пассажа находят буквальное соответствие в статье ПВЛ 6532 (1024) г., сообщающей о примирении Ярослава и Мстислава Владимировичей: «И *начаста жити мирно* и в братолюбьствѣ, и оуста оусобица и мѧтежь, *и бы*^{є} *тишина велика в земли*» [Лавр.: 149]; ср.: «И будеть на земли тихость велика», «и жити начьноуть члвѣци миромь». Если это совпадение не случайно, то фраза «Откровения» оказывается как бы поделена между Предисловием и статьей 1024 г., свидетельствуя о принадлежности этих текстов к одному пласту начального летописания.

К стр. 6. *...и о статии Кыева, како въименова ся Кыевъ*. — Фрагмент примечателен в лексическом отношении, демонстрируя употребление сразу двух редких лексем. Слово *статие* в значении ‘основание, возникновение’ применительно к городам в других источниках не засвидетельствовано — и это при наличии целого ряда синонимов: *поставление*, *ставление*, *създание* и др. (ср. вар. *о поставлении* в Н1*Ак.). Глагол *въименоватися* зафиксирован словарями в единственном памятнике — Огласительных поучениях Феодора Студита по списку конца XIV в., где он представлен двумя контекстами [СДРЯ 2: 151]. В Предисловии употребление этого редкого слова явно обусловлено риторической установкой автора, стремлением избежать лексического повтора; ср. синонимический ряд: *воименовася — прозвася во имя его — бысть въ имя его — прозвани быша — званъ бысть*.

К стр. 7—10. Источником исторических аналогий, использованных в рассуждении о названии Киева А. А. Шахматов считал Хронограф. С. Фоллин указывает, что ту же информацию автор Предисловия мог почерпнуть и в ХГА. Это так, но для Шахматова было существенно, что источником Предисловия нет необходимости считать полный перевод Хроники Амартола, который, как он считал, не использовался на стадии создания Начального свода.

Полагая, что автор Предисловия, проводя параллель между названиями Киева и знаменитых городов древности, должен был непременно следовать какому-то образцу, С. Фоллин указывает такой образец в толковании Андрея Кесарийского на стих 17.9 Апокалипсиса: «...главъ же .з҃. изменени .з҃. по родомъ. идеже кождо начнеть цсртвовати прьвѣе. ꙗко се Нилъ въ Ѳсоурихъ. Арвакъ в Мидѣхъ. Навходоносоръ въ Вавилонѣ. Коуръ въ Пьрсѣхъ. Алеѯандръ въ Грьцихъ. Ромилъ. въ Римлѧнѣхъ. Костнтинъ Цсриградѣ». «Структура этого перечня (отвлекаясь пока от его содержания) в сущности идентична тому, что находим в Предисловии: называется имя правителя и название его страны. /.../. Содержание же, на первый взгляд, существенно различается: если в *Предисловии* речь идет о правителях, основавших города “в свое имя”, в толковании Андрея Кесарийского — о правителях, положивших основания соответствующих “цесарств”» [Фоллин 2009: 143]. Что, при таком «различии», остается от «структурной идентичности», непонятно: в цитируемом толковании нет ни городов с их названиями, ни, главное, фигуры уподобления, которая — а отнюдь не «перечень» как таковой — формирует структуру фрагмента и для которой, собственно, и следовало бы искать литературный образец[33]. Рассуждения С. Фоллина о «тождестве сокровенного содержания» двух пассажей слишком произвольны, чтобы что-то на них основывать. Это «тождество», как выясняется, связывает толкование не с рассматриваемым фрагментом Предисловия, а с фразой «преже Новгородчкая волость и потомь Кыевская», в которой исследователь усматривает отголосок идеи «смены царств», хотя очевидно, что фраза эта (даже если отвлечься от сказанного выше о ее вставном характере) толкует вовсе не о смене «волостей», а об историческом приоритете.

---

[33] В этом смысле намного более близкую аналогию Предисловию составляет известный пассаж из похвалы Владимиру в «Слове о законе и благодати»: «Хвалить же похвалныими гласы Римьскаа страна Петра и Паула /.../ Асиа и Ефесъ, и Патмъ Иоанна Богословьца, Индиа Фому, Египетъ Марка. /.../ Похвалимъ же и мы /.../ великааго кагана нашеа земли Володимера» [БЛДР 1: 42]. Заметим также, что в ПВЛ прием приведения целого ряда исторических параллелей находим лишь в речи патриарха к Ольге после ее крещения: «Хсъ имать схранити тѧ, ꙗкоже схрани Еноха в первыꙗ роды и потомъ Ноꙗ в ковчезѣ, Аврама ѿ Авимелеха, Лота ѿ Содомлѧнъ, Моисѣꙗ ѿ Фараwна, Двда ѿ Саоула, г҃ wтроци ѿ пещи, Данила ѿ звѣрии — тако и тѧ избавить ѿ неприꙗзни и ѿ сѣтии его» [Лавр.: 62]. Согласно нашей стратификации текста, этот фрагмент рассказа о крещении Ольги относится к вставкам Начального свода, то есть принадлежит тому же пласту, что и Предисловие.

Следуя далее путем окольных ассоциаций, С. Фоллин обращает внимание на фразу, предваряющую перечень царей и стран в Толковом Апокалипсисе: «идеже кождо начнеть ц^с^ртвовати прьвѣе». «Это, — замечает исследователь, — знакомая фраза. Так начинается *Повесть временных лет*: «ѿкуду есть пошла Рускаꙗ земля и кто в неи почалъ пѣрвѣе княжити». Узнаваемой она оказалась и для автора *Предисловия*. Вероятно, именно ее сходство с уже прежде известным автору заглавием ПВЛ и «спустило курок» ассоциаций, вызвавших из памяти хронографические прецеденты. Таким образом, оказывается, что перечень из предисловия к Софийскому временнику апеллирует не только к толкованию на Апокалипсис, но и к заглавию ПВЛ, существовавшему, следовательно, до составления предисловия к Софийскому временнику и известного его автору» [Фоллин 2009: 144]. Признать за этим рассуждением силу текстологического аргумента мы не можем. Фраза Толкового Апокалипсиса действительно обнаруживает известное сходство с заглавием ПВЛ, но ничто не заставляет думать, что это сходство могло подтолкнуть автора Предисловия к проведению его аналогии: с заглавием ПВЛ рассматриваемый пассаж Предисловия связан столь же слабо, как и с толкованием Андрея Кесарийского. Да и само сходство, подмеченное Фоллиным, обманчиво: как мы увидим ниже, срединная часть заглавия ПВЛ в действительности имеет своим источником другой текст и связана с другим фрагментом Предисловия другой зависимостью.

Возвращаясь к самому комментируемому пассажу, заметим вслед за С. Фоллиным, что исторические аналогии приведены в Предисловии не в той последовательности, в какой соответствующие фрагменты расположены в Хронографе: основание Александрии Александром предшествовало основанию Селевком Селевкии и Антиохии (именно в таком порядке, обратном указанному в Предисловии). Это несоответствие можно было бы отнести за счет небрежности обращения составителя Начального свода с хронографическим материалом (ср. известную ошибку в рассказе о нашествии руси на Царьград, где мать императора Михаила III Ирина названа Феодорой). Скорее, однако, его следует объяснять риторической стратегией автора, начавшего и замкнувшего свой перечень более значимыми именами Рима и Александрии, отведя его срединную часть менее важным Антиохии и Селевкии. С таким построением корреспондирует и синтаксический хиазм: сочетание *во имя его* выступает в первой и четвертой фразах и опущено во второй и третьей. Ср. также хиастическое расположение членов атрибутивных сочетаний во 2-й строке: «русьскых князь и земля русьскыя».

К стр. 11—15. *...и по мънога мѣста тако прозъвани быша гради /.../, яко въ нашеи странѣ зъванъ бысть градъ великыи Кыевъ въ имя Кыя...* — Ср. в реконструкции А. А. Шахматова: «Тако же и въ нашеи странѣ прозъван бысть...». Предпочтя вариант Толстовского списка Н1Л общему чтению остальных списков, Шахматов, очевидно, находил его более отвечающим смыслу фрагмента. Беремся утверждать обратное: именно *яко*,

текстологически бесспорно первоначальное, придает всему пассажу смысл, идеально согласующийся с общей концепцией Предисловия, в то время как чтение Толстовского списка[34] искажает и банализирует этот смысл. Этот вторичный вариант, с отождествительным *тако же*, начинающим новое предложение, констатирует близость киевской ситуации приведенным историческим параллелям: Киев был назван в честь Кия т а к ж е, как Рим — в честь «царя Рима» и т. д.; в Толстовском списке это сходство доведено до полного тождества неуклюжей заменой «великыи Кыевъ» на «великымъ княземъ» («званъ бысть градъ великымъ княземъ во имя Кыя»). Смысл оригинального чтения — в ином. *Яко* вводит придаточное сравнения, не столько констатирующее сходство, сколько оттеняющее глубину различия: в то время как упомянутые исторические города получали свои названия по именам основавших их царей и князей, Киев был назван по имени человека, который не только не был князем, но о котором толком не известно даже, кем он был — перевозчиком или охотником. Между русской ситуацией и ее хронографическими аналогами устанавливаются, таким образом, отношения не тождества, но контраста. Автор Предисловия как будто специально принижает фигуру основателя Киева, чтобы в следующей фразе подчеркнуть величие Божьего промысла, за столетие с небольшим сделавшего из затерянного в лесах приюта язычников-звероловов столицу христианской державы.

К стр. 13. *...зъванъ бысть градъ великыи Кыевъ въ имя Кыя...* — Употребление родительного приименного *Кыя* может показаться противоречащим правилу древнерусского синтаксиса, требующему обозначения наименования обладателя, представляющего собой одиночное существительное, формой притяжательного прилагательного (ожидалось бы: *во имя Кыево*). Однако, поскольку в берестяных грамотах данное правило весьма строго соблюдается вплоть до самого конца охваченной ими эпохи (т. е. до середины XV в.), это формальное противоречие не может быть аргументом в пользу поздней датировки Предисловия. Причина указанного несоответствия заключена, очевидно, в специфике контекста. По формулировке А. А. Зализняка [2004: 158], «[п]ервоначально Р. падеж принадлежности мог выступать лишь в качестве вынужденной замены для притяжательного прилагательного — либо потому, что такое прилагательное в данном языке отсутствовало, либо потому, что нужно было избежать нагромождения притяжательных прилагательных». Под действие второго фактора подпадают наименования обладателя, являющиеся словосочетаниями (ср.: *домъ братьнь*, но *домъ брата своего*). Однако в нашем случае этот фактор также был налицо: поскольку название *Киевъ* этимологически есть притяжательное прилагательное (во всяком случае, оно точно было таковым с точки зрения летописца), употребление в его объяснении еще одной притяжа-

[34] Вариант «тако же» представлен и в списке Филиппса и, следовательно, восходит к Н1*Ак.

тельной формы создало бы нежелательную тавтологию (**зъванъ бысть градъ великыи Кыевъ въ имя Кыево*). Мы имеем дело с ярким примером того, как принцип «вынужденной замены» притяжательного прилагательного родительным приименным осуществляется окказионально, в индивидуальном порядке, а не в отношении определенных категорий случаев.

К стр. 16—17. *Великъ бо есть промыслъ Божии, еже яви въ послѣдьняя времена!* —Точная параллель к первой части этой фразы в статье 6626 г. Н1Л («О, великъ е, братье, промыслъ Божии!» [НПЛ: 57]) была истолкована нами как свидетельство использования Предисловия новгородским летописцем начала XIII в., см. [Гиппиус 2006: 65]. Поскольку в принципе подобные параллели допускают и противоположное объяснение, нелишне будет указать вероятный источник для фразы в целом, проясняющий направление заимствования. Мысль о том, что глубина божественного Промысла должна быть в полной мере явлена в «последнее время», отчетливо звучит у Илариона в «Слове о законе и благодати», ср.: «Сарра же не раждааше, понеже бе неплоды. Не бе неплоды, нъ заключена бе Божиимъ промысломъ на старость родити. Безвестьная же и таинаа премудрости Божии утаена бяаху ангелъ и человекъ, не яко неявима, нъ утаена и на конець века хотяща явитися» [ПЛДР 1: 28]. Представляется очевидным, что образцом для автора Предисловия послужило если даже не это, то во всяком случае подобное рассуждение, тогда как автор статьи 6724 г. (летописец архиепископа Антония) использовал именно Предисловие, изъяв начало фразы из его эсхатологического контекста[35].

К стр. 18—21. *Куда же древле погании ~ монастыреве испълнени чьрноризьци*. — Из приводившихся в литературе параллелей для этого места наиболее близкими являются указанные В. Я. Петрухиным [1998: 355] — из «Беседы» Пресвитера Козьмы: «...кресты на высокихъ мѣстѣхъ стояща, на нихже прежде жряху бѣсомъ человѣци», и В. К. Зиборовым [1995: 137] — из «Слова о законе и благодати»: «Капища разрушаахуся, и церкви поставляахуся /.../ Манастыреве на горах сташа, черноризьци явишася». Поскольку перекличка со «Словом о законе и благодати» обнаруживается и в предыдущей фразе, прямая ориентация автора Предисловия на сочинение Илариона представляется очень вероятной. И в этом отношении Предисловие обнаруживает глубинное родство с одним из слоев начального летописания, текстуальные и идейные связи которого со «Словом» Илариона отмечались неоднократно, хотя и интерпретировались поразному. Ошибочной нужно признать точку зрения Д. С. Лихачева, относившего соответствующие фрагменты ПВЛ к ее древнейшему ядру — реконструируемому исследователем «Сказанию о первоначальном распространении христианства на Руси». В свете наблюдений Л. Мюллера [2001:

[35] Специально о манере работы этого книжника, охотно черпавшего литературный материал из ранних частей Новгородской летописи, см. [Гиппиус 2009б: 183—185].

141—164], этот пласт ПВЛ, объединенный темой «новых людей христианских», выглядит далеко не первоначальным и никак не может быть датирован временем ранее 1070-х гг. В предложенной нами стратификации повествования ПВЛ о крещении Руси [Гиппиус 2008а] этот пласт является третьим по счету и соотносится с Начальным сводом 1090-х гг., к которому относится и Предисловие.

Смущающее некоторых комментаторов выражение значений ‘где’ и ‘там’ наречиями *куда* и *туда* не противоречит узусу начального летописания. Ср. во Введении ПВЛ: «Кривичи же сѣдѧть на верхъ Волги а на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра, ихже градъ есть Смоленскъ, *туда* бо сѣдѧть Кривичи» [Лавр.: 10; Ипат.: 8]; наличие данного чтения в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях гарантирует его восхождение к архетипу начала XII в. Использование в Предисловии пары *куда* ~ *туда* вместо более обычной для церковнославянского синтаксиса связки *идѣ* ~ *ту* может объясняться стремлением автора усилить параллелизм начальных частей двух фраз («куда же древле погании...» ~ «туда же нынѣ святыя...»).

К стр. 19. *...святыя цьркъви златовьрхыя, каменозьданыя...* — Упоминание «златоверхих» церквей противники шахматовской датировки Предисловия считают анахронизмом для Киева конца XI в., отмечая, что «первой и долгое время единственной “златоверхой” церковью была Михайловская “Золотоверхая” в Киеве, о закладке которой летопись сообщает под 1108 г.»[36] [Фоллин 2009: 145]. На чем основывается такая уверенность, не вполне понятно. Статья ПВЛ 1108 г. ничего не говорит об исключительности предпринятого Святополком золочения куполов Михайловской церкви; более того, сама эта акция в ней даже не упомянута — церковь лишь названа «золотоверхой». Причиной, по которой она и в дальнейшем упоминается с этим определением, вполне могло быть противопоставление другой знаменитой Михайловской церкви — во «Всеволоже» монастыре на Выдубичах, а не уникальность золотых куполов Святополкова храма. И, хотя свидетельства Яна Длугоша о золочении Ярославом купола Св. Софии и церкви на Золотых воротах [Щавелева 2004: 103, 251], на которые ссылался Шахматов [1947: 157], есть основания подозревать в неаутеничности, уверенно утверждать, что в Киеве до начала XII в. не было ни одной церкви с вызолоченным верхом, не приходится, особенно учитывая безразличие авторов ПВЛ к внешнему облику многочисленных киевских храмов XI в.

Нельзя сбрасывать со счетов и другую возможность: «златовьрхыя» могло быть механическим добавлением, сделанным в оригинале Предисловия уже после завершения строительства Михаиловской «Золотоверхой». Обратим внимание на следующую деталь: в Берлинском (Филиппса) списке Н1Л перед этим прилагательным читается синтаксически совершенно

[36] Имеется в виду сообщение ПВЛ: «Заложена бы^є^ церкы ста^г^ Михаила золотоверхаꙗ С҃тополко^м^ князе^м^ въ 11 иоулиꙗ м^є^ца» [Лавр.: 283].

неуместный союз *и*: «ст҃ыѧ цр҃кви *и* златоверхіѧ каменозданныѧ стоѧть». Объяснить эту аномалию можно, трактовав «и златоверхіѧ» как глоссу на полях оригинала, ошибочно внесенную писцом архетипа перед «каменозданныя», а не после этого слова, к которому эта глосса относилась[37].

Отдельно отметим, что прилагательное *каменозьданыи* фиксируется словарями исключительно в рассматриваемом контексте. Вероятно, не будет ошибкой видеть в нем книжный конструкт, порожденный самим автором Предисловия как возвышенный эквивалент нейтрального *каменыи*.

К стр. 21—22. *...беспрестани славяще Бога въ молитвахъ, въ бъдѣнии, въ постѣ, въ сльзахъ...* — В ПВЛ параллель к этому месту находим в рассказе о начале Печерского монастыря под 1051 г.: «Мнози бо манастъıри ѿ ц҃рь и ѿ боѩръ и ѿ б҃атьства поставлени, но не суть таци, каци суть поставлени *слезами, пощеньємь, млт҃вою, бдѣньємь*». Сходство это, конечно, не свидетельствует о знакомстве автора Предисловия с текстом ПВЛ — рассматриваемое сочетание представляет собой топос монашеской литературы, обнаруживая особую близость к слову Ефрема Сирина «О втором Господнем пришестии и о покаянии»: «О сем помышляй, чадо, каждый день, каждую ночь, каждый час, и старайся пребывать *в посте, во бдении, в молитве, в слезах*» [Ефрем Сирин, 3: 149]. От его соответствия в слове Ефрема Сирина контекст из Предисловия отличает лишь перестановка первого и третьего компонентов, выдвигающая на первое место «молитву» согласно логике древнерусской фразы («славяще Бога въ молитвахъ...»). Отметим также близость построения этой фразы к следующему месту из похвалы Владимиру в статье 1015 г., принадлежащей, судя по всему, составителю Начального свода: «сего бо в памѧть держать Русьстии людье поминающе ст҃ое крщ҃ньє и *прославлѧють Б҃а въ млт҃вахъ и в пѣснехъ и въ псалмѣхъ*» [Лавр.: 131].

К стр. 26. *Мы же на послѣдование възвратимся.* — При наличии в древнерусских текстах целого ряда формул возвращения к прерванному повествованию («на преднее възвратимся», «на предлежащее...», «на свое...», «на предълѣжащую повѣсть...» и др.) оборот «на послѣдование возвратимъся» в других источниках не засвидетельствован. При этом он представляет собой очевидную кальку греческой формулы ἐπὶ τὴν ἀκολουθίαν (ἐπαν)έλθωμεν, хорошо представленной в византийской богословско-гомилетической литературе. Приведем лишь два из сорока контекстов, любезно сообщенных нам А. Ю. Виноградовым, предпринявшим по нашей просьбе поиск в электронной базе данных TLG-online: «Φέρε οὖν ἐπὶ τὴν

[37] Аналог такому ошибочному внесению глоссы находим в Мстиславовой грамоте 1130 г. Аномальную постановку союза *или* во фразе «даже къто запъртить или тоу дань и се блюдо» мы склонны объяснять тем, что слова «или тоу дань», первоначально записанные на полях как добавление к первоначальному проекту документа, были при переписке внесены в текст не после слова *блюдо*, а перед ним [Гиппиус 2008б: 119—120].

ἀκολουθίαν ἔλθωμεν» (*Joannes Chrysostomus*. De paenitentia (PG 49, 293)); «Ἀλλ’ ἐπὶ τὴν ἀκολουθίαν ἐπανέλθωμεν τοῦ λόγου» (*Joannes Chrysostomus*. In illud: Diligentibus deum omnia cooperantur in bonum (PG 51, 168)).

К стр. 27. *...о началѣ Русьскыя земля и о кънязихъ, како и отъкуду быша*. — Фрагмент представляет собой, по существу, еще одну формулировку заглавия «Временника». Впервые вводимое здесь понятие «начало Русской земли» имеет основополагающее значение для концепции Предисловия и Начального свода в целом, см. [Гиппиус 2006: 78—81]. Упоминаемое еще раз в конце Предисловия («от начала Русьскыя земля и до сего лѣта и вьсе по ряду извѣстьно да съкажемъ»), оно открывает первую годовую статью Н1Л, полагая начало ряду однотипных заголовков: «В лѣто 6352. Начало земли Рускои»; «Начало княженья Святославля. В лѣто 6454»; «А се княжение Ярополче. В лѣто 6480»; «В лѣто 6488. Начало княжениа Володимиря» [НПЛ: 104, 112, 124, 125]. Эти заголовки, внесенные в текст одновременно с разделением его на годовые статьи, имеют очевидный хронографический прототип в виде заголовков ХГА: «Начало цр҃твию Навходоносорову» и «Начало ромѣискыхъ цр҃твии» [Истрин 1920: 185, 205]. Еще один заголовок ХГА — «Временьникъ христианьскыхъ цѣсаревъ...» — отразился, как мы уже видели, в названии «Временьникъ русьскыхъ князь...». Предисловие, таким образом, еще раз обнаруживает тесную связь с композицией Начального свода, заключая в себе ее обоснование.

Оборот «како *и* откуда быша», за который автору Предисловия так досталось от С. Фоллина[38], воспроизводит формулу, многократно представленную в названиях и инципитах памятников церковнославянской книжности и явно калькирующую греческий источник. Её можно найти, например, в заглавии «Сербской Александрии»: «К воинъством устремляющеся полезно и честно слышати добродѣтелна и велеумна мужа Александра, великаго царя македонскаго, *како и откуду бысть* и како и отколе прииде, и сих ради добродѣтелей всей подсолнечной царь и самодержецъ назвася» [БЛДР 8: 14]. Ср. также заголовок выписки из Хроники Амартола в сборнике XVI в. из собрания Троице-Сергиевой лавры (РГБ, ф. 304.1, № 770): «Ѡ Клавдии ц҃ри и ѡ посничьско҃м бг҃олюбивѣмъ жительствѣ, *како и т҃коуду бысть*» (л. 249 об.). Приведем также греческий контекст из Хроники Георгия Синкелла: «Σικυωνίων βασιλεῖς πῶς καὶ πόθεν ἤρξαντο» (*Georgius Syncellus*. Ecloga chronographica, p. 109).

С. Фоллин верно подметил связь между комментируемым фрагментом Предисловия и заглавием ПВЛ: «...откуду есть пошла Русьская земля и къто въ неи поча пьрвѣе къняжити и отъкуда Русьская земля стала есть». Два заголовка действительно демонстрируют значительное структурное сходство. Оба толкуют о происхождении и о начале, но если в Предисловии речь идет о начале Русской земли и о происхождении князей, то в за-

[38] «Это последнее *како откуду быша*, наряду с *туды церкви стоять*, выдает в авторе Предисловия стилиста потрясающей силы» [Фоллин 2009: 148].

главии ПВЛ, наоборот: о начале киевского княжения и о происхождении Русской земли. Аргументы двух предикатов как бы меняются местами, что заставляет видеть в одном заголовке реплику другого, его зеркальное отображение.

О наличии прямой зависимости между двумя заголовками говорит и следующее обстоятельство. Слова ПВЛ «и кто в неи почалъ пѣрвѣе княжити», сопоставленные С. Фоллиным с толкованием на Апокалипсис, находят еще более близкое (с совпадением грамматических форм) соответствие в «Летописце вскоре» патриарха Никифора — одном из важнейших источников ПВЛ. Ср.: «Въ 23-е лѣто ея (Клеопатры. — *А. Г.*) *нача в Римѣ пьрвое цесарствовати* Иулии кесарь» [Тихомиров 1962: 236]. Но начало правления Цезаря — это, как мы только что видели, и одна из двух вех мировой истории, отмечаемых заголовками Амартола, которые послужили образцом для «начала земли Русской» в Предисловии[39].

Какой же из двух летописных контекстов послужил источником для другого? Допустив первичность заглавия ПВЛ (что предлагает Фоллин), мы вынуждены будем принять следующий малоправдоподобный сценарий: автор Предисловия, опознав в этом заглавии фразу о Цезаре «Летописца вскоре», «переключился» на соответствующее место Амартола и, найдя в нем заголовок, сделал по его модели свой собственный. И это при том, что в самом «Летописце вскоре» (о знакомстве с которым автора Предисловия нам, заметим, ничего не известно) фраза не является заголовком и никак специально не выделена в тексте. Альтернатива выглядит намного проще, а главное — хорошо согласуется с тем, что мы знаем об источниках начального летописания: составитель ПВЛ, прекрасно знакомый с текстом Амартола, соотнес слова Предисловия о «начале земли Русской» и заголовок статьи 6362 г. с заголовком «Начало ромѣискыхъ цѣсарьствии» и перенес эту историческую ассоциацию в название своего труда, использовав соответствующую формулировку другого своего важнейшего источника — «Летописца вскоре». Это тем более вероятно, что именно с помощью «Летописца» составителем ПВЛ была откорректирована дата начала царствования Михаила III, вычисленная составителем Начального свода на основе Хронографа в качестве «начала Русской земли».

Дальнейшие аргументы в пользу именно такого соотношения фрагментов дает рассмотрение их в более широком контексте. В структурном отношении модели, представленные в Предисловии («начало земли Русской») и заглавии ПВЛ («нача княжити»), соотносятся как именная и глагольная. В Н1Л представлена (приведенными выше заголовками) исключительно первая. В ПВЛ, по статью 6524 г. включительно (то есть на том участке, где, как мы считаем, Н1Л отражает более древний вариант на-

[39] Заметим, что непосредственно за заголовком «Начало ромѣискыхъ ц^{с}рьствии» в ХГА следует фраза, сходная с фразой «Летописца вскоре»: «По сихъ же *цр^{с}твова Иоулии ц^{с}рь 1-е* и единъ облада ромьскыми скипетры» [Истрин 1920: 205].

чальной летописи), представлены обе модели, при этом глагольная модель выступает в контекстах, которые или отсутствуют в Н1Л, или содержат именную модель. Ср.:

ПВЛ	Н1Л
Въ лѣ҃т 6360 индикта 15. Наченшю Михаилу цсрьствовати нача сѧ прозывати Рускаꙗ землѧ	В лѣто 6352. Начало земли Рускои
Въ лѣ҃т 6376. Поча цр҃товати [Василии]	—
В лѣ҃т 6421. Поча кнѧжити Игорь по Ѡлзѣ. В се же времѧ поча цр҃ьствовати Костѧнтинъ сн҃ъ Леѡнтовъ.	—
[Начало] кнѧженьꙗ С҃тославлѧ [сн҃а Игорева] В лѣ҃т 6454	Начало княженья Святославля. В лѣто 6454
В лѣ҃т 6481. Нача кнѧжити Ꙗрополкъ	А се княжение Ярополче. В лѣто 6480
—	В лѣто 6488. Начало княжениа Володимиря
Начало кнѧженьꙗ Ꙗрославлѧ Кыевѣ. В лѣ҃т 6524.	—

Такое соотношение позволяет рассматривать именную модель как первичную, унаследованную (не в полном объеме) ПВЛ от Начального свода, а глагольную — как инновацию ПВЛ[40]. Эта трактовка, естественно, распространяется и на заглавия.

К стр. 31—32. *И како отъбараху Русьскыя земля и ины страны приимаху подъ ся...* — Параллель к этому месту в статье 1097 г. ПВЛ была указана Шахматовым, истолковавшим ее как факт использования текста Предисловия составителем ПВЛ [Шахматов 1909 (2003): 387—388]. Критику предположения об обратном направлении заимствования [Петрухин 1998: 355—356] см. в [Гиппиус 2006: 66]. К сказанному там можно добавить следующее. Сопоставляемый с Предисловием пассаж в статье 1097 г. одновременно обнаруживает текстуальное сходство с завещанием Ярослава в статье 1054 г. Ср.:

[40] Четкость этой стратификации нарушает, казалось бы, наличие в ПВЛ отсутствующего в Н1Л заголовка «Начало кнѧженьꙗ Ꙗрославлѧ Кыевѣ» в статье 6724 г. Это отклонение, однако, имеет строгое текстологическое объяснение, лишь подтверждающее общую закономерность. Как показали П. В. Лукин [2007] и С. М. Михеев [2008, 2009: 28—41], в статье 6724 г. Н1Л отражает не Начальный свод 1090-х гг., а более древний летописный памятник, в котором повествование о событиях начала XI в. еще не имело хронологической сетки. ПВЛ же, напротив, отражает здесь то деление на годовые статьи, которое имелось в Начальном своде и, как мы считаем, было произведено его составителем.

ПВЛ 1097: аще бо възмете рать межю собою, погании имуть радоватисѧ и возмуть землю нашю, иже бѣша стѧжали wц҃и ваши и дѣди ваши трудо҃м велики҃м и храбрьствомь, побарающа по Русьскѣи земли ины земли приискываху, а вы хочете погубити землю Русьскую	*ПВЛ 1054*: аще ли будете ненавидно живуще в распрѧхъ и которающесѧ, то погыбнете самї [и] [погубите] землю wц҃ь своихъ и дѣдъ своихъ, иже налѣзоша трудомь своимь великымъ *Предисловие*: И како отъбараху Русьскыя земля и ины страны приимаху подъ ся

Допуская вторичность Предисловия по отношению к ПВЛ, мы должны были бы предположить, что фраза, которой автор статьи 1097 г. продолжил заимствование из завещания Ярослава, была в дальнейшем сама использована автором Предисловия. Допущение обратной зависимости позволяет избежать этой двухступенчатой схемы, объяснив соотношение текстов контаминацией в статье 1097 г. контекстов из завещания Ярослава и Предисловия. Это объяснение кажется тем более вероятным, что характер отношений, связывающих соседние фразы статьи 1097 г. с их предполагаемыми источниками, в обоих случаях один и тот же (сохранение смысла и общего построения фразы при замене части лексем на синонимичные: *налѣзоша → стѧжали*, *отъбараху → побарающе*, *приимаху подъ ся → приискываху*).

Лингвистический интерес представляет генитивное управление глагола *отъбарати*. В недавнем исследовании, специально посвященном вариативности генитива и аккузатива при глаголах с общим значением ‘беречь, защищать’ в русских летописях, данный контекст приводится лишь в варианте Н4мл («обороняху Рускіа земля»), при этом отмечается, что для глаголов с приставками *о-* и *съ-*, имеющими результативное значение, управление генитивом в целом нехарактерно [Малышева 2008: 72]. Очевидно, что в данном случае управление «унаследовано» от чтения архетипа, в котором глагол имел другую приставку.

К стр. 33—36. Обличение автором Предисловия современных ему князей находит хорошо известные параллели в статье 1093 г., которыми А. А. Шахматов обосновывал свою датировку текста. Аргументы Шахматова представляются в полной мере сохраняющими свою актуальность, а игнорирование их сторонниками поздней датировки Предисловия — вполне тенденциозным, см. [Гиппиус 2006: 63—64]. Это относится и к попытке К. Цукермана развести Предисловие и статью 1093 г. как представляющие принципиально разные уровни критики власти. «Автор Предисловия, — пишет К. Цукерман, — обличает неправду княжьего суда как системную, практикуемую всеми современными ему князьями, ибо направленную на их личное обогащение. Что же касается киевского летописца, руководимого жалобами видного представителя “первой дружины” Яна Вышатича, то тот лишь позволяет себе критическое замечание в адрес отдельных неудачно выбранных приближенных князя, личная добродетель которого при

этом всячески подчеркивается» [Цукерман 2009: 283—284]. Говоря о вере киевского летописца в «праведный княжий суд», К. Цукерман, по всей вероятности, имеет в виду слова «людемъ недоходити княже правды». Однако *правда* выступает здесь как юридический термин, обозначая не «праведный» суд, а суд как таковой[41]. То, что в некрологе Всеволода летописец частично снимает с него ответственность за беззаконие, творимое княжескими чиновниками, не подлежит сомнению; однако ожидать от некролога прямого обличения умершего князя было бы странно. Очевидно, с другой стороны, что, говоря об истощенности Русской земли «от рати и *от продаж*», автор статьи 1093 г. имел в виду не частные злоупотребления «отдельных неудачно выбранных приближенных князя», но общее положение дел с княжеским правосудием. Наконец, приведенное Шахматовым свидетельство Киево-Печерского патерика (почему-то игнорируемое К. Цукерманом) об обличении Святополка Изяславича игуменом Иоанном, обвинявшим князя в «несытстве», прямо показывает, что в той же среде, из которой, по Шахматову, вышло «Предисловие», и в то же самое время, когда оно, как предполагается, было написано, острота критики княжеской власти достигала именно того уровня, который мы находим в этом произведении.

К стр. 34. *…ни творимых виръ, ни продажь въскладаху на люди…* — «Творимая вира» как противоположность «правой виры» из других источников неизвестна. Глагол *творити* выступает в этом сочетании в специальном значении ‘считать, утверждать что-либо’. Это значение, как правило (хотя и не обязательно), реализуется в контекстах, где речь идет о ложном или сомнительном утверждении (ср., например, в Н1Л под 1316 г.: «творяхуть бо его перевѣтъ державша к Михаилу; а богъ то вѣсть» [НПЛ: 95]; таким образом, «творимая вира» — это ложная, выдуманная вира. Что именно следует понимать под «выдуманной» вирой, не вполне ясно: с одной стороны, так может быть назван штраф, назначенный по оговору, за несовершенное преступление; с другой — штраф, законодательно не предусмотренный за совершение определенного деяния. Поскольку древне-

[41] Заметим, что неточное понимание этого сложного места отражает и русский перевод: «Они же стали наущать его, чтобы он отверг дружину свою старшую, и люди не могли добиться правды княжой» [ПВЛ 1996: 230]. Слова «и людемъ не доходити княже правды» этот перевод трактует как независимое предложение, отрывая от предшествующего «негодовати дружины своея первыя». Между тем в оригинале две инфинитивные конструкции синтаксически однородны и передают содержание наущений младшей дружины. Ср. правильный немецкий перевод Л. Мюллера: «Die aber begannen, ihn irrezuführen, daß er nicht auf seine erste Gefolgschaft hören und *daß das Volk keinen Zutritt zur Rechtsprechung durch den Fürsten haben solle*» [Müller 2001: 256] (‘Они же стали наущать его, чтобы он отверг свою старшую дружину и чтобы люди не имели доступа к княжескому суду’). Такое строение древнерусской фразы делает понимание «правды» как «праведного суда» невозможным.

русская вира была штрафом, назначавшимся исключительно за убийство, более вероятной представляется первая трактовка.

Противопоставление «творимой» и «правой» виры в Предисловии, несомненно, отражает реальность времени написания текста. Поэтому принципиально важным нужно признать тот факт, что виры как основной формы уголовного наказания, какой она была в эпоху составления «Русской правды» (РПр), источники XIV—XV вв. уже не знают. Хотя сам термин спорадически появляется в документах этого времени, характер его употребления в корне отличается от свидетельствуемого домонгольскими памятниками. «Вирой» в текстах XV—XVI вв. называется в основном пережиточно сохраняемая «дикая вира» «Русской правды», т. е. коллективный откуп за убийство, выплачиваемый общиной в случае необнаружения убийцы (ср. примеры в [Сл. XI—XVII, 2: 80, 188], а также [Зимин 1999: 334]); при этом слово может записываться как *вѣра*, утрачивая свою лексическую индивидуальность[42]. В Двинской уставной грамоте 1397 г. «вирой» названо само убийство («Оже учиниться вира, гдѣ кого утепуть, инѣ душегубца изыщуть») [ГВНП: 144], наказанием за которое является, как можно догадываться, смертная казнь, см. [Зимин 1999: 321]. В том же памятнике в контексте, в котором в «Русской правде» упоминается вира, выступает уже «вина» — термин, входящий в употребление в эту эпоху: «А кто господарь огрѣшится, ударить своего холопа или робу а случиться смерть, в томъ намѣстници не судять, ни *вины* не емлють»; ср. в РПр: «а в холопѣ и в робѣ *виры* нетуть» [Там же: 323]. Псковская судная грамота, знающая штраф за убийство, называет его, однако, не вирой, а «продажей» [Там же: 314]. Не фиксируются в источниках XIV—XV вв. и производные от *вира* — слова *вирник*, *вирное*, *полувирье*; только в домонгольских источниках представлены и словосочетания, называющие разновидности виры: *(по)клепная вира*, *дикая вира*.

На этом фоне противопоставление в Предисловии «творимой» и «правой» виры, равно как и противопоставление в нем вир и продаж, однозначно характеризует этот текст как ранний, созданный в эпоху, в которую вира как штраф за убийство свободного человека составляла основу древнерусского уголовного права.

К стр. 35. *…нъ оже будяше правая вира...* — Комментируя употребление в Предисловии грамматического архаизма *будяше*, я ранее ошибочно утверждал, что эта форма не встречается в древнерусских текстах, созданных позднее начала XII в., см. [Гиппиус 1997: 54]. Это не так: А. В. Духанина [2008: 16] обнаружила несколько примеров в «Житии Сергия Радонежского», написанном Епифанием Премудрым. Нужно, однако, иметь в виду, что в области глагольного словоизменения узус Епифания вообще

[42] Такие написания представлены и в списках Предисловия: «правая вѣра» вм. «правая вира» находим в Толстовском и Бальзеровском списках С1 и Новороссийском списке Н4, где *вѣра* переправлено на *вира*.

чрезвычайно своеобразен. В данном случае он несомненно обусловлен ориентацией на конкретный литературный образец — Несторово «Житие Феодосия Печерского», в котором *будяше* встречается неоднократно наряду с другими имперфектами совершенного вида, некоторые из которых Епифаний также воспроизводит в своем тексте. Появление данной формы в Предисловии можно было бы объяснить подобной же имитацией узуса ПВЛ, в которой она представлена рядом примеров. Однако в том объеме, в каком текст Начальной летописи читается в Н1Л, он формы *будяше* не знает; предполагать же знакомство автора Предисловия с полной версией ПВЛ у нас оснований нет. Трактовка рассматриваемого контекста как представляющего аутентичное употребление книжника конца XI в. выглядит поэтому предпочтительной.

К стр. 36. *А ту възьма даяше дружинѣ на оружьи*. — Форма ед. числа сказуемого *даяше* предполагает подлежащее *кънязь*, при том что до этого речь шла о князьях во множественном числе («ти бо кънязи...»). Такое пренебрежение формальной координацией между частями сложного синтаксического целого, обусловленное опорой на контекст и его понятность адресату речи, характерно для древних восточнославянских памятников; в XIV—XV вв. оно встречается намного реже, уступая место большей логической упорядоченности письменного языка, см. [Живов 2008]; ср. примеры исправления подобных «шероховатостей» языка раннего летописания редакторами XV в. в [Гиппиус 2004: 191—192]. Предисловие ведет себя в данном отношении как типичный раннедревнерусский текст.

Как указано А. А. Шахматовым, параллель к данной фразе в тексте Начального свода составляют слова «епископов и старцев» из рассказа статьи 6504 г. о попытке Владимира заменить виры смертной казнью: «рать многа: wже вира, то на wружьи и на кони^х^ буди» [Лавр.: 127]. Заметим, что отсылка к этому пассажу могла обусловить необычное управление *на оружьи* в рассматриваемой фразе.

Особо отметим, что место, уделенное в Предисловии дружине, само по себе говорит в пользу ранней датировки памятника. В XIII в. число летописных упоминаний княжеской дружины резко падает по сравнению с предыдущим столетием, а в XIV в. термин *дружина* вообще перестает употребляться в значении «княжеское окружение» [Сорокалетов 1970: 154—155]. В такой динамике употребления термина исследователи видят свидетельство «разложения» института дружины, см. [Горский 1989: 80]. В новгородской летописной традиции это изменение отразилось наиболее ярко: в тексте Н1Л за первую треть XIII в. — времени, когда, согласно одной из версий, было создано Предисловие, — дружина не упоминается вовсе: ее место последовательно занимают «двор» и «дворяне», см. [Назаров 1978: 122—123]. Можно возразить, что автор Предисловия прямо не называет современное ему княжеское окружение дружиной; однако черты архаичного дружинного уклада выступают в его обвинениях со всей определенностью.

К стр. 39. *…не жадяху: мало ми е, княже, 200 гривьнъ*. — Огромная для выплаты дружиннику сумма в 200 гривен не раз использовалась как аргумент против ранней датировки Предисловия. Так, С. Фоллин [Фоллин 2009: 147] предлагает видеть в ней аллюзию к рассказу о съезде в Уветичах 1101 г., на котором Давыд Игоревич, среди других компенсаций за отобранную у него волость, получил 200 гривен от Владимира Мономаха. Как заметил (устно) В. А. Кучкин, 200 гривен серебра, или 12 гривен золота, были выплачены в качестве отступного в 1146 г. и князю Ивану Ростиславичу Берладнику [Ипат.: 338]. Эта сумма, таким образом, вполне могла быть своеобразной константой межкняжеских финансовых расчетов. Однако каким образом эта константа могла отразиться в рассматриваемом пассаже Предисловия, непонятно: ведь речь в нем идет не о князьях, а о дружине, причем недовольной таким вознаграждением и, следовательно, его получающей. Для С. Фоллина, готового приписать автору Предисловия любую бессмыслицу, проблемы здесь нет; меж тем она существует.

К. Цукерман, датируя Предисловие 20-ми гг. XIII в., видит в данном упоминании отражение процесса инфляции гривны. Цитируя сводку цен на хлеб в статье 1228 г. Н1Л, исследователь заключает: «[Т]а покупательная способность гривны, что проявляется в статье за 1228 г., не только сопоставима с окладом дружинника в 200 гривен, но и объясняет их стремление добиться прибавки к жалованию» [Цукерман 2009: 286]. Не будем забывать, однако, что жалование дружинников Предисловия обеспечивало им не только сносное пропитание, но и золотые обручи для жен, и что цитируемое требование приводится летописцем как образец непомерной алчности. Нельзя не заметить и следующего: отношения между князем и дружиной, которым столь много внимания уделяет киевское летописание, для республиканского Новгорода — тема в принципе неактуальная, и то, что в Предисловии она выдвинута на первый план, само по себе характеризует его как киевский, а не новгородский текст.

П. С. Стефанович [2009: 12—13], разделяя шахматовскую датировку Предисловия, допускает, что 200 гривен получала вся дружина, а не один княжеский муж. Опираясь на чтение Толстовского списка («мало ми есть нам...»), он трактует *ми* как усилительную частицу местоименного происхождения (dativus ethicus), ссылаясь при этом на работу А. А. Алексеева [1991]. Однако текстологически *намъ* в этом контексте — безусловно, вторичное чтение; в отсутствии же его *ми* не может быть истолковано иначе как форма личного местоимения. Несомненным поэтому представляется, что речь идет о вознаграждении одного человека, а не дружины в целом.

Однозначно трактовать это действительно сложное место, по-видимому, невозможно. Вполне вероятно, что, как и думал Шахматов, здесь имеется в виду запомнившийся современникам инцидент, когда кто-то из дружинной верхушки остался недоволен самым щедрым пожалованием (очевидно, разовым, а не периодическим). С другой стороны, нельзя ис-

ключать возможности появления цифры 200 в архетипе Предисловия вследствие неверного прочтения оригинала. Последний, как мы ранее заключили, был ветхим и частично осыпался. Одна из вызванных этим ошибок архетипа («ждяху» вм. «*не* **жа**дяху**»**) приходится как раз на рассматриваемую фразу, и можно думать, что текст в этом месте читался особенно плохо. Цифра, прочитанная переписчиком как **с҃** (200), вполне могла изначально представлять собой **о҃** (70), утратившее правый бок, или **є҃** (5), лишившееся язычка[43]. В зависимости от того, имелся ли в виду месячный или годовой оклад, выбор одного из этих вариантов дает вполне приемлемый порядок величины[44].

К стр. 42. *...и росплодили были землю Русьскую.* — Яркий пример восточнославянского плюсквамперфекта в основном для него значении отмененного результата, см. [Петрухин, Сичинава 2006]. Особенно показательным этот контекст делает наличие для него известной параллели (и, судя по всему — прямого источника) в рассказе о мести Ольги. Ср. в речи древлянских послов в Н1: «посла насъ Деревьская земля, ркуще сице: мужа твоего убихом, бяше бо мужь твои акы волкъ, восхыщая и грабя; а наши князи добри суть, *расплодили* землю нашю» (в Лавр. и Ипат.: «распасли суть»). Форма перфекта в речи древлян указывает на актуальный результат благотворной политики местных князей, противопоставленной грабительским действиям Игоря. В Предисловии это противопоставление переведено из синхронного плана в диахронический: деятельность прежних («древних») князей привела к благосостоянию, уничтоженному «несытством» нынешних правителей и их дружин[45]. В соответствии с этой содержатель-

---

[43] Пример подобного «превращения» одной цифры в другую представляет дата Лобковского пролога 1262 г., в настоящее время имеющая вид ҂ѕ҃ѱ҃с҃. Наиболее вероятное прочтение даты как 6770 (1262) предполагает, что **с** — это **о** с осыпавшейся правой стороной, см. [Вздорнов 1972: 257—259].

[44] В единственном источнике, упоминающем дружинный «оклад» — новгородской берестяной грамоте № 788 (посл. четв. XII в.), — его величина составляет две с половиной гривны («а гриди полъ третье (гривь)нѣ оклада же») [НГБ XI: 21], что вдвое меньше суммы, предполагаемой одним из вариантов конъектуры (заметим — наиболее вероятным, поскольку утеря язычка **є** — самый элементарный из возможных дефектов). Если речь действительно идет о пяти гривнах месячного содержания, то в расчете на год оно должно было составлять 60 гривен — сумму весьма значительную. Оговорим также, что возможность помесячного исчисления выплат подтверждается другой берестяной грамотой, № 806 (60—80-е гг. XII в.), сильно фрагментированный текст которой заканчивается упоминанием посланного в некий погост финансового распоряжения, при этом называются суммы: «...(гри)вьнѣ, а по пол(оу цетвь)ртѣ н(а) мѣсѧчь») [Там же: 33].

[45] Заметим, что глагол *грабити,* противопоставленный в речи древлян *расплодити*, отсутствует в Предисловии (что понятно, поскольку деятельность современных князей в нем прямо не описывается), зато выступает в некрологе Всеволода под 1093 г.: «начаша ти оунии *грабити* люди и продавати». Пара *грабити* — *рас-*

ной трансформацией перфект заменен плюсквамперфектом: *расплодили* → *расплодили были*; перфектом же обозначен актуальный результат разорительных действий нынешних князей — наведение поганых («*навелъ* Богъ на ны поганыя»).

К стр. 43—44. *За наше несытьство навелъ Богъ на ны поганыя, а и скоти наша и села и имѣния за тѣми суть...* — Выражения, в которых Предисловие характеризует нашествие «поганых», не позволяют видеть в них ни монголо-татар, приход которых обернулся для Руси полной катастрофой, ни литовцев и финно-угорских племен, чьи набеги на Новгородскую землю носили, напротив, локальный характер и не сопровождались отторжением и запустением сельских территорий[46]. Между тем к постоянным и опустошительным половецким набегам конца XI в. эта характеристика приложима вполне. Здесь, впрочем, необходимо сделать одно уточнение. Следуя за М. Х. Алешковским, я ранее склонен был относить слова Предисловия к половецким нападениям последних лет княжения Всеволода Ярославича, находя такую реакцию слишком скупой для событий 1093 г., повлекших за собой большие человеческие жертвы и массовый угон пленных и описанных в летописи в намного более эмоциональной манере [Гиппиус 2006: 62]. Нужно, однако, иметь в виду, что описание нашествия, как таковое, в Предисловии отсутствует. Расценивая его как возмездие за неуемное стяжание князьями и дружиной материальных ценностей, автор, соответственно, делает акцент на материальном же аспекте Божьей кары (утрате скота, сел, имущества). Описание человеческих страданий, в которых выразилась эта кара, и раскрытие ее провиденциального

плодити оказывается, таким образом, как бы разделена между статьей 1093 г. и Предисловием, чем еще раз подтверждается идейная и литературная связь между этими текстами.

[46] К. Цукерман [2009: 284] предлагает видеть во фразе Предисловия «реминисценцию битвы на Калке, памятуя, что первое татарское вторжение сопровождалось грабежом неукрепленных поселений, а не осадами и не взятием городов». Этому, на наш взгляд, препятствуют два обстоятельства. Во-первых, из рассказа Н1 о битве на Калке явствует, что татары, разбив русских князей и пограбив окрестные территории, затем исчезли в неизвестном направлении столь же внезапно, как и появились («и не ведаем камо ся дѣша опять»). Слова Предисловия «и села наша... за тѣми суть» согласовать с таким положением дел невозможно. Во-вторых, в том же рассказе летописец подчеркивает, что о религии татар ему ничего не известно («ихъ же добрѣ никто же ясно вѣсть, кто суть, и отколѣ изидоша, и что языкъ их, и коего племени суть, *и что вѣра их*»). Примечательным образом, татары в этой статье (в отличие от рассказа о Батыевом нашествии) не называются «погаными»; более того, это определение они сами применяют к половцам, говоря: «придохомъ, Богомъ пущени на холопы и на конюси свои на поганыя половцѣ». Эти расхождения тем более существенны, что рассказ о битве на Калке в настоящее время уверенно атрибутируется как записанный со слов вернувшегося в Новгород в 1225 г. из Южной Руси архиепископа Антония, которого К. Цукерман [Там же: 291] склонен считать автором Предисловия.

смысла составитель Начального свода мог приберечь для патетического финала статьи 1093 г.

К стр. 45. *...а мы зълии своихъ не оставимъ.* — Слово *зъль* засвидетельствовано словарями исключительно в памятниках, оригиналы которых были созданы в домонгольское время. В источниках Словаря древнерусского языка XI—XIV вв. оно встречается 18 раз (притом, что синонимичные лексемы *зъло* и *зълоба* представлены соответственно 1000 и 600 употреблений) [СДРЯ 3: 428, 408, 410]. Слово неоднократно представлено также в переводных текстах Успенского сборника XII/XIII вв.; находим его и в дошедшей в сербском списке XIV в. части древнерусского «Поучения Моисея». Последний памятник (на который нам любезно указал А. А. Турилов) иногда датировался XIV в., но в настоящее время уверенно атрибутируется как новгородское сочинение середины XII в., см. [Турилов 1995: 83—87].

К стр. 49—51. *Да отъселѣ, братье моя възлюбленая, останемъ ся отъ несытьства своего, но довъльни будѣте урокы вашими.* — В обращенности этих строк к светской аудитории К. Цукерман видит важный аргумент в пользу атрибуции Предисловия как новгородского текста XIII в. «“Братия моя возлюбленая” Предисловия, — пишет исследователь, — это не монастырская братия, которую странно было бы призывать отказаться от несытства, творения насилия и прочих грехов, не монахам свойственных. Это “братия” в значении “собратья, сограждане”, словарные примеры которого происходят как раз из статей Н1Л за 1214 и 1228 г. (СДРЯ I: 308, кол. I). Подобного рода обращения в светский мир я в ранней летописи не усматриваю. Мир сводчиков 1070-х и 1090-х гг. — это их монастырь, а принятое в научной литературе представление о публицистической направленности летописи восходит в конечном счете к тому же Предисловию. Автор же Предисловия, в котором нельзя не заподозрить самого архиепископа Антония — это и в самом деле проповедник и публицист, для которого летопись — это текст, обращенный к миру и обладающий общественным звучанием. Подобная позиция летописца являлась бы для XI в. полным анахронизмом» [Цукерман 2009: 291].

Согласиться с этими положениями мы не находим возможным. С утверждением, будто мир киево-печерских летописцев ограничивался их монастырем, спорить не станем — слишком очевидным является обратное. Помимо монастырской братии Начальная летопись знает и «мирскую братию», рассматривая ту и другую как взаимодополняющие части единого христианского сообщества. Наиболее отчетливо этот взгляд выражен в концовке рассказа о печерских подвижниках статьи 1074 г.: «Таци ти быша черноризци Ѳеwдосьева манастырѧ, иже сияють и по смр҃ти ꙗко свѣтила и молѧть Б҃а *за сдѣ сущюю бра҃тю и за мирьскую бра҃тю* и за приносѧщаꙗ въ манастырь...». Близкая мысль о монашеской молитве как условии сохранения Богом мироздания звучит и в Предисловии («чьрноризьци... ихъ же ради молитвъ миръ стоить»). Попечение о «мирской братии» печерский летописец ставит в особую заслугу Феодосию: «Игуменьство бо Ѳеwдосью

держащю в животѣ своюмь, правѧщю стадо порученоє юму Бм҃ь — черноризци, не токмо бо си юдины, но и мирьскыми печашесѧ, ѡ дш҃ахъ ихъ, како быша сп҃лисѧ». Обращенная в мир социальная проповедь как раз и является формой этого попечения, и странно, что К. Цукерман не находит в ранней летописи примеров такого рода. К кому же тогда обращено включенное в статью 1068 г. «Слово о казнях Божьих» с его обличениями языческих привычек, явно адресованными не печерской братии? Нельзя, наконец, еще раз не вспомнить игумена Иоанна, чье обличение Святополка Изяславича, упоминаемое Киево-Печерским Патериком, Шахматов с полным основанием связывал с публицистической направленностью Предисловия.

К стр. 52. *...яко и Павьлъ пишеть: «Емуже дань, то дань; емуже урокъ, то урокъ*. — В статье 1909 г. Шахматов, по непонятной для нас причине, трактовал эту цитату из Апостола [Рим. 13: 7] как позднейшую вставку. В реконструкции 1916 г. цитата имеется. Предполагать ее вставное происхождение нет никаких оснований.

К стр. 54. *...въ страсѣ божии и правовѣрии свое съпасение съдѣвающе...* — Использован текст Апостола: «Съ страхо*м* и трепето*м* свое сп҃сенiе съдѣвайте» [Фил. 2: 12 (ОБ)].

К стр. 56. *...и тамо вѣчьнѣи жизни причастьници будемъ...* — Использована формула Великого входа на Литургии преждеосвященных даров: «Вѣрою и любовию приступимъ, да *причастници жизни вечныя будемъ*». Интересно отметить, что точно таким же образом заканчивается «Поучение о душевной пользе» Феодосия Печерского: «И своея бо лѣности забых въ вашемь тщании, и еже бо велико поспѣшение имѣете о службѣ церковнѣй, и въ длъготръпѣниѣ стоании въ всѣх бо годинах и службах обрѣтающеся, и божественаго Феодора о заповѣдехъ радующеся. Потщание имѣйте, да тогожде блаженьства сподобистеся *и жизни вѣчнѣй причастници будете*, о Христѣ Исусѣ Господѣ нашем» [БЛДР 1: 444]. Подчеркнем, что речь идет не о заключительном призыве к стяжанию вечной жизни, представляющем собой гомилетический топос, но об использовании в оформлении этого топоса именно данной литургической формулы, другие случаи которого нам неизвестны.

С учетом приведенных ранее и только что указанных параллелей концовка Предисловия демонстрирует весьма непростую словесную организацию. Почерпнутый из нескольких источников материал переплавлен в ней в грамматически и риторически безупречно выстроенный период, не оставляющий сомнений в высокой литературной компетенции автора.

К стр. 57. *Си же таковая*. — В этих словах, трактованных А. А. Шахматовым как отдельное предложение, М. Х. Алешковский [1981: 104] увидел «уцелевший остаток нарушенной древней фразы», в полном виде сохранившейся в Тверском сборнике: «*Си же и таковая* вся оставльше, к прежеупомянутой повѣсти возвратимся [ПСРЛ 15: 28]». Очевидно, однако, что составитель Тверского сборника в данном случае проявил свою редак-

торскую индивидуальность, распространив чтение оригинала, показавшееся ему неполным. Между тем Шахматов был несомненно прав, и текст не нуждается в дополнении. Мы имеем дело с законченной формулой, подводящей итог сказанному выше и означающей: ‘С этим (о чем шла речь выше) дело обстоит так (как мы сказали)’. Частичные функциональные и структурные аналогии эта формула находит в памятниках ранней древнерусской агиографии и гомилетики: «*Сим сице бывшимъ*, остася Русская земля в прельсти идольстеи» (Чтение о Борисе и Глебе Нестора [Абрамович 1916: 3]; «*Сим же сице сказаном*, и прочее без разума да не останеть» («Повесть к Василию игумену Печерскому...» Кирила Туровского [БЛДР 4: 178]. Но наиболее близкие параллели находятся в Хронике Георгия Амартола: «Ѿ сихъ же тако», «Ѿ сихъ оубо тако» [Истрин 1920: 137, 331] (в греч. в обоих случаях: καὶ ταῦτα μὲν οὕτως). По свидетельству указавшего нам эти примеры А. Ю. Виноградова, данная греческая формула неоднократно встречается в византийских исторических сочинениях: «Хронографии» Феофана, «Историях» Льва Диакона, Никиты Хониата, Никифора Вриенния, у Анны Комниной и др. Поскольку на Руси из этого перечня был доступен только Амартол, приведенные контексты вполне можно было бы счесть непосредственным образцом, на основе которого автор Предисловия сконструировал свою формулу. В то же время нужно заметить, что летописный оборот, с указательным местоимением в номинативе, обнаруживает большее грамматическое сходство с греческой формулой, чем ее перевод в ХГА, что позволяет не исключать пользования автором Предисловия каким-то иным, пока не установленным источником. Ср. сказанное выше об обороте *на послѣдование възвратимъся*, для которого, при наличии несомненного греческого источника, мы пока также не можем указать параллелей в славянских переводных текстах.

К стр. 59. *...отъ Михаила цѣсаря до Александра и Исакия*. — Признавая, вслед за С. Фоллиным, что в архетипе Предисловия фраза читалась с именем *Александр*, мы в то же время никак не можем возвести это чтение к оригиналу. Представляется бесспорным, что исходными референтами двух имен могли быть только византийские императоры — соправители или, во всяком случае, современники. История Византии знает лишь две подходящие пары, которые и были названы Погодиным и Шахматовым. Это: 1) Алексей Комнин и его брат Исаак, севастократор, и 2) Алексей и Исаак Ангелы. Какая бы из двух пар не имелась в виду, маловероятно, чтобы летописец — современник этих царей (а в том, что фраза была написана современником, вряд ли возможно сомневаться) назвал Алексея Александром. Это «переименование» следует, на наш взгляд, относить к времени создания архетипа Предисловия, полагая, что в ее первоначальном виде фраза упоминала «А(О)лексия и Исакия» или «А(О)лексу и Исака». То, что вторичное чтение Троицкого списка оказывается в таком случае совпадающим с исходным, не должно смущать: книжник, зачеркнувший окончание словоформы *Алекс<u>андра</u>* в антиграфе рукописи, вполне мог быть

знаком с оригинальным чтением и действовать, восстанавливая «историческую справедливость»[47].

С учетом уже сказанного теоретически возможными оказываются следующие версии появления рассматриваемой фразы в Предисловии:

1) фраза изначально присутствовала в Предисловии к Начальному своду и имеет в виду Алексея и Исаака Комниных [Шахматов 1909 (2003)];

2) фраза изначально присутствовала в Предисловии к Новгородской летописи, созданном в XIII в. в Новгороде, и имеет в виду Алексея и Исаака Ангелов — персонажей «Повести о взятии Царьграда» [Погодин 1857 и др.];

3) фраза представляет собой добавление книжника начала XIII в., включившего в Н1 «Повесть о взятии Царьграда», и имеет в виду Алексея и Исаака Ангелов [Шахматов 1947; Алешковский 1971 и др.][48].

Каждая из версий имеет свои недостатки. Недостатком первой считается отсутствие в ПВЛ (в хронологических рамках Начального свода) упоминаний Алексея и Исаака Комниных, а также то, что Исаак был не императором, а лишь севастократором. Последний аргумент парируется приведенными Шахматовым свидетельствами, показывающими, что восприятие братьев как фактических соправителей имело место в византийском обществе. Провизантийски настроенный составитель Начального свода мог знать об этом и блеснуть этим знанием в предисловии к своему труду. Относительно же первого обстоятельства можно заметить, что, в отличие от имени царя Михаила, имеющего для концепции Начального свода основополагающее значение, имена Алексея («Александра») и Исакия являются лишь условными маркерами текущего момента («сего лета»), формально уравновешивающими первое имя, что не предполагает обязательного присутствия этих персонажей в тексте летописи.

Недостаток второй версии — в том, что к моменту включения в Новгородскую летопись «Повести о взятии Царьграда» (произведенного в бытность на кафедре архиепископа Антония, то есть не ранее 1210 г.) описанные в ней события были уже делом пусть недалекого, но прошлого и вряд ли подходили под указание «до сего лета». Легко возразить, что это указание нет нужды понимать строго хронологически; однако для погодной летописи именно такое понимание этих слов кажется наиболее естествен-

[47] В специальной работе (см. тезисное изложение [Гиппиус 2009а]) нами обосновывается гипотеза, согласно которой «переименование» Алексия в Александра было произведено составителем свода 1397 г., актуализировавшим таким образом хронологическое указание Предисловия, соотнеся его с двумя видными представителями новгородской знати рубежа XIV — XV в. — посадником Александром Цесарем (!) и боярином Исааком Окинфовым.

[48] Своеобразный компромисс между первой и третьей версиями предложен А. А. Шахматовым в реконструкции 1916 г., где окончание фразы представлено в виде: «отъ Михаила цѣсаря до Олексия...». В примечании к этому месту Шахматов писал: «Приписку “и Исакья” я считаю позднейшею и возникшею под влиянием Повести о взятии Царьграда латынянами» [Шахматов 1916 (2003): 940, 968].

ным. Важно также, что «начало Русской земли» имеет в Н1Л (Начальном своде) точную дату — 6362 г.; было бы странно, если бы на другом конце охваченного летописью периода ей соответствовало хронологически размытое «наше время».

Недостатком третьей версии является необходимость предполагать редактуру там, где текст не дает для этого специальных оснований. Впрочем, формальных противоречий это предположение также не встречает. Иначе считает К. Цукерман [Цукерман 2009: 285], находя, что без слов «отъ Михаила цѣсаря до Александра и Исакия» предшествующая фраза оказывается синтаксически и в смысловом отношении неполной. Не согласимся с этим: фраза «Мы же отъ начала Русьскыя земля и до сего лѣта и все по ряду извѣстьно да скажемъ» является вполне законченной и в принципе не нуждается в распространении. Более того, в предисловии к летописи, ведущейся из года в год, отсутствие событийной конкретизации «верхнего» временного предела повествования кажется даже естественным, поскольку предел этот постоянно смещается.

При описанном соотношении pro et contra предпочтение, отданное одной из трех версий, будет неизбежно носить отпечаток субъективного выбора. Нужно признать, что данный вопрос не принадлежит к числу тех, от решения которых зависит атрибуция Предисловия, — напротив, выбор возможных вариантов его решения нужно ставить в зависимость от этой атрибуции. Считая Предисловие памятником конца XI в. — для чего, на наш взгляд, есть все основания, — мы, естественно, должны выбирать между первой и третьей версиями. Сделать этот выбор мы затрудняемся и оставляем вопрос открытым.

Подведем итоги нашего комментария, а заодно и статьи в целом. Задача этой работы заключалась в установлении первоначального текста Предисловия и его детальном филологическом анализе. С этой целью была предпринята реконструкция архетипа начала XV в., к которому восходят все известные списки памятника.

Наличие в реконструированном архетипе нескольких очевидных ошибок, а также характер этих ошибок, объяснимых лишь как результат нераспознания писцом ветхого антиграфа, позволили нам утвержать, что архетипу начала XV в. предшествовал оригинал, отделенный от него значительной временной дистанцией. Этот вывод несовместим с трактовкой Предисловия как памятника XV в. и, напротив, хорошо согласуется с гипотезой, согласно которой Предисловие читалось в составе Новгородской владычной летописи, по крайней мере, с начала XIII в.

Черты современной действительности, отчетливо проступающие в Предисловии, также с полной определенностью указывают на его древность. В обществе, порядки которого критикует автор, главной формой уголовного наказания является вира, а жены княжеских дружинников ходят в золотых обручах. Столь архаичный уклад никак не вяжется с датировкой тек-

ста началом XV в. — времени, не знавшего уже ни виры в ее раннедревнерусском понимании, ни дружины.

В пользу ранней датировки Предисловия определенно говорят и языковые данные. На грамматическом уровне показательны глагольные формы прошедшего времени: имперфект совершенного вида *будяше* и противопоставление форм перфекта (*навелъ*) и «русского» плюсквамперфекта (*росплодили были*) в их древних значениях актуального и отмененного результата. Лексическими приметами древности являются слова *зъль* и *отъбарати*, архаичность которых заставляла переписчиков XV в. искать для этих лексем более понятные замены.

Для характеристики языка Предисловия важно наличие в его словаре ряда редких лексем (*въименоватися, статие, каменозьданыи, отъбарати*), а также использование автором формульных грецизмов *на послѣдование възвратимъся* и *си же таковая*, пока не обнаруженных в других славянских источниках. Все это выдает руку опытного книжника, хорошо владеющего ресурсами церковнославянской лексики и умело использующего ее выразительные возможности. Под стать этому и риторическая компетентность автора: его способность грамотно выстроить сложный период, использование повторов, хиазмов, синтаксического параллелизма.

Беспочвенность трактовки Предисловия как малограмотного сочинения новгородского книжника XV в. представляется в свете сказанного очевидной[49]. Этого нельзя сказать о традиционной альтернативе шахматовской атрибуции: текст, обладающий указанными чертами, теоретически мог быть создан и в Новгороде первой трети XIII в.[50] Главные аргументы в пользу отнесения Предисловия к Начальному своду лежат поэтому не в стилистической, а в содержательной плоскости. По ходу нашего комментария мы имели возможность уточнить ранее высказанную позицию и отреагировать на последние критические соображения оппонентов Шахма-

[49] Подлинные характеристики языка и стиля Предисловия столь разительно расходятся с их оценкой в статье С. Фоллина, что мы склонны видеть в последней остроумную провокацию, имевшую целью привлечь внимание филологов к этому замечательному памятнику. Слова же о «топорности» этой «поделки» невольно вызывают в памяти знаменитый «укор» киевского воеводы Волчьего Хвоста, обращенный к новгородцам накануне Любечской битвы: «...а вы плотници суще, а приставимъ вы хоромъ рубити нашихъ...»

[50] Характерно, правда, что в статьях Н1Л этого времени мы совершенно не находим стилистических параллелей Предисловию (если не считать восклицания о Божьем промысле в статье 1216 г., непосредственно восходящего к нему). Такие параллели, между тем, обнаруживаются в статье 1093 г. ПВЛ. В описании последствий половецкого нашествия мы застаем концентрацию редкой лексики, принципиально сходной с лексикой Предисловия. Ср.: «*многовещныꙗ* имуще раны» (в др. источниках не зафиксировано; ср. гапакс *каменозьданыи* в Предисловии), «на х҆ыꙗньстѣ родѣ страхъ и колѣбанье и бѣда *оупространисѧ*», «тако *съоупрашаютсѧ* со слезами родъ свои повѣдающе и въздышюче».

това. В частности, мы разобрали и нашли необоснованными соображения К. Цукермана, призванные дезавуировать шахматовский анализ содержания Предисловия.

Не достигают цели и аргументы С. Фоллина, долженствующие продемонстрировать знакомство автора Предисловия с полным текстом ПВЛ. Отсутствие достоверных свидетельств такого знакомства особенно показательно на фоне целого ряда бесспорных отсылок Предисловия к летописному тексту в объеме Начального свода. Те же параллели, которые связывают Предисловие с текстом, отсутствовавшим в Начальном своде, обнаруживают зависимость ПВЛ от Предисловия[51].

Чрезвычайно важны для атрибуции Предисловия его нелетописные источники. Характеризуя их, я писал ранее, что Предисловие идеально вписывается в контекст киевской литературы XI — XII вв. С. Фоллин справедливо заметил на это, что данный круг источников представлял собой открытый корпус, который с равным успехом мог быть использован и автором XV в. Соглашаясь с этим, отметим как принципиально важное то обстоятельство, что Предисловие не просто базируется на текстах, имевших хождение в Киеве в XI в., но использует те же источники, которые прослеживаются и в Начальном своде: Хронику Амартола (по всей вероятности, в хронографическом изложении), Слово о законе и Благодати, Беседу Пресвитера Козьмы, Откровение Мефодия Патарского (при этом в последнем случае можно, по-видимому, говорить об использовании в Предисловии и статье 1024 г. одного и того же пассажа источника).

Особое значение мы придаем факту отражения в Предисловии заголовков разделов Хроники Георгия Амартола, к которым восходит, с одной стороны, название «Временникъ русьскыхъ кънязь...», а с другой — фундаментальное для композиции Начального свода понятие «начала земли Русской». К ним же восходят и летописные рубрики, отмечающие начала княжений и включенные в текст Начального свода одновременно с разнесением по годам сплошного повествования его источника. Вместе с прямыми заимствованиями из Хронографа в статьях 6362 и 6428 гг. эти заглавия, рубрики и даты создают единый «хронографический» план, связывающий Предисловие и основной текст Начального свода теснейшими композиционными узами. Об идейных основаниях этой композиции и ее месте в истории начального летописания мы уже подробно писали [Гиппиус 2006][52]. Первичность данной композиции по сравнению с ПВЛ обнару-

[51] Заметим, что сформулированная С. Фоллиным альтернатива — или Предисловие использовало летописный текст, или позднейшие летописи черпали из Предисловия — абсолютно искусственна: как всякий текст, являющийся звеном литературного процесса, Предисловие имело свои источники и само было источником для других текстов.

[52] Частью преобразования, которое летописная композиция претерпела в Начальном своде, мы считаем элиминацию этно-географического введения, в «зача-

живается как в трактовке последней начал царств и княжений (вытеснение «глагольной» моделью «именной»), так и в ее заглавии, отталкивающемся от Предисловия и использующем новый хронографический источник — «Летописец вскоре».

Под конец еще раз окинем взглядом композицию самого Предисловия. Она образована соединением двух рассуждений (с. 7—25 и 28—56), представляющих собой, по существу, обширные отступления от основной нити рассказа. Отправляясь от тем, названных в заглавии «Временника», эти рассуждения приводят читателя к выводам о благотворности обращения к Церкви и необходимости нравственного исправления. Закончив первое рассуждение, автор обращается к главной теме — началу Русской земли, но затем сразу же пускается во второе и, лишь завершив его, приступает к теме уже вплотную, предварительно очертив хронологические рамки рассказа.

точной» форме присутствовавшего в источнике Начального свода, а впоследствии, в расширенном виде, восстановленного в ПВЛ с опорой на этот источник. Известные нам критические оценки этого предположения сводятся к определениям его как «слишком сложного», «недоказуемого», «малоправдоподобного» и проч. [Фоллин 2009: 149; Цукерман 2009: 287]. Однако сложность построения вызвана в нашем случае лишь необходимостью объяснить совокупность фактов, не укладывающуюся ни в одну из предлагаемых простых схем. Не составляет исключения и новейшее предложение К. Цукермана. Странное начало открывающейся на полуфразе первой статьи Н1 («Живяху кождо с родомъ своим...») исследователь объясняет произведенной в 20-х гг. XIII в. реставрацией рукописи, первый лист которой к этому времени пришел в ветхость и с лицевой стороны был практически не читаем. Этот ветхий лист с текстом этно-географического введения, владычный летописец, согласно Цукерману, «заменил на свое пространное Предисловие, подогнав покороче начало собственного летописного повествования под тот сегмент текста, который читался в начале второго листа рукописи» [Цукерман 2009: 288]. Механизм этой «подгонки» вызывает по меньшей мере два вопроса. Во-первых, если второй лист открывался словами «Живяху кождо с родом своимъ» (что, по-видимому, предполагает Цукерман), то где в еще «не отреставрированной» рукописи читалась дата 6362 г. и заголовок «Начало земли русской», которые ныне непосредственно предшествуют этой фразе? Заголовок, положим, мог и отсутствовать; но даты-то, обозначающей начало царствования упоминаемого далее в тексте Михаила III, не быть не могло! Смещая эту дату выше по тексту гипотетического введения, мы рискуем «датировать» таким образом раздел земли сыновьями Ноя. Если же допустить, что дата с самого начала находилась на своем месте, предположение о «реставрации» оказывается излишним. Во-вторых, если появление «обрубка» этно-географического введения в начале статьи 6362 г. объясняется заменой листа и подгонкой текста, то как объяснить, что такие же, по существу, «обрубки» мы находим и в тех местах, где годовые даты, вклинившиеся в связное повествование, разделяют части некогда цельных фраз? Зачем предлагать два разных объяснения там, где достаточно одного? Наша гипотеза не встречает подобных затруднений: разделение сплошного нарратива на годовые статьи, «усечение» этно-географического Введения и написание Предисловия мы атрибутируем одному лицу — составителю Начального свода.

Два витка этой композиционной спирали, в свою очередь, двухчастны: первый открывается рассуждением о названии Киева (7—15) и продолжается картиной торжества христианства над язычеством в Русской земле (16—25); второй начинается панегириком прежним князьям и их дружинам (28—42) и продолжается увещеваниями, обращенными к современной киевской элите (43—56). В обоих циклах прошлое сравнивается с настоящим, но при этом отношения между «древле» и «ныне» оказываются противоположными: в первом рассуждении настоящее, противопоставленное языческому прошлому, предстает как время раскрытия божественного промысла в отношении Русской земли; во втором — оно выступает как время общественного упадка и деградации нравов. В этом противоречии — амбивалентность «последнего времени», в котором, по мысли летописца, разворачивается история Русской земли.

Кульминации двух рассуждений (делящие их, заметим, на почти равные отрезки: 9 / 10 и 15 / 14 строк) образуют фразы, раскрывающие провиденциальный смысл происходящего: «Великъ бо есть промыслъ Божии, еже яви въ послѣдьняя времена!» и «За наше несытьство навелъ Богь на ны поганыя». Мысль о богоизбранности Русской земли увязывается таким образом с объяснением нашествия поганых как наказания за грехи ее правителей и их окружения. Сопоставление этих двух идей предвосхищает их объединение в патетическом финале статьи 1093 г., в котором масштабы бедствия, обрушившегося на Русскую землю, прямо соотносятся с высотой ее исторического предназначения: «Да никтоже дерзнеть рещи, ꙗко ненавидими Бм҃ь єсмы! да не будеть! Кого бо тако Бъ҃ любить, ꙗкоже ны взлюбилъ ѥсть? Кого тако почелъ ѥсть, ꙗкоже ны прославилъ ѥсть и възнеслъ? никогоже! Имъже паче ꙗрость свою въздвиже на ны, ꙗко паче всѣх почтени бывше горѣѥ всѣх сдѣꙗхом грѣхы, ꙗкоже паче всѣхъ просвѣщени бывше Влдчню волю дѣюще, и презрѣвше в лѣпоту паче инѣхъ казними ѥсмы» [Лавр., 225].

И последнее. Как можно было заметить, в своем комментарии к тексту Предисловия мы исходили из гипотезы Шахматова об отражении в древнейшей части Н1Лмл Киевского Начального свода 1090-х гг., считая эту гипотезу уже доказанной — для чего, на наш взгляд, есть все основания[53]. Принятие этого положения автоматически делает атрибуцию Предисловия тому же Начальному своду наиболее экономным текстологическим решением. Усложнять реконструкцию, отрывая Предисловие от его непосредственного продолжения в Н1Л, имело бы смысл, если бы такая трактовка наталкивалась на непреодолимые препятствия, однако таковые отсутствуют. Между тем количество отдельных фактов и текстуальных связей, получающих объяснение исходя из такой атрибуции, с течением времени неуклонно растет, подтверждая справедливость взгляда на Предисловие к «Временнику», обоснованного А. А. Шахматовым в статье 1909 г.

[53] См. [Гиппиус 2006: 59—60]; новейшие попытки опровержения этой гипотезы представляются столь же малообоснованными, как и предыдущие, и будут в ближайшее время разобраны отдельно.

Литература

Абрамович 1916 — Д. И. Абрамович. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. СПб., 1916.

Алексеев 1991 — А. А. Алексеев. Dativus ethicus в «Слове о полку Игореве» // Традиции древнейшей славянской письменности и языковая культура восточных славян. М., 1991. С. 3—18.

Алешковский 1971 — М. Х. Алешковский. Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1971.

Алешковский 1981 — М. Х. Алешковский. Новгородский летописный свод конца 1220-х гг. // Летописи и хроники. 1980. М., 1981. С. 104—111.

Анисимова 2009 — Т. В. Анисимова. Хроника Георгия Аматола в древнерусских списках XIV—XVII вв. М., 2009.

Бегунов 1959 — Ю. К. Бегунов. Житие Александра Невского в составе Новгородской 1-й и Софийской 1-й летописей // Новгородский исторический сборник. Вып. 9. Новгород, 1959. С. 229—237.

БЛДР — Библиотека литературы Древней Руси // РАН. ИРЛИ / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. СПб., 1997.

Бобров 2001 — А. Г. Бобров. Новгородские летописи XV в. СПб., 2001.

Вздорнов 1972 — Г. И. Вздорнов. Лобковский Пролог и другие памятники письменности и живописи Великого Новгорода // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972. С. 255—269.

Вилкул 2003 — Т. Вилкул. Новгородская первая летопись и Начальный свод // Palaeoslavica. Cambridge (Mass.), 2003. Vol. XI. P. 5—35.

Вилкул 2007 — Т. Вилкул. Повесть временных лет и Хронограф // Palaeoslavica. Cambridge (Mass.), 2007. Vol. XV. № 2. P. 56—116.

Водолазкин 2008 — Е. Г. Водолазкин. Всемирная история в литературе Древней Руси (на материале хронографического и палейного повествования XI—XV веков) СПб., 2008.

ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.

Гимон 2006 — Т. В. Гимон. Редактирование летописей в XIII—XV вв.: разночтения между списками Новгородской 1 летописи // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 112—125.

Гиппиус 1997 — А. А. Гиппиус. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. Вып. 6 (16). СПб., 1997. С. 3—72.

Гиппиус 2004 — А. А. Гиппиус. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1997—2000 гг., М., 2004. С. 228—229.

Гиппиус 2006 — А. А. Гиппиус. Два начала Начальной летописи: К истории композиции Повести временных лет // Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 56—96.

Гиппиус 2008а — А. А. Гиппиус. Крещение Руси в Повести временных лет: К стратификации текста // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2008. № 3. С. 20—23.

Гиппиус 2008б — А. А. Гиппиус. Загадки Мстиславовой грамоты // Miscellanea Slavica: Сб. статей к 70-летию Бориса Андреевича Успенского. М., 2008. С. 109—129.

Гиппиус 2008в — А. А. Гиппиус. К проблеме редакций Повести временных лет. II // Славяноведение. 2008. № 2. С. 3—24.

Гиппиус 2009а — А. А. Гиппиус. «До Александра и Исакия»: к вопросу о происхождении младшего извода Новгородской первой летописи // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2009. № 3. С. 23—24.

Гиппиус 2009б — А. А. Гиппиус. Архиепископ Антоний, новгородское летописание и культ святой Софии // Хорошие дни... Памяти Александра Степановича Хорошева. СПб., 2010. С. 181—198.

Горский 1989 — А. А. Горский. Древнерусская дружина. М., 1989.

Данилевский 1997 — И. Н. Данилевский. Эсхатологические мотивы в Повести временных лет // У источника: Сб. статей в честь чл.-корр. РАН С. М. Каштанова. Ч. 1. М., 1997. С. 172—220.

Духанина 2008 — А. В. Духанина. Морфологические нормы в сочинениях Епифания Премудрого. АКД. М., 2008.

Живов 2008 — В. М. Живов. Юридические кодексы и режим интерпретации // Динамические модели. Слово. Предложение. Текст: Сб. статей в честь Е. В. Падучевой. М., 2008. С. 309—328.

Ефрем Сирин — Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 5-е изд. Сергиев посад, 1912. Т. 3.

Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.

Зиборов 1995 — В. К. Зиборов. О летописи Нестора. Основной летописный свод в русском летописании XI в. Л., 1995.

Зимин 1999 — А. А. Зимин. Правда русская. М., 1999.

Ипат. — ПСРЛ. Ипатьевская летопись / Ред. А. А. Шахматов. 2-е изд. СПб., 1908. Т. 2.

Истрин 1897 — В. М. Истрин. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах. Исследование и тексты. М., 1897.

Истрин 1920 — В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Пг., 1920. Т. I.

Клим. Охр. — Климент Охридски. Събрани съчинения / Ред. Б. Ст. Ангелов, К. М. Куев, Х. Р. Кодов. София, 1970. Т. 1.

Кистерев 2000 — С. Н. Кистерев. Ссылки на киевский источник в тексте Софийской I летописи // Восточная Европа в древности и средневековье. Историческая память и формы ее воплощения. XII Чтения памяти чл.-корр. АН СССО В. Т. Пашуто. Москва, 18—20 апреля 2000 г. М., 2000. С. 71—75.

Клосс 1974 — Б. М. Клосс. Новгородская 5-я летопись и вопрос об источниках Никоновского свода // Летописи и хроники: Сб. статей 1973 г. М., 1974. С. 252—270.

Кузьмин 1977 — А. Г. Кузьмин. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977.

Кучкин 1998 — В. А. Кучкин. Рассказ о Куликовской битве в составе Рогожского летописца и Симеоновской летописи // Памятники Куликовского цикла / Сост. А. А. Зимин, Б. М. Клосс, Л. Ф. Кузьмина, В. А. Кучкин. М., 1998.

Лавр. — ПСРЛ. Лаврентьевская летопись / Ред. Е. Ф. Карский. 2-е изд. Л., 1926. Т. 1.

Лихачев 1986 (1948) — Д. С. Л и х а ч е в. «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 г. // Д. С. Лихачев. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 154—184.

Лукин 2007 — П. В. Л у к и н. События 1015 г. в Новгороде: К оценке достоверности летописных сообщений // Отечественная история. 2007. № 4. С. 3—20.

Лурье 1976 — Я. С. Л у р ь е. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976.

Майоров 2008 — А. В. М а й о р о в. Список Филиппса (Берлинский) Новгородской первой летописи (предварительные итоги изучения) // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2008. № 2. С. 91—108.

Малышева 2008 — А. В. М а л ы ш е в а. Вариативность генитива и аккузатива при глаголах с общим значением ‘беречь, защищать’ в русских летописях // Рус. яз. в науч. осв. 2008. № 1 (15). С. 57—78.

Михеев 2008 — С. М. М и х е е в. Отражение Начальной летописи в Новгородской первой летописи младшего извода // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2008. № 1 (31). С. 45—59.

Михеев 2009 — С. М. М и х е е в. «Святополк сѣде в Киевѣ по отци»: Усобица 1015—1019 гг. в древнерусских и скандинавских источниках // Славяно-германские исследования. М., 2009. Т. 4.

Мюллер 2000 — Л. М ю л л е р. Понять Россию: историко-культурные исследования. М., 2000.

Назаров 1978 — В. Д. Н а з а р о в. «Двор» и «дворяне» по данным новгородского и северо-восточного летописания (XII—XIV вв.) // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 112—124.

Накадзава 2002 — А. Н а к а д з а в а. Исследования новгородских и московских летописей XV века. Тояма (Япония), 2006.

НГБ XI — В. Л. Я н и н, А. А. З а л и з н я к, А. А. Г и п п и у с. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1997—2000 гг.). М., 2004.

НК — ПСРЛ. Новгородская Карамзинская летопись. СПб., 2002. Т. 42.

НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950.

ПВЛ 1996 — Повесть временных лет / Подгот. текста, перев., статьи и коммент. Д. С. Лихачева; Под. ред. В. А. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и дополн., подгот. М. Б. Свердлов. СПб., 1996.

Петрухин 1998 — В. Я. П е т р у х и н. К ранней истории русского летописания: о предисловии к Начальному своду // Слово и культура. Памяти Н. И. Толстого. С. 354—363. Т. 2.

Петрухин, Сичинава 2006 — П. В. П е т р у х и н, Д. В. С и ч и н а в а. «Русский плюсквамперфект» в типологической перспективе // Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 193—214.

Погодин 1857 — М. П. П о г о д и н. Новгородские летописи // ИОРЯС. Т. 1. Вып. 3. СПб., 1857. С. 209—233.

Приселков 1996 — М. Д. П р и с е л к о в. История русского летописания XI—XV вв. СПб., 1996.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 1—43. СПб./Пг./Л.; М., 1841—2004.

СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). М., 1988. Т. 1.

СлРЯ XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975. Т. 1.

Слово 1858 — [Аноним]. Слово в память св. Леонтия, епископа Ростовского // Православный собеседник. 1858. № 1. С. 421—431.

Сорокалетов 1970 — Ф. П. Сорокалетов. История военной лексики в русском языке. Л., 1970.

Стефанович 2009 — П. С. Стефанович. Дружина в начальном летописании // Средневековая Русь. Вып. 8. М., 2009. С. 6—51.

Тихомиров 1962 — М. Н. Тихомиров. Забытые и неизвестные произведения русской письменности // АЕ. 1960. М., 1962. С. 234—243.

Толочко 2008 — А. Толочко. Перечитывая приписку Сильвестра 1116 г. // Ruthenica. Київ, 2008. Т. VII. С. 154—165.

Турилов 1995 — А. А. Турилов. «Поучение Моисея» и сборник игумена Спиридона (новгородский памятник XII века в контексте русско-южнославянских связей) // Русистика. Славистика. Индоевропеистика: Сб. к 60-летию А. А. Зализняка. М., 1995. С. 83—104.

Фоллин 2009 — С. Фоллин. Об одном возможном источнике предисловия к Начальному своду // Ruthenica. Vol. 7. Київ, 2009. С. 140—153.

Цукерман 2009 — К. Цукерман. Наблюдения над сложением древнейших источников летописи // Борисо-Глебский сборник. Collectanea Borisoglebica. Вып. 1. Paris, 2009. С. 183—306.

Шахматов 1909 (2003) — А. А. Шахматов. Предисловие к Начальному Киевскому своду и Несторова летопись // ИОРЯС. Т. 13. Кн. 1. 1909. С. 213—270. [Переизд.: Шахматов 2003. С. 380—413].

Шахматов 1916 (2003) — А. А. Шахматов. Повесть временных лет. Т. I: Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916. [Переизд.: Шахматов 2003].

Шахматов 1938 — А. А. Шахматов. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938.

Шахматов 1947 — А. А. Шахматов. Киевский Начальный свод 1095 года // А. А. Шахматов. 1864—1920: Сб. статей и материалов. М.; Л., 1947.

Шахматов 2003 — А. А. Шахматов. История русского летописания. Т. I: Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 2: Раннее русское летописание XI—XII вв. СПб., 2003.

Шибаев 2001 — М. А. Шибаев. Софийская 1-я летопись младшей редакции. Автореф. дисс. … канд. филол. наук. СПб., 2001.

Щавелева 2004 — Н. И. Щавелева. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I—V): Текст, перевод, комментарии. М., 2004.

Müller 2001 — Die Nestorchronik: die altrussische Chronik, zugeschrieben dem Mönch des Kiever Höhlenklosters Nestor, in der Redaktion des Abtes Sil'vestr aus dem Jahre 1116, rekonstruiert nach den Handschriften Lavrent'evskaja, Radzivilovskaja, Akademiceskaja, Troickaja, Ipat'evskaja und Chlebnikovskaja, ins Deutsche ubersetzt von Ludolf Müller (= Forum Slavicum, Bd. 56), München: Fink, 2001.

Timberlake 2001 — A. Timberlake. Redactions of the Primary Chronicle // Рус. яз. в науч. осв. 2001. № 1. С. 196—218.

Summary

The article presents a textological investigation of the Introduction to the Younger recension of the Novgorod First Chronicle, also preserved in the Novgorod-Sophia group

of chronicles. Comparison of extant copies has led to a new reconstruction of the archetype dated to the early 15th century. A detailed philological commentary of the reconstructed text reveals numerous archaisms in its language and clear indications of its primacy with respect to the Povest' vremennykh let. These conclusions support A. A. Shakhmatov's theory identifying this text as the Introduction to the Kievan Nachalnyi Svod (Initial Chronical Compilation) of the 1090s.

Ключевые слова: текстология, русские летописи, Повесть временных лет, Новгородская первая летопись, Начальный свод, А. А. Шахматов, реконструкция архетипа, филологический комментарий, язык, источники.

Keywords: textual criticism, Russian chronicles, Tale of Bygone Years, First Novgorod chronicle, Initial Compilation, A. A. Shakhmatov, archetype, reconstruction, philological commentary, language, sources.

М. Н. ШЕВЕЛЕВА

ВТОРИЧНЫЕ ИМПЕРФЕКТИВЫ С СУФФИКСОМ *-ЫВА-/-ИВА-* В ЛЕТОПИСЯХ XII—XVI вв.*

1. История специфически восточнославянской модели имперфективации на *-ыва-*//*-ывај-* (*-ива-*//*-ивај-*) до сих пор остается малоизученной. Помимо восточнославянской (вост.-слав.) зоны, имперфективы с суффиксом *-yva-* известны также в польском и сербохорватском (с различиями по говорам), однако в виде модели *-yva-*//*-uj-* и с акцентологическими отличиями сербохорватского типа от русского (ср. польск. *pokazywać*, *pokazuję*, серб.-хорв. *показ̏ивати*, *покàзуеjēм* [Мейе 1952: 243—244] — по мнению А. Мейе, развитие этого суффикса «в разных славянских диалектах шло независимо друг от друга» [Там же]. Возможно, диалектные различия, связанные с суффиксом *-ыва-*, существовали уже в раннюю эпоху и на вост.-слав. территории [Николаев 1994: 44].

Происхождение суффикса *-yva-* традиционно связывали с развитием суффикса *-ova-* [Мейе 1952: 243—244; Шахматов 1924: 23]: по мнению А. Мейе, замещение в инфинитивной основе *-ova-* > *-yva-* вызвано аналогическим влиянием производных глаголов НСВ с корневым **-ы-** типа **бывати, -крывати**, а также вторичных имперфективов от глаголов СВ со ступенью ъ в корне типа **приꙁъвати — приꙁывати**, сохранение же в польск. и серб.-хорв. презентного *-uj-* рассматривается как свидетельство исконной связи суффикса *-yva-* с *-ova-*/*-uj-* > *-yva-*/*-uj-* [Мейе 1952: 243—244]. Наиболее четко гипотеза аналогического происхождения суффикса *-yva-* представлена у П. С. Кузнецова, после работ которого она прочно вошла в русистику: «Исходную точку для этого суффикса образует глагол *бывати* со старым суффиксом *-va-*... В результате переразложения *у*(*ы*), принадлежавшее первоначально корню… было отнесено к суффиксу и распространено затем на другие глаголы…» [Кузнецов 1953: 262; 1959: 188, 258], ср. также [Никифоров 1952: 114; Силина 1982: 175; 1987: 197—198] и др. При этом здесь уже не говорится о замещении суффиксом *-yva-* исконного *-ova-*, а акцент делается на производности *-yva-* от *-va-* и связи

* Работа выполнена в рамках Программы ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей (проект “Восточнославянский диалектный корпус: праславянское наследие и лингвогеография”)».

-yva- с бесприставочным имперфективом *бывати*. Согласно утвердившемуся в русистике представлению, впервые сформулированному П. С. Кузнецовым, «⟨о⟩бразования с суффиксом *-ыва-,-ива-* встречаются уже в древнейших русских памятниках, но на первых порах они очень малочисленны» и могут выступать параллельно к образованиям с суффиксом *-а-*, на протяжении же XII—XVI вв. их продуктивность неуклонно растет [Там же], ср. также [Силина 1987: 198—199] и др. Впрочем, как замечает П. С. Кузнецов, *-ыва-*имперфективы, хоть и в небольшом количестве, известны уже старшим спискам Повести временных лет (ПВЛ), и можно думать, что они были свойственны и ее протографу [Кузнецов 1959: 188].

Возведение суффикса *-ыва-/-ива-* к бесприставочному итеративу *бывати* кажется мало вероятным — и из-за различий в значении и морфологической модели (бесприставочной, а не приставочной)[1], и уже потому, что *бывати* в ранних памятниках не отличался особо высокой частотностью, а других подобных образований в ранний период вообще не фиксируется (см. об этом ниже, примеч. 12). Более вероятным было бы построение А. Мейе, учитывающее и вторичные имперфективы типа *-крывати*, *призъвати* → *призывати*, однако отличие русской модели имперфективации *-ыва-*// *-ывај-* от польской и сербохорватской *-yva-*//*-ија-* — не только по основе презенса, но и по акцентологической характеристике суффикса (совр. рус. *-ыва-* — левоударность [Зализняк 1985: 89, 423]) — делает сомнительным возведение имперфективного *-ыва-* к *-ova-*.

А. А. Зализняк реконструирует вост.-слав. суффикс *-ыва-* как *-ъва-* с самоударным *-ъв-* (раннедр.-рус. -↓*ъва-*) [Зализняк 1985: 148]. Эта гипотеза хорошо объясняет акцентуацию *-ыва-*имперфективов: поскольку ъ, имеющий маркировку ↓, здесь слабый, «ударение фактически всегда падает левее суффикса» [Там же] (особенно показательны оказываются образования от основ а.п. *b* и *c,* которые для исконного *-ыва-* при любой его маркировке не дали бы в обоих случаях ударения на предшествующем гласном). Реконструкция *-ыва-* как *-ъва-* объясняет и белорусский рефлекс *-ва-ць* типа *пока́зваць* [Там же]. В таком случае последующие замены *-ъва-* на рус. *-ыва-* и укр. *-ува-* рассматриваются как нефонетические, ударение при которых не менялось [Там же]. При этом, как замечает А. А. Зализняк, в части ранних примеров этот суффикс, крайне редко проникавший в книжную письменность, мог быть записан не в соответствии с произношением [Зализняк 1985: 149].

Отражением древнего аблаутного чередования считает различие гласных в суффиксах *-ova-/-ъva-/-yva-* С. Л. Николаев; распределение их в славянском мире — лингвогеографическое [Николаев 1994: 44; устное сообщение]. При этом модель *-yva-*//*-yvaj-* (как и *-ъva-*, которую С. Л. Николаев связывает только с центральной белорусской и центральной болгарской

[1] П. С. Кузнецов сам подчеркивал, что «[ф]ормы на *-ива-*(*-ыва-*) использовались первоначально только для приставочных образований» [Кузнецов 1959: 258; то же 189].

диалектными зонами) признается исконной архаичной моделью имперфективации, в то время как *-ova-/-uj-* — инновационной, распространившейся на имперфективы из деноминативных глаголов (типа *следовать*, *беседовать* и под.) [Там же]. Таким образом, не *-yva-* считается инновацией по отношению к *-ova-*, а, наоборот, *-ova-* по отношению к исконным суффиксам имперфективации *-yva-* и *-ъva-*, различающимся по аблаутному чередованию (контаминированные модели *-yva-(-ъva-)//-uje-* вторичны — основа презенса заимствована имперфективами у деноминативов). Причем обнаруживается показательная изоглосса: инновационная для имперфективов система *-ova-//-uj-* представлена в Центре Славии — в велико- и малопольских говорах, на которых базировался старопольский литературный язык, в чешском, словацком, словенском, большей части болгарских говоров, отраженных и в старославянском языке, по современным диалектным данным — также в южных и юго-западных вост.-слав. диалектах (украинских и русских) и в «кривичской» (псковско-смоленско-полоцкой) зоне [Николаев 1994: 44]; архаичные же системы, различающие деноминативы (*-ova-*) и имперфективы (*-yva-,-ъva-*) и сохраняющие древние модели имперфективации на *-ъva-* или *-yva-*, остались только на периферии славянского мира — *-ъva-*, как уже говорилось, в центр. болгарской и белорусской зонах, *-yva-* — в северных, северо-восточных и восточнорусских (литературного типа) говорах [Там же]; представленная в литературном польском и мазовецких говорах и в сербохорватском (штокавские говоры) контаминированная парадигма имперфективов *-yva-//-uj-* (при *-ova-//-uj-* у деноминативов) близка к архаичным системам, поскольку сохраняет различие имперфективных // деноминативных образований, однако уже отражает влияние на имперфективы деноминативных основ [Там же].

Лингвогеографические данные С. Л. Николаева (современные диалектные и материалы обследованных им акцентованных рукописей) указывают на существование на вост.-слав. территории диалектных различий, связанных с *-yva*-моделью имперфективации, восходящих к ранней эпохе (по мнению С. Л. Николаева, — к праславянской [Николаев 1994: 44]).

При этом до сих пор почти не исследованными остаются данные ранних вост.-слав. памятников; исключение составляют только новгородские берестяные грамоты, по данным которых образование вторичных имперфективов в древненовгородском диалекте описано А. А. Зализняком, — *-ыва-//-ывај*-модель имперфективации здесь представлена уже в ранних грамотах наряду с преобладающей древнейшей моделью с суффиксом *-а-/-ѧ-* [Зализняк 2004: 217]. Из других раннедр.-рус. источников обычно приводятся единичные примеры из ПВЛ (*оумыкивахоу оу воды дв͡цѧ* и др.) [Кузнецов 1953: 262; 1959: 188] и из книжных текстов — как переводных ЖФСт и Ефр. Корм., так и оригинального СкБГ XII в. [Силина 1987: 198—200]. Таким образом, за исключением древненовгородского материала, введенные в научный оборот древнерусские данные по имперфективам на *-ыва-/-ива-* связаны в большинстве своем с книжными памятниками —

притом что эта модель имперфективации явно оценивалась как разговорная и проникновение ее в церковнославянские (ц.-слав.) тексты явно сдерживалось (см. об этом ниже). Для реконструкции истории -*ыва*-имперфективов в русском языке необходимо исследование показаний памятников XII—XVI вв., причем желательно не столько стандартных ц.-слав., сколько более близких к некнижному др.-рус. языку.

Очень интересные данные относительно истории -*ыва*-имперфективов в разных вост.-слав. диалектных зонах дают летописи XII—XVI вв.

Имперфективы на -*ыва*-/-*ива*- в Киевской летописи

2. Киевская летопись XII в. (КЛ) выделяется среди других крупных памятников раннедревнерусской эпохи богатым отражением разнообразных черт некнижного языка, а прямая речь в КЛ по типу языка ближе всего к берестяным грамотам того же времени [Зализняк 2004а: 51, 63; 2008: 23—24, 84; Шевелева 2007; 2009а и др.]. Исключительно богатый материал дает КЛ и в отношении употребления имперфективов на -*ыва*-/-*ива*-.

2.1. Прежде всего обращает на себя внимание широкая представленность -*ыва*-имперфективов в КЛ, равной или даже близкой которой в ранних памятниках до сих пор не отмечалось. Так, в книжных памятниках XII в. В. Б. Силина отмечает 10 имперфективов с суффиксом -*ыва*-/-*ива*- в 14 употреблениях (9 примеров в ЖФСт по сп. Выг. сб., 3 примера — в Ефр. Корм., 2 примера — в СкБГ по сп. Усп. сб.) [Силина 1987: 198—200]. В берестяных грамотах XII в. зафиксирован глагол *надѣливати* в грам. № 794 [Зализняк 2004: 217] и в написании с -*ъва*- глагол *съказъвалъ* в грамоте № 959 — последнее может быть как отражением графического смешения ъ-*ы*, так и передачей древней огласовки суффикса имперфективации с вокализмом -*ъва*- (см. выше) [Зализняк, Янин 2007: 9], при этом грамота № 959 не содержит черт древненовгородского диалекта.

Единичные примеры имперфективов на -*ыва*-/-*ива*-, как уже говорилось, отмечаются в ПВЛ (*оумыкиваху оу воды дв͡цѧ* Лавр., л. 5 — но в Ипат.: *оумыкаху* л. 6 об.; *привѧзывати цѣрь ѡбертывающе въ платки малы нитъкою поверзывающе* 946 г., Лавр., л. 17—17 об. — в Ипат. только один из этих трех -*ыва*-имперфективов: *привѧзати чѣрь.и ѡбѣртываючи въ плткы м*(*а*)*лы нитъкою повѣрьзаючи* л. 23 об.), но восходят ли -*ыва*-образования, читающиеся не во всех списках и редакциях ПВЛ, к первоначальному тексту XII в., остается неясно.

На этом фоне данные КЛ оказываются впечатляющими: здесь зафиксирован 41 вторичный имперфектив с суф. -*ыва*-/-*ива*- в 63 употреблениях[2].

[2] Надо сказать, что на высокую употребительность -*ыва*-имперфективов в Ипат. летописи (т. е. фактически в КЛ) и раньше обращалось внимание [Кузнецов 1959: 256; Силина 1987: 202], однако Ипат. в лингвистических исследованиях почему-то

В абсолютном большинстве случаев эти формы читаются во всех списках КЛ и даже сохраняются в совпадающих с КЛ чтениях СЛ (см. об этом ниже).

Приведем полный список *-ыва-/-ива-*имперфективов, представленных в КЛ (в левой колонке указывается глагол, в правой — его зафиксированные употребления):

въ(з)жигивати	*свищи въжигивашеть* 1175 г., л. 206 об.
въскладывати	*на него чѣсть воскладывають* 1175 г., л. 210
въстѧгывати	*востѧгивати васъ ѿ кровопролитьꙗ* 1195 г., л. 236
‘удерживать’	*оустѧгывахоуть* 1151 г., л. 154 об.
	ваю есмь оустѧгывалъ 1151 г., л. 155 об.
вырѣзывати	*вырѣзываꙗ* 1172 г., л. 197 об.
докоучивати	*доко(у)чивахуть* 1142 г., л. 116
замысливати	*замысливають* 1150 г., л. 144 об.
нарѧживати	*нарѧживающи полкы* 1176 г., л. 211 об.
оборочивати	*ѡборочиваꙗ* 1150 г., л. 151 об.
оправливати сѧ	*ѡправливаꙗсѧ* 1195 г., л. 238 об.
оставливати	*ѡставливаю* 1146 г., л. 121
отомьщивати сѧ	*ходи…ѡтомьщиватьсѧ* 1196 г., л. 241
отрѧживати	*ѿрѧживаюче* 1151 г., л. 152 об.
повабливати	*повабливаеть мене* 1145 г., л. 117 об.
‘подстрекать’	
подъмълв(л)ивати	*подъмолвивашеть* (Х. П. *подмлъвливаше*) 1158 г., л. 175 об.
подъоучивати	*подъоучиваꙗ* 1128 г., л. 108 об.
покладывати	*нача…вины покладывати* 1174 г., л. 202
	чсть покладываешь 1148 г., л. 133 об.
	покладываꙗ 1180 г., л. 217; 1195 г., л. 237
понужывати	*нача понужывати* 1155 г., л. 172
	понуживаше 1156 г., л. 173 об.; 1193 г., л. 234
	поноуживаꙗ 1185 г., л. 226; 1187 г., л. 227 об.; 1187 г., л. 228
попълзывати сѧ	*ѡже сѧ почнешь поползывати и-Щернигова к Новугороду* 1159 г., л. 179
порѣзывати	*порѣзываꙗ* 1172 г., л. 197 об.
послушивати	*послушиваꙗ* 1156 г., л. 174
пооущивати	*пооущивають* 1159 г., л. 178 об.
приказывати	*приказываю* 1178 г., л. 214 об.
прикладывати	*прикладывахуть* 1152 г., л. 166 об.
припрашивати	*нача припрашивати волости* 1170 г., л. 194
приѣждивати	*приѣждивахоуть* 1180 г., л. 218
росдоумывати	*аще кто росдоумываеть* 1187 г., л. 227 об.

традиционно рассматривалась как единый памятник XV в. и все ее данные атрибутировались XV в.

разлоучивати (Х. П. *роз-*)	*разлоучиваю* 1141 г., л. 114 об.
размышливати	*размышливаю* 1178 г., л. 214 — 2х
ро(з)знаменывати	*рознаменываюче* (Х. П. *роз*^{з}*наменываючи*) 1170 г., л. 193 об.
съваживати	*а не сваживати* 1150 г., л. 145 об.
	кто ны сваживаеть 1170 г., л. 193 об.
съказывати	*сказывають* 1195 г., л. 238 об.
съкладывати	*почаша…складывати вину* 1146 г., л. 119
	за тѧ головы свои съкладываемь 1177 г., л. 213 об.
съкупливати	*начаста скупливати дружину* 1154 г., л. 169 об.
	скупливаю дружину 1154 г., л. 170
съмьрзывати сѧ	*рѣкы сѧ смерзывають* 1150 г., л. 147 об.
сънашивати сѧ	*снашивахуть сѧ рѣчьми* 1159 г., л. 179 об.
	начаша сѧ снашивати рѣчьми 1170 г., л. 194
сътворивати	*створиваше* 1158 г., л. 176 об.
оукаривати	*оукаривахуть* 1159 г., л. 177
оуправливати	*не оуправливаше* 1171 г., л. 195 об.
оуставливати	*ѣха…оуставливать людии* (Х. П. *оуставливати*) 1146 г., л. 121
оутѣшивати	*оутѣшиваю* 1146 г., л. 125; 1179 г., л. 215 — 2х; 1197 г., л. 241 об.
	оутѣшиваше 1168 г., л. 189 об.

Все приведенные употребления фиксируются во всех списках КЛ и, соответственно, могут быть возведены к исконному тексту XII в.

Лишь в единичных случаях отмечены разночтения по спискам: *головы своюа съкладаемъ за твою ч*^{с}*ть* 1155 г., л. 172 об. — в Х. П. *складывае*^{м} (при этом под 1177 г. форма *съкладываемь* читается и в Ипат., 213 об. — см. выше); *а ꙗ на тобѣ оукладываю* 1148 г., л. 133 об. — Х. П. *покладываю* (глагол *оукладывати* более в КЛ не зафиксирован) — в этих случаях исходное чтение КЛ остается неясным.

Сюда же примыкает читающийся в Х. П. списках глагол *пристроиватисѧ*, которому в Ипат. соответствует образование без суффикса *-ива-*: *а мы есме к тобѣ хр*^{с}*тъ целовали с тобою быти.а ꙗвлѧю ти* <u>*присторавaисѧ*</u> 1149 г., л. 136 — Х. П. *пристроиваися.* Это написание Ипат. списка можно было бы счесть за описку вместо *пристраиваисѧ*, если бы в ГВЛ, продолжающей КЛ в тех же списках, многократно не повторялось бы то же соотношение отмеченных образований: *нача пристраватисѧ* 1264 г., л. 287 об. — Х. П. *пристроиватисѧ*; *пристравахоутьсѧ* 1287 г., л. 301 — Х. П. *пристроиваху*; *а самъ пристраваюсѧ* 1289 г., л. 305 об. — Х. П. *пристроиваюсѧ* и др.; кроме того, в двух случаях в Ипат. *и* подписано над строкой, т. е. *пристраватисѧ* исправлено на *пристраиватисѧ: начаша сѧ пристра*^{и}*вати* 1274 г., л. 290 — Х. П. *пристроивати* и др. (полный список примеров см.

ниже, 4.). По всей видимости, перед нами некоторая особенность Ипат. списка, для которого данный *-ива*-глагол нехарактерен, — скорее всего, она связана с псковским переписчиком Ипат. летописи или ее западнорусским протографом (о происхождении Ипат. летописи см. [Шахматов 1909: 117—199; Ипат., Предисловие: F], ср. показательный псковский диалектизм *есме* в одном контексте с *пристораваисѧ* в КЛ). Видимо, псковский или западнорусский переписчик Ипат. летописи последовательно заменял непривычное для него *-ива*-образование на другую основу[3]. Не исключено, что Ипат. в этом глаголе отражает рефлекс старого *-ъва-*. В Х. и П. списках *-ива*-имперфектив во всех этих случаях сохранен, но с устранением чередования *о*/*а* — наиболее вероятно, что исконно в этих случаях в КЛ, как и в ГВЛ (см. подробнее ниже), читался *-ива*-имперфектив *пристраивати сѧ*.

Не имеющие разночтений употребления *-ыва*-имперфективов, как уже говорилось, можно с достаточной уверенностью возводить к тексту КЛ XII в. (о подтверждающих принадлежность этих образований XII в. данных СЛ см. ниже).

Как видно из приведенного материла, в КЛ представлена вполне регулярная модель *-ыва-*//*-ывај-* (*-ива-*//*-ивај-*).

Древнее чередование корневых гласных *о*/*а* сохранено у глаголов *припрашивати*, *снашивати сѧ*, *оукаривахуть*, но устранено в *ѡборочиваꙗ* и *створиваше* (см. примеры выше). По данным берестяных грамот, в древненовгородском диалекте ранее XIV в. это чередование в имперфективах еще всегда сохраняется [Зализняк 2004: 217] — трудно сказать, отражают ли здесь имеющиеся списки КЛ позднейшие инновации переписчиков или более раннее, чем в новгородской зоне, выравнивание огласовок. Надо сказать, что выровненные огласовки этих основ находят соответствие в современных северо-восточных (архангельских) говорах, ср.: *заворочивать*, *розворочивать*, *приворочивать*, *поворочивать* — притом, что есть и *заворачивать*, *наворачивать*, *обворачивать*; *притворивать*, *ростворивать* — но есть и *затваривать*, *притваривать*, *ростваривать*, *вытваривать* [ОСАГ 2006]. В случаях с корневым рефлексом редуцированного чередования не отмечается: *подъмолвивашеть* 1158 г., л. 175 об. (тот же глагол *подмолвливать* фиксируется и в НЛ под 1537 г. — см. ниже, ср. в арх. говорах *перемалвливать* с вторичным чередованием); *поползывати* (ср. арх. *заползывать*, *подползывать* и др. и вторичные *запалзывать*, *подпалзывать* и др.); *рѣкы сѧ смерзываюгь* 147 об. (ср. арх. *смёрзываться*) см. [ОСАГ 2006].

Обратим внимание на глагол *ро*(*з*)*знаменывати* ‘перемечивать, заменять прежние знаки (метки)’, ср. употребление: *...занеже бѧше Мьстиславъ ѡзлобивъ ꙗ // ѿпустилъ ѿ себе про ту вину.ѡже бѧху холопи его покралѣ*

[3] О нехарактерности *-ыва*-модели имперфективации для псковской диалектной зоны см. ниже (5.2.), о западнорусском (белорусском) рефлексе древнего *-ъва-* (а не *-ыва-*) см. выше (1).

конѣ Мьстиславли оу стадѣ и пѧтны своѣ въклалѣ. <u>*рознаменываюче*</u> (Х. П. *ро*^{3}*знаменываючи*) 1170 г., л. 193 об. По всей видимости, это имперфектив от глагола СВ *роз-знаменати*, производного от отыменного глагола *знаменати*, *знаменаю* [Срезн. I: 987]. В таком образовании в КЛ тоже представлен суффикс *-ыва-//-ывај-*.

Таким же имперфективом от производного от отыменного глагола перфектива является, видимо, глагол *отомьщивати сѧ* (←*отомьстити* (*сѧ*) ←*мьстити* — деноминатив от *мьсть* [Фасмер, II: 668]), ср. показательный контекст КЛ, где этот *-ива*-имперфектив употребляется вместе с парным глаголом СВ: *Тое же зимы ходи Романъ Мьстиславичь на ѧтвѧгы* <u>*ѡтомьщиватьсѧ*</u>. *бѧхоуть бо воевали волость его. И тако Романъ вниде в землю ихъ. ѡни же не могоучи стати противоу силѣ его и бѣжаша во свои тверди. а Романъ пожегъ волость ихъ и* <u>*ѡтомъстивсѧ*</u> *возвратисѧ во своѧси* 1196 г., л. 241.

Как мы видим, круг вторичных имперфективов с суф. *-ыва-/-ива-* в КЛ очень широк — судя по всему, это вполне регулярная и продуктивная модель имперфективации в живом языке составителя КЛ.

Древнейшая модель имперфективации с суф. *-а-*(*-ѧ-*) в КЛ, естественно, тоже представлена, ср. примеры: *начаша емоу* <u>*повѣдати*</u> *на Гюргевича на Ростислава* 1149 г., л. 135 об.; *се же писахомъ да не* <u>*наскакають*</u> *нѣции на свѧтительскыи санъ* 1172 г., л. 198 и др., однако явно преобладающими такие образования оказываются в книжных контекстах (см. последний приведенный пример и под.). При этом даже в книжных контекстах в КЛ встречаются и *-ива*-имперфективы, ср.: *и любовь имѧше ко всимъ. паче же мл҃тни прилежаше манастырѣ набдѧ чѣрньцѣ* <u>*оутѣшиваꙗ*</u> *и всѣ игоумены* <u>*оутѣшиваꙗ*</u> *и с любовью приимаꙗ и взимаꙗ оу нихъ бл҃гословление* 1179 г., л. 215, похвала кн. Мстиславу; *манастырѧ набдѧ и черньци* <u>*оутѣшиваꙗ*</u> 1197 г., л. 241 об., похвала кн. Давиду Смоленскому; *ѡн же боле крѣплѧшеть* <u>*послушиваꙗ*</u> *грамотъ патриашь* 1156 г., л. 174 и др.

Встречаются вариантные образования на *-ыва-*(*-ива-*) и *-а-*(*-ѧ-*) от тех же основ, ср.: *Много ти лиха* <u>*замысливають*</u> 1150 г., л. 144 об. — *приде къ Дюргеви Галичьскаꙗ помочь ѿ зате* (sic! в Х.П. явно пóзднее *зятя*) *его ѿ Ꙗрослава. зане бѣ почалъ* <u>*замыслѧти*</u> (Х. П. <u>*замышлѧти*</u>) *рать Д҃вдвичь Изѧславъ на Дюргѧ* 1155 г., л. 172 об.; *Нача рать* <u>*замышлѧти*</u> *Изѧславъ Д҃вдвичь на Дюргѧ* 1158 г., л. 175 об. и др.; *И всѧкъ ѡбычаи добронравенъ имѧшеть. в нощь въходѧшеть в цр҃вь и свищи* <u>*въжигивашеть*</u> *са҃* 1175 г., л. 197 об. (о Андрее Боголюбском) — ср. с другой приставкой: *а другымъ ѡчи* <u>*выжигаше*</u> *и ꙗзыкы вырѣзываꙗ* 1172 г., л. 197 об. (о сведенном с престола митрополите Феодоре) и др. Ср. аналогичную вариантность, отмечаемую в памятниках XI—XIV вв. П. С. Кузнецовым: *оумыкиваху оу воды д҃вцѧ — и ту оумыкаху жены собѣ* ПВЛ, Лавр., л. 10; *грамоты ти княже не посоуживати — грамоты ти княже не посоужати* в двух вариантах договорной грамоты Новгорода с кн. Ярославом Ярославичем 1264 г. [Кузнецов 1953: 262].

Создается впечатление, что КЛ XII в. отражает систему, где вост.-слав. суф. *-ыва-*(*-ива-*) уже выступает как вполне равноправный, если даже не более продуктивный, чем древнее *-а-*, показатель имперфективации. Возможно, ситуация в XII в. здесь даже более продвинутая, чем в др.-новг. диалекте, где сходная картина — по данным грамот — наблюдается скорее в XIII — нач. XIV в., см. [Зализняк 2004: 217].

Только в специфически книжных контекстах встречаются редкие имперфективы с суффиксом *-ова-* (*-ева-*), ср.: *егда же скончеваше весь постъ и тако оучрѣ//жаше всю бра҃тю* 1168 г., л. 189—189 об.; ср. в той же формуле, которая выше приведена с *оутѣшиваю: паче же мл҃тни прилежаше и манастыри набдѧ и черньцѣ оутѣшеваю* 1172 г., л. 197, о кн. Святославе — в Х. П. *оутѣшиваю* — возможно, эта форма с суф.*-ева-* принадлежит переписчику Ипат. списка, причем вполне вероятна и фонетическая природа замены здесь заударного *-ива-* на *-ева-* (ср. выше аналогичное смешение *ѿ з*(*ѧ*)*те* вм. *зѧти* л. 172 об. в примере под 1155 г.). Модель имперфективации с суф. *-ова-*(*-ева-*) для языка КЛ нехарактерна — этот суффикс принадлежит деноминативным образованиям, тоже, впрочем, достаточно книжным, ср.: *и то повѣстоваше с Поликарпом. по всѧ дни хотѣлъ быхъ свободити сѧ ѿ маловременного и суетнаго свѣта сего* 1168 г., л. 189, о кн. Ростиславе — и др.

Таким образом, КЛ явно отражает живую модель имперфективации *-ыва-*//*-ывај-* (*-ива-*//*-ивај-*), очевидно вполне продуктивную и конкурирующую с древнейшей моделью *-а-*//*-ај-*, начинающей тяготеть к сфере книжности. Есть все основания относить описанную ситуацию к др.-рус. языку XII в. — в диалектной зоне Киева.

Специально надо обратить внимание на то, что образования на *-ыва-* (*-ива-*) не имеют в КЛ (как, впрочем, и в других памятниках XII в. — см. примеры в [Силина 1987: 200] и др.) специфически итеративного значения — это собственно имперфективы, парные к соответствующим глаголам СВ. Показательны примеры употребления обоих членов видовой пары в одном контексте, бесспорно подтверждающие их парность — полное тождество всех прочих семантических компонентов, кроме собственно видового, ср. приведенный выше контекст: *Тое же зимы ходи Романъ Мьстиславичь на ѧтвѧгы ѡтомьщиватьсѧ…и ѡтомъстивсѧ возвратисѧ во своѧси* 1196 г., л. 241; ср. также: *и поча имъ молвити. Се приказываю дѣтѧ свое Володимѣра Борисови Захарьичю и съ симъ даю братоу Рюрикови и Дв҃дви с волостью на роуцѣ…и тако приказавъ дѣти свои братьѣ своеи и воздѣвъ роуцѣ на нб҃о…и предасть дш҃ю свою в роуцѣ Бж҃иѣ* 1178 г., л. 214 об.; *дроужина же Вѧчеславлѧ и Изѧславлѧ и Ростиславлѧ и вси҃ кн҃зии оустѧгывахоуть ѿ того. и Киѧне. наипаче же Чернии Клобоуци ѿ того оустѧгоша* (Х. П. *въстягоша*) 1151 г., л. 154 об. (*въстѧгивати* ‘удерживать, сдерживать’ — *въстѧгнути* ‘удержать’).

Многие другие употребления *-ыва*-глаголов в КЛ тоже подтверждают, что перед нами собственно имперфективы, а не итеративы, ср., например,

перформативное употребление: *Се ва оставливаю Къстѧжка моужа своего* 1146 г., л. 121, ср. приведенный выше контекст: *Се приказываю дѣтѧ свое Володимѣра Борисови Захарьичю* 1178 г., л. 214 об.; ср. также контексты, исключающие итеративное прочтение: *И посла посолъ свои к Рюрикови оправливаюсѧ во крꙋтое целованье* 1195 г., л. 238 об.; *и сказывають ми и Смолнѧнѣ изыимани* 1195, л. 238 об.; *се ныꙋ оуже есть не веремѧ. рѣкы сѧ смерзывають. а поидемъ домови оже оуже рѣкы сѧ оустановѧть* 1150 г., л. 147 об. и др.

Как показывает КЛ, суффикс -*ыва*-(-*ива*-) был в XII в. вполне регулярным средством имперфективации и не отличался по значению от общеславянского суффикса имперфективации -*а*-. Специфического значения многократности он тогда явно не имел (ср. то же о вторичности семантики многократности у приставочных образований на -*ыва*-/-*ива*-, появляющейся у них после XV в. под влиянием бесприставочных итеративов [Силина 1982: 271]; см. также об этом ниже, 5.1.).

2.2. Многочисленность вторичных имперфективов с суф. -*ыва*-(-*ива*-) в КЛ отличает ее от прочих обследованных в данном отношении памятников XII в. Прежде всего это связано, видимо, с мощным некнижным компонентом этого обширного текста. В живом языке, можно предполагать, -*ыва*-имперфективов было еще больше (на это косвенно указывает тот факт, что из 10 отмеченных В. Б. Силиной в книжных текстах XII в. имперфективов с суф. -*ыва*-/-*ива*- [Силина 1987: 198—200] с КЛ совпадает только *съказывати* — фиксация того или иного конкретного глагола во многом случайна и связана с его частотностью и содержанием текста).

Однако важным является не только количество -*ыва*-имперфективов в КЛ, но прежде всего их свободное образование от разных основ, указывающее на продуктивность данной модели. Сразу обращает на себя внимание большое число в КЛ вторичных имперфективов с суф. -*ыва*-/-*ива*- от основ, которые в совр. русском литературном языке образуют имперфективы с суф. -*а*-, а не -*ыва*- (-*ива*-), ср.: *Се ва оставливаю Къстѧжка моужа своего* 1146 г, л. 121; *Рюрикъ же поча слати ко Стославоу поноуживаꙗ его* 1187 г., л. 227 об.; *рѣкы сѧ смерзывають* 1150 г., л. 147 об.; *чѣрньцѣ оутѣшиваꙗ* 1179 г., л. 215; 1197 г., л. 241 и др.; *много ти лиха замысливають* 1150 г., л. 144 об.; *размышливаꙗ с моужи своими* 1178 г., л. 214 и др.

Сейчас такое свободное и широкое образование вторичных имперфективов с суф.-*ыва*- (-*ива*-) представлено только в севернорусских говорах. Показательную картину дает сопоставление данных КЛ с современными — русского литературного языка, с одной стороны, и архангельских говоров — с другой, где -*ыва*-имперфективы образуются в том числе от тех основ, которые не имеют таких производных в литературном языке (см., например [Закревская 2002: 12]).

Из всех вторичных имперфективов с суф. -*ыва*- (-*ива*-), зафиксированных в КЛ (см. список выше), в совр. русском литературном языке бесспорно представлены только: *приказывать*, *прикладывать*, *раздумывать* (в КЛ

рос-), *сказывать*, *складывать*. Сюда же, видимо, надо отнести глагол *пристраиваться*, предположительно восстанавливаемый для исконного текста КЛ (см. выше). Совр. рус. глагол *оборачивать* отличается от *оборочивати* в КЛ сохранением исконного чередования *о*/*а*, выровненного в КЛ (об этом чередовании в КЛ см. выше). Известен также глагол *снашиваться*, но не в том значении, что в КЛ (ср. в КЛ: *снашиваться рѣчьми* ‘иметь дипломатические сношения, вести переговоры’).

Кроме того, на периферии современной литературной нормы находятся глаголы: *вырезывать* (как вариант при основном имперфективе *вырезáть*), *подучивать*, *припрашивать* [Зализняк 1977; БАС; МАС — кроме *припрашивать*]; показательно, что новейший нормативный словарь под ред. Н. Ю. Шведовой [ТСРЯ 2008] этих имперфективов не включает, а глагол *припрашивать* с пометой *устар.* фиксируется только в [БАС, 11: 690]. Как мы видим, некоторые имперфективы уходят из литературной нормы, становясь устаревшими и/или просторечными уже на протяжении XX в.

Совсем другая картина обнаруживается при сопоставлении данных КЛ по вторичным имперфективам с современными архангельскими говорами. Кроме названных выше глаголов, сохраняющихся и в литературном языке, в арх. говорах, по данным [ОСАГ 2006], представлены также: *докучивать*, *наряживать*, *оправливаться*, *оставливать*, *покладывать*, *порезывать*, *послушивать*, *приезживать*, *сваживать*, *смёрзываться*, *укаривать*, *утешивать* [ОСАГ 2006] — к 9 глаголам, зафиксированным в литературном языке (включая выходящие сейчас из нормы и предположительные соответствия), прибавляется еще 12, т. е. число соответствий с *-ыва*-имперфективами КЛ возрастает более чем в два раза.

Кроме того, при отсутствии точных соответствий для ряда основ обнаруживаются соответствующие образования с другими приставками, свидетельствующие о наличии *-ыва*-модели для данной основы. В нескольких случаях такие соответствия обнаруживаюся как в литературном языке, так и в архангельских говорах: *востѧгывати* КЛ — ср. совр. *затягивать*, *притягивать*, *втягивать* и др.; *воскладывати* КЛ — ср. совр. *прикладывать*, *откладывать*, *перекладывать*, *закладывать* и др.; *замысливати* КЛ — ср. совр. *примысливать*, *домысливать*, *осмысливать* [Зализняк 1977: 617] и *вымысливать*, *смысливать* [ОСАГ 2006: 368]. Больше случаев, где подобные соответствия с другими приставками *-ыва*-имперфективов КЛ обнаруживаются в архангельских говорах при отсутствии их в современном литературном языке: *възжигивати* КЛ — ср. арх. *зажигивать*, *поджигивать*, *пожигивать* [Там же: 361]; *отрѧживати* КЛ — ср. арх. *наряживать*, *обряживать* [Там же: 363]; *подъмолвливати* КЛ — ср. арх. *перемалвливать* [Там же: 367]; *поползывати* КЛ — ср. арх. *заползывать*, *подползывать*, *подопользывать*, *сползывать*, *выползывать* и *запалзывать*, *подпалзывать*, *припалзывать*, *спалзывать*, *выпалзывать*, *упалзывать* [Там же: 382]; *разлоучивати* КЛ — ср. арх. *получивать* [Там же: 373]; *скупливати* КЛ — ср. арх. *закупливать*, *покупливать*, *откупливать* [Там же: 368];

створивати КЛ — ср. арх. *притворивать*, *ростворивать* [Там же: 371] и *ростваривать* [Там же: 370]; *оуправливати* КЛ — ср. арх. *направливать*, *справливать* [Там же: 367]; *оуставливати* КЛ — ср. арх. *вставливать*, *оставливать*, *переставливать*, *доставливать* и др. [Там же: 367], ср. также *оставливати* в КЛ. Как мы видим, если в современном русском литературном языке находятся соответствия с другими приставками для 3 отмеченных в КЛ *-ыва*-имперфективов, то в архангельских говорах — еще для 9.

Таким образом, оказывается, что большинство встретившихся в КЛ имперфективов с суф. *-ыва*-(*-ива-*) имеет в современных архангельских говорах точное соответствие (24 глагола) или соответствие в образованиях с другими приставками (12 глаголов). Незасвидетельствованными и не имеющими соответствий в других приставочных образованиях, по данным [ОСАГ 2006], остаются только *-ыва*-имперфективы КЛ *отомьщиватисѧ*, *повабливати*, *понуживати*, *пооущивати*, *ро*(*з*)*знаменывати* — вполне вероятно, что по крайней мере какие-то из этих глаголов просто утратились как устаревшие.

Напротив, в современном литературном языке находит соответствие меньшая часть засвидетельствованных в КЛ имперфективов с суф. *-ыва-* (*-ива-*) — чуть более 1/3 с учетом соответствий с другими приставками.

Оказывается, что система вторичных имперфективов, отраженная в КЛ XII в., обнаруживает очень большое сходство с соответствующей системой современных севернорусских — архангельских — говоров. Сходство это, заметим, проявляется и в свободной вариативности *-ыва-/-ива-* и *-а-* имперфективов от тех же самых основ (см. материалы [ОСАГ 2006; Закревская 2002: 12] и др.). Отличия этой системы КЛ XII в. от современной русской литературной, напротив, довольно значительны — уже в самом составе *-ыва*-имперфективов.

Таким образом, данные КЛ позволяют предполагать, что в живом др.-рус. языке XII в., связанном с диалектной зоной Киева, модель имперфективации с суф. *-ыва-*//*-ывај-* (*-ива-*//*-ивај-*) была вполне продуктивной. Судя по всему, это был именно суффикс *-ыва*-(*-ива-*) — с долгим гласным, а не *-ъва-*, поскольку последовательно во всех списках КЛ записывается с *-ы*-(*-и-*). Единственный глагол, позволяющий предполагать рефлекс исконного *-ъва-*, — это *пристраивати сѧ*, регулярно передаваемый в Ипат. списке (включая ГВЛ) без *-и-* (*пристравати сѧ* и под. — см. выше), однако эта особенность принадлежит не КЛ, а Ипат. списку в целом — видимо, его псковскому переписчику или западнорусскому протографу (см. выше). В Киеве XII в. суффикс имперфективации, очевидно, имел огласовку *-ыва-* (*-ива-*) — даже если исконно он восходил к *-ъва-* (см. выше о гипотезе А. А. Зализняка [Зализняк 1985: 148—149]), для данной диалектной зоны такая реконструкция должна быть отнесена к более ранней эпохе.

Данные КЛ о продуктивности и регулярности модели *-ыва-*//*-ывај-* (*-ива-*//*-ивај-*) и обнаружившееся сходство отраженной в этом памятнике системы вторичных имперфективов с системой современных севернорус-

ских говоров заставляют пересмотреть традиционное представление о том, что в раннедр.-рус. эпоху эта модель имперфективации еще является редко встречающейся инновацией и рост ее продуктивности наблюдается только в дальнейшем — на протяжении всего периода XII—XVI вв. ([Кузнецов 1953: 262; Силина 1987: 198—199] и др. — см. выше). По крайней мере, для данной диалектной системы вряд ли можно говорить о последующем росте продуктивности суффикса *-ыва-/-ива-* — она и так приближается в этом отношении к современной севернорусской системе, отличающейся высокой регулярностью *-ыва*-модели, а система современного литературного типа ей, кажется, даже несколько уступает.

В связи с этим возникает несколько проблем лингвогеографического свойства. Прежде всего, это вопрос о том, объясняется ли сходство отраженной в КЛ системы с современной северо-восточной тем, что современные северные говоры сохраняют общедревнерусский архаизм, или перед нами некая общая изоглосса, объединяющая др.-рус. киевскую зону с северо-восточной, — опять же очень ранняя. Предположение об общедревнерусском характере отраженной в КЛ системы имперфективов давало бы относительно простое объяснение ее близости системе северо-восточных говоров, как известно по многим позициям сохраняющих архаизмы, — однако современные лингвогеографические данные, как мы уже говорили (см. 1), указывают на существование на др.-рус. территории ранних диалектных различий, связанных с рассматриваемой моделью имперфективации (по крайней мере, особый западнорусский рефлекс *-ъва-* не позволяет считать др.-рус. систему XII в. единой; кроме того, новгородские берестяные грамоты, где продуктивность *-ыва*-модели явно растет в XIII—XIV вв. [Зализняк 2004: 217], тем самым косвенно свидетельствуют в пользу большей продвинутости в XII в. системы киевской).

С другой стороны, проблема возникает в связи с отличиями системы имперфективов КЛ от современной литературного типа (северо-восточной по своей основе), где регулярность *-ыва*-модели оказывается меньшей, чем в КЛ и в северных говорах. Важным фактором здесь, конечно, является литературная норма, сдерживающая и продолжающая сдерживать утверждение *-ыва*-имперфективов (см. об этом ниже). Однако, видимо, этот фактор не единственный — есть и причины более глубокие, связанные с диалектной системой говоров великорусского Центра.

Обратимся к данным летописей более позднего времени.

Имперфективы на *-ыва-/-ива-* в Суздальской летописи

3. Суздальская летопись XII — нач. XIV вв. (СЛ) отличается от КЛ большей книжностью, однако в записях XII в. она частично совпадает с КЛ, восходя, очевидно, к общему с КЛ источнику, — по мнению историков, этим южнорусским источником СЛ (точнее, одного из лежащих в ее

основе владимирского свода XII в.) был Летописец Переяславля Южного [Приселков 1939; 1996: 110—111] и, возможно, также его киевская переработка [Лурье 1976: 17—66; 1987: 243].

Имперфективы на -*ыва*-/-*ива*- в СЛ встречаются значительно реже, чем в КЛ, — всего 6 глаголов в 7 употреблениях. Замечательно при этом, что бóльшая часть этих примеров зафиксирована в совпадающих с КЛ чтениях, — несомненное подтверждение того, что имперфективы КЛ действительно принадлежат южнорусскому тексту XII в., а не привнесены переписчиками.

Приведем список этих имперфективов и их употреблений; совпадающие с КЛ примеры выделены жирным:

вскладывати	***на него чѿть вскладываюѣ* 1175 г.**, л. 125 об.
замышливати	*бѣ почалъ рать замышливати* 1155 г., л. 115 об.—116 (КЛ: *бѣ почалъ замыслѧти рать* 1155 г., л. 172 об. — Х. П. *замышлѧти;* но под 1150 г. в КЛ *замысливаюѣ* л. 144 об.)
исправливати	*чтите исправливаꙗ* Приписка к Лавр. 1377 г.
порѣзывати	***порѣзываꙗ* 1169 г.**, л. 119 об.
свѧзывати	*свѧзывахуть* 1237 г., л. 159 об.
складывати	***головы свои складываемъ* 1155 г.**, л. 115 об. (= КЛ по Х. П. спискам, Ипат. — *складаемъ*)
	за тѧ головы своѣ складываемъ 1177 г., л. 130 об.

Как мы видим, три чтения совпадают во всех списках СЛ и во всех списках КЛ.

В одном случае -*ыва*-имперфектив СЛ совпадает с КЛ по Х. П. спискам, тогда как в Ипат. списке читается имперфектив на -*а*-, ср.: *Берендѣеве же не даша ихъ рекше мы того дѣлѧ оумираѥ*^{м} *за Руськую землю и головы свои* <u>*складываѥмъ*</u> СЛ, 1155 г., л. 115 об. — *Берендици* (исправлено на -*чи*, Х. П. *берендеи*) *же не даша ихъ. рекуче мы оумираемъ за Русскую землю с твоимъ сн҃омъ.и головы своꙗ* <u>*съкладаемъ*</u> (Х. П. <u>*складывае*^{м}</u>) *за твою чѿть* КЛ, 1155 г., л. 172 об. — обратим внимание, что это совпадение СЛ с Х. П. списками КЛ свидетельствует в пользу того, что именно Х. П. списки КЛ здесь сохраняют исконное чтение летописи XII в., т. е. -*ыва*-имперфектив восходит к общему источнику КЛ и СЛ (ср. выше о невозможности в подобных случаях установить исходное чтение только по данным списков КЛ). Наличие других разночтений между СЛ и КЛ в этом контексте (*рекше* СЛ — *рекуче* КЛ, *берендѣеве* СЛ — *берендеи* КЛ Х. П. и *берендичи* Ипат. и др.) подтверждает, что совпадающие чтения восходят к более раннему, чем обе летописи, их общему источнику.

Обратим внимание также на контекст с глаголом *замышливати*, известным и в КЛ, но в других записях, ср.: *Того же лѣ*^{т} *приде к Гюргеви Галичьскаꙗ помощь. зане бѣ почалъ ра//ть* <u>*замышливати*</u> *Д҃вдвичь::* СЛ, 1155 г., л. 115 об.—116 — *Томъ же лѣтѣ приде к Дюргеви Галичьскаꙗ по-*

мочь. зане бѣ почалъ замыслѧти (Х. П. *замышлѧти*) *рать Дв҃двичь Изѧславъ на Дюргѧ* КЛ, 1155 г., л. 172 об. (ср.в КЛ: *Много ти лиха замысливають* 1150 г., л. 144 об.). В этом единственном случае *-ива*-имперфектив читается в СЛ в соответствии с *-а*-имперфективом в КЛ — исходное чтение с надежностью по этим данным установить невозможно, но вполне вероятно, что и здесь в общем источнике КЛ и СЛ читался имперфектив в суф. *-ива-*, ср. его наличие в другой записи КЛ, ср. также характерную для КЛ вариантность *-ыва-/-а-* образований *замысливати — замыслѧти*, *складывати — складати* и др. — см. выше (2.1.). Аналогичное колебание *-ыва-/-а-* имперфективов между КЛ и СЛ хорошо показывает и контекст с глаголом *порѣзывати*, где в КЛ читается еще один имперфектив с суф. *-ыва-* от той же основы, а в СЛ ему соответствует образование на *-а-*, ср.: *Безъмл҃твъ сыи мч҃тль другымъ ч҃лвкомъ головы порѣзываю и бороды. а другымъ ѡчи выжигаше и ѩзыкы вырѣзываю* КЛ, 1172 г., л. 197 об. (о изгнанном митрополите Феодоре) — *Безъмл҃твъ сыи мучитель другымъ чл҃комъ головы порѣзываю и бороды. иным же ѡчи выжигаю и ѩзыкъ оурѣзаю* СЛ, читается под 1169 г., л. 119 об. — в противоположность примеру с *замышливати*, здесь *-ыва-* имперфектив читается в КЛ, в то время как *-а-* — в СЛ. Возможно, вариативность *-ыва-/-а-* моделей была характерна не только для КЛ и СЛ, но и для их общего источника XII в.

Таким образом, оказывается, что в части XII в. **все** *-ыва-*(*-ива-*) имперфективы СЛ читаются в записях, восходящих к общему с КЛ южнорусскому источнику XII в.; видимо, все они к этому источнику и восходят (четыре случая — несомненно, пятый — предположительно).

Еще один *-ыва*-имперфектив в записи за XII в. читается в Р. и А. списках СЛ в соответствии с простой бесприставочной основой в Лавр. списке: *В лѣ҃ ѕ҃.х҃.ѱ҃.ѳ҃. Почата бы҃ писати* (Р. А. — *подписывати*) *ц҃ркы в Володимери Золотоверхаю.а конча//на августа въ л҃.* 1161 г., л. 117 об. — эта отдельная погодная запись 1161 г. не имеет соответствия в КЛ и не связана с южнорусским источником; вполне вероятно, что имперфектив *подписывати* привнесен здесь позднейшими переписчиками, тем более что формула типа *почаша* (*кончаша*) *подписывати* (*церковь*) с XIV в. становится очень употребительной (см. ниже, 5.2).

В части XIII в. в СЛ встретился только один *-ыва*-имперфектив — *свѧзывати*, причем в достаточно книжном контексте в соседстве с имперфективами на *-а-* и книжным деноминативом *плѣновати*, ср.: *Того҃ лѣ҃ На зиму придоша ѿ всточьныѣ страны на Рѧзаньскую землю лѣсо҃ безбожнии Татари и почаша воевати Рѧзаньскую землю и плѣноваху и до Проньска. поплѣнивше Рѧзань весь и пожгоша. и кнѧзѧ ихъ оубиша. ихже емше ѡвы растинахуть другыа же стрѣлами растрѣлѧху в нѧ. а ини ѡпакы руцѣ свѧзывахуть* 1237 г., л. 159 об. — по-видимому, перед нами спорадическое проникновение употребительного разговорного глагола в книжный текст.

Специально надо отметить, что в том варианте продолжения СЛ за XIII в., который представлен в списках Ак. = Новг. IV, Соф. I, имперфективов с суф. *-ыва-/-ива-* нет вообще.

Помимо единственного не восходящего к общему с КЛ источнику примера (в записи XIII в.), в Лавр. списке СЛ *-ива*-имперфектив встречается также в приписке переписчика 1377 г. Обратим внимание, что это ставшее хрестоматийным «послесловие» Лаврентия писано киноварью, см. [Лавр.: 487, примеч.], что предполагает достаточно внимательное отношение к тексту: *ѡже сѧ гдѣ буду ѡписалъ или переписалъ или недописалъ чтите исправливаꙗ Ба҃ дѣлѧ. а не клените* 1377 г., л. 173. Однако нормативная установка в записи писца была явно более свободной, чем в основном тексте, и не препятствовала использованию имперфектива на *-ива-*.

Таким образом, в самой СЛ имперфективы с суф. *-ыва-*(*-ива-*) представлены, за исключением одного случая, только в записях, восходящих к общему с КЛ южнорусскому источнику XII в.

Такое парадоксальное «снижение» употребительности *-ыва*-имперфективов сравнительно с КЛ — от XII в. к XIII в., причем в диалектной зоне ростово-суздальских говоров, для которых как раз характерно наиболее последовательное развитие великорусской системы средств имперфективации литературного типа с широким использованием суффикса *-ыва-/-ива-*, см. [Николаев 1994: 44] и др., не следует, конечно же, связывать с уменьшением продуктивности этой модели. Дело здесь, очевидно, только в книжной норме, более строгой в летописании северо-восточной Руси XIII — нач. XIV вв., чем в киевской традиции XII в. Показательно, что *-ива*-имперфектив тут же проникает в недлинную приписку суздальского переписчика, при этом имперфектив *исправливаꙗ* — основа, отсутствующая в современном русском литературном языке, но, как и во многих примерах из КЛ (см. выше), имеющая соответствия с другими приставками в современных архангельских говорах, ср. арх. *направливать*, *справливать* [ОСАГ 2006: 367], ср. также отмеченное в КЛ *оуправливати* (*такъ бо бѧше къ всеи братьи своеи верьтливъ*, *не оуправливаше к нимъ хр҃тьного цѣлованиꙗ* 1171 г., л. 195 об.).

В ростово-суздальских говорах XIII—XIV вв. имперфективы с суф. *-ыва-/-ива-* тоже явно были вполне продуктивны — очевидно, не менее продуктивны, чем в Киеве в XII в., и, судя по представленным в СЛ основам — особенно по внесенной переписчиком форме *исправливаꙗ*, — так же свободно образовывались от разных основ, в том числе от тех, которые в современной русской литературной норме *-ыва-* имперфективов не образуют. Однако никаких данных о росте продуктивности *-ыва-* модели сравнительно с XII в. исследованные летописи не дают. Нет, как мы видим, и данных о большей продуктивности этой модели имперфективации в северо-восточной диалектной системе сравнительно с южнорусской системой киевского типа древнерусской эпохи.

Имперфективы с суффиксом *-ыва-/-ива-* в Галицко-Волынской летописи

4. Галицко-Волынская летопись XIII в. (ГВЛ) продолжает КЛ во всех списках т. наз. Ипатьевского свода — южнорусского летописного свода XII—XIII вв. (см. [Ипат., Предисловие] и др.).

По манере изложения и характеру языка ГВЛ четко делится на две части: до 1260 г. включительно и с 1261 г. до конца летописи, — что, очевидно, соответствует делению текста на Галицкую летопись (ГЛ) и Волынскую летопись (ВЛ), ср. гипотезу В. Т. Пашуто о том, что Галицкая летопись была продолжена до 1261 г. в г. Холме, а далее летописание перешло во Владимир Волынский [Пашуто 1950; Лихачева 1987: 240], ср. также [Черепнин 1941] и др. После записи *По сем же минувшему лѣтоу*, сделанной в Ипат. киноварью и выправленной из *минувшима двѣима лѣтома* (Х. П. *двѣма лѣтома и.*)[4], начинается статья 1261 г. и повествование становится значительно менее книжным. Это изменение манеры изложения проявляется во многих лингвистических параметрах, ярче всего в синтаксических: так, например, до 1261 г. изъяснительные конструкции типа косвенной речи (а часто и прямая речь) вводятся только союзом *како*, начиная с 1261 г. — только союзом *ѡже*, как в КЛ, см. [Шевелева 2009а], причем даже более последовательно, чем в последней (*и приде к нему вѣсть.ѡже Лѧховѣ лесть оучинилѣ* 1268 г., л. 288; *и видиша ѡже села горѧть а Лѧховѣ воюють* 1268 г., л. 288 и под.); до 1261 г. основой нарративной стратегии летописца являются конструкции с Дат. самостоятельным, чаще всего вводящим каждое следующее сообщение, — с 1261 г. употребительность Дат. самостоятельного резко падает и основой повествования становятся личные формы глагола и конструкции с относящимися к личным формам причастиями типа *приѣхавъ* (*и*) *рече*; особенно заметно широкое употребление с 1261 г. конструкций с *начати* (*почати*) + инфинитив НСВ, вводящих последующие события нарративной цепочки (типа: *И начаша ѡбѣдати и пити и веселити҃... посемь Левъ приѣха к немоу в манастырь и поча молвити... и начаша пити* 1268 г., л. 289; *В ты же дни свадба бы҃оу Василка кнѧзѧ оу Володимерѣ городѣ. нача ѿдавати дщерь свою Ѡлгоу за Андрѣѧ кнѧзѧ Всеволодича Черниговоу* 1261 г., л. 283) и др. — синтаксис второй части ГВЛ гораздо ближе к синтаксису КЛ. Ср. также морфологическое различие: до 1261 г. в ГВЛ используются только книжные конструкции *имамь*+инфинитив (так наз. «будущего сложного I») — с 1261 г. их сменяют конструкции *имоу*+инфинитив, явно некнижные [Юрьева 2009: 86]. Существенные различия в степени книжности языка двух частей ГВЛ делают необходимым их раздельное рассмотрение.

---

[4] Напомним, что погодная сетка изначально в ГВЛ отсутствовала и внесена позднее только составителем Ипат. списка [Ипат., Предисловие; Лихачева 1987: 239 и др.].

Хотя вопрос о границе между ГЛ и ВЛ составляет для историков определенную проблему (относительно записей рубежа 60-х гг. XIII в.), по лингвистическим данным две части ГВЛ выделяются достаточно четко, поэтому в дальнейшем изложении мы называем их условно ГЛ и ВЛ и рассматриваем отдельно: ГЛ — с 1201 по 1260 г., ВЛ — с 1261 по 1292 г. Обратим при этом внимание, что первая — книжная — часть летописи (ГЛ) превышает по объему вторую (ВЛ), гораздо более близкую по языку к КЛ, приблизительно в 1,5 раза (ср. в Ипат. списке: ГЛ — лл. 245—283, ВЛ — лл. 283—307), а по времени описываемых событий — даже в 2 раза (ГЛ — 60 лет, ВЛ — 31 год).

По употреблению вторичных имперфективов с суф. *-ыва-/-ива-* ГЛ и ВЛ тоже заметно различаются. В ГЛ встретилось всего 4 *-ыва*-имперфектива, а в меньшей по объему ВЛ — 11 таких глаголов в 12 употреблениях. Частотность *-ыва*-имперфективов в ВЛ, таким образом, не уступает КЛ (ср.: в КЛ — 41 глагол в 63 употреблениях на 139 листов, в ВЛ — 11 глаголов в 12 употреблениях на 25 листов).

В ГЛ зафиксированы следующие имперфективы с суф. *-ыва-/-ива-* (глаголы, встречающиеся также в КЛ, отмечены пометой «=КЛ»):

перемолъвливати	*начатъ перемолъвливати люди* 1240 г., л. 265
сваживати (=КЛ)	*[св]аживаеть Лѧхы на мѧ* 1225 г., л. 253 об. (в Ипат. ошибочно *всаживаеть*, Х. П. *сваживае*^{т})
сказывати (=КЛ)	*сказываше ꙗко стрѣлци соуть* 1224 г., л. 252 об.
оужасывати сѧ	*почто оужасываете* 1254 г., л. 275 об.

Все эти *-ыва*-имперфективы читаются во всех списках ГВЛ, но в случае с глаголом *сваживати* Ипат. список дает явно ошибочное чтение *всаживаеть* (возможна как механическая описка на каком-то этапе переписывания, так и то, что глагол *сваживати* стал переписчикам непонятен), ср. контекст: *Мьстиславоу бо рекшю твоꙗ бѣ рѣчь Юню. ꙗко Данилъ второе всаживаеть* (Х. П. *сваживае*^{т}) *Лѧхы на мѧ* 1225 г., л. 253 об.

Из четырех встретившихся в ГЛ имперфективов с суф. *-ыва-/-ива-* два фиксируются также в КЛ (*сваживати* и *сказывати*), причем *сказывати* отмечался и в книжном переводном ЖФСт. по сп. Выг. сб. XII в. [Силина 1987: 200].

Глагол *перемолъвливати* имеет в КЛ соответствие с другой приставкой (*подъмолв*(*л*)*ивати*, ср.: *...подъмолвивашеть* (Х. П. *подмлъвливаше*) *к собѣ въстати на Гюргѧ* 1158 г., л. 175 об.), однако точное соответствие находит в НЛ за XVI в. (см. ниже) и — за исключением огласовки корня — в современных архангельских говорах: *перемалвливать* [ОСАГ 2006: 367][5].

Особого внимания требует глагол *оужасывати сѧ*, в других источниках, кажется, не отмечавшийся (в [Срезн. III: 1163] он фиксируется только

[5] Огласовка без чередования *о*/*а* здесь, как уже говорилось в 2.1, первична, т. к. представляет рефлекс редуцированного в сочетании с плавным.

этим примером), ср. контекст: *Приѣхав же Данило и ре҃имъ почто оужасываете҃. не вѣсте ли како воина безъ падшихъ мртвы҃не бываеть* 1254 г., л. 275 об. Этот глагол представляет собой имперфектив от приставочного перфектива *оужасити* (*сѧ*) ‘устрашить(ся), ужаснуть(ся)’ [Срезн.III: 1160], производного от простого бесприставочного глагола *жасити*(*ся*) ‘страшить(ся), устрашать(ся)’ [Срезн.I: 845; СРЯ XI—XVII вв., 5: 76]. Проблема состоит в том, употреблялись ли реально глаголы *жасити*, *жаситися* и *ужасити*, *ужаситися* в живом др.-рус. языке XIII в., — все приводимые в словарях примеры принадлежат исключительно ц.-слав. источникам и малочисленны[6]. Показательно, что в [Фасмер, IV: 151] глагол *жасити* ‘пугать’ дается как соответствие с пометой «ц.-слав.» в статье *ужас*. В столь же книжном контексте из Георг. Ам. фиксируется глагол *жасати* ‘устрашать’ [Срезн. I: 845; СРЯ XI—XVII вв., 5: 76]. Гораздо более употребительны, хотя тоже отмечены преимущественно в книжных контекстах, — *ужаснути сѧ* и *ужасати сѧ* [Срезн. III: 1160—1161], — последний является параллельным к нашему *ужасывати сѧ* имперфективным образованием на *-а-*.

Оказывается, что перед нами образованный по некнижной *-ыва*-модели имперфектив от специфически книжного и малоупотребительного даже в ц.-слав. языке перфектива *ужасити сѧ*, производного от столь же книжного и редкого *жасити* (*сѧ*).

Не исключено поэтому, что в эпоху составления ГВЛ глагол *оужасывати сѧ*, как и *оужасати сѧ,* соотносился скорее не с перфективом *оужасити сѧ*, а с существительным *оужасъ*, вполне употребительным (как и его вариант *оужасть*) в языке памятников (ср. в той же ГЛ: *Видив҃ же гражанѣ и оужасъ бы҃в нихъ* 1258 г., л. 280), — т. е. переосмыслялся как деноминативное образование. Однако и в этом случае примечательно сохранение специфически девербативного суффикса *-ыва-* — может быть, косвенное указание на начало взаимодействия имперфективных/деноминативных образований, характерного для галицко-волынской зоны [Николаев 1994: 44]. Ни в одной из других исследованных нами летописей, в том числе поздних НЛ и Пск. 3 лет., глагол *ужасыватися* не встречается, не фиксируется он и в арх. говорах см. [ОСАГ 2006].

Видовая парность трех остальных *-ыва*-имперфективов ГЛ несомненна — ср. яркие примеры, подтверждающие их соотносительность с парным

---

[6] Ср. пример из Ефр. Сир. XIII в., Ефр. Сир. XIV в.: *Не послухъ ли сихъ всѣхъ жасить ны* [Срезн. I: 845; СРЯ XI—XVII вв., 5: 76], пример из ЖСР Епиф., представляющий собой, очевидно, цитату: *...и пѣчаль о нем зѣло жасит ны* [СРЯ XI—XVII вв., 5: 76]; *трепещеть роукою*, *жасяся роукоу положити* Мин.1441 г. [Срезн. I: 845; СРЯ XI—XVII вв., 5: 76]. Ср. *ужасити*(*ся*): *Жены етеры отъ насъ оужасиша ны* ...Остр. Ев., Л. XXIV, 22; *Прѣщении томительныихъ не оужасивъши сѧ* Мин. Пут. XI в., 117; *и ц҃рѧ оужасить и повръжеть на земли меча и҃* Ис. XLI. 2 (сп. с ркп. Упыр. Лих. XI в.); *Насъ оужасилъ еси* Мин. чет. XV в., февр. 228 [Срезн. III: 1160].

глаголом СВ: *и постави порока .ві҃. и не може разбити стѣны. и начатъ перемолъвливати люди. ѡни же послоушавше злого свѣта его передаша сѧ* 1240 г., л. 265 — ср.: *бившимъ же сѧ имъ оу вратъ ѿстоупивсѧ хотѧше премолвити его словесы многыми* 1241 г., л. 266 об.; ср. в одном контексте: *Юрьги же имъ сказываше ꙗко стрѣлци соуть инии же молвѧхоуть ꙗко прости людье соу҃ поущеи Половець…приѣхавъше же сказаша Мьстиславоу Юрьиги* (Х. П. *Юрьгіи*) *же все сказа* 1224 г., л. 252 об., рассказ о приходе татар.

Проникновение отмеченных -*ыва*-глаголов, в том числе и, видимо, утрачивающего соотнесенность с приставочным перфективом и перестраивающего свои словообразовательные связи глагола *оужасывати сѧ,* в достаточно книжный текст ГЛ указывает на употребительность этой модели имперфективации в живом языке составителя летописи.

В ВЛ, как уже было сказано выше, имперфективов с суф. -*ыва*-/-*ива*- зафиксировано значительно больше. Следует, однако, учесть, что и общее число глаголов НСВ, в том числе имперфективов на -*а*-/-*ѧ*-, здесь существенно возрастает за счет употребительности конструкции типа *начаша* +инфинитив, широко используемой при вводе событий нарративной цепочки (см. выше). Список -*ыва*-имперфективов, отмеченных в ВЛ, таков (встретившиеся также в КЛ имеют помету «=КЛ»):

докладывати	*докладываю* 1287 г., л. 300
изрѧживати	*начаша изрѧживати полкы* 1274 г., л. 290
	почаша изрѧживати полкы 1281 г., л. 294
нарѧживати (=КЛ)	*нача нарѧживати рать* 1281 г., л. 293 об.
побадывати сѧ	*начаша побадывати сѧ копьи* 1284 г., л. 294
покладывати (=КЛ)	*на Бзѣ всѧ покладываꙗ* 1289 г., л. 303 об.
приставливати	*начаша лествицѣ приставливати к городу* 1261 г., л. 284
роскопывати	*нача роскопывати городъ* 1261 г., л. 283 об.
совокупливати	*поча совокупливати силоу свою* 1268 г., л. 288
оукаривати (сѧ)	*оукаривашеть сѧ емоу* (Х. П. *оукариваше*) 1262 г., л. 286
оуставливати	*ꙗзъ пакъ оуставливаю* (Х. *оуставляю*) 1289 г., л. 306
оутѣшивати (сѧ) (=КЛ)	*тѣма сѧ имоу оутѣшивати* 1268 г., л. 288 об.

В двух случаях мы находим колебания по спискам -*ива*-//-*а*- моделей, оставляющие неясным первоначальное чтение, ср.: *Мьстислав же ре҃.ꙗзъ пакъ оуставливаю* (Х. *оуставляю*) *на нѣ ловчее за ихъ коромолоу* 1289 г., л. 306 — ср. далее в том же контексте в Ипат.: *и повелѣ писцю своемоу писати грамотоу. Се азъ Мьстиславъ сн҃ъ королевъ вноукъ Романовъ оуставлꙗю ловчее на Берестьꙗны и в вѣкы за ихъ коромолоу* 1289 г., л. 306; во втором случае *ива*-имперфектив, наоборот, представлен в Х. П. списках: *Володимеръ же и Юрьи начаста рать свою нарѧжати* (Х. П. *почаста на-*

ряживати) 1282 г., л. 295 об. (в контексте под 1281 г. *нарѧживати* читается во всех списках ГВЛ — см. выше перечень *-ыва*-имперфективов).

К приведенным *-ыва*-имперфективам ВЛ следует прибавить, видимо, глагол *пристраивати сѧ*, регулярно передаваемый в Ипат. списке без *и* или с правкой *-ва-* на *-ива-*, а в Х. П. списках — с корневым *о* (см. об этом глаголе 2.1), встретившийся в ВЛ в 6 употреблениях:

**пристраивати сѧ* *нача пристравати сѧ* (Х. П. *пристроиватися*) 1264 г., л. 287 об.
начаша сѧ пристра^{и}*вати* (Х. П. *пристроивати*) 1274 г., л. 290
начаша сѧ пристра^{и}*вати* (Х. П. *начаша пристроиватися*) 1281 г., л. 294
пристравахоутьсѧ (Х. П. *пристроиваху*^{ѥ}) 1287 г., л. 301
а самъ пристраваюсѧ (Х. *пристроиваюся*) 1289 г., л. 305 об.
повелѣ воемь своимъ пристравати сѧ (Х. *пристроиватися*) 1291 г., л. 307.

Яркие примеры употребления *-ыва*-имперфективов в одном контексте с соответствующим глаголом СВ демонстрируют их видовую парность, ср.: *и начаша изрѧживати полкы. изрѧдивша* (Х. П. *-вше*) *же полкы и тако идоша к городу* 1274 г., л. 290; *Посем же Шварно приѣха из Новагородъка вборзѣ и поча совокупливати силоу свою. и Василко кнѧзь и сн҃ъ его Володимиръ совокоупивше поидоша в Лѧховѣ воевать* 1268 г., л. 288 и др.

Как и в КЛ, среди *-ыва*-имперфективов ВЛ есть глаголы, отсутствующие сейчас в литературном языке, но отмеченные в архангельских говорах, ср.: арх. *наряживать*, *покладывать*, *роскопывать*, *укаривать*, *утешивать* [ОСАГ 2006] (большинство из них совпадает и с КЛ); с другими приставками: *изрѧживати* ВЛ — ср. арх. *наряживать*, *обряживать*; *приставливати*, *уставливати* ВЛ — ср. арх. *наставливать*, *вставливать*, *переставливать*, *доставливать*; *совокупливати* ВЛ — ср. арх. *закупливать*, *покупливать*, *откупливать,* см. [ОСАГ 2006]. Никак не засвидетельствованным в говорах и др. исследованных источниках остается только глагол *побадывати сѧ* ‘колоть друг друга, сражаться’ (*и начаша побадывати сѧ копьи и мнози язвени быша на городѣ* 1281 г., л. 294)[7].

С другой стороны, совпадающими с современным русским литературным языком оказываются только глаголы *докладывати* и — с отличием по

[7] В [Срезн. II: 984 ; СДРЯ XI—XIV вв., VI: 548; СРЯ XI—XVII вв., 15: 118] приведен только этот пример. Ср. перфектив *побости, пободу* ‘заколоть’ [Срезн. II: 988] — пример из КЛ под 1173 г.; [СРЯ XI—XVII вв.] — тот же пример и пример из Библ. Ген. 1499 г. *пободоша ихъ*; [СДРЯ XI—XIV вв., VI: 553] — два примера из КЛ под 1123 г. и под 1173 г.

чередованию в корне — *роскопывати.* Таким образом, картина в ВЛ, как и в ГЛ, оказывается сходной с КЛ — бóльшая часть представленных здесь *-ыва*-имперфективов не совпадает с совр. рус. литературным языком, но имеет соответствия в архангельских говорах.

Никаких существенных изменений в продуктивности *-ыва*-модели имперфективации в ВЛ сравнительно с КЛ — оба текста достаточно некнижные и в этом отношении сопоставимы — не обнаруживается.

Как и в КЛ, в обеих частях ГВЛ встречается вариантность *-ыва-*(*-ива-*) и *-а-*(*-ѧ-*) моделей от тех же основ, ср.: *Юрьги же имъ сказываше...* ГЛ, 1224 г., л. 252 об. — *Начнемь же сказати бещисленыя рати и великыѧ троуды*[8] ГЛ, 1227 г., л. 255; *...и нача нарѧживати рать на Болеслава Володимеръ же нарѧдивъ рать поиде к Берестью* ВЛ, 1281 г., л. 293 об. (ср. зд. парность *нарѧживати — нарѧдити*) — *и нача нарѧжати полкы своя* ВЛ, 1291 г., л. 307, *брать ти тако мо*(*л*)*вить нарѧжаи сѧ самъ и людье нарѧди возитисѧ на Вислѣ рать боудеть* ВЛ, 1281 г., л. 293 об. (ср. соотносительность *нарѧжати — нарѧдити*); *…а тѣма сѧ имоу оутѣшивати* ВЛ, 1268 г., л. 288 об. — ср. в той же формуле, которая в КЛ несколько раз представлена с *оутѣшивати*: *манастырѧ набдѧ черньцѣ оутѣшаа* ВЛ, 1289 г., л. 304 (ср. в КЛ: *манастырѧ набдѧ и черньци оутѣшиваю* 1197 г., л. 241 об. и др. — см. выше).

Вообще в ВЛ встречается довольно много примеров имперфективов на *-а-* в связи с общим ростом употребительности глаголов НСВ в очень частотной здесь конструкции с *начати* (см. выше) — число таких основ в ВЛ примерно равно числу имперфективов на *-ыва-/-ива-*, а частотность даже выше (особой употребительностью отличается глагол *повѣдати* НСВ — об омонимии таких основ с СВ см. примеч. 8, — использование которого близко к формульному, ср.: *и нача емоу повѣдати ѡ бывшем* 1261 г., л. 283 об.; *и приѣха ко кнѧзю и нача повѣдати* 1276 г., л. 291; *Начаша повѣдати ѡже в Немцихъ выше*[д] *море и потопило…*1285 г., л. 297 и др.). Специфически книжной маркированности большинство контекстов с *повѣдати*, *вопрошати*, *нарѧжати* и другими *-а-* имперфективами не име-

[8] В данном случае перед нами вторичный имперфектив с суф. *-а- съказати* НСВ, омонимичный приставочному перфективу *съказати* СВ: подобная омонимия, связанная с омонимией тематического суффикса глагольной основы *-а-* в основах СВ (*-а*$_1$*-*) и суффикса имперфективации *-а-* (*-а*$_2$*-*) в основах НСВ, представлена в древних славянских текстах достаточно широко, в вост.-слав. — особенно в книжных, где *-а*-модель имперфективации оставалась основной (ср.: *вѣдати* → *повѣдати* СВ → *повѣдати* НСВ, *слушати* → *послушати* СВ → *послушати* НСВ и под.), см. [Кукушкина, Шевелева 1991: 43]. С XV в. идет процесс аналогического закрепления ударения за суффиксом имперфективации *-а-* независимо от акцентной характеристики основы, т. е. переход к ударению типа *повѣда́ти*, *послуша́ти*, *посыпа́ти* в имперфективах с суф. *-а-* [Зализняк 1985: 256—257], ср. сохранение такого типа видовых пар в совр. рус.: *посы́пать* СВ — *посыпа́ть* НСВ, *отре́зать* СВ — *отреза́ть* НСВ, см. об этом [Кукушкина, Шевелева 1991: 43—44].

ет — в ВЛ перед нами вариантность *-а-* и *-ыва-* моделей имперфективации, при этом, что важно отметить, по количеству образований вост.-слав. модель с суф. *-ыва-/-ива-* не уступает старейшей модели с суф. *-а-* — вероятно, она более продуктивна. В целом ситуация в системе средств имперфективации, отражаемая ВЛ, сходна с КЛ.

Имперфективов с суф. *-ова-*(*-ева-*) в ВЛ не отмечено — с этим суффиксом здесь встречаются только отыменные глаголы, нечастые и достаточно книжные, ср.: *и начаста вражьствовати* (Х. П. *ворожествовати*) *межи собою* 1281 г., л. 293; в рассказе о злодействах литовского князя Воишелка: *которого же дни не оубьяшеть кого. печаловашеть тогда. коли же оубьяшеть кого. тогда веселъ бѧше* 1262 г., л. 286 — ср. основу презенса: *ѡ семь рци брат мои не печалоуи* 1289 г., л. 305 об.

В отличие от ВЛ, в книжной ГЛ неоднократно встречается *-ова-*(*-ева-*) имперфектив *обѣщевати сѧ*: *…приде вѣнѣць носѧ ѡбѣщеваюсѧ ꙗко помощь имѣти ти ѿ папы* 1255 г., л. 277; ср. употребление в одном контексте с *обѣщатисѧ* СВ и существительным *обѣтъ*: *ѡномоу же рекшоу. правдою ѡбѣщахсѧ ѡцю си королеви Оугорьскомоу. не могоу послоушати тебе.ꙗко срамъ имамъ и грѣхъ не исполнити ѡбѣта. посла бо ко королеви Оугорьскомоу всѧ словеса имиже ѡбѣщевашеть емоу герцюкъ.и просѧ оу него помощи. ѡн же не посла емоу помощи но городовъ хотѧщоу емоу ѡсобѣ ѡбѣщевашеть же емоу дати иныи городы в землѣ Оугорьскои* 1257 г., л. 279 об. Это образование от основы СВ на *-а-*, порожденное стремлением устранить омонимию *обѣщати* СВ — *обѣщати* НСВ (ср. в той же записи чуть выше колебание по спискам: *король много ѡбѣщаеть* — Х. П. *обѣщавае*т, т. е. производное на *-ва-* от основы *обѣщати* СВ; ср. в КЛ аналогичное образование *скончеваше* — см. выше) имеет, очевидно, специфически книжный характер — как и *-ова-*(*-ева-*) имперфективы в КЛ. Несомненных свидетельств представленности в диалектной системе составителей ГВЛ *-ова-*модели имперфективации не дает ни ГЛ, ни ВЛ — только возможное косвенное указание на взаимодействие имперфективных и деноминативных образований (см. выше о глаголе *оужасывати сѧ*). По данным ГВЛ несомненным является только наличие в диалектной системе галицко-волынских говоров XIII в. *-ыва-*модели имперфективации, обходящей по продуктивности древнейшую модель на *-а-*.

Имперфективы с суффиксом *-ыва-/-ива-* в летописях XV—XVI вв. — Никоновской летописи за XV—XVI вв. и псковских летописях

5. Летописи XV—XVI вв. разной диалектной локализации — московская Никоновская летопись в части XV—XVI вв., с одной стороны, и псковские летописи, среди которых наиболее показательна Псковская 3 летопись, с другой стороны, — существенно различаются по представленности *-ыва-/-ива-*имперфективов.

5.1. Заключительная часть Никоновской летописи с 1425 по 1558 г. (далее НЛ) неоднородна по уровню книжности текста: в основное летописное повествование (тоже, впрочем, отличающееся от летописной манеры ранних летописей характерными особенностями синтаксиса, обилием лексических повторов и др.) часто включаются очень книжные фрагменты разного объема. Оценивая данные этого памятника, надо иметь в виду, что перед нами претенциозный московский свод времени Василия Темного — Ивана III — раннего периода царствования Ивана Грозного, однако при этом, как показало употребление в НЛ временных форм, см. [Шевелева 2009: 7—29], некнижный компонент в гибридном ц.-слав. языке НЛ усиливается от XV в. к XVI в.

Употребительность вторичных имперфективов с суф. *-ыва-/-ива-* в исследуемой части НЛ (1425—1558 гг.) высока: зафиксировано 39 глаголов более чем в 140 употреблениях. Обратим при этом внимание, что высока здесь именно частотность *-ыва*-имперфективов, число же самих используемых глаголов не больше соответствующего числа в КЛ, вполне сопоставимой по объему с НЛ (ср. КЛ — 41 *-ыва*-имперфектив, ср. ВЛ — 11 *-ыва*-глаголов на 25 листов, что тоже сходно с показателями КЛ и НЛ). Кроме того, важно отметить, что высокие показатели употребительности *-ыва*-имперфективов в НЛ обусловлены особо высокой частотностью всего нескольких глаголов: более 60 случаев из 140 употреблений представлены глаголом *сказывати* и 20 случаев — глаголом *приказывати*, т. е. более половины всех зафиксированных в НЛ употреблений *-ыва*-имперфективов связаны с двумя глаголами.

В записях за XVI в. употребительность имперфективов с суф. *-ыва-/-ива-* значительно растет сравнительно с XV в.: только 16 случаев использования *-ыва*-имперфективов принадлежат записям XV в., а остальные более 120 случаев — записям XVI в.! Связано это, очевидно, с общим снижением книжности и усилением роли разговорного компонента в НЛ за XVI в. — ср. аналогичное явление, хотя и не столь резко выраженное, в области употребления книжного / некнижного плюсквамперфекта и других временных форм, см. [Шевелева 2009: 7].

Приведем общий список вторичных имперфективов с суф. *-ыва-/-ива-* в НЛ за 1425—1558 гг. (глаголы, отмеченные в выше описанных летописях, имеют пометы «=КЛ», «=СЛ» и под.; для глаголов, зафиксированных более чем в 5 употреблениях, все примеры не приводятся, но указывается их общее количество; специально выделены подчеркиванием имперфективы, представленные и в совр. русском языке):

<u>взглядывати</u>	*так и не взглядывалъ* 1441 г., 39
вставливати	*рѣчи вставливаете* 1478 г., 178
<u>выговаривати</u>	*выговаривалъ* ‘говорил’ 1558 г., 288
<u>выпрашивати</u>	*выпрашивали о всемъ* ‘расспрашивали’ 1558 г., 292
<u>наказывати</u>	*праведныхъ миловати веляше, а злыхъ наказывати* 1553 г., 231

обрѣзывати	*обрѣзывали* (сп. О. и др.)[9] 1535 г., 85
обыскивати	*тѣхъ велѣли обыскивати* (сп. О. и др.) 1535 г., 85
о(б)маныватися	*хочеть деи миритца… не оманываяся* 1557 г., 277
опоражнивати	*дворъ опоражниваютъ* ‘освобождают, оставляют’ 1552 г., 175
отвѣдывати	*отвѣдывати* ‘узнавать’ 1537 г., 93
	приходилъ…отвѣдывати 1552 г., 179
отвѣчивати	*не отвѣчиваютъ, а отвѣчиваютъ* 1478 г., 171
	отвѣчивати 2х 1477 г., 169
	велѣлъ имъ сице отвѣчивати 1478 г., 181
отговаривати	*отговариваетъ* ‘отвечает’ 1552 г., 172
отъискивати	*многими искы отъискиваютъ* 1556 г., 267
отписывати	*велѣлъ… отписывати въ Новгородъ* 1555 г., 260
оставливати (=КЛ)	*оставливаеть боярина своего* (сп. Шум.) 1515 г., 21
передѣлывати	*велѣли передѣлывати старые денгы на новои чекан* 1535 г., 84
подговарити	*начатъ подговаривати его на великое княженіе* 1433 г., 17
	подговаривалъ (сп. Ак. XIV) 1534 г., 78
поддѣлывати	*денги поддѣлывали* (сп. О. и др.) 1535 г., 85
подъискивати	*не подъискывати* (сп. Ак. XIV) 2х 1534 г., 77
	станеть…подъискывати Там же
подкопывати (ся)	*велѣлъ… тайникъ Казаньской подкопывати* 1552 г., 209
	подкопывалися (сп. О. и др.) 1535 г., 87 (ср. зд. же: *не бывало подкопываніа*)
подмолвливати (=КЛ)	*начаша…помолъвливати* (сп. Ак. XIV) 1537 г., 117
	подмолъвливали (сп. Ак. XIV) 1537 г., 118
подѣлывати	*велѣлъ подѣлывати что отъ огня розпалося* ‘чинить, исправлять’ 1547 г., 154
	образъ Николы чюдотворца… отъ многа лѣтъ неподѣлыванъ 1555 г., 254
покладывати (=КЛ, =ВЛ)	*покладываемъ упованіе на Бозѣ* 1478 г., 173
постраивати	*повелѣ въ своихъ полатахъ постраивати и поновляти святыя иконы* 1518 г., 30
починивати	*обновлялъ его* (образ) *и починивалъ* 1556 г., 273
прибавливати	*жалованіе… государь прибавливаетъ* 1551 г., 166

[9] В некоторых частях НЛ текст различается по группам списков. Зафиксированные в таких фрагментах имперфективы с соответствующим указанием включены в общий перечень, поскольку, в отличие от рассмотренных выше ранних летописей, время составления списков здесь близко ко времени составления летописи, — текстологические проблемы в этом случае для нас несущественны.

приказывати	*приказываше* 2х 1473 г., 153
(20 прим.)	*начять о томъ же дѣлѣ приказывати* 1473 г., 153
	приказывалъ 1519 г., 33 — 3х; 1552 г., 171 — 4х;
	приказываемъ 1552 г., 173
	приказываетъ 1553 г., 213 и др.
прикладывати(ся)	*что к неи прикладывано* 1476 г., 169
(=КЛ)	*начатъ… прикладыватися ко святымъ иконамъ* (сп. О. и др.) 1541 г., 103
припрашивати	*припрашивалъ къ своеи отчинѣ городовъ* (сп. О.
(=КЛ)	и др.) 1537 г., 91
провѣдывати	*провѣдывати про рать* 1554 г., 241
проповѣдывати	*проповѣдываетъ* ‘сообщает’ 1552 г., 172
розсматривати	*велѣлъ его розсматривать житіа* 1553 г., 232
розъсписывати	*велитъ люди розъсписывати* 1552 г., 191
спрашивати	*о здоровьи спрашивати* (сп. О. и др.) 1537 г., 93
сказывати	*сказываа* 1425 г., 2
(более 60 прим.)	*сказываютъ* 1447 г., 72; 1493 г., 287; 1537 г., 91 и др.
(=КЛ, =ГЛ)	*сказываетъ* 1500 г., 251; 1537 г.,93; 1552 г., 187 и др.
	и тѣ языки… сказывали 1541 г., 111
	а сказывали государю, что 1552 г., 172
	сказывали государю Казаньскую измѣну 1552 г., 177
	сказывалъ 1552 г., 198, 202, 207 и др.
	начаша сказывати на князя на Ондрѣя (сп. О. и др.) 1537 г., 92 и др.
спроваживати	*спроваживати рѣкою на низъ* 1571 г., 301 (приписки)
управливати (=КЛ)	*судилъ и управливалъ* 1476 г., 165
	велѣлъ… управливати 1553 г., 222
	приказывалъ… людей управливати 1553 г., 222
уставливати (=ВЛ)	*начаша ставитися и людей уставливати* (сп. О. и др.) 1541 г., 109
устраивати	*а велѣлъ ихъ тутъ устраивати* 1551 г., 166
(*устроивати*)	*повелѣ государь…устраивати* 1552 г., 202
	велѣлъ устроивати дворъ 1551 г., 168.

Сразу же обращает на себя внимание, что, в отличие от ранних летописей, бóльшая часть -*ыва*-имперфективов НЛ совпадает с современным русским литературным языком: число таких глаголов оказывается 28 из 39, включая выходящие сейчас из нормы *припрашивать* (с пометой *устар.* фиксируется только в [БАС] — см. выше о КЛ), *взглядывать*, *обрезывать*, *опоражнивать* (есть в [БАС; МАС], но нет в [ТСРЯ 2008])[10]. С другой сто-

[10] Некоторые из этих -*ыва*-имперфективов НЛ имеют отличия в значении от совр. рус., однако эти значения семантически близко связаны с современными, ср., например: *И выпрашивали* (‘расспрашивали’) *о всемъ Романа, какъ нынѣ царь и великій князь съ Крымъскымъ живетъ* 1558 г., 292; *...о здоровии спрашивати и о*

роны, совпадение этого списка со списками ранних летописей оказывается не таким большим: всего 8 глаголов совпадает с КЛ (***оставливати***, ***подъмолвливати***, ***покладывати***, *приказывати*, *прикладывати*, *припрашивати*, *сказывати*, ***оуправливати***), ГВЛ прибавляет к этому перечню — помимо встретившихся и в КЛ *сказывати* и ***покладывати*** — еще глагол ***уставливати***. Обратим внимание, что среди этих совпадающих с ранними летописями *-ыва*-имперфективов преобладают отсутствующие сейчас в литературном языке (выделены жирным). Именно эти глаголы и несколько других находят соответствия в совр. архангельских говорах. Список таких зафиксированных сейчас не в литературном языке, а в северных говорах *-ыва*-имперфективов для НЛ, в отличие от КЛ, небольшой — он значительно уступает как числу совпадающих с совр. литературным языком основ, так и соответствующему числу для КЛ (см. 2.1) и — в относительных цифрах — для ГЛ и ВЛ (см. 4). Ср. засвидетельствованные в НЛ *-ыва*-имперфективы, имеющие точные соответствия в архангельских говорах: *вставливать*, *оставливать*, *покладывать*, *постраивать*, *починивать*, *прибавливать* (подчеркиванием отмечено совпадение с КЛ) [ОСАГ 2006]; имеющие соответствия с другими приставками: *подмолвливати* — ср. арх. *перемавливать*; *управливати* — ср. арх. *направливать*, *справливать*; *уставливати* — ср. арх. *наставливать*, *вставливать*, *переставливать*, *оставливать*, *доставливать*, *отставливать* и др., см. [ОСАГ 2006].

Таким образом, соотношение с современными данными оказывается прямо противоположным тому, что мы находили в ранних летописях, — прежде всего, в сопоставимой по объему КЛ. Система, отраженная в НЛ XVI в., значительно ближе к современной системе говоров Центра (литературного типа), в то время как КЛ (как и ГВЛ) от нее существенно отличается и ближе к системе севернорусского типа, представленной в архангельских говорах. Надо специально подчеркнуть, что дело здесь именно в диалектной системе, отраженной в НЛ, а не в литературной норме: *-ыва*-имперфективы в НЛ в специфически книжных контекстах встречаются крайне редко, а их широкое использование в записях XVI в., как уже говорилось, вызвано усилением некнижного компонента в заключительной части НЛ. Ср., например, характерные контексты: *Того же мѣсяца пріѣхали къ государю ис Казани бояринъ его Иванъ Ивановичь Хабаровъ да діакъ Иванъ Выродковъ, а сказывали государю, что полону Казанцы мало освобожают* 1552 г., 172; *А Ондрѣи Щепотевъ царю и великому князю то же сказывалъ* 1555 г., 259; *А поддѣлщиковъ, которые люди денги поддѣлывали и обрѣзывали, тѣхъ велѣли обыскивати, и иные обыскавъ казнити* 1535 г. (сп. О. и др.), 85; *И тое же нощи Иванъ Череминыхъ дѣлехъ, а про князя Ондрѣя тайно отвѣдывати* (‘разузнавать’) 1537 г. (сп. О. и др.), 93; *и онъ тѣхъ не казнитъ по шертнымъ грамотамъ, а отговариваетъ* (‘объясняет’) *тѣмъ, что блюдется волненіа* 1552 г., 172 и др.

синовъ прислалъ къ бояромъ, что, далъ Богъ, никоторого лиха нѣтъ, царицу отпущаютъ, дворъ опоражниваютъ 1552 г., 175; *…а бояръ княже Андрѣевыхъ, которые его подмолъвливали, тѣхъ велѣлъ соромотити торговою казнію* 1537 г., 118; *...и хочетъ деи миритца со царемъ и великимъ княземъ не оманываяся а пословъ де хочетъ прислати любо Канчалу-князя или Сюлешева сына Муратъ-мирзу* 1557 г., 227 и др.; ср. редкие употребления в книжных контекстах: *И иде въ церковь и начатъ съ слезами молитися и прикладыватися къ святымъ иконамъ* 1541 г., 103; *…праведныхъ миловать веляше, а злыхъ наказывати з запрещеніемъ веляше* 1553 г., 231.

Показательно, что в более книжной части НЛ за XV в. *-ыва-*имперфективы встречаются преимущественно во вставных грамотах или «дипломатических речах», а значит, отражают характерное для делового языка Москвы употребление, ср. в обращении вел. князя к делегации новгородцев: *…много зла чинится отъ нихъ отчинѣ нашей, и казнити ихъ хотѣлъ есми; ино ты же владыка, и вы, отчина наша, добили ми есте челомъ, и язъ казни имъ отдалъ; и вы нанѣча о тѣхъ винныхъ рѣчи въставливаете…*1478 г., 178; в псковской грамоте вел. князю: *...и мы вамъ, своимъ господаремъ, со слезами являемъ свою бѣду, а покладываемъ упованіе на Бозѣ да на васъ, своихъ господарехъ…* 1478 г., 173; ср. «речи» на переговорах новгородцев с посланными от вел. князя боярами: *а чего на нихъ Новогородци взыщутъ, и они въ городѣ не отвѣчиваютъ, а отвѣчиваютъ на Городищи* 1478 г., 176; ср. употребление в нарративе, но в сходном «юридическом» контексте: *Новогородци и поселяне пріидоша о томъ же, о обидахъ искати и отвѣчивати* 1477 г., 169; *и князь великіи выслалъ къ нимъ тѣхъ же своихъ бояръ со отвѣтомъ, а велѣлъ имъ сице отвѣчивати* 1478 г., 181.

Надо сказать, что имперфектив *отвѣчивати*, зафиксированный 5 раз в записях 1477—1478 гг., судя по всему, используется как юридический термин, при этом в более поздней части НЛ он не встречается и не имеет соответствий (единственный из всех *-ыва-*имперфективов НЛ!) ни в современном литературном языке, ни в архангельских говорах.

Таким образом, если в части НЛ за XV в. имперфективы с суф. *-ыва-/-ива-* проникают прежде всего как элемент делового языка, то в гораздо менее книжной части XVI в. они используются значительно шире — наряду с прочими некнижными чертами как принадлежность диалектной системы говоров Центра.

Эта система вторичных имперфективов оказывается уже достаточно близкой к современной литературного типа — по крайней мере, ближе к последней, чем к древнерусской, отражаемой летописями XII—XIII вв. Однако сравнительно с др.-рус. системой здесь вряд ли можно говорить о заметном росте продуктивности *-ыва-*модели имперфективации: растет частотность некоторых конкретных *-ыва-*глаголов и — что особенно важно — видимо, уменьшается вариативность, идет процесс закрепления суф. *-ыва-/-ива-* за определенными основами. Сам круг образований на *-ыва-/-ива-* вряд ли существенно расширяется сравнительно с XII—XIII вв. — данные

летописей указывают не на его расширение, а на распределение в системе говоров Центра XVI в. моделей на *-ыва-/-ива-* и на *-а-* по конкретным основам, тогда как для др.-рус. системы было характерно более свободное образование *-ыва*-имперфективов от разнообразных основ и свободное варьирование *-ыва-* и *-а*-моделей. Такую степень свободы в использовании *-ыва*-модели имперфективации и варьировании *-ыва-/-а*-моделей сейчас сохранили только северо-восточные говоры. Данные исследованных летописей свидетельствуют о том, что эта характерная особенность архангельских говоров (см., например [Закревская 2002: 11—12]) очень архаична.

Система говоров Центра — северо-восточная по своей основе — сохраняла такую свободу образования *-ыва*-имперфективов, очевидно, еще в XIV в. (ср. выше данные СЛ). В дальнейшем пошел процесс распределения *-ыва-*(*-ива-*) // *-а*-моделей и уменьшения вариативности, продолжающийся, в сущности, до последнего времени — см. указания современных словарей на наличие вариантов *выре́зывать* // *вырезáть*, *обре́зывать* // *обрезáть*, *опорáжнивать* // *опоражня́ть* [Зализняк 1977: 647—648], а также характеристику как выходящих из нормы и устаревших ряда *-ыва*-имперфективов (*взглядывать*, *подучивать*, *припрашивать* и др. — см. выше)[11].

При этом важно подчеркнуть, что картина *-ыва-/-ива*-имперфективов НЛ отражает, судя по всему, ситуацию в живом языке Москвы, а не литературную норму.

Особую проблему составляют зафиксированные в НЛ приставочные *-ыва*-образования с итеративным значением от основ НСВ, синонимичные по своему аспектуальному значению бесприставочным итеративам типа *хаживать*, *ставливать* и под., ср.: *И государь ихъ челобьтіа выслушавъ да велѣлъ имъ отвѣтъ учинити…*, *что государю Горніе строны х Казани ни одной денги* <u>*не отдавывати*</u> 1552 г., 172; *И князь Дмитріи по государеву наказу царю то отъмолвилъ*, *что Горніе стороны ему государю х Казани* <u>*никакъ не отдавывать*</u> 1552 г., 173; *И они того запрѣлися*, *ркущи: «съ тѣмъ есмя* <u>*не посылывали»*</u> *и назвали то лжею* 1477 г., 170; «*о томъ деи мы* <u>*не посылывали*</u> *Якима и Захара*, *что намъ отъ маистра отстати»* 1558 г., 294 и под. Ср. такое же употребление бесприставочных *-ыва-/-ива-* глаголов: *а велѣлъ то отмолыти*, *что государю старины* <u>*никакъ не руши-вати*</u> 1557 г., 279; *…а Крымцы къ нему не бывали и* <u>*не являвалися*</u> 1558 г., 296; в речах бояр на совете по поводу прихода крымских татар к Москве:

[11] Поскольку имперфективы на *-ыва-/-ива-* никогда не были свойственны ц.-слав. языку, закреплению в литературной норме нового времени варианта на *-а-* могла способствовать его принадлежность книжной традиции; в свою очередь, усилению маркированности *-а-* имперфективов как форм специфически книжных способствовало второе южнославянское влияние XV—XVI вв., т. к. модель на *-а-* соответствовала болгарской. Показательно, что выходящие сейчас из нормы *-ыва-* имперфективы (типа *припрашивать*, *вырезывать*, *взглядывать* и под.) оцениваются не только как устаревшие, но и как просторечные.

«и напередъ того за грѣхи наши…цари подъ городомъ Москвою стаивали, а великіе князи въ городѣ не сѣживали». А иные бояре рѣша: «коли по грѣхомъ цари подъ Москвою стаивали, тогды государи были не малые дѣти, истому великую могли подняти…» 1541 г. (сп. О. и др.), 104 — ср. здесь же чуть ниже приставочные итеративы с тем же значением: *«Великіе князи съ Москвы съѣжживали, а въ городѣ для бреженіа граду братью свою оставливали…»* 1541 г. (сп. О. и др.), 104.

Проблема специфики семантики и употребления таких образований, представленных в некнижных памятниках XV—XVII вв. и литературном языке XVIII — нач. XIX вв. и сохраняющихся в севернорусских говорах, давно привлекала внимание исследователей, см. [Буслаев 1959: 364—365; Кузнецов 1953: 262—266; 1959: 261—266; Никифоров 1952: 115—166; Горшкова, Хабургаев 1981: 332—335; Успенский 1993; Симина 1970; Пожарицкая 1991; Ровнова 1991] и др. Преобладают в таком употреблении и явно первичны бесприставочные итеративы с суф. *-ыва-/-ива-* (см. [Кузнецов 1953: 262; Силина 1982: 271] и др.), первые примеры которых отмечаются в деловых памятниках кон. XIV в. [Силина 1987: 198], — в XVI—XVII вв. они получают широкое распространение [Кузнецов 1953: 262; Успенский 1993] и др.[12] Однако все исследователи отмечают в аналогичном употреблении в памятниках XVI—XVII вв. и приставочные *-ыва-/-ива-* глаголы [Никифоров 1952: 115; Кузнецов 1953: 263; Успенский 1993: 122 и др.], ср. приведенные выше наши примеры из НЛ, ср. то же в архангельских говорах [Пожарицкая 1991: 86—87 и др.].

---

[12] Заметим, что в исследованных нами ранних летописях (КЛ, СЛ, ГВЛ) бесприставочных образований с суф. *-ыва-/-ива-* не зафиксировано (ср. о том же [Кузнецов 1959: 189, 258] — см. выше, 1). В сходном с подобными формами употреблении в ранних летописях встречается только глагол *бывати* (см. [Шевелева 2009а: 156—157]), ср. также в приведенном выше примере из НЛ … *не бывали и не явливалися* 1558 г., 296 в одном контексте и в одинаковом значении. По-видимому, именно для подобных бесприставочных итеративов на *-ыва-/-ива-* глагол *бывати* послужил образцом, а не для приставочных имперфективов раннего периода и не для суффикса *-ыва-* как такового (см. о такой гипотезе выше, 1), ср. также аналогичное употребление в НЛ бесприставочных итеративов с суффиксами *-а-*, *-ва-* *не видали* и особенно показательного с корневым *-ы-* *не зывали: а старые мое Татарове, которые на многыхъ дѣлехъ бывали, то же сказываютъ, что столко многихъ людей нарядныхъ въ одномъ мѣстѣ нигдѣ не видали* 1541 г. (сп. О. и др.), 109; *а напередъ того, какъ и земля ихъ стала, того не бывало: никоторого великого князя господаремъ не зывали, но господиномъ* 1477 г., 170. В исследованных ранних летописях таких итеративных образований тоже не отмечено — там фиксируется только *не бывало*, (*не*)*бывала* (ср. в КЛ: *Брате.намъ с тобою не бывало николиже лиха* 1195 г., 237 об.; *И бы҃ скорбь и тоу//га люта.якоже николиже не бывала во всемъ Посемьи* 1185 г., 225—225 об. и др.). Вопрос о механизмах развития бесприставочных итеративных корреляций с суф. *-ыва-/-ива-* требует специального исследования.

Подобные приставочные итеративные -*ыва*-глаголы, очевидно, производны от приставочных имперфективов — это хорошо видно по основам типа *отдавывати* (← *отдавати*), ср. также характерный не для -*ыва*-, а для -*а*-имперфективов вокализм корня *не посылывали* (←*посылати*), *николи не дожидывались* [Никифоров 1952: 117] (←*дожидаться*) и под. При этом вряд ли справедливо видеть в возникновении таких корреляций типа *отдавати* → *отдавывати* следствие процесса «вторичной перфективации ряда имперфективов», т. е. приобретения глаголами типа *отдавати* значения СВ (см.: [Силина 1987: 207—208]; применительно к диалектному материалу то же [Пожарицкая 1991: 88]). Думается, что в действительности специфика семантики образований типа *отдавывати* обусловлена именно тем, что они производны от глаголов НСВ: это приставочные корреляции «НСВ → производный от него -*ыва*-итератив», возникшие по образцу таких же бесприставочных корреляций, т. е. *отдавати* → *отдавывати* по аналогии с *ходити* → *хаживати*, *стояти* → *стаивати* и под. — по значению те и другие совершенно тождественны[13].

Исследование семантики подобных очень продуктивных в XVI—XVII вв. итеративных корреляций не входит сейчас в наши задачи — это предмет особого исследования. Можно согласиться с В. Б. Силиной в том, что развитие значения многократности у ряда приставочных -*ыва*-имперфективов, свойственное им в современном русском языке, относится, судя по всему, к этому времени и связано с влиянием итеративных корреляций (по мнениию В. Б. Силиной — бесприставочных [Силина 1982: 271], но в действительности, видимо, и приставочных, причем даже в большей степени). Материал памятников XVI в. показывает, что в ряде случаев трудно определить, имеем ли мы дело с производным от приставочного имперфектива итеративом или с обычным -*ыва*-имперфективом, соотносительным с парным глаголом СВ, но употребленным в том же, что итератив, значении; ср., например, в уже упоминавшемся рассказе НЛ под 1541 г. о совете бояр по поводу приближения татар к Москве (см. выше) формы *сьѣжживали* и *оставливали* употреблены в том же значении, что и бесприставочные итеративы *стаивали*, *не сѣживали,* однако в ранних летописях эти глаголы известны как нормальные вторичные имперфективы (ср. в КЛ: *Се ва ѡставливаю Къстѧжка моужа своего* 1146 г., 121 — см. выше 2.1, ср. имперфективное употребление в КЛ глагола *приѣждивати*). Означает ли это только контекстуальную возможность для -*ыва*-имперфективов употребления в тех же значениях, что и итеративы, под влиянием последних или

[13] Ср. аналогичные итеративные корреляции в чешском и словацком языках, где возможно образование и второй ступени многократности путем удвоения ее показателя -*va*- (*chodit* → *chodívat* → *chodívávat*, *hrát* → *hrávát* → *hrávávat* [Исаченко 1960: 273—278; Бондарко 1963; Скорвид 2005: 249 и др.], на сходство которых с рассматриваемыми русскими корреляциями обратил внимание еще П. С. Кузнецов [Кузнецов 1953: 266]; см. также [Исаченко 1960: 273—279].

некоторые из древних имперфективов типа *оставливати* просто превращались в итеративы, утрачивая прежнюю нейтральную семантику, — этот вопрос требует специального исследования. Данные НЛ определенно свидетельствуют о взаимодействии исконных имперфективных и новых итеративных корреляций в языке Москвы втор. пол. XV—XVI вв.

5.2. Картина употребления вторичных имперфективов с суф. *-ыва-/-ива-* в псковских летописях XV—XVI вв., в том числе и в известной своим ярко выраженным некнижным характером и широким отражением диалектных особенностей Псковской 3 летописи XVI в. (Пск. 3 лет.), оказывается значительно более «скромной».

В Пск. 2 лет. XV в. имперфективов на *-ыва-/-ива-* нет совсем. В Пск. 1 лет. и Пск. 3 лет. *-ыва-/-ива-*имперфективы встречаются, но они совсем не так многочисленны, как в НЛ.

Как известно, выделяемая А. Н. Насоновым Пск. 1 лет. представлена только поздними списками, причем основной Тихановский список XVII в. заканчивается 1469 г., продолжение же летописи по Погодинскому и другим спискам более пóзднее и представляет другую редакцию [Насонов 1941: XXVII, LXI—LXII]. В части XIV — нач. XV в. Пск. 1 лет. во многом совпадает с Пск. 3 лет, и именно в этой части совпадающими оказываются и зафиксированные в обеих летописях вторичные имперфективы на *-ыва-/-ива-*. Поскольку данные поздней части Пск. 1 лет менее надежны в силу позднего характера списков и не вполне ясного времени редактирования текста, сосредоточим внимание на Пск. 3 лет. (Строевский список 60-х гг. XVI в.), широко отражающей псковские диалектные особенности на всех уровнях (см.: [Зализняк 2004а: 103—108; Шевелева 2006: 218 и др.]).

В Пск. 3 лет. зафиксировано всего 16 имперфективов с суф. *-ыва-/-ива-* в 20 употреблениях (ср. в НЛ — 39 глаголов в 140 употреблениях, в ранней КЛ — 41 глагол в 63 употреблениях, в ВЛ — 11 глаголов на 25 листов, в то время как объем Пск. 3 лет. составляет 238 л. в 4▫, что более чем в 4 раза превышает объем ВЛ). Если низкая употребительность *-ыва-*имперфективов в СЛ и ГЛ была связана с книжным характером этих летописей (см. выше 3, 4), то в Пск. 3 лет. ситуация совсем иная. Невысокую частотность этих образований нельзя связывать и с тем, что бóльшую часть Пск. 3 лет. составляют записи, относящиеся к XV в. (в НЛ, как мы помним, употребительность *-ыва-*имперфективов в части XV в. тоже невысока сравнительно с XVI в.): в НЛ часть летописи за XV в. значительно более книжная, чем часть за XVI в. (см.выше), чего никак нельзя сказать о Пск. 3 лет., в целом имеющей некнижный характер и допускающей проникновение черт живого языка.

Из 16-ти *-ыва-*имперфективов Пск. 3 лет. только 5 совпадают с Пск. 1 лет. (все в записях XIV в.)[14]. Приведем общий список имперфективов с суф. *-ыва/-ива-*, зафиксированных в Пск. 3 лет., отметив совпадающие с

[14] Помимо этих совпадающих с Пск. 3 лет. *-ыва-*имперфективов в Пск. 1 лет. по Тих. (= Арх. 1) спискам отмечен только глагол *исправливати* (в ркп. Тих. *испраливати* 1465 г., л. 86) — в Пск. 3 лет. соответствующий контекст отсутствует.

Пск. 1 лет. примеры знаком • (глаголы, встретившиеся и в других описанных нами летописях, имеют пометы «=КЛ» и под., совпадения с современным русским литературным языком выделены подчеркиванием):

выпрашивати (=НЛ, но др. знач.)	*иных головами выпрашивали* 1476 г., л. 176 об. *что вы в⟨оу⟩ нас головами выпрашиваете, тѣхъ не можем выдати* ‘просите’ 1476 г., л. 176 об.
забавливати	*а все то они забавливаꙗ оу себѣ великихъ княжеи ⟨-зеи⟩ своихъ государевъ старины* ‘препятствуя осуществлению, задерживая’ 1471 г., л. 134
окапливатися	*большая рать псковская окапливаяся таки стоить* 1480 г., 197 об.
осаживати	*на столѣ во Псковѣ осаживаеть его* 1476 г., л. 176
•*перепытывати*	*нача перепытывати немецкиа рати* ‘разузнавать, разведывать’ 1341 г., л. 24 (Пск. 1 лет. — *начаша перепытывати*, л. 29 об.)
подписывати	*почаша подписывати церковь* ‘расписывать’ 1465 г., л. 113 об.
•*потчивати*	*добрѣ потчиваху ихъ* 1365 г., л. 35 об. (Пск. 1 лет. — *почестиваху*, 32)
•*придвигивати*	*городы своя придвигиваа* 1323 г., л. 14 (Пск. 1 лет. — *придвигивающе*, л. 24 об.)
прикончивати (*приканчивати*)	*аже вы есте… приконциваите мир* 1474 г., л. 163 об. *начаша и миръ при//конанцивати* 1473 г., 161 об. — 162 (оп. — правка *приконцивати* на *приканцивати*, Арх. 2 *прикончивати*) ‘заключать мир’
приметывати	*начаша к нему примет приметывати* 1471 г., л. 142 об.
приставливати (=ВЛ)	*лестници приставливая* 1567 г., л. 237 об.
пропытывати	*пропытывая и ссылаясь съ князем великым* ‘разузнавая’ 1477 г., л. 186.
сказывати(*ся*) (=КЛ, =ГЛ, =НЛ)	*сказывают* 1559 г., л. 220 об. *люди сказывали* 1561 г., л. 225 об. *приехал к ним посол…а сказываа* 1471 г., л. 141 об. *приехавъ, сказывается, от великого князя силы* ‘говорит о себе’ 1471 г., л. 141.
•*спрятывати*	*тѣхъ спрятывающе…погребахоу* 1352 г., л. 33 об. (Пск. 1 лет. — *спрятываючи*, л. 30 об.)
•*оувѣдывати*	*послаша…оувѣдывать* 1343 г., л. 27 об. (Пск. 1 лет. — *оувѣдывати*, л. 21)
оуправливати (=КЛ, =НЛ)	*какъ васъ оуправливати* 1478 г., 190.

Следует обратить внимание на полное отсутствие *-ыва-/-ива-* имперфективов в Пск. 2 лет.: даже в случаях совпадающих чтений с *-ыва-* глаголами в Пск. 3 лет. — Пск. 1 лет. и наличии соответствующего контекста в Пск. 2 лет. мы находим в последней имперфектив на *-а-* или на *-ова-*, а не на *-ыва-*, ср.: *И стояша оу града 18 днии*, *пороки биюще*, *городы свои* *придвигивающе* 1323 г., Пск. 1 лет., л. 24 об. — *…пороки биюща*, *городы своя* *придвигиваа* Пск. 3 лет., л. 14 — *И стояша оу города 18 днии*, *порокы биющи*, *городы своя* *придвигающе* Пск. 2 лет., л. 170 об.; *и поѣхаша въ Грамъское болото*, *и начаша* *перепытывати* *немецькои рати* 1341 г., Пск. 1 лет., л. 29 об. — *…и нача* *перепытывати* *немецкиа рати* Пск. 3 лет., л. 24 — ср.: *и поехаша в Грамское болото*, *и начаша* *перепытавати* *немецкыя рати* Пск. 2 лет., л. 173 (очевидно, *-ава-* как фонетическая передача *-ова-*); *не отпустя попа в Новъгород*, *послаша* *оувѣдывати* *на псковичь во Изборско Якова Домашинича з дружиною* 1343 г., Пск. 1 лет., л. 21 — *не отпускаючи попа в Новгород*, *послаша в Ызборѣскъ* *оувѣдывать* *на псковичь Якова Домашинича*, *Андрѣа Стефановича*, *Жидила Шестьковича* Пск. 3 лет., л. 27 об. — ср.: *И еще не отпустя гоньца своего послаша* *перепытати* *къ Изборску* Пск. 2 лет., л. 174 об.

При такой картине ни один из зафиксированных в Пск. 3 лет. и Пск. 1 лет. *-ыва-*имперфективов не может быть с надежностью возведен к общему источнику всех трех псковских летописей — псковскому своду сер. XV в. (об общем источнике псковских летописей см.: [Насонов 1946/2003; 1941: LXI—LXIII; 1955: 6]). С определенной вероятностью это можно предполагать для 5 совпадающих в Пск. 3 лет. — Пск. 1 лет. *-ыва-*глаголов в записях XIV в., однако нельзя исключать и возможности наличия у обеих летописей здесь некоторого промежуточного общего источника (ср. [Клосс 2003: 6] о необходимости уточнения текстологической схемы А. Н. Насонова).

Обратим также внимание на значительно меньшее число *-ыва-*имперфективов в части XV в. в Пск. 1 лет. сравнительно с Пск. 3 лет. и отсутствие между ними совпадающих чтений: если в Пск. 3 лет мы имеем 11 примеров (см. список выше), то в Пск. 1 лет. — всего 1 пример в Тих. списке (=Арх. 1) под 1465 г. (*и новогородцы еще сташа о не//мецьких старинах на Нѣмець* *испраливати* л. 85 об.—86, Арх. 1 *исправливати*) и 1 пример в продолжении Пск. 1 лет. по Погод. и др. спискам с глаголом *сказывати* (*приехали с Москвы от великого князя гонцы… сказывали Пскову* 1478 г., л. 640 — характерное для московского детописания XV—XVI вв. употребление, см. выше о НЛ) — в обоих случаях в Пск. 3 лет. соответствий нет. В случаях, где *-ыва-*имперфектив представлен в записях XV в. в Пск. 3 лет., в Пск. 1 лет. (как и в Пск. 2 лет.) чаще отсутствует соответствующий фрагмент текста, но иногда различия имеют лингвистический характер — видимо, *-ыва-*имперфектив вводится составителем Пск. 3 лет., ср.: *Того же лѣта* *потписана бысть* *церковь камена Оуспение святеи богородици//на Мелеотовѣ* Пск. 1 лет., 1465 г., л. 85—85 об. — *Того же лѣта* *почаша подписывати* *церковь на Мелотовѣ* Пск. 3 лет., 1465 г., л. 113 об. (составитель

Пск. 3 лет. заменяет здесь прежнее чтение на новую формулу *почаша*, *-ли — кончаша*, *-ли подписывати* (*церковь*), входящую в употребление в летописной традиции XIV—XVI вв. — см. примеры из Московского свода кон. XV в. [Юрьева 2009: 242, 260], см. также выше о СЛ). Эти данные свидетельствуют в пользу отсутствия *-ыва*-имперфективов в легшем в основу всех псковских летописей своде XV в.

Среди *-ыва*-имперфективов Пск. 3 лет. совпадений с современным русским литературным языком меньше, чем для НЛ, — даже в процентном отношении: 5 глаголов из 16, т. е. менее 1/3[15], в то время как в НЛ доля таких глаголов составляет около 2/3 всех *-ыва*-имперфективов (28 из 39 — см. выше, 5.1). Правда, число соответствий с другими приставками этот процент увеличивает: сюда попадают глаголы *окапливатися* (ср. совр. *скапливаться*, *накапливаться*), *осаживати* (ср. совр. *отсаживать*, *усаживать*, *высаживать*), *пропытывати*, *перепытывати* (ср. совр. *испытывать*, *выпытывать* и др.), *спрятывати* (ср. совр. *припрятывать*, *перепрятывать* и др.), *оувѣдывати* (ср. совр. *разведывать*, *выведывать* и др.).

При этом среди не имеющих соответствий в совр. рус. литературном языке имперфективов Пск. 3 лет. точных соответствий не находится и в совр. северных говорах, ср.: *забавливати* Пск. 3 лет. — ср. арх. *прибавливать*, *убавливать*; *приставливати* Пск. 3 лет. — ср. арх. *наставливать*, *вставливать*, *переставливать*, *доставливать* и др.; *управливати* Пск. 3 лет. — ср. арх. *направливать*, *справливать* (см. [ОСАГ 2006]) (напомним, что глаголы *приставливати* и *управливати* встречались и в ранних летописях, а последний — также и в НЛ). Только глаголы *осаживати* и *спрятывати* имеют в совр. литературном языке соответствия неточные (см. выше), а в архангельских говорах — точные (*осаживать*, *спрятывать* [ОСАГ 2006: 362, 388]), т. е. Пск. 3 лет. в этом пункте оказывается ближе к современной системе севернорусской, чем к литературной, в целом же о системе *-ыва*-имперфективов, отразившейся в Пск. 3 лет. XVI в., этого сказать нельзя.

Как мы видим, эта система существенно отличается как от современной ей московской системы, отраженной в НЛ, так и от системы, представленной в ранних летописях, обнаружившей значительное сходство с современной севернорусской (см. выше): здесь нет ни свободы образования *-ыва*-имперфективов от разнообразных основ, что наблюдалось в ранних не отличающихся книжностью летописях, ни близости к современной системе литературного типа с утверждающимся распределением *-ыва-* и *-а*-моделей и закреплением суффикса *-ыва-/-ива-* за определенными основами, что мы видели в НЛ. Складывается впечатление, что для живого языка составителя Пск. 3 лет. и псковских летописей вообще *-ыва*-модель имперфективации просто не слишком характерна.

---

[15] Кроме отмеченных, следует указать также глагол *потчивати*, закрепившийся в современном литературном языке с суффиксом *-ева-/-уј-*, однако известный и в варианте с *-ива-* [см.: Даль, III: 360; Фасмер, III: 346; БАС, 10: 1659].

Обратим в связи с этим внимание на то, что и из этих немногочисленных *-ыва*-глаголов Пск. 3 лет. значительная часть фиксируется в составе клишированных формул, а не в свободном употреблении. Так, выше уже говорилось о формуле *почаша подписывати церковь* (1465 г., л. 113 об.), распространяющейся в летописной традиции XIV—XVI вв. Со стереотипным описанием воинской осады связано употребление глагола *приставливати*, ср.: *и воевали четыре городки литовьские*, *Рую да Малотель*, *да третеи Бурътники*, *а четвертыи Лимбашь*, *тот и взяли*, *лѣстници приставливая* 1567 г., л. 237 об. — ср. в ВЛ: *Татаровѣ же начаша лествицѣ приставливати к городу* 1261 г., л. 284. Употребительным юридическим термином является сочетание *прикончивати* (*приканчивати*) *миръ* ‘заключать мирный договор’, дважды встречающееся в Пск. 3, — показательно, что неоднократно тот же фразеологизм мы находим здесь и с парным глаголом СВ *прикончати* (ср.: *тако же прикончали на всеи псковскои воли миръ на 30 лѣтъ* 1474 г., л. 164; *князя местера посолъ с великого князя воеводою и съ княземъ псковскым и со всѣмъ Псковомъ миръ прикончалъ* 1474 г., л. 163 и др.). Терминологичным является, видимо, и сочетание *головами выпрашивати* ‘просить выдать кого-л.’, в котором (и только в нем) дважды зафиксирован в Пск. 3 лет. глагол *выпрашивати*: *...иных головами выпрашивали*, *которыи на пригороде намѣстники его безсоудно поковали и Псковъ росковалъ*, *или которои князю слово каково молвилъ* 1476 г., л. 176 об.; *что вы в⟨у⟩ нас головами выпрашиваете*, *тѣх не можем выдати* (Там же). Вероятно, с терминологией делового языка связано и употребление в Пск. 3 лет. глагола *управливати*, введенного здесь как прямая передача содержания послания в речевом режиме, «вламывающемся» в основной нарративный режим контекста (о подобных сменах режима в рамках одного сообщения в летописях см. [Гиппиус 2004: 191—192; Шевелева 2009а: 146—147]): *А съ псковьскою силою князь великои своихъ пословъ въ Псковь прислалъ с посадником Левонтеем Тимофеевичем*, *какъ васъ оуправливати*, *Василья Китая да дроугаго Василья дьака своего*, *поклонь даа Псковоу на слоужбѣ и коубокъ позлащенъ*, *а ркоучи тако…* 1478 г., л. 190 — ср. аналогичное употребление этого глагола в НЛ: *И приказывалъ боярину и воеводѣ князю Петру Ивановичю горнихъ людеи управливати* 1553 г., 222 (см. выше). «Отголоском» исключительной употребительности имперфектива *сказывати* в московском летописании XV—XVI вв. (см. выше о НЛ) являются, видимо, случаи употребления этого глагола и в Пск. 3 лет. — такие же, как в НЛ, хотя гораздо менее частотные, ср.: *А воротился до Юрьева за десять верстъ маистръ въ своя*, *а людеи своих сказывают потерял в пристоупехъ под Рындехом боле 2 тысяч* 1559 г., л. 220 об. и др.

Таким образом, значительная часть случаев употребления *-ыва*-имперфективов в Пск. 3 лет. может быть связана с влиянием традиции Московской Руси. Это предположение тем более вероятно, если учесть факт полного отсутствия имперфективов с суф. *-ыва-/-ива-* в Пск. 2 лет. В пользу

того же свидетельствуют и данные поздней части Пск. 1 лет. по Погод. и др. спискам, где состав -*ыва*-имперфективов ближе к совр. русскому литературному и московской НЛ, хотя, как и в Пск. 3 лет., они остаются не слишком частотными[16].

Полученные данные указывают на то, что для псковского диалекта XV в. -*ыва*-модель имперфективации была нехарактерна или мало характерна — такие образования, очевидно, были несвойственны общему источнику всех псковских летописей — псковскому своду XV в.[17] В псковских летописях XVI в. -*ыва*-имперфективы распространяются, вероятно, прежде всего под московским влиянием — как письменной традиции делового и летописного языка, так и, возможно, вследствие междиалектного влияния.

Полученные результаты вполне согласуются и с данными псковских говоров, отличающихся от других современных русских диалектов невысокой продуктивностью суффикса -*ыва*- и более широкой сферой употребления -*а*-модели имперфективации сравнительно с моделью на -*ыва*-/-*ива*- [Большакова 1988: 58; Ровнова, устное сообщение]. По мнению С. Л. Николаева, как уже говорилось (см. 1.), для псковской диалектной зоны издревле была характерна система имперфективов «центрально-славянского» типа, т. е. с перенесенной из деноминативов моделью имперфективации -*ova*-/-*uj*- (и, естественно, с сохранением древней модели на -*а*-) — без модели на -*yva*- [Николаев 1994: 44; устное сообщение]. Данные псковских летописей XV—XVI вв. не дают возможности судить о раннедревнерусском состоянии псковской системы, однако относительно XV в. подобная гипотеза находит подтверждение: перед нами система, для которой -*ыва*-

---

[16] В продолжении Пск. 1 лет. по Погод. и совпадающим с ним спискам зафиксированы следующие имперфективы на -*ыва*-/-*ива*- (8 глаголов в 11 употреблениях; система помет прежняя):

заганивати	*начаша заганивати псковичь* 1503 г., л.653 об.
обыскивати (=НЛ)	*лихихъ людеи обыскивати* 1541 г., л. 675 об.
осматривати	*повелѣли…осматривати* 2х 1500 г., л. 649 об.
отвѣчивати (=НЛ)	*противу его отвѣчивать* 1510 г., л. 658 (ср. употребление этого юридического термина в НЛ)
сказывати (=НЛ и др.)	*нача емоу сказывати, что де…*1524 г., л. 669
	сказывали Пскову 1478 г., л. 640
	посадники наши сказывают псковичем 1510 г., л. 657 об.
сыскивати	*живот его сыскивати* 1528 г., л. 670
уставливати (=ВЛ, =НЛ)	*прислаша во Псков с Москвы…тамгу уставливати* 1510 г., л. 661 об.
устраивати (=НЛ)	*своих оудѣлов не оумѣють устраивати* 1523 г., л. 668 (в речи вел. кн. московского).

Совпадений с Пск. 3 лет., даже при наличии соответствующих контекстов, нет.

[17] Вопрос о первоначальном источнике -*ыва*-имперфективов в совпадающих чтениях Пск. 1 лет. — Пск. 3 лет. за XIV в. еще требует текстологического исследования.

модель, по всей видимости, мало характерна[18]; в XVI в. эта модель получает распространение под влиянием Москвы.

Надо заметить, что в псковских летописях не встречается и итеративов с суф. *-ыва-/-ива-*, так характерных для говоров Центра втор. пол. XV—XVI вв. (см. выше, 5.1.), — ни приставочных, ни бесприставочных. Отмечены только бесприставочные итеративы от *ы/и* основ *не бывало* (*-а*, *-ъ*, *-и*) и *не живали* — первый многократно и во всех псковских летописях, второй одним употреблением в Пск. 3 лет., введенным, видимо, ее составителем, ср. в Пск. 3 лет.: *и велми давно и за много лѣ*^{т} *не бывало таковаго побоища в Литовскои земли* 1435 г., л. 76; *и за многа лѣта такови не бывали снѣги* 1471 г., л. 134 и др.; *…а былъ во Псковѣ всь свои месяць, всю 4 недели; ни за много время ини владыки во Псковѣ так всего месяца в свои приездъ не живали* 1477 г., л. 178 об.

Примеры эти показывают то же значение и условия употребления, которые всегда были характерны для глагола *бывати*, а позднее и для других итеративов, возникших, видимо, под его влиянием (см. выше 5.1, примеч. 12). Если в ранних летописях встречался только *бывати* и то же наблюдается в Пск. 1 лет. и Пск. 2 лет., то в Пск. 3 лет. появляется аналогичный итератив *живати* (да и *бывати* здесь частотнее, чем в летописях XII—XIII вв.) — ср. подобные итеративы *не видали*, *не зывали* в НЛ (см. выше); однако таких итеративов с суф. *-ыва-/-ива-* типа *не являвались*, в отличие от НЛ, в Пск. 3 лет. нет.

Итеративные образования, видимо, и здесь получают определенное развитие, но суф. *-ыва-/-ива-* в псковской системе не становится средством оформления итеративных корреляций.

Некоторые итоги

6. Как мы видим, летописи XII—XVI вв. дают важную информацию относительно истории вост.-слав. модели имперфективации с суф. *-ыва-/-ива-*, какой не могли предоставить ни деловые документы в силу ограниченности относящегося к др.-рус. периоду материала, ни тем более книжные ц.-слав. тексты.

Летописные источники показывают, что модель имперфективации с суф. *-ыва-//-ывај-* (*-ива-//-ивај-*) была уже вполне продуктивной в XII в. в диалектной зоне Киева (данные КЛ), видимо, также в Юго-Западной Руси XII—XIII вв. (данные ГВЛ) и Северо-Восточной Руси XII — нач. XIV в.

[18] Относительно имперфективной модели на *-ова-* на материале летописей XV—XVI вв. трудно делать какие-либо выводы, поскольку в летописном тексте этого времени ее появление может быть связано как с книжной традицией (после второго южнославянского влияния характеристика этой модели как книжной становится еще более определенной), так и с диалектной системой. Во всяком случае, это предмет особого исследования.

(данные СЛ). Традиционное представление о редкости этой модели в раннедревнерусскую эпоху и неуклонном росте ее продуктивности на протяжении XII—XV вв. обусловлено, главным образом, ограниченностью имевшихся в нашем распоряжении некнижных источников XII—XIV вв.

В северо-восточной Руси -*ыва*-модель имперфективации получает и последующее развитие после XIV в., однако в говорах Центра (московского типа) это развитие в XV—XVI вв. связано не столько с ростом ее продуктивности, сколько с уменьшением вариативности и распределением -*ыва*- (-*ива*-) и -*а*-моделей по глагольным основам; кроме того, значительно растет употребительность некоторых -*ыва*-имперфективов. В собственно северо-восточных говорах (архангельских, вологодских) такого уменьшения вариативности не наблюдается и система имперфективов оказывается ближе к древнерусской. При этом во всей северо-восточной зоне (включая говоры Центра вокруг Москвы) со втор. пол. XV в. активно развиваются итеративные корреляции «НСВ → производный от него итератив с суф. -*ыва*-/-*ива*» — сначала бесприставочные типа *ходить* → *хаживать*, а под их влиянием и приставочные типа *отдавать* → *отдавывать*, вступающие во взаимодействие с исконными имперфективными корреляциями, образованными по модели на -*ыва*-/-*ива*-. Вопрос о том, можно ли считать такое активное развитие итеративных корреляций исключительной особенностью говоров северо-восточной зоны, еще нуждается в исследовании (ср. о том же соображения П. С. Кузнецова, не исключавшего, что употребление итеративных образований в южнорусских грамотах XVII в. может быть связано с нормами московского делового языка [Кузнецов 1953: 267]).

В тщательном исследовании нуждается и вопрос о судьбе -*ыва*-модели имперфективации в южных и юго-западных вост.-слав. диалектах (киевского и галицко-волынского типов). Современные лингвогеографические данные указывают там, кажется, на систему с -*ова*-, а не с -*ыва*- ([Николаев 1994: 44] — см. выше), при этом представленное на значительной части украинской территории -*ува*- может восходить как к -*ова*-, так и к -*ыва*- (Николаев, устное сообщение), а также к -*ъва*- [Зализняк 1985: 148], однако в тех украинских говорах, где «уканья» нет, суффикс имеет вид -*ова*-, что заставляет С. Л. Николаева считать для всей этой зоны -*ова*- первичным [Там же]. Однако данные наших летописных источников определенно указывают на то, что в XII—XIII вв. для киевской и галицко-волынской диалектных зон была характерна система с суффиксом имперфективации -*ыва*-//-*ывај*- (-*ива*-//-*ивај*-), причем достаточно продуктивным. Обратим внимание, что и среди приводимых исследователями древнейших примеров -*ыва*-имперфективов из книжных текстов XII в. большинство (9 из 14 примеров) принадлежат ЖФСт по списку Выг. сб. [Силина 1987: 199—200] — рукописи юго-западного (!) происхождения; еще 2 примера обнаруживаются в СкБГ по списку Усп. сб. [Там же] — памятнике, связанном с Киевом, происхождение же рукописи связывают либо с киевской, либо с северо-восточной зонами, см. [Усп. сб. 1971: 26]. Эти факты как раз вполне

согласуются с нашими данными КЛ и ГВЛ. Проблема несоответствия этих данных современным лингвогеографическим требует исследования, при этом нельзя исключать возможности вторичности модели на *-ова-* относительно модели на *-ыва-* в диалектных системах киевского и галицко-волынского типов: распространившаяся из деноминативов модель на *-ова-* (т. е. в любом случае для девербативов вторичная) могла здесь относительно поздно — по крайней мере после XIII в. — вытеснить исконную модель имперфективации на *-ыва-/-ива-*. С такой гипотезой согласуются и данные исследователей украинской письменности более позднего времени, указывающих, что имперфективы на *-ыва-* были здесь характерны для памятников до XV в. включительно, с XVI в. они вытесняются другими образованиями [Житецкий 1889: 109—111; Кузнецов 1953: 266].

Для псковской диалектной зоны, по данным псковских летописей, модель имперфективации с суф. *-ыва-/-ива-* была мало характерна уже в XV в. — вполне вероятно, что такая ситуация была свойственна этой диалектной системе и ранее. Только в XVI в. отмечается распространение *-ыва-*имперфективов в псковских летописях под влиянием языка Москвы.

Таким образом, в древнерусскую эпоху (XII—XIII вв.) вост.-слав. модель имперфективации с суффиксом *-ыва-*(*-ива-*) определенно была характерна для киевской, галицко-волынской и северо-восточной зон (а также — по данным берестяных грамот — она была известна и в древненовгородском диалекте) — везде она достаточно свободно варьировалась с древнейшей общеславянской моделью с суффиксом *-а-*. Скорее всего, уже в раннюю эпоху *-ыва-*модель не была свойственна древнепсковскому диалекту, как известно, отличавшемуся от остальных древнерусских по многим признакам, — возможно, и здесь псковская зона показывала общую изоглоссу с западнославянскими языками (польскими, чешскими, словацкими говорами). В смежной с ней белорусской зоне представлен рефлекс раннедревнерусского *-ъва-*, очень архаичный, но не *-ыва-* в XII в., как в рассмотренных юго-западной и северо-восточной зонах. О других диалектных различиях раннего периода пока ничего сказать нельзя, и вопрос о том, была ли *-ыва-*модель имперфективации свойственна большинству древнерусских диалектов XII в. (кроме предположительно исключаемых псковской и белорусской зон), остается открытым. Последующая история показывает угасание *-ыва-* модели и вытеснение ее вторичной моделью на *-ова-* на юго-западе и, наоборот, развитие и взаимодействие с итеративными образованиями на северо-востоке, в том числе в говорах Центра XV—XVI вв., где складывается распределение *-ыва-*(*-ива-*) и *-а-*моделей по типам глагольных основ.

Литература, источники, сокращения

БАС — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1950—1965.

Большакова 1988 — Н. В. Большакова. Варьирование глагольной основы при имперфективации // Псковские говоры в их прошлом и настоящем. Л., 1988.

Бондарко 1963 — А. В. Бондарко. Многочленные видовые корреляции при имперфективации приставочных глаголов в современном чешском языке // Исследования по чешскому языку. Вопросы словообразования и грамматики. М., 1963. С. 3—31.

Буслаев 1959 — Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1959.

ВЛ — Волынская летопись в составе Галицко-Волынской летописи (см. Ипат.).

ГВЛ — Галицко-Волынская летопись по Ипатьевскому списку (см. Ипат.).

Гиппиус 2004 — А. А. Гиппиус. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1997—2000 гг.). М., 2004. С. 183—232.

ГЛ — Галицкая летопись в составе Галицко-Волынской летописи (см. Ипат.).

Горшкова, Хабургаев 1981 — К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1981.

Даль I—IV — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I—IV. СПб.; М., 1880—1882.

Ефр. Корм. — Ефремовская Кормчая XII века.

Житецкий 1889 — П. Житецкий. Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII—XVIII вв. Ч. I. Киев, 1889.

ЖФСт — Житие Федора Студита по списку Выголексинского сборника XII века.

Закревская 2002 — В. А. Закревская. Употребление приставочных глаголов совершенного и несовершенного видов в диалектной речи (на материале архангельских народных говоров): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2002.

Зализняк 1977 — А. А. Зализняк. Грамматический словарь русского языка. М., 1977.

Зализняк 1985 — А. А. Зализняк. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.

Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.

Зализняк 2004а — А. А. Зализняк. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М., 2004.

Зализняк 2008 — А. А. Зализняк. Древнерусские энклитики. М., 2008.

Зализняк, Янин 2007 — А. А. Зализняк, В. Л. Янин. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2006 г. // ВЯ. 2007. № 3. С. 3—10.

Ипат. — Полное собрание русских летописей. Ипатьевская летопись. М., 1998. Т. 2.

Исаченко 1960 — А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Ч. 2. Братислава, 1960.

КЛ — Киевская летопись по Ипатьевскому списку (см. Ипат.).

Клосс 2003 — Б. М. Клосс. Предисловие к изданию 2003 г. // Псковские летописи. (Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 1). М., 2003.

Кузнецов 1953 — П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953.

Кузнецов 1959 — П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959.

Кукушкина, Шевелева 1991 — О. В. Кукушкина, М. Н. Шевелева. О формировании современной категории глагольного вида // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1991. № 6. С. 38—49.

Лавр. — Полное собрание русских летописей. Лаврентьевская летопись. Вып. 1—3. М., 1997. Т. 1.

Лихачева 1987 — О. П. Лихачева. Летопись Ипатьевская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. Л., 1987. С. 235—241.

Лурье 1976 — Я. С. Лурье. Общерусские летописи XIV—XV вв. М., 1976.

Лурье 1987 — Я. С. Лурье. Летопись Лаврентьевская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. Л., 1987. С. 241—245.

МАС — Словарь русского языка: В 4 т. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981—1984.

Мейе 1952 — А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1952.

Насонов 1946/2003 — А. Н. Насонов. Из истории псковского летописания // Исторические записки. 1946. № 18. С. 255—294 (по изд.: Полное собрание русских летописей. Вып. 1. Псковские летописи. М., 2003. Т. V).

Насонов 1955 — А. Н. Насонов. Предисловие // Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955.

Никифоров 1952 — С. Д. Никифоров. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI в. М., 1952.

Николаев 1994 — С. Л. Николаев. Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов // ВЯ. 1994. № 3. С. 23—49.

НЛ — Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. XII. СПб., 1901; Т. XVIII. СПб., 1904 (Репринт: М., 2000).

ОСАГ 2006 — Обратный словарь архангельских говоров / Под ред. О. Г. Гецовой. М., 2006.

Пашуто 1950 — В. Т. Пашуто. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.

ПВЛ — Повесть временных лет (см. Лавр. и Ипат.).

Пожарицкая 1991 — С. К. Пожарицкая. О семантике итеративных глаголов в севернорусских говорах // Современные русские говоры. М., 1991. С. 84—94.

Приселков 1939 — М. Д. Приселков. Лаврентьевская летопись (история текста) // Уч. зап. ЛГУ. № 32. 1939. С. 76—142.

Приселков 1996 — М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. СПб., 1996.

Ровнова 1991 — О. Г. Ровнова. Многократные глаголы в одном вологодском говоре // Современные русские говоры. М., 1991.

СДРЯ XI—XIV вв. — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т. I—VIII. М., 1988—2008.

Силина 1982 — В. Б. Силина. История категории глагольного вида // Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982. С. 158—279.

Силина 1987 — В. Б. Силина. Специфика выражения видовых различий в древнерусском литературном языке // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. М., 1987. С. 196—208.

Симина 1970 — Г. Я. Симина. Глаголы со значением кратности в говорах Пинежья // Севернорусские говоры. Л., 1970. Вып. 1.

СкБГ — Сказание о Борисе и Глебе по списку Успенского сборника XII—XIII вв.

Скорвид 2005 — С. С. Скорвид. Чешский язык // Языки мира. Славянские языки. М., 2005. С. 234—274.

СЛ — Суздальская летопись (см. Лавр.).

Срезн. I—III — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I—III. СПб., 1893—1903.

СРЯ XI—XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII вв. Т. 1—28. М., 1975—2008.

ТСРЯ 2008 — Толковый словарь русского языка (с включением сведений о происхождении слов) / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 2008.

Успенский 1993 — Б. А. Успенский. «Давнопрошедшее» и «второй родительный» в русском языке // Исследования по славянскому историческому языкознанию. Памяти профессора Г. А. Хабургаева. М., 1993. С. 118—134.

Усп. сб. 1971 — Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971.

Фасмер, I—IV — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. I—IV. М., 1986—1987.

Черепнин 1941 — Л. В. Черепнин. Летописец Даниила Галицкого // Исторические записки. 1941. Т. 12. С. 228—253.

Шахматов 1909 — А. А. Шахматов. Несколько заметок о языке псковских памятников XIV—XV вв.: (По поводу книги «Николай Каринский. Язык Пскова и его области в XV веке». СПб., 1909) // Журнал Мин-ва народн. просвещ. 1909. № 7.

Шахматов 1924 — А. А. Шахматов. Краткий нарис історі українськоі мови // О. Шахматов, А. Кримський. Нариси з історіі українськоі мови та хрестоматія письменскоі староукраінщини XI—XVIII вв. Київ, 1924.

Шевелева 2006 — М. Н. Шевелева. Некнижные конструкции с формами глагола **быти** в псковских летописях // Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 215—241.

Шевелева 2007 — М. Н. Шевелева. «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах // Рус. яз. в науч. осв. 2007. № 2 (14). С. 214—252.

Шевелева 2009 — М. Н. Шевелева. Плюсквамперфект в памятниках XV—XVI вв. // Рус. яз. в науч. осв. 2009. № 1 (17). С. 5—43.

Шевелева 2009а — М. Н. Шевелева. «Согласование времен» в языке древнерусских летописей // Рус. яз. в науч. осв. 2009. № 2 (18). С. 144—174.

Юрьева 2009 — И. С. Юрьева. Семантика глаголов **имѣти, хотѣти, начати** (**почати**) в сочетаниях с инфинитивом в языке древнерусских памятников XII—XV вв.: Дисс. … канд. филол. наук. М., 2009.

Summary

The article is devoted to the history of the specifically East Slavic pattern of imperfectivization with the *-yva-/-iva-* suffix. The material of Old Russian chronicles shows that the Russian imperfective suffix *-yva-/-iva-* was already quite productive in the 12th and 13th centuries in the Kievian, South Western and North Eastern dialect areas.

Ключевые слова: вторичные имперфективы, древнерусская модель имперфективации, история суффикса *-ыва-/-ива-*, летописи разной локализации.

Keywords: East-Slavic pattern of imperfectivization, the history of the suffix *-yva-/-iva-*, Old Russian chronicles, dialect areas.

Т. И. АФАНАСЬЕВА

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ «СКАЗАНИЯ ЦЕРКОВНОГО» ПО СПИСКАМ XII—XVI вв.*

«Сказание церковное» — это древнеславянский перевод приписываемого византийскому патриарху Герману I (†730) сочинения «Сказание о церкви и рассмотрение таинств»[1]. Греческий текст этого сочинения дошел до нас в четырех основных редакциях: *A*, *B*, *C*, *D*, внутри которых выделяются подтипы. Приведем здесь характеристику основных типов греческого текста по классификации Рене Борнера [Bornert 1966: 125—142]. Тип *A* — краткий текст, который признается наиболее ранним вариантом, в большинстве списков не имеет атрибуции какому-либо автору. Тип *B* представляет собой интерполированный текст *A*. Борнер выделяет в этом типе два основных подтипа *B1* и *B2*, которые предшествовали сложению типа *B*: *B1* содержит интерполяции, в которых дается толкование монашеских одеяний; *B2* содержит вставки фрагментов из «Тайноводства» Максима Исповедника и писем Исидора Пелусийского. Тип *B* объединяет в себе вставки в подтипах *B1* и *B2*. Тип *C* представляет собой другой вариант развития типа *A*. И наконец, тип *D* является развитием типа *B*, который представлен в двух разновидностях *D1* и *D2*. В последнем варианте текста, в подтипе D2, вставлены фрагменты из «Протеории» Николая Андидского[2].

Древнеславянский перевод был сделан с редакции *B* греческого текста. Он содержит интерполяции в виде глав 15, 17, 18, 21 и 22 из «Тайноводст-

---

* Статья написана в рамках работы над проектами, финансируемыми РГНФ № 07-04-00050а и 08-04-00074а.

[1] Γερμάνου ἀρχιεπισκόπου Κωνσταντινουπόλεως ἱστορία ἐκκλησιαστικὴ καὶ μυστικὴ θεωρία. Patrologiae cursus completus. Series graeca. 98. 1860. Col. 383—453. В этой статье мы не будем рассматривать второй перевод «Церковной истории», сделанный в XVII в. Евфимием Чудовским с более поздней версии греческого текста.

[2] Николай Андидский (в Памфилии, М. Азия) — византийский богослов конца XI в. Его сочинение «Протеория» символически трактует части христианского богослужения на основе устава храма Св. Софии в Константинополе. Славянский перевод этого толкования не известен, фрагменты «Протеории» в составе редакции *D2* сочинения св. Германа были впервые переведены в XVII в. Евфимием Чудовским.

ва» св. Максима Исповедника, а также выдержки из Писем 1, 122, 136 и 228 Исидора Пелусийского. Кроме этого в текст добавлены фрагменты, толкующие монашеские одеяния [Bornert 1966: 132—137]. С этой же редакции греческого текста в 869—870 гг. был осуществлен латинский перевод Анастасия Библиотекаря, который сделал его во время своего пребывания на Константинопольском Соборе 869—870 г. [Thomson 1986: 44]. Анастасий был современником св. братьев Кирилла и Мефодия и имел с ними плодотворные контакты [Стоянова 2004: 302—304].

Некоторые славянские списки «Сказания церковного» имеют атрибуцию Василию Великому, что породило в славистике споры, действительно ли это произведение принадлежит святителю [Куев 1981: 327—328; Стоянова 1997: 57—64]. Однако многие греческие списки памятника также имеют атрибуцию св. Василию. По мнению Р. Борнера, имя Василия Великого чаще всего встречается в заглавиях этого произведения, причем в наиболее древних списках. Атрибуция патриарху Герману, наоборот, свойственна поздним спискам и встречается гораздо реже. Тем не менее авторство Германа кажется Борнеру наиболее вероятным. Борнер приводит исторические и литургические факты и доказывает, что трактат «Церковная история» в своем первоначальном варианте (редакция А) действительно может быть связан с деятельностью свт. Германа. Кроме того, Борнер проводит сопоставительный анализ языка и стилистики «Церковной истории» с другими произведениями патриарха и приходит к выводу, что трактат содержит большое число характерных выражений, содержащихся в произведениях, которые несомненно принадлежат свт. Герману [Bornert 1966: 142—160].

Древнеславянский перевод трактата был впервые введен в научный оборот Н. Ф. Красносельцевым. Он опубликовал текст по древнейшему списку (ГИМ, Син. 262) и высказал предположение, что автором перевода является Константин Преславский, поскольку язык и манера перевода схожи с переводом Учительного Евангелия, находящегося в этой же рукописи. По мнению Красносельцева, Константин не только переводил, но и вводил в текст перевода самостоятельные дополнения [Красносельцев 1885: 317—318].

По мнению А. И. Соболевского, древнеславянский перевод «Сказания церковного» был сделан в Моравии наряду с толкованиями к Апокалипсису Андрея Кесарийского и Житием Иоанна Милостивого. В доказательство локализации перевода Соболевский приводит лингвистические доводы — лексические и некоторые фонетические данные. На моравское происхождение перевода, по его мнению, указывают слова, имеющиеся также в древнеславянских переводах, сделанных в моравский период с латыни: в «Беседах» папы Григория Великого, в Киевских глаголических листках, в Житии св. Бенедикта и в Никодимовом евангелии. Это такие слова, как **крижьма** (μύρον), **брашьньце**, **брашьновати** (μεταλαμβάνειν), **велика нощь** (πάσχα), **навлащьствиѥ**, **скриня** (κιβωτός), **остежь** (χλαμύς), **троуть**

(κουστωδία), **прапроудьнъ**. Также, по мнению А. И. Соболевского, в тексте немало кирилло-мефодиевских слов, таких как **иночѧдъ**, **иноѯ҃шиѥ**, **непрїѧзнь**, **пропѧтиѥ**, **раи** [Соболевский 1900: 19—20].

В современной славистике перевод «Сказания церковного», вопреки мнению А. И. Соболевского, связывают с именем епископа Константина Преславского [Куев 1981: 321]. По справедливому замечанию Ф. Томсона, эта атрибуция не имеет до сих пор никаких серьезных обоснований. Атрибуция базируется на том, что древнейший список «Сказания церковного» находится в одной рукописи с Учительным евангелием, Прологом к Евангелию и Азбучной молитвой, приписываемыми Константину. Томсон не разделяет точку зрения А. И. Соболевского о моравском переводе памятника и считает, что перевод был выполнен в Болгарии, однако чтобы обосновать атрибуцию «Сказания…» Константину, необходимо сравнить его с другими произведениями этого же автора [Thomson 1986: 42, 48].

В настоящее время известно четыре списка «Сказания церковного». Древнейший список хранится в Синодальном собрании ГИМ, № 262, это русский список конца XII в. [СК XI—XIII: 144—146][3]. Кодекс, возможно, создан в Ростово-Суздальском регионе Древней Руси и мог принадлежать как самому епископу Кириллу [Соболевский 1910: 205—207], так и ростовскому князю Константину Всеволодовичу [Голышенко 1963: 45—64]. Рукопись содержит сочинения, приписываемые болгарскому книжнику Константину Преславскому: Учительное евангелие, Азбучную молитву и «Историкию» (хронологический перечень лиц и событий от сотворения мира до IX в.). «Сказание церковное» по этому списку было издано Н. Ф. Красносельцевым с параллельным греческим текстом по двум рукописям — Синодального собрания № 327 и Ватиканской библиотеки № 790 [Красносельцев 1885: 323—375].

Следующий по времени список хранится в Венской национальной библиотеке (cod. slav. 12), это сербский список XIV в. [Яцимирский 1921: 187—189], происходящий из Хиландарского монастыря на Афоне. В настоящее время список датируется третьей четвертью XIII в.[4] Начальная часть рукописи состоит из пергаменных листов и содержит Пандекты Антиоха, «Сказание церковное» находится на вшитых бумажных листах 144—154. Текст по этому списку не издавался и привлекался исследователями частично[5].

Третий список относится к 1348 г., он находится в так называемом Сборнике царя Александра среднеболгарского извода и хранится в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге (шифр F.I.376). Кодекс написал инок Лаврентий, поэтому его также называют Лаврентьевским списком. Сборник изучался К. Куевым, который посвятил ему специ-

[3] В настоящее время кодекс датируется второй половиной XII в. [СК XIV: 566]

[4] Датировка рукописи уточнена А. А. Туриловым.

[5] В работе К. Куева прокомментированы некоторые лексические варианты Венского списка [Куев 1981: 360—365].

альную монографию. Автор сравнил текст «Сказания церковного» с Синодальным списком и со списком из собрания Барсова и сделал вывод о том, что в этих списках содержатся незначительные морфологические и лексические разночтения, которые не свидетельствуют о новом переводе. Куев опубликовал полностью текст «Сказания…» по этому списку и прокомментировал ряд лексических разночтений [Куев 1981: 345—360]. Также автором было указано несколько рукописей, которые содержат выписки из «Сказания церковного». Это сборники XV—XVI вв. из библиотек Москвы, Петербурга и Румынии [Куев 1981: 328—343].

И, наконец, четвертый список хранится в Барсовском собрании ГИМ, № 1498, это русская рукопись рубежа XVI—XVII вв. К сожалению, список неполный, текст «Сказания…» обрывается после толкования Херувимской песни. Барс. 1498 полностью не публиковался, отдельные фрагменты текста приводятся в книге К. Куева.

В этой статье мы рассмотрим орфографические и морфологические особенности древнейшего списка «Сказания церковного» Син. 262 и опишем лексику памятника по всем четырем спискам с целью локализовать перевод на более широком лингвистическом материале, чем это делалось прежде. Заложенная еще А. И. Соболевским методика оценки словарного состава памятника на основе лексических слоев, позволяющих локализовать перевод и установить переводческую школу, в настоящее время существенно усовершенствована. Так, например, для локализации древнеславянских переводов, сделанных Кириллом и Мефодием, разрабатываются критерии выделения в текстах «моравизмов» и «паннонизмов» на всех уровнях языка [Максимович 2005: 116—162]. Приметы переводов ближайших учеников Кирилла и Мефодия, Климента Охридского и Константина Преславского, выявлены и описаны на материале их многочисленных гимнографических сочинений, открытых в последние десятилетия при изучении служебных миней, Октоиха и Триоди[6], что дало новый и интересный лингвистический материал для локализации древнеславянских переводов. В нашу задачу входит установление соотношения в тексте моравских и более поздних языковых черт и тем самым выяснение, является ли перевод моравским, как считал А. И. Соболевский, или он был сделан позже учениками Кирилла и Мефодия — возможно, Константином Преславским.

1. Орфографические особенности древнейшего списка ГИМ, Син. 262

Орфография древнейшего списка «Сказания церковного» имеет ряд примет, позволяющих судить, во-первых, о его антиграфе (т. е. списке, с которого он был непосредственно переписан), а во-вторых, о некоторых

[6] См., например: [Попов 1985; Christians 2001; Крысько 2005; Крашенинникова 2006; Кривко 2007].

фонетических особенностях старославянского списка, к которому восходит русская рукописная традиция этого памятника. Список Син. 262 конца XII — начала XIII в., написанный в Северо-Восточной Руси, примечателен архаическими орфографическими чертами, на некоторые из которых обратили внимание еще Горский и Невоструев [Горский, Невоструев 1859: 433—434].

В списке Син. 262 имеется большое число написаний без сокращений тех слов, которые обычно сокращаются и пишутся под титлом: **свѧтительныꙗ**, **свѧщении**, **пророкъ**, **небѣсьскомъ**, **евангелиѥ**, **ангельскыимъ**, **престоли**, **хрьстъ**. Наряду с лигатурным написанием предлога **ѿ** часто встречается его архаичный вариант: **отъ нихъ**, **отъ праниꙗ**, **отъ кръви**. Спорадически встречаются йотированные юсы, причем они употреблены в этимологически правильных позициях: **вѣроѩѫ** 249г, **ѿ всеѩ** 247в. Нередки написания большого юса, и все они также встречаются в этимологически правильных позициях **с҃тюѫ** (вин. ед. жен. р.) 245в, **ѫже** (вин. ед. жен. р. от **ꙗже**) 252в, **ѫгль** 249в. Встречается ряд написаний, где на месте этимологического юса большого пишется **ю**: **ꙁаблюжьшюю** 246в, **с҃тюѫ** 245в. Широко распространены формы с зиянием типа **четвертѣꙁракаа**, **ношьшаа**, **серафимьскаа животнаа**, **нб҃сьскаа**, **подаанию**, а также древнеболгарские написания с редуцированным после плавного: **съмрьтью**, **жрьтвоу**, **дрьꙁновению**. Подобные особенности известны и в других древнерусских рукописях XII в., которые восходят к старославянским протографам, например в «Ильиной книге» [Верещагин, Крысько 1999: 3—26], служебных минеях [Кривко 2007: 237—240].

В некоторых написаниях прослеживаются особенности восточноболгарского списка, который мог лежать в основе русской рукописной традиции памятника. Это проявляется в некоторых написаниях, где отсутствует *l*-epentheticum, что свойственно восточноболгарским памятникам, особенно Супрасльской рукописи [Вайан 1952: 78—79]: **авъ** л. 244в (вместо **ꙗвль**)[7]. Суффикс **-ьск-** перед ятем дифтонгического происхождения имеет только вариант **-стѣ-**: **чл҃очьстѣи**, **елеоньстѣи**, а не **-сцѣ-**. Смягчение **-ьск-** в **-ьстѣ-** с утратой конечного фрикативного элемента свойственно восточноболгарским рукописям, а именно Супрасльской рукописи и в меньшей степени Ассеманиеву евангелию. В Мариинском, Зографском евангелиях, Клоцевом сборнике употребляется исключительно вариант **-сцѣ-** [Вайан 1952: 82—83].

При сохранении архаичных старославянских особенностей список Син. 262 имеет весьма упорядоченную русскую орфографическую систему. Так, например, наблюдается последовательное распределение букв **ꙗ** и **ѧ**. Юс малый чаще всего пишется после согласных, как мягких, так и полумягких, а «йотированный а» пишется в начале слова и после гласных. Ис-

[7] В издании Н. Ф. Красносельцева эта форма была передана с ошибкой: **а въ древо крьстьнои**. В списке Вена cod. slav. 12 мы видим **ꙗвль** на месте **авъ**, что соответствует греческому δεικνὺς τὸ ξύλον τοῦ σταυροῦ.

ключения из этого правила немногочисленны. Так же последовательно распределены буквы **оу** и **ю**: **оу** пишется после твердых согласных, после шипящих и **ц** всегда пишется **ю**. Подобным образом распределены буквы **є** и **ѥ**. **Є** пишется после согласных и в заимствованных словах типа **архыереомъ**, **евангєлиє**, **єдємъ**, **ѥ** пишется после гласных и в начале слова.

Особо следует отметить употребление ижицы в греческих и славянских словах, так как в списке есть случаи ее архаичного употребления. Буква **ѵ** пишется на месте греческой υ в заимствованных словах: **мѵро**. В славянских словах она пишется после некоторых мягких согласных, в основном после **ц**, и фонетически равна **ю**: **агньцѵ**, **овьцѵ**, **тєльцѵ**, **плащаницѵ**. Один раз встретилась **ѵ** после **р** — **олтарѵ**. Такие спорадические написания, по-видимому, сохранились от более раннего протографа «Сказания», так как схожее явление отмечено в древнерусских рукописях XI—XII вв., например в Путятиной минее, где **ѵ** употребляется как графический дублет **ю** [Марков 2003] и в Бычковско-Синайской псалтыри [Кривко 2004: 317—359]. Буква **ȣ** выступает как графический вариант **оу** в позиции конца строки, однако есть немногочисленные исключения: **ȣгожено**, **ȣпъ|ваниѥ**.

В Синодальном списке «Сказания церковного» всегда сохраняются редуцированные **ъ** и **ь** в сильной позиции, прояснение **ъ** в **о** и **ь** в **є** встречается эпизодически — **коѕємоѵ** л. 240а (подробнее об этом слове см. ниже). В слабой и в абсолютно слабой позициях (в словах типа **кънигы**, **дъвоѥ**, **мъноѕи**) редуцированные преимущественно сохраняются, однако все же встречаются случаи их утраты (например, **дрѣвнюю** 246б, **гл҃єт сѧ** 239в, **проповѣдѣв сѧ** 250б). Отсутствие вокализации сильных редуцированных при пропусках слабых редуцированных относится к раннему этапу процесса падения редуцированных в древнерусском языке, что может свидетельствовать о времени написания антиграфа Синодального списка.

Как следствие падения редуцированных можно расценивать случаи написания так называемого «нового ятя»: **ѕѣмьноѥ** 238б, **съвѣдѣтѣльства** 238б, **на нѣмьже** 238г, **словѣсьно** 239б, **небѣсьскомъ** 242б, **о нѣмьже** 244в, **по сѣмьже** 250в, **въскрьсновѣньѥ** 239а. Случаев отражения «нового ятя» в списке памятника не так много, поэтому нам кажется, что это фонетическое явление было отражено в антиграфе Синодального списка — возможно, он был галицко-волынского происхождения. Появление «нового ятя» в русских рукописях фиксируется уже с конца XI в., например, это явление отмечено в Бычковской псалтыри XI в. [Кривко 2004: 110—112].

Спорадически встречаются написания со вторым полногласием (**мълъниꙗ** 249б), присущие русским рукописям с XI в., но в целом это фонетическое явление для списка не характерно.

Все описанные выше особенности могут свидетельствовать о том, что Синодальный список «Сказания церковного» был списан с рукописи рубежа XI—XII вв. галицко-волынского происхождения. Об этом свидетельствуют спорадические случаи написания «нового ятя» и второго полногласия. Антиграф Синодального списка, как нам представляется, мог быть

уже непосредственно переписан с южнославянского оригинала, причем восточноболгарского происхождения. От него сохранилась большая часть старославянских написаний: употребление йотированных юсов и слоговых плавных, написания с зиянием гласных, формы без *l*-epentheticum и формы мест. пад. на **-стѣ**.

Южнославянские списки памятника отражают утрату старославянской орфографии и ориентацию на новые литературные нормы книжников круга Саввы Сербского (Вена, cod. slav. 12) и Тырновской книжной школы (РНБ, F.I.376 и ГИМ, Барс. 1418).

2. Особенности языка памятника в области морфологии

Синодальный список «Сказания церковного» содержит большое число архаизмов, свидетельствующих о древности старославянского протографа произведения. Так, например, нестяженные формы полных прилагательных преобладают над стяженными: **новааго**, **трисвѧтааго**, **разоумьнааго**, **пророчьскоуоумоу**, **вѣчьноуоумоу**, **бесъмьртноуоумоу**. Частотно употребление кратких прилагательных в атрибутивной функции: **бѣлами ризами**, **прапроуднами доугами**. Другие списки памятника не сохраняют этих форм, а заменяют их более поздними членными стяженными формами **пророчьскомоу**, **вѣчномоу**, **бѣлыми**, **прапроудными** и т. д.

Для локализации переводов важными признаками являются некоторые морфологические данные, такие как наличие в текстах простых аористов и сигматических аористов старого типа, архаичных действительных причастий прошедшего времени от глаголов с основой инфинитива на **-и**, глагольные формы 3-го лица двойственного числа на **-те**. Все эти особенности свойственны текстам, созданным в западном регионе Первого Болгарского царства [Вайан 1952: 261—264, 274—275, 249].

В тексте Синодального списка встречается ряд глагольных форм 3-го класса, в которых происходит утрата интервокального йота и уподобление окончания предшествующему гласному **съказаать**, **пристоупаать**, **нарицаать сѧ**. Такие формы очень частотны в македонском Мариинском евангелии [Вайан 1952: 251].

В тексте «Сказания церковного» употребляются действительные причастия прошедшего времени от глаголов 4-го класса на *-и* архаичного типа: **очищь сѧ**, **проображьши сѧ**, **съврьшьши сѧ**, **въплъщь сѧ**, **наоучьши сѧ**, **изволь**, **ношьшѧа**. Употребление действительных причастий прошедшего времени нового типа с суффиксом **-въш-** не отмечено. В тексте два раза встречается архаичное причастие настоящего времени **гороущь** от глагола **горѣти** (249г, 259в). Это причастие регулярно встречается в языке древнеславянских служебных миней [Пичхадзе 2009: 303].

В Синодальном списке памятника имеются случаи употребления простого аориста **сѧдоу** (3 л. мн. ч.) 240а, **спасомъ сѧ** — 257а. В глаголах

третьего лица двойственного числа встречается только окончание **-те**: **стоꙗсте ногѣ**, **станете ногѣ** 240г. Употребление простых аористов и 3-го лица дуалиса на **-те** свойственно древнейшим глаголическим рукописям западного региона Первого Болгарского царства: Мариинскому евангелию, Синайской псалтыри, Клоцеву сборнику [Вайан 1952: 265, 249]. В Венском списке памятника окончание **-те** в двойственном числе заменяется на окончание **-та**, а в списке F.I.376 простые аористы заменяются сигматическими.

Примечательна форма числительного 24 — **четыре третьюмоу десѧти**. Это числительное употреблено в следующем контексте: **въ вышьнѧꙗ свѣтила. иерѣомъ и небѣсьскомъ слоужителемъ и свѧтителемъ есть презвитеръ д҃. третьюмоу десѧти** (ἐν ταῖς ἄνω λαμπρότησι τῶν οὐρανίων λειτουργῶν καὶ ἱεραρχῶν, εἰσὶ πρεσβύτεροι εἴκοσι τέσσαρες). В Венском списке форма передана буквенной цифирью **к҃д** и форма сказуемого заменена множественным числом **соуть пресвутери к҃д**. Синодальный список и список F.I.376 воспроизводят очень редкую модель образования числительных третьего десятка, которая как бы структурно продолжает ряд второго десятка. Известны два варианта таких образований. Первый — числительное первого десятка + **междю десѧтьма** (24 — **четыре междю десѧтьма**) — засвидетельствован неоднократно, следы этого образования сохранились в чешском языке: dvamecitma — 22 [Супрун 1961: 17]. Вторая модель — числительное первого десятка + дательный или родительный падеж числительного третьего десятка — известна в некоторых хорватских памятниках, в частности в текстах «Малых пророков» хорватской редакции: **въ четврьтъи третiаго десѧте** [Вайан 1952: 193]. Эта модель в тексте представлена также числительным 49 — **девѧть пѧтоумоу десѧти** л. 241б и сохраняется во всех списках.

Итак, перечисленные морфологические особенности известны в македонских и хорватских памятниках. Кроме рассмотренных выше региональных южнославянских черт, в рукописи Син. 262 имеются некоторые морфологические особенности, которые свидетельствуют о том, что ее антиграфом могла быть русская рукопись XI в. На это указывают окончания дательного падежа множественного числа **-ьмъ**: **похотьмъ**, **людьмъ**, где сохраняется древнее окончание склонения на -**i*, окончание **-ъмъ** в творительном падеже единственного числа склонения на -**o*: **хлѣбъмъ**, **звоукъмъ**, **образъмь**, **кадилъмь**, **съ никодимъмь**, **съ страхъмь**, **съ истиньнъмь**. Наряду с ними нередки формы с окончанием **-омь**: **поꙗсомъ оусньꙗномъ**, **прьстомъ**, **виномь**, **жезломь**, **чловѣкомъ** и т. д. Спорадически встречаются формы родительного падежа женского рода на **-ѣ** склонения на **ja*: **до землѣ** 241а.

Итак, в тексте «Сказания церковного» имеются западноболгарские морфологические черты, представленные в Синодальном списке и частично в более поздних списках — Венском и F.I.376, а также древнерусские особенности XI в., спорадически встречающиеся в Син. 262.

3. Лексика «Сказания церковного»

«Сказание церковное» имеет чрезвычайно интересный лексический состав. При сопоставлении всех списков памятника обнаруживаются первичные и вторичные чтения, а также региональные варианты, введенные в текст перевода при его миграции на другие славянские территории. Здесь немало архаичных и локальных чтений, распространенных на узких территориях и зафиксированных в небольшом числе памятников. Эти чтения дают возможность предположить, где был сделан перевод, и проследить, как проводилась правка в более поздних списках.

3.1. Рассмотрим сначала литургическую лексику, тематически наиболее частотную в этом тексте, а затем отдельные лексические употребления. В сфере литургической терминологии «Сказание церковное» содержит значительное число гапаксов, не известных по другим памятникам и не зафиксированных словарями. Приведем их.

анаволе — τὰ ἀναβόλαια

анаволе же соуть по анаволеомъ ꙗже ношахоу ризы б҃жии апл҃и (τὰ δὲ ἀναβόλαια ἅσπερ ἐκεῖνοι (ἀπόστολοι) ἐφόρουν ἱμάτια). Это слово имело несколько значений — белая крестильная рубаха и часть монашеского облачения. Изначально у египетских монахов это был плат, который придерживал одежду у плеч и предплечий (т. е. современный аналав). В толковании Германа это слово уже означает рясу [ПЭ II: 207]. Форма именительного падежа множественного числа этого слова имеет древнее окончание мужского рода **-е** (как у существительных типа **сынове**, **камене**, **приꙗтеле**), но, возможно, изначально имела форму **анаволее**, а форма **анаволе** возникла в результате апокопирования последнего гласного. Скорее всего, форма именительного падежа единственного числа у этого существительного была **анаволеи**, так как большинство греческих существительных среднего рода в старославянском языке усваивались как существительные мужского рода [Вайан 1952: 143]. Судя по форме дательного падежа множественного числа **анаволеомъ**, это существительное склонялось по архаичной парадигме типа **фарисеи** (дат. мн. **фарисеомъ**). Неустойчивость значения этого слова в средневековье отражается и в славянских списках. В Венском списке **анаволе** заменяется на **аналавь**, причем в этом списке чтение явно вторично: при единственном числе формы **аналавь** сохранена форма множественного числа глагола **соуть**, а форма дательного падежа множественного числа **аналавиѥмь** явно искусственна.

атре (Вена cod. slav. 12, F.I.376, Барс. 1498) : **атретниѥ** (Син. 262) — ὁ ἀήρ

катапетасма сирѣчь атре ѥже есть тонкоѥ платьно. имьже покрываюють съсуды. ѥсть и г҃лєтьсѧ въ камене мѣсто имьже оутвьрди гробъ иосиф (τὸ καταπέτασμα ἤγουν ὁ ἀὴρ ἐστὶν ἀντὶ τοῦ λίθου οὗ ἐσφάλισε τὸ

μνημεῖον ὁ Ἰωσήφ). Обычный славянский перевод для греческого слова ἀήρ — **въздоухъ** или же грецизм **аеръ** [СДрЯ II: 47]. Слово **атре** не зафиксировано ни одним словарем, и значение его не вполне ясно. Нам представляется, что можно связать это слово с латинским прилагательным *ater*, *atra*, *atrum* — «черный», от которого происходит множество слов: *atrium* (изначально помещение, почерневшее от копоти, затем передняя комната в доме, во дворце), *atritas* (черный цвет), *atratus* (одетый в черное, в траур) [Дворецкий 1986: 86—87]. Славянский фрагмент не соответствует греческому тексту, слову ἀήρ дается не перевод, а комментарий, что это ткань черного цвета. Возможно, в оригинале славянского перевода толкование аера отличалось от опубликованных греческих текстов, которыми мы пользуемся. Отметим, однако, что латинский перевод Анастасия Библиотекаря согласуется с греческим текстом: *velum sive aer est et dicitur pro lapide, quo Iosef munivit sepulcrum* [Borgia 1912: 31—32]. Можно также предположить, что перед нами оригинальная славянская вставка и это добавление славянского переводчика. Интересно само указание на черный цвет, ведь в современном богослужении цвет аера и катапетасмы, а вместе с ними и облачения священнослужителей варьируется в зависимости от церковного календаря. Черный цвет употребляется во время Великого поста (кроме суббот и воскресений) и на Страстной седмице. Поскольку события, приводимые в качестве толкования катапетасмы, относятся к Страстной пятнице, можно предположить, что здесь комментируется именно великопостный аер черного цвета. Так или иначе, мы сталкиваемся здесь с двумя неизвестными ранее словами среднего рода, образованными от одного корня: существительным **атре** и субстантивированным прилагательным, образованным не совсем понятным способом — **атретнѥѥ**. Возможно также, что в Син. 262 представлено искаженное чтение.

вима — βῆμα

Грецизм, означающий алтарное возвышение. В качестве славянского эквивалента этому слову употреблялось слово **олтарь** как передающее общее значение алтарного пространства церкви и отдельных его частей — жертвенника и престола. Реже это слово передается славянским словом **жрътвеникъ**, этот вариант представлен в переводе устава литургии в редакции Евфимия Тырновского [Сырку 1890: 11]. В списках F.I.376, Барс. 1498 **вима** заменено на **ѡлтарь**.

вѣтрьници — τὰ ῥιπίδια

Славянский вариант для перевода греческого ῥιπίδιον не встречается в древнеславянских памятниках, обычно употребляется грецизм **рипида**. Слово **вѣтрьникъ** в значении «опахало, веер, flabellum» зафиксирован в Шестодневе Иоанна экзарха болгарского [Срезневский III: 498], но здесь оно употреблено не как литургический термин. Это слово в значении «опахало» известно в современном словенском языке [Miklosich: 123]. Возможно, это

локальный литургический термин, который был распространен в западнославянских землях и впоследствии вышел из употребления. Отметим, что этот термин в тексте встречается дважды и сохраняется во всех списках.

дольматица (Вена cod. slav. 12) : **стихарь** (Син. 262, F.I.376, Барс. 1498) — στιχάριον

Слово **дольматица** употреблено дважды в Венском списке «Сказания церковного»: **доугы же дольматици ꙗже на роукавоу ꙗвлꙗють везаньѥ х҃во; а доугы долматицѣ ꙗже по странама соуть по крьви текьши из ребрь х҃вь.** Слово употреблено в родительном и дательном падежах и в обеих формах сохраняется **ц**, поэтому именительный падеж мы реконструируем как **дольматица**, а не **дольматика**, как это слово звучало бы по-латыни. Появление **ц** здесь вполне закономерно, это рефлекс регрессивной палатализации заднеязычного **к**. «Далматика» в современной католической церкви — это часть облачения католического священнослужителя, верхняя расшитая риза, надеваемая поверх туники, во многом близкая православному стихарю. Этот литургический термин в «Сказании церковном» наряду с другими латинизмами нам представляется первичным. Употребление в корне гласной **о** свидетельствует о заимствовании этого слова в раннюю эпоху, когда краткие гласные «а» и «о» латинского и греческого языков передавались через славянское *о*, восходящее к праславянским кратким гласным (ср. **олтарь**, **поганъ**, **сотона**). Вставка неэтимологического редуцированного между **л** и **м** свидетельствует о действии в период заимствования закона открытого слога. Впоследствии, как нам представляется, это редкое слово было заменено обычным названием православного облачения **стихарь**. В латинском переводе Анастасия Библиотекаря греческое слово στιχάριον переведено как tunica [Borgia 1912: 17].

канкела (Вена cod. slav. 12, F.I.376, Барс. 1498) : **каꙗгла** (Син. 262) — καγκέλλα

Грецизм, который, в свою очередь, является заимствованием в греческий из латыни — *cancelli*, *-orum* (решетка, ограда). В славянском переводе он осмыслен не как существительное среднего рода множественного числа, а как существительное женского рода единственного числа. Это подтверждается двумя контекстами, где это слово встречается: **каꙗгла/канкела ѥсть молитвѣ мѣсто, ѥсть же въ истиноу и въ с҃тѣмь гробѣ каꙗгла/ канкела мѣдѧна**. В Синодальном списке, по-видимому, представлено испорченное чтение, потому что на поле листа 240 рядом со словом **каꙗгла** написано рукой писца **та(к҃) бѧ(ш҃)**, что свидетельствует о непонимании писцом значения этого слова.

люхно (Син. 262) — λογχή

Это слово означает литургическое «копие». Обычным славянским эквивалентом для λογχή является **копиѥ**. Здесь, по-видимому, мы сталкиваем-

ся с испорченным грецизмом. Другие списки этого слова не воспроизводят, а заменяют его общеупотребительным **копие** или **ножь**. Отметим, что в Син. 262 слово **люхно** встретилось один раз, в остальных случаях употребляется **ножь** и **копие**. На полях рядом с этим словом (л. 245а) писцом написано **та(к҃)**; по-видимому, оно было непонятно копиисту, но он его сохранил, пометив глоссой, что это не его ошибка. Нам представляется, что перед нами искаженный вариант грецизма, в котором **ю** передает большой юс южнославянского оригинала, появившийся из сочетания -*lon*- (λογ) в результате монофтонгизации в носовой гласный. Возможно, этот грецизм выглядел как **лѫхии**, так как существительные женского рода на -η, а особенно на -ή, переходили в склонение женского рода на **-ии**: **пентикостии**, **скинии** и проч. [Вайан 1952: 142].

обрѣзание — προσκομιδή

Обрѣзание бываемое въ съсоудохранильници. съказаеть краниево мѣсто (ἡ προσκομιδὴ ἡ γενομένη ἐν τῷ σκευοφυλακίῳ ἐμφαίνει τοῦ κρανίου τὸν τόπον). Слово **обрѣзание** прямо описывает действие священнослужителя над хлебом — он вырезает агнец из просфоры. Славянский вариант в данном случае не является буквальным, он не передает внутреннюю форму слова προσκομιδή, что обозначает «приношение», «подношение». Здесь мы сталкиваемся не с буквализмом перевода с греческого, что очень характерно для преславских переводов, а с буквализмом в передаче действия. По-видимому, такой способ перевода очень ранний, относящийся к тому периоду, когда литургическая терминология в церковнославянском языке только начинала формироваться. В дальнейшем в славянских памятниках слово **обрѣзание** стало обозначать праздник Обрезания Господня или сам процесс обрезания (περιτομή). Греческое слово προσκομιδή стало передаваться грецизмом **проскомидиꙗ** или славянской калькой **предложение**.

олокарпома — ὁλοκάρπωμα

Греческие слова ὁλοκαύτωμα и ὁλοκάρπωμα обозначают жертву всесожжения, т. е. полностью сжигаемую жертву, и в тексте Септуагинты являются синонимами [Sophokles 802]. В славянских текстах в качестве переводов этих греческих слов употребляются кальки **вьсесъжьжение** и **вьсеплодьстьво** [СДрЯ II: 279, 277], **вьсеплодьнаꙗ жьртва** [Срезневский I: 470—472], **вьсеплодие** [SJS II: 366, 368]. Грецизмы **олокавтомата**, **олокавътось** достаточно распространены в древнеславянских переводах для греческого ὁλοκαύτωμα и ὁλοκαύτωσις [СДрЯ VI: 121; SJS II: 538; Срезневский II: 662]. Известен также грецизм **олокарпосъ** для греческого ὁλοκάρπωσις в тексте Григоровичева паримейника [SJS II: 539]. Грецизм **олокарпома** (Син. 262) и **олокафома** (Вена cod. slav. 12) зафиксирован только в «Сказании церковном». В списке РНБ, F.I.376 грецизм заменен на славянскую кальку **вьсесъжение**.

олтарница — κόγχη

Олтарница ѥсть по образоу виѳлеѡмьскаго вьртьпа (κόγχη ἐστὶ κατὰ τὸ ἐν Βηθλεὲμ σπήλαιον). В данном контексте речь идет об апсиде и об апсидном пространстве в алтаре. В древнерусских непереводных памятниках, таких, например, как «Правило Ильи, архиепископа Новгородского», или в сборнике «Златая Цепь», к большинству статей которой греческие оригиналы не найдены, в этом значении используется словосочетание **малыи олтарь** [Срезневский II: 663; СДрЯ VI: 121]. Термин **малыи олтарь** часто встречается в древнерусских списках литургии Иоанна Златоуста в богослужебных указаниях и при описании действий священнослужителей. Термин **олтарница** в списках «Сказания церковного» неустойчив, в списках F.I.376 и Барс. 1498 он заменяется на **олтарь**, что может свидетельствовать о его локальном распространении.

положилище — τὸ καταθέσιον

Нам представляется, что это слово означает «место, куда что-то кладут, вместилище». Оно употреблено в следующем контексте: **ѥже ѥсть образъ ст҃ии гробъ онъ олтару и положилище на немьже положисѧ ст҃оѥ и прч҃стоѥ тѣло** (ἐστὶ δὲ ἀντίτυπον τοῦ ἁγίου μνήματος τὸ θυσιαστήριον καὶ τὸ καταθέσιον δηλαδὴ ἐν ᾧ ἐτέθη τὸ ἄχραντον καὶ πανάγιον σῶμα). Здесь мы сталкиваемся со славянской калькой, которая, по-видимому, имела локальное распространение. В Синодальном списке это чтение заменено глагольной формой **положиста**, в южнославянских списках оно сохраняется.

съвитоѥ — τὸ εἰλητόν

Слово **съвитоѥ** — редкий славянский вариант, который не отмечен в словарях, однако встречается в богослужебных указаниях некоторых древнерусских служебников, например в служебнике Ярославского музея-заповедника № 15472, л. 108 и в служебнике Соловецкого собрания № 1016/1025, л. 59об. Обычно в славянских рукописях в соответствии с εἰλητόν употребляется грецизм **илитонъ**, **литонъ**.

3.2. В «Сказании церковном» есть ряд архаичных и редких слов, известных ограниченному кругу памятников — преимущественно южнославянским памятникам западного происхождения.

блисцѧниѥ — ἀστραπή

Это слово в значении «молния» редко встречается в славянской письменности, обычное его значение «блеск, сияние». В «Сказании…» оно употреблено именно в значении «молния»: **ꙗко иногда мосѣеви гласъмь блисцѧнии и троубьнымь ѕвоукомь и мьглою** (как когда-то [Бог говорил] Моисею громом, молниями, звуком труб и тьмой) — ὡς ποτὲ τῷ Μωυσῇ διὰ φωνῶν καὶ ἀστραπῶν καὶ σαλπίγγων ἤχῳ καὶ γνόφῳ... Подобное значение этого слова зафиксировано в глаголическом Клоцевом сборнике [Miklo-

sich: 31], а также в «Мучении папы Стефана» и «Мучении св. Вита», произведениях, переведенных, по мнению А. И. Соболевского, с латыни одним и тем же переводчиком [Соболевский 1903: 295; 1905: 107]. *Blesk* в значение «молния» сохранилось в современном чешском языке.

брашьновати, брашьньце — μεταλαμβάνειν, μετάληψις

Архаичные слова, вытесненные впоследствии словами **причѧщатисѧ, приимати; причѧстие, приꙗтие**. Слово **брашьньце** имеет весьма узкое распространение, оно зафиксировано в «Заповедях святых отец» в составе Синайского Евхология [Пенкова 2008: 59]. Также это слово известно в глаголических хорватских миссалах: Синайском миссале XI в. 5/N, в Венских листках XI—XII вв., во фрагментах Сплитского миссала. Это свидетельствует о его локальном узусе: возможно, слово **брашьньце** в значении «просфора», «причастие» — далматский культурный диалектизм [Максимович 2008: 82]. Слово **брашьноующа** (acc. pl. причастия наст. вр. от **брашьновати**) в значении «причащаться» зафиксировано только в «Сказании церковном»[8].

велика нощь — πάσχα

Такой перевод этого греческого слова известен только в Евангелии от Никодима [SJS: 173]. Для обозначения праздника Пасхи оно до сих пор используется в современном чешском языке [Соболевский 1910: 13], а также в польском, словацком и словенском языках, в отличие от болгарского и македонского языков, где употребляется слово *Великден*.

гротъ (F.I.376) : **гребъ** (Син. 262) : **гробъ** (Вена cod. slav. 12) — κρατήρ

Чаша же есть пакы по гротоу иже книжьнѣ мѫдрωсти рекше премѫдрωсть (τὸ ποτήριον δὲ πάλιν ἐστὶν κατὰ τὸν κρατῆρα ὃν γράφει Κύριος, ἤτοι ἡ σοφία). Из всех представленных вариантов первичным следует признать **гротъ**. Слово *hrot* со значением «лохань, деревянная посуда, подойник» известно в чешских диалектах, в южнославянских языках *грот* имеет значение «горло, горловина» [ЭССЯ 7: 140—141]. И. И. Срезневский связывает церковнославянское **гротъ** со средне-латинским *grassal* от лат. *crater*, *-eris* «сосуд для смешивания воды» и производным от него *graal*, *greal* «грааль». В церковнославянских памятниках это слово встречается крайне редко, оно употребляется только в 13-ти Словах Григория Назианзина по списку XI в. [Срезневский 1: 598], причем в Слове 10, которое, по мнению С. Кульбакина, наиболее архаично из всех гомилий сборника и

[8] В Словаре русского языка XI—XVII вв. (Т. I: 328) ошибочно приводится значение **брашьновати** как «принимать пищу», «вкушать», а **брашьньце** как уменьшительное от **брашьно**. Их греческие соответствия позволяют однозначно интерпретировать эти слова как литургические термины «причащаться» и «причастие».

является македонским переводом, никак не связанным с восточноболгарской переводческой школой [Кульбакин 1940: 33—34]. Славянское слово **гребъ** со значением «сосуд для смешения вина и воды» в словарях не зафиксировано. По данным ЭССЯ, глагол *grebti имеет значение «черпать воду» только в болгарском и сербо-хорватском языках наряду с другими значениями «рыть, чистить, скрести», в других славянских языках он передает значение «копать, рыть, царапать» (словенск.), «хоронить» (чешск., польск.), «грести лопатой или веслом» (рус.) [ЭССЯ 7: 109—110]. По-видимому, **гребъ** в значении «чаша» связан с южнославянской зоной, и неизвестное в южнославянском регионе слово **гротъ** было заменено на близкое по звучанию и более понятное **гребъ**. В Венском списке представлено искаженное чтение.

каланда (F.I.376) : **кальноуда** (Син. 262)

а ѥже по велицѣи нощи до пѧтикостиꙗ не покланѧтисѧ до ѕемлѣ. сирѣчь кальнуда (τὸ δὲ μέχρι τῆς πεντηκοστῆς μὴ κλίνειν τὸ γόνυ ἐστὶ τὰς ἑπτὰ ἡμέρας μετὰ τὸ ἅγιον πάσχα). В «Сказании церковном» слово **каланда** поясняет греческую фразу и, скорее всего, означает Святую седмицу, или первые семь дней после Пасхи. В латинском языке calendae имеет два основных значения. Первое, наиболее распространенное, — это первые дни месяца. Второе значение, переносное, связанное с распространением христианской культуры, — языческий новогодний праздник. Латинизм **каланда** в своем первом значении отмечен в некоторых древних славянских памятниках. Так, это слово известно в старославянских памятниках как болгарского происхождения — Изборнике 1073 г., Супрасльской рукописи, так и западнославянского — Номоканоне Мефодия, Житии Вацлава [SJS II: 7], а также употребляется в 1-й Новгородской летописи и Сказании о Борисе и Глебе [Срезневский 1: 1181; СДрЯ IV: 194]. Во втором значении оно отмечено один раз в «Заповеди святых отец» [Максимович 2008: 73—74]. Интересно отметить, что в «Сказании церковном» оно не переводит конкретного слова, а употреблено в поясняющем значении как, по-видимому, понятное для читателя. Можно предположить, что это слово было известно в кругу тех, кто осуществлял перевод. Показательно, что в Венском списке слово **каланда** заменено на **колѣно**, а в Синодальном списке употреблено с искажением: **кальноуда**. Это свидетельствует о локальном распространении слова, которое, скорее всего, можно считать латинизмом, характерным для западнославянской зоны. В болгарском языке слово «коледа», по-видимому, изменило свое значение и теперь означает Рождество Христово [Геров 2, 1897: 390].

катихоуменъ — κατηχούμενος

Грецизм **катихоуменъ** довольно рано вышел из употребления и вместо него стал нормативным славянский эквивалент **оглашеныи**. Распространение этого слова весьма ограничено: Студийский устав, Огласительные по-

учения Кирилла Иерусалимского, Номоканон Мефодия по Устюжской кормчей [СДрЯ 4: 206; Срезневский 1: 1199; SJS 2: 17].

козмитъ (ὁ κοσμήτης) и **коземъ** (τό κόσμιον)

козмитъ же ѥсть по законоуноу и ст҃ому козему (в Венском списке **козмоу**) **ꙗвлѧꙗ распѧтаго х҃а образъ** (κοσμήτης ἐστὶ κατὰ τὸν νομικὸν καὶ ἅγιον κόσμιον ἐμφαίνων τοῦ σταυρωθέντος Χριστοῦ ἐκσφράγισμα). **Козмитъ** — редкий грецизм, означающий столбцы, на которые навешивались царские врата. В словарях слово отмечено только в «Вопрошании Кирика» [СДрЯ IV: 235]. Этот грецизм имеется лишь в Синодальном и в Венском списках, в F.I.376 он заменен славянским эквивалентом **оукрашениѥ**. **Коземъ**, судя по греческому эквиваленту, имеет значение «украшение», «устройство» [Sophokles IX: 683]. В словарях это значение не зафиксировано; по-видимому, этот грецизм имел весьма редкое употребление. **Коземъ** — форма мужского рода, образовавшаяся от греческих существительных среднего рода на -ιον, как **киворъ** — κιβώριον, **преторъ** — πραιτώριον. Однако фонетически здесь ожидалась бы другая модель типа **лентии** — λέντιον, тогда было бы **козмии** — κόσμιον, поскольку перед суффиксом -ιον имеется две согласных. В нашем же случае образование формы **коземъ** сопровождалось появлением вставного неэтимологического **ь**, который впоследствии прояснился в **е**.

крижьма/хризма/муро (Син. 262) : **моуро** (Вена cod. slav. 12) :
масло/вонꙗ (F.I.376, Барс. 1498) — μύρον.

Греческое слово μύρον в тексте памятника встречается три раза и переводится четырьмя разными словами. Венский список во всех случаях передает μύρον грецизмом **моуро** с передачей древнего фонетического значения ижицы как огубленного «и». В Синодальном списке наряду с грецизмом **муро** употребляется слово, представленное в двух фонетических вариантах: **крижьма** и **хризма**. Первый вариант **крижьма** является моравизмом. Он представляет собой заимствование из греческого χρίσμα через латинское посредство *chrisma*, так как появление «ж» на месте «з» свидетельствует о качестве произнесения свистящих в западноевропейских языках того времени [Соболевский 2006: 237—238]. Начальное «к» вместо «х» свидетельствует о германском языковом посредстве при передаче греческих слов с начальным «х». Слово **крижьма** встречается в некоторых древнеславянских памятниках, таких как Григоровичев паримейник, Толковый Апокалипсис по списку 1-й пол. XIV в. РГБ Рум. 8, Хроника Георгия Амартола, но весьма рано заменяется на более распространенные варианты — грецизмы **хризма** и **моуро** [Максимович 2005: 135—136]. Варианты **масло** и **вонꙗ** вряд ли можно считать преславизмами, поскольку преславские книжники последовательно заменяли словом **масло** грецизм **олѣи** [Славова 1989: 81]. По-видимому, это более распространенные славянские варианты для **крижьма** и **хризма**.

миса (Син. 262): **блюдо** (Вена cod. slav.12, F.I.376) — δίσκος

В древнеславянских переводах Евангелия слово **миса** соответствует греческому πίναξ и означает блюдо, т. е. плоскую посуду, не предназначенную для жидкости. Вариант **миса** в большей степени характерен для евангелий-тетров, особенно для Мариинского евангелия. В евангелиях-апракосах основным вариантом является **блюдо**, а в старославянском переводе Псалтыри встречается только **блюдо** [Львов 1966: 58—65]. **Миса** — севернославянское слово, распространенное преимущественно в чешском, польском и славацком языках. В старославянском языке является заимствованием из др.-в.-нем. *mias* ‘стол’ и считается чехоморавизмом [ЭССЯ 19: 58—59]. В «Сказании церковном» **миса** употреблено как литургический термин и соответствует греческому δίσκος, здесь также имеется в виду плоская посуда, какой является дискос. Нам представляется, что в Синодальном списке сохранилось первичное чтение **миса**, другие списки памятника имеют более поздний и более распространенный вариант **блюдо**.

мьшьноѥ слоуженіѥ (Вена cod. slav.12): **мьнишьноѥ слоуженіѥ** (Син. 262): **слоужебноѥ слоуженіѥ** (F.I.376, Барс. 1498) — ἱερουργική

А въторое подобьно къ тельцу слоужение мьшьноѥ и свѧщеныихъ чинъ ꙗвлꙗеть. Τὸ δεύτερον ὅμοιον μόσχῳ τὴν ἱερουργικὴν καὶ ἱερατικὴν ἐμφαῖνον. Венский список сохранил, на наш взгляд, первичное чтение — прилагательное **мьшьноѥ** от **мьша** — месса, литургия. В Синодальном списке оно переосмыслено как **мьнишьноѥ**, т. е. монашеское, а в F.I.376 переведено по-другому: **слоужебное**. Словосочетание **мьшьное слоужение** известно в старославянских памятниках западного региона: в хорватской глаголической службе Кириллу и Мефодию, находящейся в Люблянском бревиарии, в Номоканоне по Устюжской кормчей [SJS 2: 257]. Существительное **мьша** заимствовано из латыни, широко представлено в западнославянских памятниках: Киевских и Венских глаголических листках, Житии Мефодия — и признается бесспорным моравизмом, который использовался впоследствии только в западнославянских и сербохорватском языках [Максимович 2005: 124—125].

навлащьствиѥ (Вена cod. slav.12, Син. 262) — ἀιδιότης, *proprietas*

…**троицю ст҃оую. по оупостасемь. сирѣчь лицемъ. нераздѣльно навлащьствиѥ.** Латинский перевод Анастасия Библиотекаря дает вариант, не соответствующий греческому чтению: …*Trinitas videlicet sancta secundum subsistentiarum, id est personarum, inconfusam* ***proprietatem*** — …Τριάδα ἁγίαν κατὰ τὴν τῶν ὑποστάσεων ἀσύγχυτον ἀιδιότητα (…Троицу, которая по **вечности** ипостасей (является) неслиянным … (Богом))[9]. Латинский пере-

[9] Речь идет о толковании единства и нераздельности св. Троицы, мы используем здесь перевод с греческого П. Мейендорфа [Сказание 1995: 75].

вод содержит слово proprietas, что значит «собственность, обладание». Это чтение образовалось путем перевода искаженного греческого варианта ἀιδιότητα (от прилагательного ἀίδιος — вечный, постоянный) без начальной альфы ἰδιότητα (от ἴδιος — собственный, особенный). Отметим, что в славянском переводе слово **навлащьствиѥ** является переводом именно вторичного чтения ἰδιότητα и также имеет значение «владение, обладание». В исторических словарях слово **навлащьствиѥ** не зафиксировано, вариант, приведенный в словаре Миклошича [Miklosich: 399], относится к Венскому списку «Сказания церковного».

Слово **влащь** со значением «собственный» зафиксировано в памятниках западного происхождения, таких как Беседы на Евангелие папы Григория Великого [Соболевский 1900: 8]. Это слово сохранилось в старочешском языке и имеется в сербохорватском с тем же самым значением. Предложное сочетание **на влащи** отмечено в Толкованиях на псалмы Афанасия Александрийского и в новгородском Чине пострижения в монашество по списку XIV в. Предложно-падежные сочетания со словом *vlašt'* (*nalàšč* — нарочно, *zvlášt'* — особенно, *zwłaszcza* — тем более, особенно) зафиксированы на западе и на юго-западе славянства — в словенском, чешском и польском языках. Слово *navlašt* со значением «собственный» имеется в современном сербо-хорватском языке [Rječnik JAZU VII: 751]. Суффикс — *-jьstvij-*, с помощью которого образовано слово **навлащьствиѥ**, свойствен западному церковнославянскому языку Моравии и Паннонии [Максимович 2005: 132—133].

остежь — χλαμύς

Это слово со значением «плащ, одежда, застегивающаяся у ворота» известно узкому кругу памятников — Огласительным поучениям Кирилла Иерусалимского, Толковой палее по списку XIV в. [Срезневский II: 741], в словаре Миклошича это слово отмечено только в Венском списке «Сказания церковного» [Miklosich: 522]. По мнению М. Фасмера, **остежь** является сербским церковнославянским вариантом, для русского церковнославянского языка он приводит форму **остегъ**, этимологически связанную с глаголом **стегати** [Фасмер: III, 164].

поскоудовати — λείπομαι

ни въ ѥдино ѥму поскоудоуютъ (ἐν μηδενὶ αὐτοῦ λειπομένους) — «не уступают ему ни в чем». В словарях это слово зафиксировано только в сербском списке «Сказания церковного» [Miklosich: 634]. Наречие **поскѫдоу** (мало, скудно) отмечено в Беседах папы Григория на Евангелие и Супрасльской рукописи [SJS III: 183].

свѧщеныи — ἱερεύς

Употребление слова **свѧщеныи** вместо **свѧщеникъ** в соответствии с греческим ἱερεύς имеет локальное распространение. Так, это слово зафик-

сировано в глаголических рукописях: Синайском евхологии, в Зографском и Мариинском евангелиях, а также в церковнославянских переводах западного происхождения — Номоканоне Мефодия (по Устюжской кормчей) и Евангелии от Никодима в соответствии с латинским sacerdos [SJS VI: 48]. Отметим, что слово **свѧщеныи** в значении «священник, священнослужитель» в тексте памятника встречается 5 раз (л. 239в, 240б, 241г, два раза на л. 242 а) и является основным для передачи греческого ἱερεύς. Грецизм **иерѣи** в соответствии с ἱερεύς употреблен только один раз.

скриниꙗ: скриниꙗ — κιβωτός

Это слово со значением «ковчег» в тексте употреблено дважды. В Синодальном списке на л. 239а рукой редактора слово **скрини** исправлено на **скиниі**, затерта буква **р** и подставлена в конце буква **і**. В южнославянских списках слово сохраняется, но в F.I.376 оно передано как **скриниꙗ**. По наблюдениям М. Йовчевой, это слово отсутствует в древнейших переводах ветхозаветных книг, где греческое κιβωτός переводится как **крабии**, **кивотъ**, **ковъчегъ**. Слово **скриниꙗ** широко распространено в гимнографических текстах, связанных с кругом учеников Кирилла и Мефодия, хотя в поздних списках оно подвергается всевозможным заменам и переосмыслениям. Все приведенные факты могут свидетельствовать об узком локальном распространении слова **скриниꙗ**, возможно, это балканский латинизм, связанный с далмато-романским субстратом западной части Балканского полуострова [Йовчева 2005: 148—156].

спорьно — πληθυντικῶς

Слово употреблено в значении «многократно, много раз» в следующем контексте: **ѿблгословите ѿ҃ги славоу ѿ҃гл҃ѧ спорьно иночьно. а не ли ѿ҃лте ѿ҃ги спорьно. ли ѿ҃лте ѿ҃ги славоу единочѧдьно. триоупостасьно. ѥдино ѿ҃жьство молити** («Εὐλογήσατε Κύρι τὸ δόξα» πληθυντικῶς ἢ «Εὐλόγησον Κύρι τὸ δόξα» ἑνικῶς, τὸ μέν πληθυντικῶς σημαίνει τὴν τρισυπόστατον μίαν θεότητα δέεσθαι). **Спорьнъ** в значении «обильный, множественный» отмечено в Венском списке Учительного евангелия [Miklosich: 872], известны также однокоренные слова **спорыи** — «увеличивающийся, умножающийся» и **спорыни** — «обилие», зафиксированные в Огласительных поучениях Кирилла Иерусалимского [Срезневский III: 472—473]. Слово имеется в Синодальном списке и списке F.I.376, в Венском списке заменено на **множьно**. В болгарском языке это слово получило значение «прибыльный, успешный» [Геров V: 231]

троутъ (Син. 262, Вена cod. slav. 12) : **воиньство** (F.I.376) — κουστωδία

Редкое слово **троутъ** со значением «охрана, войско» фиксируется в сборнике Клоца и Супрасльской рукописи [Mikloshich: 1014], а также в Хронике Георгия Амартола, где оно соответствует греческому στῖφος [Срезневский III: 1013; Истрин 1930: 333], и древнеславянских служебных

минеях [Пичхадзе 2009: 301]. Это слово есть в Синодальном и Венском списках, в рукописи F.I.376 оно заменено на **воиньство**.

щюдь (Син. 262, Вена cod. slav. 12): **естьство** (F.I.376) — ἰδιότης

Это слово со значением «индивидуальность», «особенность», «характер» встречается лишь в нескольких памятниках: Огласительных поучениях Кирилла Иерусалимского, Поучениях Ефрема Сирина [Срезневский III: 1612], а также в Рыльских глаголических листках [SJS IV, 3: 828], Шишатовацком и Слепченском апостолах. Слово **щюдь** имеется в Синодальном и Венском списках, в рукописи F.I.376 оно заменено на **естьство**.

Итак, текст содержит большое число гапаксов в сфере литургической терминологии: часть из них отражает влияние латинского языка — **атре**, **дольматица**, **каланда**, **олтарница**, часть является славянскими словами, вытесненными впоследствии грецизмами, — **вѣтрьници**, **велика нощь**, **обрѣзаниѥ**, **съвитоѥ**, и часть является ранними грецизмами, впоследствии вытесненными славянскими эквивалентами, — **катихоуменъ**, **козмитъ**, **олокарпома**.

Для локализации памятника следует разделить весь рассмотренный нами лексический материал на временные и региональные пласты. Первый слой — лексика, свойственная кирилло-мефодиевским переводам Св. Писания и сохранившаяся преимущественно в македонских рукописях, таких как Мариинское евангелие, но подвергшаяся впоследствии редактированию преславскими книжниками. В «Сказании церковном» она представлена следующими словами: **прапроуда**, **пропѧтиѥ**, **плащаница**, **шюи**, **чьванъ**, **раи** — и в тексте не встречаются их преславские варианты (соотв. **багърѣница**, **распѧтие**, **понѣвица**, **лѣвыи**, **кръчагъ**, **порода**). Только варианты **иночѧдъ**, **инод҃шиѥ** варьируются с их более поздними вариантами **единочѧдъ** и **единод҃шие**.

Второй слой — это слова моравского происхождения, и таких слов в тексте весьма много. При локализации переводов следует учитывать два основных типа моравизмов. 1-й тип — моравизмы, которые известны только в древнейших западнославянских памятниках и в западнославянских диалектах, но неизвестные болгарской книжности и диалектам. 2-й тип — моравизмы, которые были употребительны в дальнейшей письменной традиции в Македонии и Болгарии, но неизвестные в болгарских диалектах [Максимович 2005: 121]. В «Сказании церковном» имеются моравизмы обоих типов. К первому типу относятся такие слова, как **велика нощь** (πάσχα), **блисцаниѥ** (в знач. «молния»), **мьшьноѥ слоужениѥ**, **каланда** (Пасхальная седмица), **свѧщеныи** (ἱερέυς), **гротъ** (в знач. «чаша»). Они употребляются в славянских памятниках, переведенных с латыни, а также в переводах с греческого, сделанных в западных областях 1-го Болгарского царства, и сохранились в чешском, или сербском, или словенском языках.

Ко второму типу относятся моравизмы, имевшие впоследствии более широкое распространение и известные в македонской письменности, в

«Сказании церковном» они представлены следующими словами: **навлащьствиѥ**, **крижьма**, **миса**, **неприꙗзнь**, **олтарь**, **олтарница**.

Третий слой — слова, имеющие генетическую связь с романскими диалектами Балкан. Эти слова локального происхождения вносились в славянские памятники при распространении письменности на юг и являются слоем более поздней лексики в старославянском языке. В «Сказании церковном» к ним можно отнести следующие слова: **скриниꙗ**, **дольматица**, **атре**. К этому же слою мы бы отнесли славянские слова **брашьньце** и **брашьновати**, распространенные преимущественно в хорватской письменности. Представляется возможным включить сюда также слово **остежь** — сербский словообразовательный вариант от **остегъ**.

Интересно отметить, что в «Сказании церковном» не содержится такой моравизм, как **попъ**, а употреблен только его весьма редкий вариант **свѧщеныи** и общераспространенный вариант **иерѣи**. В тексте не встречается таких морвизмов, как **въсѫдъ** и **комкание** в значении «причастие», а употреблен его хорватский вариант **брашьньце** и общераспространенное слово **причѧстие**.

4. Словообразование

Во всех списках «Сказания церковного» встречается много образований моделей с суффиксами **-ство** и **-ствие**: **избавьство**, **коупьство**, **жрьтвьство**, **простьствиѥ**, **навлащьствиѥ**. Эти словообразовательные модели коррелируют в старославянских памятниках с моделями на **-ие** (типа **обильство** / **обилие**), причем модели на **-ство** были более распространены в западных областях Первого Болгарского царства и вошли впоследствии в сербскую литературную норму, тогда как модели на **-ие** стали более свойственны русскому изводу церковнославянского языка [Баранкова 1974: 141—156].

В тексте нами были отмечены несколько редких глагольных форм с суффиксом **-ова-** / **-ева-**: **мирьствоующе** (от **мирьствовати**), **поскоудоують** (от **поскоудовати**), **седмьствоующе** (от **седмьствовати**), **живожьртьствоуѩсѧ** (от **живожрьтвьствовати**). Высокая продуктивность глагольного суффикса **-ова-** / **-ева-** свойственна языку древнеславянских служебных миней, таких как Минея Дубровского, Путятина Минея и рассматривается как характерная особенность языка учеников Кирилла и Мефодия — Климента Охридского и Константина Преславского [Пичхадзе 2009: 304—305; Йовчева 2009: 209—228].

Обращает на себя внимание преобладание относительных прилагательных с суффиксом **-ск-** — **небесьскыи**, **телесьскыи**, которые свойственны более древним переводам, в дальнейшем более употребительными стали словообразовательные варианты с суффиксом **-ьн-** [Вайан 1952: 235]. Есть также обратные случаи: употребление относительных прилагательных с

суффиксом **-ьн**, например, **плътьныи** вместо ставшего впоследствии нормативным **плътьскыи**.

Итак, на словообразовательном уровне в тексте представлены южнославянские особенности, свойственные западным областям Балканского полуострова.

5. Проблема локализации и атрибуции перевода

Проведенный нами лингвистический анализ «Сказания церковного» по всем сохранившимся спискам позволяет высказать некоторые суждения по проблеме локализации перевода.

На всех уровнях языка текст содержит южнославянские черты, свойственные западному региону Первого Болгарского царства. В области морфологии часть списков сохраняет архаичные формы, распространенные в древнейших глаголических старославянских памятниках: формы простого аориста, дуалисы глаголов 3-го лица на **-те**, действительные причастия прошедшего времени архаичного типа от глаголов с основой инфинитива на **-и-**.

Лексический состав текста никак не затронут преславской правкой и сохраняет характерные кирилло-мефодиевские лексические употребления: **прапроуда**, **пропѧтиѥ**, **плащаница**, **шюи**, **чьванъ**, **раи**, **иночѧдъ**. Наряду с этими словами в «Сказании церковном» имеется целый пласт моравизмов, сохранившихся в западнославянских языках, прежде всего в чешском языке: **блисцание**, **гротъ**, **миса**, **крижьма**. Это дает основание предполагать, что перевод текста мог быть сделан в Моравии, как это предполагал А. И. Соболевский. Однако в тексте имеются моравизмы, сохранившиеся не только в чешском, но и в словенском и сербо-хорватском языках: **велика нощь**, **навлащьствие**, **мьша**, а значит, не представляется возможным локализовать перевод только моравской территорией. Наличие в тексте лексики, распространенной в хорватской глаголической письменности, — **брашьновати**, **брашьньце**, а также слово **долматица** позволяют думать о более позднем переводе, сделанном не в моравский период, а в период распространения славянской письменности на южные территории — в Сербию и Македонию. Это подтверждают некоторые слова, которые не известны кирилло-мефодиевским переводам: **скрина**, **свѧщеныи** (ἱερεύς), **остежь**. Наличие в тексте особых форм числительных 24 и 49, известных в хорватских памятниках, подтверждают это предположение.

В языке «Сказания церковного» много совпадений с языком древнеславянских служебных миней, в которых есть песнопения, написанные ближайшими учениками Кирилла и Мефодия, прежде всего Климентом Охридским и Константином Преславским. Эти совпадения проявляются на уровне словообразования, где частотны суффиксы существительных **-ство** и **-ствие** и глагольный суффикс **-ова-** / **-ева-**. Есть совпадения в употреблении редкого слова **троутъ** и формы причастия **гороущь**, но в целом лекси-

ческий состав «Сказания церковного» и служебных миней различен. Это объясняется, прежде всего, различием этих памятников по жанру и по тематике. Отметим также, что в «Сказании церковном» нам не встретились такие яркие особенности языка служебных миней, как формы творительного падежа множественного числа на **-ъми** (типа **ꙁѫбъми**, **ꙁнаменъми**) [Пичхадзе 2009: 303—304], существительные **о*-склонения имеют свое обычное окончание — **-ы**, **-и**.

Таким образом, перевод «Сказания церковного», с некоторыми оговорками, можно связать с периодом деятельности ближайших учеников Кирилла и Мефодия, которые сохраняли переводческие приемы своих учителей, но вместе с тем использовали региональные словообразовательные модели и лексику сербских и македонских областей. Однако можно ли на основании языковых данных считать его переводом Константина Преславского?

Язык и стиль произведений Константина Преславского изучен еще явно недостаточно. Атрибуция Константину доказана лишь на материале его гимнографических произведений, потому что найдены подписанные им акростихи в Триоди, Минее и Требнике. В акростихах, созданных Константином, встречаются моравизмы **крижьнъ**, **роꙁьство**, поскольку он вместе с другими учениками Кирилла и Мефодия продолжал употреблять западнославянские термины [Попов 1985: 57]. В Учительном евангелии, перевод которого тоже связывается с Константином, имеются простые аористы и сигматические аористы древнего типа, а также кирилло-мефодиевская лексика **иночѧдъ**, **пропѧтие** [Тихова 2004: 125—126, 138]. Частотны формы архаичных действительных причастий **въскрѣшь**, **разорь**, неоднократно встречается прилагательное **небесьскыи**, имеется архаичное кирилло-мефодиевское слово **бальство**, древний грецизм **католикиꙗ**, который, кстати, есть и в «Сказании церковном» на л. 250б. Однако не употребляется слово **скринꙗ**, вместо него используется его древний вариант **крабии**, несколько раз встречается преславизм **порода** наряду с кирилло-мефодиевским **раи** [Горский, Невоструев 1859: 428—432]. В Синодальном списке «Слов св. Афанасия Александрийского против ариан», где имеется приписка о переводе текста епископом Константином, находим как совпадения, так и несовпадения со «Сказанием церковным». Так, частотно употребляется прилагательное **небесьскыи**, однако встречаются слова **попъ** (а не **свѧщеныи**), **комкание** (а не **брашьньце**), **кръчагъ** (а не **чьванъ**) [Горский, Невоструев 1859: 37—40]. «Огласительные поучения» Кирилла Иерусалимского по стилю и словарному составу восходят к «македонскому периоду», а древнейший список этого памятника (ГИМ, Син. 114) имеет приписку, согласно которой можно связать этот памятник с деятельностью Константина Преславского [Vaillant 1932: 286—287]. С этим текстом у «Сказания церковного» есть совпадения редких старославянских слов, таких как **щюдь**, **спорьнъ** (многократный), **остежь**. При этом текст содержит яркие преславизмы, такие как **алкание** (вместо **постъ**), **требникъ** (вместо **олтарь**), варьируются слова **порода** и **раи** [Гор-

ский, Невоструев 1859: 51—58]. Возможно, текст этого произведения испытал преславскую правку.

Таким образом, по имеющимся кратким описаниям языка памятников мы видим весьма пеструю языковую картину в произведениях, связанных с именем Константина Преславского. Пока не проведено текстологическое исследование этих произведений по всем сохранившимся спискам и не сделаны их критические издания, определенно ответить на вопрос об атрибуции «Сказания церковного» епископу Константину не представляется возможным.

Литература

Баранкова 1974 — Г. С. Баранкова. О словообразовании существительных в списках «Шестоднева» Иоанна экзарха болгарского // Памятники русского языка. М., 1974. С. 141—156.

Вайан 1952 — А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1952.

Верещагин, Крысько 1999 — Е. М. Верещагин, В. Б. Крысько. Наблюдения над языком и текстом архаичного источника — Ильиной книги // ВЯ. № 2. 1999. С. 3—26.

Голышенко 1963 — В. С. Голышенко. К гипотезе о ростовской библиотеке XIII в. // Исследования по лингвистическому источниковедению. М., 1963. С. 45—64.

Горский, Невоструев 1859 — А. В. Горский, К. И. Невоструев. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. Отд. 2. Ч. 2. Писания догматические и духовно-нравственные. М., 1859.

Истрин 1930 — В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. Т. 3. Греческо-славянский и славянско-греческий словари. Л., 1930.

Йовчева 2005 — М. Йовчева. Старата латинска заемка **скрина** // Acta palaeoslavica. Vol. 2. София, 2005. С. 148—156.

Йовчева 2009 — М. Йовчева. Об одной словообразовательной модели в ранних гимнографических текстах (глаголы с суффиксами *-ова-* / *-ева-*) // Bibel, Liturgie und Frömmigkeit in der Slavia Byzantina. Festgabe für Hans Rothe zum 80. Geburtstag. München; Berlin, 2009. S. 209—228.

Красносельцев 1885 — Н. Ф. Красносельцев. Толкование на литургию св. Германа в редакции VIII—X в. // Сведения о некоторых литургических рукописях Ватиканской библиотеки. Казань, 1885. С. 323—375.

Крашенинникова 2006 — О. А. Крашенинникова. Древнеславянский Октоих св. Климента, епископа Охридского. По древнерусским и южнославянским спискам XIII—XIV вв. М., 2006.

Кривко 2004 — Р. Н. Кривко. Графико-орфографические системы Бычковско-Синайской псалтыри // Рус. яз. в науч. осв. № 1 (7). 2004. С. 80—124; № 2 (8). 2004. С. 170—200.

Кривко 2007 — Р. Н. Кривко. Язык и текст древнейших славянских служебных миней за август // Liturgische Hymnen nach byzantinischem Ritus bei den Slaven in ältester Zeit. Beiträge einer internationalen Tagung. Bonn, 7—10. Juni 2005. Paderborn; München; Wien; Zürich, 2007. P. 236—270.

Крысько 2005 — Ильина книга. Рукопись РГАДА, Син. тип. 131 / Изд. подгот. В. Б. Крысько. М., 2005.

Куев 1981 — К. К у е в. Иван Александровият сборник от 1348 г. София, 1981.

Кульбакин 1940 — С. М. К у л ь б а к и н. Лексика старословенских превода хомилија // Глас српске краљевске академије. 92. Вып. 2. Београд, 1940. С. 3—44.

Львов 1966 — А. С. Л ь в о в. Очерки по лексике старославянских памятников. М., 1966.

Максимович 2005 — К. А. М а к с и м о в и ч. Региональные лексические архаизмы в моравских книжно-славянских памятниках // Рус. яз. в науч. осв. № 1 (9). 2005. С. 116—162.

Максимович 2008 — К. А. М а к с и м о в и ч. **Заповѣди свѧтыхъ отьць**. Латинский пенитенциал VIII века в церковнославянском переводе. М., 2008.

Марков 2003 — В. М. М а р к о в. Путятина минея как древнейший памятник русского письма // Путятина Минея. Текст, исследования, указатели / Изд. подгот. В. А. Баранов, В. М. Марков. Ижевск, 2003. С. 458—466.

Пенкова 2008 — П. П е н к о в а. Речник-индекс на Синайския евхологий. София, 2008.

Пичхадзе 2009 — А. А. П и ч х а д з е. О языковых особенностях славянских служебных миней // Bibel, Liturgie und Frömmigkeit in der Slavia Byzantina. Festgabe für Hans Rothe zum 80. Geburtstag. München; Berlin, 2009. S. 297—308.

Попов 1985 — Г. П о п о в. Триодни произведения на Константин Преславски // Кирилло-Методиевски студии. № 2. София, 1985.

ПЭ II — Православная энциклопедия. М., 2008. Т. II.

СК XI—XIII — Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI—XIII вв. М., 1984.

СК XIV — Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век. Вып. 1. М., 2002.

Сказание 1995 — Св. Герман Константинопольский. Сказание о Церкви и рассмотрение таинств / Вступ. статья и пер. с греч. П. И. Мейендорфа. М., 1995.

Славова 1989 — Т. С л а в о в а. Преславска редакция на Кирило-Методиевия старобългарски евангелски превод // Кирило-Методиевски студии. № 6. София, 1989. С. 15—129.

Соболевский 1900 — А. И. С о б о л е в с к и й. Церковно-славянские тексты моравского происхождения. Варшава, 1900.

Соболевский 1903 — А. И. С о б о л е в с к и й. Мучение св. Вита в древнем церковнославянском переводе// ИОРЯС. Т. VIII. Кн. 1. 1908. С. 278—295.

Соболевский 1905 — А. И. С о б о л е в с к и й. Мучение папы Стефана по русскому списку XV в. // ИОРЯС. Т. X. Кн. 1. 1905. С. 105—135.

Соболевский 1910 — А. И. С о б о л е в с к и й. Остатки ростовской библиотеки XIII в. // Мат-лы и исслед. в области славянской филологии и археологии. Сб. ОРЯС. СПб., 1910. Т. 88. С. 205—207.

Соболевский 2006 — А. И. С о б о л е в с к и й. Из истории заимствованных слов и переводных повестей // А. И. Соболевский. Труды по истории русского языка. М., 2006. Т. 2. С. 236—240.

Стоянова 1997 — Г. С т о я н о в а. Църковното сказание и проблемът за неговия гръцки протограф // Преславска книжовна школа. Т. 2. Изследвания в чест на акад. А. М. Панченко. Шумен, 1997. С. 57—64.

Стоянова 2004 — Г. Стоянова. Преводите на Църковното сказание и контактите между Константин-Кирил Философ и Анастасий Библиотекар // Преславска книжовна школа. Шумен, 2004. Т. 7. С. 301—307.

Супрун 1961 — А. Е. Супрун. Старославянские числительные. Фрунзе, 1961.

Сырку 1890 — П. А. Сырку. К истории исправления книг в Болгарии в XIV веке. Т. 1. Ч. 2. Литургические труды патриарха Евфимия Тырновского. СПб., 1890.

Тихова 2004 — М. Тихова. Учителното Евангелие на Константин Преславски и неговите преписи // Преславска книжовна школа. Шумен, 2004. Т. 7. С. 123—158.

Яцимирский 1921 — А. И. Яцимирский. Описание южнославянских и русских рукописей заграничных библиотек. Вена; Берлин; Дрезден; Лейпциг; Мюнхен; Прага; Любляна; Петроград, 1921. Т. 1.

Borgia 1912 — N. Borgia. La «ΕΞΗΓΗΣΙΣ» di S. Germano e la versione latina di Anastasio Bibliotecario. Grottaferrata, 1912.

Bornert 1966 — R. Bornert. Les commentaires byzantins de la Divine liturgie du VII au XV siecle. Paris, 1966.

Christians 2001 — D. Christians. Wörterbuch zum Gottendienstmenäum für den Monat Dezember slavisch-griechisch-deutsch. Nach ostslavischen Handschriften des 12. und 13. Jahrhunderts mit einem Glossar griechisch-slavisch. Wiesbaden, 2001.

Thomson 1986 — F. Thomson. Constantine of Preslav and the Old Bulgarian Translation of the «Historia Ecclesiastica et Mystica Contemplatio» Attributed to Patriarch Germanus I of Constantinople // Palaeobulgarica, X. 1986. № 1. P. 41—48.

Vaillant 1932 — A. Vaillant. La traduction vieux-slave des Catecheses de Cyrille de Jerusalem // Byzantinoslavica. T. IV. № 2. 1932. P. 253—302.

Словари

Геров — Н. Геров. Рѣчникъ на блъгарскый языкъ. Т. 1—5. Пловдив, 1895—1904.

Дворецкий 1986 — И. Х. Дворецкий. Латинско-русский словарь. М., 1986.

СДрЯ — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т. I—VIII. М., 1990—2008.

Срезневский — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I—III. СПб., 1893—1912.

Фасмер — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. I—IV. М., 1986—1987.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков / Под. ред. О. Н. Трубачева. Т. 1—30. М., 1974—2003.

SJS — Slovník jazyka staroslověnského. T. 1—42. Praha, 1958—1989.

Miklosich — F. Miklosich. Lexicon palaeoslavenico-graeco-latinum. Wien, 1862—1865.

Sophocles — E. A. Sophocles. Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods. New-York, 1992.

Rječnik JAZU — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti. T. 7. Zagreb, 1911.

Summary

The article describes morphological and lexical features of the Old Slavonic translation of the «Exegesis of the Divine Liturgy» by Patriarch Germanus I. The language of the translation makes it possible to connect it with the translation activity of Cyrill and Methodius' disciples and not with the mission of the saintly brothers in Moravia, as A. Sobolevsky suggested.

Ключевые слова: древнеславянские переводы, лексические варианты, морфология, техника перевода, атрибуция перевода.

Keywords: Old Slavonic translations, lexical variability, morphology, translation techniques, text attribution.

И. С. ЮРЬЕВА

ОСОБЕННОСТИ ДРЕВНЕРУССКИХ ИНФИНИТИВНЫХ СОЧЕТАНИЙ С ГЛАГОЛОМ НАЧАТИ*

Сочетаемость древнерусского глагола **начати** была шире по сравнению с соответствующим ему глаголом *начать* в современном русском литературном языке. Этот глагол еще в старославянском языке входил в число вспомогательных глаголов (наряду с **имѣти** и **хотѣти**), которые использовались в инфинитивных сочетаниях для выражения значения будущего времени (так называемого «сложного будущего первого»).

Исследователи, занимавшиеся вопросом семантики инфинитивных конструкций с **имамь**, **хощю** и **начьноу** (а также **въчьноу**) в старославянском языке, говорят о них как о синтаксических оборотах, осложненных различными дополнительными компонентами [Востоков 1863; Мейе 2000; Вайан 2004: 377—378; Birnbaum 1958; Křížková 1960 и др.]. «Вспомогательные» глаголы признаются в этих работах в разной степени стремящимися к грамматикализации. Наибольшей степенью утраты лексической семантики характеризуются глаголы с корнем **-чьн-** [Birnbaum 1958: 232].

Поэтому глагол **начьноу**, как правило, рассматривался отдельно от инфинитивных конструкций с модальными **хочю** и **имамь**. За инфинитивными оборотами с **начати** по большей части признавался разве что «оттенок начинательности», и **начьноу** обычно характеризовался просто как формальный показатель будущего времени [Křížková 1960: 186].

В научных трудах, описывающих «сложное будущее время» не только в старославянских, но и в восточнославянских памятниках, появляется трактовка части названных конструкций как собственно морфологических форм. Самое подробное исследование XIX в., посвященное проблеме семантики **имѣти**, **хотѣти** и **начати** в инфинитивных конструкциях со значением будущего, принадлежит А. А. Потебне. По его мнению, **хочю** и **имамь**-конструкции могли выражать как различные модальные значения, так и значение будущего времени. При этом инфинитивные сочетания с формами презенса глагола **начьноу** всегда описываются как формы буду-

* Статья написана в рамках проекта по гранту Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущей научной школы Российской Федерации НШ-3402.2010.6.

щего времени [Потебня 1888]. Идеи А. А. Потебни повторяются в ряде работ более позднего времени ([Борковский 1931; Яковлева 1953] и др.).

Мысль о том, что не только **имамь** и **хочю** (**хощю**), но и глагол **начьноу** в инфинитивных сочетаниях в древнерусском языке никогда не являлся чисто вспомогательным, впервые была высказана П. С. Кузнецовым [Кузнецов 1959: 235] и разработана в трудах Г. А. Хабургаева и его учеников Ц. Г. Янакиевой и Э. К. Мустафиной [Янакиева 1977; Горшкова, Хабургаев 1981; Мустафина 1984_1; 1984_2; Мустафина, Хабургаев 1985]. Им удалось показать, что древнерусские «вспомогательные» глаголы всегда вносили в конструкции «презенс + инфинитив» дополнительные значения. В пользу этого говорит также тот факт, что значения, выявляемые в конструкциях «презенс + инфинитив», можно выделить и в конструкциях «прошедшее время + инфинитив», «причастие + инфинитив» [Круглова 2002]. В связи с этим в настоящей работе глагол **начати** в конструкциях с инфинитивом рассматривается во всех формах.

В древнерусском языке наряду с **начати** употреблялся синонимичный ему глагол **почати** — главным образом в оригинальных памятниках. Согласно [Corin 1994], вариант с **po-* в древнерусском языке стал вытеснять исконный глагол с **pa-* в позднепраславянский период. В новгородских берестяных грамотах используется только **почати** [Зализняк 2004: 785]. Для летописных текстов оба глагола в настоящей работе рассматриваются как равноправные — в церковнославянских же памятниках, тоже привлекаемых для исследования, вариантов с приставкой **по-** не отмечено.

В современном русском языке глагол *начать* в сочетаниях с инфинитивом реализует значения «приступить к действию» и «проявить первые признаки действия/состояния» [БАС 7: 662; МАС II: 414]. Главным в семантике современного русского *начать, начаться* является указание на факт начала существования ситуации. Это общее типологическое свойство так называемой фазовости: «…фазовые значения… в минимальной степени имеют отношение к временной фазе ситуации: все эти значения представляют собой фактические утверждения о существовании или несуществовании ситуации по сравнению с некоторым более ранним моментом времени» [Плунгян 2000: 305].

Как и у других фазовых глаголов, у глагола *начать* в современном русском литературном языке имеются ограничения на сочетания с отдельными типами инфинитивов. Во-первых, зависимый глагол в инфинитивных конструкциях может быть только несовершенного вида [Падучева 2001: 29]. Во-вторых, *начать* не может сочетаться со стативами — глаголами, которые обозначают статические явления (например, *сидеть* — в противоположность *садиться* — [Булыгина, Шмелев 1997: 54]) или постоянные свойства и отношения [Храковский 1987: 163]. Можно сказать: *Страна располагается в юго-западной части полуострова.* Но нельзя: **Через некоторое время страна начнет располагаться в юго-западной части полу-*

острова. Впрочем, еще в XIX в. это ограничение охватывало не все стативные глаголы; было возможно, например, «начинать (начать) знать», ср. пример в БАС из «Накануне» И. С. Тургенева — с пометой *устар.*: *Талантом он обладал положительным: его начали знать по Москве* [БАС 7: 662].

В-третьих, современный русский глагол *начать* не сочетается с глаголами, которые обозначают ситуации, существовавшие до момента, указанного глаголом *начать*, — такое ограничение связано с самим значением ‘нечто не имело место до некоторого момента времени, с некоторого момента существует’. Например, нельзя употребить глагол *начать* с инфинитивом, если называемая ситуация уже имела место (либо будет существовать) до некоторого момента времени, даже если автору текста она стала известна (станет известна) только в этот момент. В современном русском языке невозможна фраза **Если я встречу Ивана через год, а он начнет хотеть учиться* (особенно при условии, что Иван хотел учиться до визита)*; *Я встретил его, а он начал хотеть учиться*[1].

В-четвертых, в описаниях сочетаемости современного *начать* отмечаются как невозможные конструкции «*начну* + *не* + инфинитив». Е. В. Падучева в книге «Динамические модели в семантике лексики» [Падучева 2004] дает два объяснения тому, что в современном русском языке не употребляются сочетания вроде **начал не работать*. С одной стороны, это может быть «“структурное вытеснение”: сочетание невозможно, поскольку данная семантика покрывается другой конструкцией: **начал не работать* = *перестал работать*». С другой стороны, невозможность постановки отрицания между элементами инфинитивной конструкции может быть объяснена и семантически: *«*начать* + *не* + инфинитив» обозначает «не процесс…, а состояние его отсутствия. Между тем *начаться* семантически не сочетается с состояниями» [Падучева 2004: 194].

В древнерусском языке таких ограничений на сочетаемость глагола **начати** (**почати**) с инфинитивом не было[2].

В исторических словарях у **начати** и **почати** в сочетаниях с инфинитивом выделяется значение ‘начать, стать’ и — для **почати** только в СДРЯ — функция вспомогательного глагола [Срезн. II: 349—350, II: 1323—1324; СДРЯ V: 215—216, VII: 394—396; СлРЯ XI—XVII 10: 310—311, 18: 65]).

---

[1] Об ограничениях сочетаемости с *начать* см. [Падучева 2004], [Зализняк, Шмелев 2002].

[2] За исключением первого — невозможности образовывать конструкции с инфинитивами СВ. Это ограничение действует и в исследованных в данной работе памятниках: во всех трех случаях, когда можно было бы предположить СВ, мы имеем дело с порчей текста. Это **въставити** вм. **въставати** в КЛ (л. 113 об., под 1140 г.), **ꙁаклати** вм. **ꙁакалати** в ПВЛ по списку МС (л. 21 об., под 1097 г.) и порча текста РП в ЛА: **аще <u>начнеть</u> инѣмь чимъ ему <u>ꙁаплатити</u>** (ЛА 304: 4—9) вм. **аще ли <u>начнеть примѣтати</u>, то скотом ему ꙁаплатити.**

Итак, основное значение **начати** совпадает со значением современного русского *начать*.

Проведенное исследование древнерусских инфинитивных сочетаний с **начьноу**[3] позволило выявить следующие значения инфинитивных конструкций с глаголом **начьноу** (**почьноу**):

1) **начьноу** (**почьноу**) + инфинитив = начало существования новой ситуации;

2) **начьноу** (**почьноу**) + инфинитив = обнаружившаяся ситуация;

1а) **начьноу** (**почьноу**) + **не** + инфинитив = ‘стать не’/‘перестать’;

2а) **начьноу** (**почьноу**) + **не** + инфинитив = ‘не быть обнаруженным’.

Строго говоря, все эти значения являются модификациями одного (см. ниже).

Материал изученных источников может быть представлен в виде таблицы на с. 274.

Начало существования новой ситуации

В словарях этому значению соответствует толкование ‘начать, стать, приняться’ [Срезн. II: 349], ‘начать что-л. делать, приняться за что-л.’ [СДРЯ V: 215], ‘начать проявлять признаки состояния, названного глаголом в инфинитиве’ [СлРЯ XI—XVII 10: 310].

---

[3] Материалом исследования послужили следующие древнерусские тексты.

Летописи: 1) новгородские (и основанные на источниках новгородского происхождения): а) Новгородская Первая летопись старшего извода по Синодальному списку (далее НПЛС), Новгородская Первая летопись младшего извода по Комиссионному списку (НПЛК) — по изд.: Полное собрание русских летописей. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000, б) Летопись Авраамки (ЛА) — по изд.: Полное собрание русских летописей. Т. XVI. Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки. М., 2000; 2) летописи Центра: а) Суздальская летопись (СЛ) — по изд.: Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 2001. С. 287—540 и б) Московский свод конца XV в. (МС) — по изд.: Полное собрание русских летописей. Т. XXV. М., 2004; 3) южнорусские летописи: Киевская и Галицко-Волынская летописи по Ипатьевскому списку (соответственно КЛ и ГВЛ) — по изд.: Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 2001. С. 285—938. Помимо собственно летописного повествования, исследованы входящие в состав перечисленных памятников тексты (в частности, *Русская Правда* в составе НПЛК и ЛА). Проанализирован материал берестяных грамот по [Зализняк 2004]. Исследованы также жития: 1) Житие Андрея Юродивого (ЖАЮ) в древнерусском переводе к. XI — н. XII в. (по сп. Тип. собр. № 182 к. XIV в., дополненному по сп. Сол. собр. № 216 XV в.) — по изд.: А. М. Молдован. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000. С. 159—450; 2) оригинальные славянские жития из Успенского сборника к. XII — н. XIII в.: а) Сказание о Борисе и Глебе (СкБГ), б) Житие Феодосия Печерского (ЖФП) — по изд.: Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971. С. 43—135.

начьноу	1			2			3			4		
Форма / Памятник	пр.[4]	ПВ[5]	П[6]	пр.	ПВ	П	пр.	ПВ	П	пр.	ПВ	П
НПЛС	—	45	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
НПЛК	5	120	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—
КЛ	6	152	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—
ГВЛ	1	115	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
СЛ	2	70	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
МС	12	451	3	—	—	—	1	4	—	—	—	—
ЛА	19	105	—	—	—	—	4	1	—	1	—	—
БГ	8		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
ЖАЮ	54	120	2	2	—	—	8	6	—	3	—	—
СкБГ	1	25	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—
ЖФП	2	29	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Как видно из приведенной таблицы, подавляющее большинство инфинитивных **начьноу**-конструкций, зафиксированных во всех исследованных памятниках, демонстрирует именно такое употребление **начати** (**почати**). Что касается инфинитивов, используемых в **начьноу** (**почьноу**)-конструкциях, то данные источников указывают на более широкую сочетаемость **начати** (**почати**) по сравнению с современным русским языком. Помимо тех инфинитивов, которые свободно употребляются в сочетаниях с *начать* в современном русском языке (например, **нача кънѧжити**, **начаша сѧ бити** — ср. совр. *начал княжить*, *начали биться*), древнерусский глагол **начати** мог сочетаться со стативами, с инфинитивами, обозначающими постоянные свойства и отношения и под.

Перечислим инфинитивы глаголов бытия, местонахождения, положения (позиции), состояния (ощущения), постоянных свойств (отношений), с которыми сочетался древнерусский глагол **начати**, но не может сочетаться глагол *начать* в современном русском литературном языке: **бывати** (НПЛК, л. 219 об.; ЖАЮ; ЖФП), **быти** (ГВЛ, л. 286; МС, л. 14, 17, 209, 249, 281 об., 342 об., 344, 432, 460; ЛА, 89: 20—25[7], 177: 16; ЖАЮ), **владѣти** (НПЛС, л. 127 об.; НПЛК, л. 29 об, 165; МС, л. 166 об.; ЛА, 35: 23—25, 51: 31—32; ЖАЮ), **вѣдати** (ЛА, 304: 8), **вѣдѣти** (ЖАЮ), **дьржати** (НПЛС, л. 3 об.; МС, л. 113; ЛА, 208: 29—30), **имѣти** (КЛ, л. 237; ГВЛ, л. 258 об.; СЛ, л. 101; МС, л. 15, 23, 46 об.; ЛА, 245: 34—35; ЖАЮ), **лежати** (НПЛК, л. 81), **любити** (НПЛК, л. 40 об., 43, 53; ЛА, 242: 9—10; ЖАЮ; ЖФП), **мочи/мощи** (ЛА, 282: 23; ЖАЮ), **прѣбывати** (ЖАЮ), **слыти** (НПЛК, л. 167; МС, л. 22 об., 169; ЛА, 82: 44), **слышати** (ЖАЮ), **стоꙗти**

[4] Презенс.

[5] Прошедшее время.

[6] Причастие.

[7] Указаны страницы и строки ЛА.

(ЖАЮ), **хотѣти** (НПЛК, л. 80 об.; ЛА, 229: 11—17, 287: 22—27, 304: 6), **чоути** ‘ощущать’ (ЖАЮ).

В следующих примерах представлена отличная от норм современного русского литературного языка сочетаемость глаголов **начати**, **почати** с некоторыми инфинитивами:

(1) **и самъ <u>поча владѣти</u> Пльсковомъ с нѣмци** (НПЛС, л. 127 об., под 1240 г.).

У *начать* в современном русском литературном языке, как было сказано выше, есть ограничение на сочетаемость с глаголами, обозначающими постоянные отношения. Именно такой семантикой обладает инфинитив **владѣти**. В современном русском языке сочетание *начать владеть* почти не встречается; в НКРЯ оно представлено всего двумя примерами: *В бессильных потугах я потерял даже то малое, что добыл в других ролях, чем я как будто* ***начал владеть*** *со времен «Горькой судьбины».* К. С. Станиславский. «Моя жизнь в искусстве» (1925—1928); *...действительно, как они могут запомнить, означенным спорным имением* ***начали владеть*** *помянутые г.г.* А. С. Пушкин. «Дубровский» (1833) [НКРЯ].

(2) **а иже изломить копие, ли щитъ, или портъ, а <u>начнеть</u> <u>хотѣти</u> его держати у себе, то приѧти скота у него, а иже есть изломилъ, аще ли <u>начнеть примѣтати</u>, то скотом ему заплатитѣ** (пример из *Русской Правды* по списку НПЛК, л. 81, под 1016 г.) — *И если он сломает копье или щит или порвет одежду и <u>захочет оставить это у себя</u>, то следует взять с него плату, а если <u>он возвратит ее</u>, то ему (все равно) следует заплатить выкуп.*

Конструкции «**начати** + **хотѣти**» традиционно рассматриваются как аналитические формы будущего времени — ср. [Срезн. II: 349—350]. Представляется, однако, что глагол **начати** в этом сочетании указывает на начальный момент существования ситуации: ‘если с некоторого момента времени человек станет хотеть оставить вещь у себя’. Отличия же от современного русского языка проявляются в данном примере только в сочетаемости. Впрочем, в редких случаях, вероятно, употребление *начать* с *хотеть* возможно и в современном русском языке, ср.: *И вот есть опасность, что твой отец привыкнет к роли грудничка, начнет ее любить,* ***начнет хотеть****, требовать, чтобы так было и дальше.* Владимир Шаров. «Воскрешение Лазаря» (1997—2002) [НКРЯ]. Ср. то же в частной Интернет-переписке: *…пора начать хотеть зеркалку* (вид фотоаппарата).

Что касается конструкции с **примѣтати** (‘возвращать, подбрасывать’ — [СлРЯ XI—XIV 18: 506]) — букв. *начнет возвращать*, то и здесь речь идет о начале существования новой ситуации: в определенный момент времени человек возвратит сломанную вещь, то есть возникнет новая ситуация возвращения. В современном русском языке маловероятно сочетание *начать* с *возвращать*, если речь идет об однократном действии, поскольку данный

глагол не процессуализуется, ср. **Если он начнет тебе возвращать эту книгу, не бери* — такая сочетаемость сейчас возможна, по всей видимости, только если речь идет о множестве ситуаций, ср.: *И она начала возвращать по одному все его подарки.*

(3) **ажь ми сѧ оуже молить. и каетьсѧ ѡ своеи винѣ всеи. то ѧзъ его приимоу и ко к҃ѳтоу вожю и надѣлокъ емоу даю. даже в томъ оустоить. и ѡ҃чь мѧ имѣти почнеть. во правдоу и добра моего хотѣти** (*он станет считать меня за отца… желать мне добра*). **то ꙗзъ и с҃номъ имѣю собѣ** (КЛ, л. 237, под 1195 г.).

Для конструкций *начать иметь* с глаголом в презенсе Национальный корпус русского языка дает только один пример из А. Платонова: *Я сам себя забуду, но тебя* ***начну иметь*** *постоянно.* А. П. Платонов. «Котлован» (1930). Для прошедшего времени примеров больше, самый поздний — тоже из Платонова: *Он* ***начал иметь*** *надежду на утоление своей ревности…* А. П. Платонов. «Чевенгур» (1929); ср. также: *Умножающееся употребление французского языка способствовало им к отысканию мест; скоро в самых отдаленных губерниях всякий небогатый даже помещик* ***начал иметь*** *своего маркиза.* Ф. Ф. Вигель. «Записки» (1850—1860) [НКРЯ]. Очевидно, что такая конструкция в современном русском языке вышла из употребления.

(4) **и кр҃тисѧ тоу в Новѣ городьцѣ и нача быти во крѣстьꙗньствѣ** (ГВЛ, л. 286, под 1262 г.).

Сочетания «*начать* + *быть*» были вполне возможны еще в XVIII в. — ср. в НКРЯ: *То из тех работных людей, некоторые для услуг другим, а иные для лучшаго снискания себе промыслов, начали оставатся при сем Новом Городе доброволно, также обычайно и купечество, где в каком новом месте* ***начнет быть*** *какой народ, туда от всюду съежжаются и купцы доброволно, и маркитанты для требований нужд тех народов.* А. И. Богданов. «Описание Санктпетербурга» (1751); *Сии государи были Орестова поколения, и род их соблюл венец до сыновей Огига, кои став ненавистными, изгнаны были из своего владения. Тогда Ахеяне* ***начали быть*** *вольны. В городах ея были одинаковые весы, одинаковыя меры, одинаковые законы, одинаковый дух и одинаковыя корысти, однако же каждый из оных составлял независимую республику, имеющую свое правление, свою землю и своих градоначальников.* А. Н. Радищев. «Размышления о греческой истории, или О причинах благоденствия и несчастия Греков» (1773) [НКРЯ]. Для современного же русского литературного языка подобная сочетаемость уже совершенно нехарактерна.

(5) **плесковицамъ оттолѣ нача лучши бывати милость Божиа, и преста моръ** (НПЛК, л. 219 об., под 1360 г.).

Здесь конструкция **нача бывати** имеет значение ‘в данный момент началась ситуация, при которой Бог смилостивился’ — то есть речь идет об

одном событии. В современном русском языке конструкция *начну бывать* возможна только в том случае, если описываются многократно повторяющиеся ситуации, ср.: *Со следующего месяца я начну бывать на этих собраниях*; *С тех пор он начал часто бывать у них*.

(6) **падъ ниць на дивнѣмь томъ мѣстѣ. поклонихсѧ емꙋ трижды. начахъ стоати и ꙁрѣти** (букв. *начал стоять и смотреть*) **емꙋ на лѣпотꙋ** (ЖАЮ 1019/1022 — 209).

В современном русском литературном языке подобное употребление *начать* невозможно. Единственный зафиксированный в Национальном корпусе русского языка пример относится к разговорной речи: *Мы пришли к будке и* ***начали стоять***. Борис Минаев. «Детство Левы» (2001) [НКРЯ].

(7) **Василку же сущу въ Володимери и прииде Великии постъ, и нача слыти** (*начала распространяться информация*): «**идеть Володимеръ и Свѧтополкъ на Давыда Игоревича**» (МС, л. 22 об., под 1098 г., текст ПВЛ).

Что касается **вѣдѣти/вѣдати**, **прѣбывати**, **слыти** и **чоути**, то современные их аналоги достаточно специфичны, чтобы привлекать их для сравнения, — но синонимичный древнерусскому **вѣдати** современный глагол *знать* в *начну*-конструкциях изредка встречается, несмотря на то что еще БАС, как было сказано выше, отмечает такие сочетания как устаревшие, ср.: *Потому, что начали знать и узнавать Рогозина*. Валерий Лебедев. «Лицо вождя и харя оппозиции» (2003) // «Лебедь» (Бостон), 2003.12.14 [НКРЯ].

Конструкции с *держать* в НКРЯ встречаются не позже первой половины XX в.: *Все начали держать головы ниже брони, взглядывая на неприятеля ежеминутно...* А. С. Новиков-Прибой. «Цусима» (1932—1935) [НКРЯ]. В современной разговорной речи они иногда попадаются: *Итак, мадам и месьё, мы начинаем продолжение работы над этим порталом. В будущем вас будут ждать несколько сюрпризов, а с завтрашнего дня я начну держать вас снова держать* (sic!) *в курсе всех событий* (http://sports-france.ucoz.ru).

(8) **всею д҃шею аще мѧ любити начнеши** (*станешь любить*). **оуꙁриши дары моꙗ и многꙋ оутѣхꙋ. ꙗже ти бꙋдеть ѿ мене** (ЖАЮ 682/684 — 193).

В греческом тексте используется конъюнктив аориста ἀγαπήσῃς [Молдован 2000: 470]. Это исключает возможность калькирования греческой формы; к тому же конструкции «**начати + любити**» зафиксированы и в летописях — ср., например, ПВЛ по списку НПЛК: **Слу же цесареву принесъшю къ Свѧтославу, он же приимъ, нача любити и хвалити и цѣловати, [ѧко самого] цесарѧ** (НПЛК, л. 40, под 971 г.); **Володимеръ же посла къ воеводѣ Блуду Ѧрополчю с лестью, глаголѧ: «поприѧи ми;**

аще убию брата своего, любити тѫ начну въ отца мѣсто (НПЛК, л. 42 об., под 980 г.)».

В современном русском языке аналогичные сочетания встречаются только в разговорных контекстах: *Так я, пожалуй, начну любить этого старого лиса.* Вальтер Запашный. «Риск. Борьба. Любовь» (1998—2004) [НКРЯ].

Таким образом, в современном русском языке возможность сочетания глагола *начать* с инфинитивами ряда глаголов существенно ограничена по сравнению с древнерусским языком.

Перейдем к тем особенностям употребления **начати** (**почати**), которые не имеют соответствий в современном русском языке.

Обнаружившаяся ситуация

В древнерусских памятниках сочетание «**начьноу** (**почьноу**) + инфинитив» может использоваться в условной конструкции. При употреблении в условном периоде в части условия у древнерусского глагола **начати** (**почати**) отмечалось значение *'проявит(ся), обнаружит(ся) в будущем'* [Мустафина 1984_1: 8].

Э. К. Мустафина выделяет значение '*проявиться, обнаружиться'* только у инфинитивных сочетаний с глаголом **начати** в формах презенса. Вероятно, такое значение для прошедшего времени выразить невозможно, поскольку ни в древнерусском, ни в современном русском нет форм «будущего в прошедшем», и «ситуация, которая уже обнаружилась в прошлом», может быть выражена просто как совершившаяся.

Глагол **начати** и при таком употреблении отмечает некий момент времени — соответственно, мы имеем дело не собственно с новым значением рассматриваемого глагола, а с некоей его модификацией, которая отсутствует в современном русском языке. Важнейшая особенность конструкций «**начьноу** + инфинитив» в значении 'обнаружиться' состоит в том, что называемая ситуация может существовать и до момента ее обнаружения.

Из всех исследованных источников инфинитивная конструкция с **начати** в значении 'обнаружиться' зафиксирована только в *Русской правде* в составе НПЛК и в ЖАЮ.

В контексте из ПВЛ в **начьноу**-конструкции выступает глагол **лежати**:

(9) **аще же убиють огнищанина в разбои, а убиица не изыщут, то вирное платитѣ, в неи же вѣрнѣи голова начнеть лежати** (НПЛК, л. 81, под 1016 г.). — *А если огнищанина убьют разбойники, а убийцу не найдут, то выкуп следует платить (той общине), в которой окажется лежащим тело.*

В момент времени убитый не «станет лежать», а окажется лежащим — ср. **лежить** вм. **начнеть лежати** в том же контексте по списку ЛА: **Аще убьють княжа мужа в разбои, а убоиника не ищютъ, то вервьную платити, в которои же верви голова лежить** (ЛА 277: 1—7). В *Русской Правде* по Новгородской Кормчей также **лежить** [Обнорский, Бархударов 1999: 64].

Ситуация «лежания» существовала и до этого момента. Новой является ситуация обнаружения существующего положения дел, и конструкция с глаголом **начати** указывает именно на начальный момент этого обнаружения.

Итак, пример данного употребления **начати** зафиксирован в очень раннем чтении. Это древний юридический документ. Возможно, такое употребление рассматриваемого глагола — с целью отметить момент, когда давнее положение дел станет известно в будущем — могло быть наиболее «востребованным» именно для деловых документов. Возможность употребления **начьноу**-конструкций в значении ‘обнаружиться’, вероятно, достаточно рано утратилась.

Вообще же в современном русском языке конструкции с *лежать* — если речь не идет о приобретении нового навыка вроде: *Как только больной начнет лежать на спине на валике…, спастические явления начнут уменьшаться* (http://subscribe.ru/archive/science.health.paralife/200711/06171808.html) — или: *Пять дней назад золотая рыбка (1 год) начала лежать брюшком на грунте* (http://zooclub.ru/consult/show.php?id=15124) — хоть и очень редко, но попадаются: (в поэтическом тексте) *…люблю чертить не по лекалу Начну лежать мне места мало*. С. Бойченко. «Диван» (http://gondola.zamok.net/020/20ser-divan.html).

Приведем примеры ЖАЮ:

(10) **створилъ ѥсть Бъ҃ и жену. да сѧ наплодить миръ и да всѧкъ чл҃вкъ. иже водить**(!) **хощеть жену. да ю водить по повѣлению Бн҃ю и по ꙁакону. и да испытаѥши оуность свою. и да видиши. да аще <u>начнеши мощи</u>** (*окажешься в состоянии*) **дѣвьство хранити. да слава Бу҃** (ЖАЮ 3122 /3126 — 307).

В греческом тексте инфинитивному сочетанию соответствует <u>δύνῃ</u> παρθενεύειν [Молдован 2000: 541], т. е. конъюнктив презенса — древнерусский перевод здесь не следует буквально греческому оригиналу. В приведенном контексте речь идет о заложенной в человеке с самого рождения возможности, а не о новой ситуации — человек изначально может быть предрасположен или не предрасположен к такому поведению. Следовательно, здесь у глагола **начати** в инфинитивной конструкции возможно предположить значение ‘оказаться’.

(11) ...**нынѧ же слышала ѥсмь о тобѣ. ꙗко оугодникъ ѥси бн҃и и многы ѥси ѿ бѣды избавилъ. да сего дѣлѧ пришла ѥсмь к тобѣ. да ѥлико можеши. помоꙁи ми. и вдам ти. ѥлико <u>начну мощи</u>** (*окажусь в состоянии*) (ЖАЮ 3401/3405 — 320).

В греческом тексте **начну мощи** соответствует ὅπερ μοι κατὰ δύναμιν πρόσεστι [Молдован 2000: 548], т. е. ‘что мне возможно, что я в силах дать’: женщина может дать в будущем какую-либо часть имущества, которое у нее уже есть сейчас, поэтому вновь возможно толкование ‘окажется, что’.

В ЖАЮ в значении ‘оказаться’ встречаются только сочетания с инфинитивом глагола **мощи**. При этом не следует относить такое значение инфинитивного сочетания на счет влияния семантики глагола **мощи**: во-первых, в самом ЖАЮ встречаются сочетания «**начати** + **мощи**» и со значением начала существования ситуации (правда, «с обратным знаком» — с отрицанием **не**, см. примеры ниже). Во-вторых, как следует из греческого текста, здесь не предполагается новая ситуация, а говорится о нынешнем положении дел. В-третьих, в исследованных летописных источниках, как было показано выше, зафиксирована инфинитивная конструкция с другим инфинитивом в том же значении ‘окажется (что)’.

«**Начьноу (почьноу)** + **не** + инфинитив»

Еще одной особенностью сочетаемости древнерусского глагола **начати** является возможность постановки отрицания между компонентами инфинитивной **начьноу**-конструкции. Такая возможность для современного литературного языка исключается, хотя в разговорной речи она допустима: *Им говорят: «Здоровайтесь друг с другом!» — они тут же начинают не здороваться* (детский журнал «Трамвай» за 1990 г., № 1. С. 9); …(о летописи) *начала не распознаваться* (в личном разговоре). Сочетания «**начьноу** (**почьноу**) + **не** + инфинитив» в рассматриваемых летописях встречаются крайне редко и, как правило, в очень ранних записях. Приведем инфинитивы, встречающиеся в таких конструкциях во всех наших источниках: (**не**) **бранити** ‘возбранять’ (МС, л. 419), (**не**) **вѣровати** (ЖАЮ), (**не**) **грабити** (КЛ, л. 209), (**не**) **давати** (ЛА, 35: 23—25), (**не**) **дати** ‘выдавать’ (НПЛС, л. 80 об.; ЛА, 282: 30—37), (**не**) **ꙁнати** (ЛА, 280: 4—10), (**не**) **имѣти** (ЖАЮ), (**не**) **мочи/мощи** (ГВЛ, л. 302 об.; ЖАЮ), (**не**) **носити** ‘поддерживать’ (ЖАЮ), (**не**) **оставати** (МС, л. 390 об.), (**не**) **пощадѣти** (МС, л. 208 об.), (**не**) **приходити** (ЖАЮ), (**не**) **поустити** (КЛ, л. 175 об.), (**не**) **радити** (МС, л. 402), (**не**) **слоушати** (ЖАЮ), (**не**) **ставати** ‘быть достаточным’ (МС, л. 395 об.), (**не**) **съмыслити** ‘быть в сознании’ (ЖАЮ), (**не**) **съмѣти** (СкБГ), (**не**) **творити** (ЖАЮ), (**не**) **оуправлѧти** (ЛА: 242: 32—35), (**не**) **оучити** (ЖАЮ), (**не**) **ходити** (ЖАЮ), (**не**) **хотѣти** (ЛА: 283: 32—39), (**не**) **чоути** ‘ощущать’ (ЖАЮ), (**не**) **чоутисѧ** ‘ощущать (себя)’ (ЖАЮ), (**не**) **чьстити** ‘почитать’ (ЖАЮ).

Как уже было сказано выше, значения сочетаний «**начьноу** + инфинитив» таковы:

1) ‘с момента *t* ситуация *X* станет существовать/ существует’;

2) ‘к моменту *t* ситуация *X* обнаружится.

Соответственно, зеркальные им значения «**начьноу** + **не** + инфинитив» могут быть:

1а) ‘с момента *t* ситуация X не станет/ не стала существовать’;

2а) ‘к моменту *t* ситуация X не обнаружится.

Инфинитивные сочетания со значением **1а** могут отмечать конец ситуации, имевшей место до названного в тексте момента. Тогда соотноше-

ние этого значения с основным значением **начьноу** в древнерусском языке можно представить так: (1) ‘теперь существует ситуация *X*’ — (1а) ‘теперь существует ситуация не-*X*’ (ситуация *X* перестала существовать).

Обратимся к примерам реализации значения ‘<u>стать не</u>’/‘<u>перестать</u>’:

(12) **или холопъ ударит свободна мужа, а убѣжить в хоромъ, а господинь <u>начнеть не дати</u> его, то холопа пошти, да платить за него господинъ его** 12 **гривнѣ** (НПЛК, л. 80 об., под 1016 г., текст *Русской правды*) — *Если холоп ударит свободного человека и убежит в дом, а (его) господин <u>не станет его выдавать</u>, то холопа следует схватить (и потребовать), чтобы господин его заплатил 12 гривен.*

Инфинитивная **начьноу**-конструкция выражает здесь значение ‘с данного момента времени существует ситуация «невыдавания» холопа’;

(13) **оли же поча ходити Микулица со Ст҃ою Бц҃ею. в ризахъ по городу. то҆жь <u>почаша не грабити</u>** (КЛ, л. 209, под 1175 г.) — *Как только стал ходить по городу Микулица с иконой Пресвятой Богородицы в ризах, сразу <u>перестали</u> грабить.*

(14) **Тако же и митрополит Филипп посылаше к ним наказающи их, яко чада своя по Господню словеси, еже рече въ Еуангелии: «Аще согрешит к тебѣ брат твои, шед обличи его пред собою и тѣм единем, и аще послушает тебя, приобрѣл еси брата твоего, аще ли тебя не послушаеть, поими с собою два или три, пред усты бо двою или трех свидѣтель станеть всяк глаголъ, аще ли и тѣх не послушаеть, повѣждь церкви, аще ли и о церкви <u>не радити начнетъ</u>** (*не станет слушать*), **буди ти тако, якоже иноязычник** (!) **и мытарь**» (МС, л. 402, под 1469 г.). Это цитата из Мф 18.17, ср. в Остромировом Евангелии: **аще же и о срькъви неродити начьнеть. да бѫдеть ти ꙗко ѩзъчьникъ и мытарь**… (Остр., л. 56 б—в). В греческом Евангелии здесь ἐὰν δὲ καὶ τῆς ἐκκλησίας <u>παρακούσῃ</u> Mθ 18.17 [NT 1999: 50], то есть aor. conj. 3 sg. *если… ослушается / не подчинится*… Таким образом, церковнославянская конструкция не является калькой с греческого. То же сочетание **нерадѣти начнетъ** используется и в современном церковнославянском тесте Евангелия [Евангелие 2004: 36].

Здесь представлено изображение новой ситуации — перед лицом церкви обвиняемый «станет не уважать» ее. Глагол **начати** указывает на первый момент возникновения ситуации «нерадения» — или прекращения «радения», что семантически одно и то же.

(15) **Изгнаша варяги за море, и отселѣ <u>нацаша не давати</u>** (*«стали не давать» = перестали давать*) **дани за море и начаша сами в себѣ владѣти**… (ЛА, 35: 23—25, под 862 г., текст ПВЛ).

Перед нами вновь «классический» случай реализации значения ‘начать не’. Интересно, что в других списках ПВЛ этот контекст выглядит иначе: **не даша имъ дани. и почаша сами в собѣ володѣти** (Лаврентьевская и Ипатьевская летописи, под 862 г.). Таким образом, к моменту написания ЛА рассматриваемая конструкция могла быть вполне живой — в пользу чего свидетельствуют и поздние контексты МС.

Как показывает летописный материал, **начьноу**-конструкции с отрицанием между **начати** (**почати**) и инфинитивом встречаются сравнительно редко. Важно отметить, что в поздних контекстах их зафиксировано даже несколько больше по сравнению с ранними — данные ЛА указывают на замену первоначальной аористной формы **даша** инфинитивным сочетанием **нацаша не давати**. Таким образом, для времени написания МС и ЛА «**начьноу** + **не** + инфинитив», возможно, еще были вполне актуальны. В современном же русском языке следов подобного употребления совершенно не осталось.

(16) **ѿтолѣ <u>нача не приходити</u>** (*перестал приходить*) **къ ѥпифану ни на чтоже духовноѥ. нъ нача ходити на блуды** (ЖАЮ, 3041/3042 — 303).

В примере (3) перед нами две инфинитивные конструкции **начати** с однокоренными глаголами — **приходити** и **ходити**. С помощью этих двух сочетаний выражены зеркальные ситуации: юноша ‘начал не (при)ходить’ к Епифану — а напротив, ‘начал ходить’ в блудилища.

Сопоставление с греческим оригиналом ЖАЮ показывает, что употребление инфинитивной конструкции с **начати** не обнаруживает точных соответствий в греческом тексте. Ни в одном из соответствующих греческих контекстов не употреблен глагол со значением *начать*, *начинать* и под. Чаще всего инфинитивной конструкции с **начати** в презенсе соответствует греческий футурум. Напр., ἀναπαύσομαι τοῦ διδάσκειν [Молдован 2000: 622] ‘дам себе отдых от учения’ соотнесено с **<u>начноу</u> тогда почивати и <u>не оучити</u>** (ЖАЮ, 5908/ 5910 — 439). Конструкции с формами прошедшего времени соответствует обычно аорист или имперфект, напр., ἐννεὸς ἐγένετο *стал немым* соответствует **<u>нечютисѧ нача</u>** (ЖАЮ 1921/ 1922 — 251);

(17) … **томь часѣ огнь ишьдъ отъ гроба и ѕажьже ноѕѣ ѥго. и искочивъ начатъ повѣдати и ноѕѣ покаѕываѩ своѥи дроужинѣ. опаленѣ и ожьженѣ и отътолѣ <u>начаша не съмѣти</u>** (*перестали осмеливаться*) **близъ пристоупати. нъ съ страхъмь поклаѩахоу сѧ** (СкБГ (о чудесах), 19а 13—22—60).

Точно так же, как **1а** — зеркальное отражение значения **1** — существует и зеркальное отражение значения **2**, то есть значение **2а**. Обратимся к единственному летописному примеру из той части Летописи Авраамки, где собраны различные деловые документы Древней Руси:

(18) **Пакы ли будеть татебно что купилъ на торгу, или конь, или портъ, или скотъ; то вывести свободна два мужа или мытника; аже начнеть не знати у кого будеть купилъ, то ити по немъ тѣмъ видокомъ на роту; а истцю свое лицемъ взяти, а что с нимь погыбло, а то ему желѣти, а оному желѣти своихъ кунъ, зане не знаеть у кого купилъ** (ЛА, 280: 4—10, *Русская Правда*). — *Если кто-нибудь купит краденое на рынке: или коня, или одежду, или скот, то нужно привести двух свободных людей или мытников; если окажется, что тот не знает (не помнит), у кого купил, то двум свидетелям следует принести за него клятву…*

В самой рукописи ЛА частицы **не** нет (она восстанавливается по другим спискам *Русской Правды*; в частности, в РП по Новгородской кормчей 1282 г. зафиксировано **начнеть не знати** [Обнорский, Бархударов 1999: 68]) — и это может свидетельствовать в пользу архаичности употребления **начьноу**-конструкций и, в частности, **начьноу + не**-конструкций в значении ‘(не) быть обнаруженным’.

Вернемся к приведенному контексту. Ситуация «знания» (воспоминания) существовала и до тяжбы: речь не идет о том, что в момент свидетельствования покупатель внезапно забудет, у кого он купил краденое, — таким образом, глагол **начати** в данном контексте указывает на момент времени, когда это знание покупателя станет известно суду, — то есть реализует значение ‘оказаться’.

Как и примеры **начьноу**-конструкций со значением **2** ‘обнаружиться’, единственное инфинитивное сочетание с **начати** в значении **2а** зафиксировано в тексте древнерусского делового документа. Но поскольку примеров употребления **начьноу**-конструкций как в значении **1а**, так и в значении **2а** в исследованных летописях ничтожно мало, нельзя сделать вывод о свойственности их исключительно деловому языку — к тому же данные значения зафиксированы в ЖАЮ:

(19) **да елико ихъ не имѣти начне҃т** (*не окажутся имеющими*) **знамениꙗ х҃ва цѣла на челѣхъ своихъ. ѿ тѣхъ звѣрии оустрекаеми ꙗдомъ лютомъ отекшее. горкою см҃ртью погыбнꙋть** [Молдован 2000: 421] (в греч. тексте подчеркнутой конструкции соответствует футурум ὅσοι οὐχ ἕξουσι τὸ σημεῖον [Молдован 2000: 609] ‘все те, которые не будут иметь знака’) — люди не получили знака (‘стали не имеющими знака’) до того момента, о котором идет речь. Рассматриваемый глагол в инфинитивной конструкции указывает на момент, когда информация об этих знаках станет актуальна.

В связи с особенностями семантики и сочетаемости **начати** (**почати**) обращает на себя внимание соотношение глаголов **начати** (**почати**) и **коньчати**, поскольку в отличие от современных русских соответствий *начинать* (*начать*) и *кончать* (*кончить*), эти глаголы принципиально разли-

чались как по сочетаемости, так и, соответственно, по способу обозначения ситуации.

Древнерусский глагол **коньчати**, по всей видимости, обладал изначально только объектной валентностью, ср.:

(20) **в то же лѣто концаша** (*достроили* / *закончили*) **церковь свѧтого иоанна** (НПЛК, л. 13, под 1130 г.).

Значения глагола **коньчати** были первоначально связаны только с результатом: завершенностью, доведением до конца (ср. данные [Срезн.; СДРЯ и СлРЯ XI—XVII] о значениях глагола **коньчати** и его приставочных производных).

В летописях раннего периода встречаются также такие употребления **коньчати**, в которых на первый взгляд можно предполагать эллипсис инфинитива, ср.:

(15) **ꙁаложи церковь камѧну на городьныхъ воротѣхъ боголюбивыи архиепископъ новгородьскыи Мартурии въ имѧ Свѧтыѧ Богородицѧ положения ризы и поѧса; и начѧша дѣлати мѣсѧца маиѧ въ** 4, **на свѧтого Исакиѧ; а концаша** (*доделали* / *завершили*) **мѣсѧца августа въ 2, на свѧтого Стефана** (НПЛС, л. 55, под 1195 г.).

Однако в тексте Новгородской летописи, как и в КЛ, ГВЛ, СЛ и ЛА, не зафиксировано ни одного примера сочетания глагола **коньчати** с инфинитивом (типа ***коньчаша дѣлати**). Предположение об эллипсисе инфинитива базировалось бы только на этих примерах, в которых инфинитив реально нигде не представлен. С другой стороны, сочетания **коньчаша цьрковь** и в этой, и в других летописях встречаются, ср.: **въ то же лѣто концѧша церковь свѧтого Въскресениѧ** (НПЛС, л. 57, под 1196 г.); **Тогда же концаша церковь свѧтыѧ Варвары каменую** (НПЛК, л. 141, под 1219 г.) и др. Поэтому эллипсис имени в подобных контекстах представляется более вероятным.

О начале формирования новых отношений **начати** и **коньчати** — появлении возможности у **коньчати** сочетаться с инфинитивом — может говорить единственный обнаруженный летописный пример такой инфинитивной конструкции из поздней летописи — Московского свода. Контекст читается в записи середины XIV в.:

(16) **Того же лѣта коньчали подписывати на Москвѣ** 3 **церкви камены, Спаса и Архаггела и Иоана Лѣствичника** (МС, л. 233 об., под 1346 г.).

Развитие нового (современного) соотношения *начать—кончать* можно представить следующим образом. Древнерусский глагол **начати** в инфинитивных конструкциях первоначально мог оформлять ситуацию как со стороны начального момента ее существования, так и со стороны ее прекращения (с помощью конструкций с **не**) — и, таким образом, выполнял как функцию современного *начать*, так и функцию *кончать* (*кончить*). Со

временем **начати** утратил свою вторую функцию. В современном русском литературном языке конструкция «**начьноу + не**» не является нормативной и допускается только в специфических контекстах в разговорной речи.

У глагола **коньчати** изначально существовала только объектная валентность, заполняемая именем или «заменителем имени», — и, соответственно, только результативное значение — таким образом, у этого глагола была только «половина» функций его современного аналога. Но со временем **коньчати** приобрел возможность выступать в инфинитивных конструкциях в роли фазового антонима *начать*.

Литература

БАС — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1958. Т. 7.

Борковский 1931 — В. И. Борковский. О языке Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку // Труды комиссии по русскому языку АН СССР. Л., 1931. Т. 1. С. 1—71.

Булыгина, Шмелев 1997 — Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.

Вайан 2004 — А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. 3-е изд. М., 2004.

Востоков 1863 — А. Х. Востоков. Грамматика церковно-словенского языка, изложенная по древнейшим оного письменным памятникам. СПб., 1863.

Горшкова, Хабургаев 1981 — К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1981.

Евангелие 2004 — Евангелие Господа нашего Иисуса Христа на церковнославянском языке. М., 2004.

Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М., 2004.

Зализняк, Шмелев 2002 — А. А. Зализняк, А. Д. Шмелев. Семантика ‘начала’ с аспектологической точки зрения // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М., 2002. С. 211—224.

Круглова 2002 — И. В. Круглова. Семантика инфинитивных сочетаний с глаголами **хотѣти**, **имѣти**, **мочи** и **начати** (**почати**) в языке житийных и летописных памятников XII—XIV вв.: Дипломная работа. М., 2002.

Кузнецов 1959 — П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959.

МАС — Словарь русского языка: В 4 т. М., 1986. Т. II.

Мейе 2000 — А. Мейе. Общеславянский язык. М., 2000.

Молдован 2000 — А. М. Молдован. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.

Мустафина 1984_1 — Э. К. Мустафина. Способы выражения значения будущего времени в тексте «Повести временных лет»: Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1984.

Мустафина 1984_2 — Э. К. Мустафина. Способы выражения значения будущего времени в тексте «Повести временных лет»: Дис. … канд. филол. наук. Душанбе, 1984.

Мустафина, Хабургаев 1985 — Э. К. Мустафина, Г. А. Хабургаев. Проблема древнерусских форм сложного будущего с глаголами **имамь**, **хощу** и **могу** (на материале ПВЛ по спискам XIV—XVI вв.) // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1985. № 2. С. 20—32.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка: www.ruscorpora.ru.

Обнорский, Бархударов 1999 — С. П. Обнорский, С. Г. Бархударов. Хрестоматия по истории русского языка. Ч. 1. 3-е изд. М., 1999.

Падучева 2001 — Е. В. Падучева. Фазовые глаголы и семантика начинательности // Известия АН. Серия литературы и языка. М., 2001. Т. 60. № 4. С. 29—39.

Падучева 2004 — Е. В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.

Плунгян 2000 — В. А. Плунгян. Общая морфология. М., 2000.

Потебня 1888 — А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Т. I—II. Харьков, 1888.

СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). М., 2002. Т. V; М., 2004. Т. VII.

Срезн. — И. И. Срезневский. Материалы для Словаря древнерусского языка: В 3 т. СПб., 1901—1903. Т. I—III.

СлРЯ XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 10. М., 1983; Вып. 18. М., 1992.

Храковский 1987 — В. С. Храковский. Семантика фазовости и средства ее выражения // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / Отв. ред. А. В. Бондарко. Л., 1987. С. 153—180.

Яковлева 1953 — А. П. Яковлева. К истории форм будущего времени в древнерусском языке (на материале некоторых новгородских и московских памятников письменности русского языка). М., 1953.

Янакиева 1977 — Ц. Г. Янакиева. Система спрягаемых глагольных форм в языке деловой и бытовой письменности древнерусского Северо-Запада XI—XIII вв. (в аспекте категории времени): Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1977.

Birnbaum 1958 — H. Birnbaum. Untersuchungen zu den Zukunftumschreibungen mit dem Infinitiv im Altkirchenslawischen. Stockholm, 1958.

Corin 1994 — A. R. Corin. Inceptive and Conceptive Verbs in Slavic // Die Welt der Slaven. München, 1994. Bd. XXXIX. № 1 (N.F. XVIII, № 1). S. 113—143.

Křížková 1960 — H. Křížková. Vyvoj opisného futura v jazycích slovanských, zvláště v ruštině. Praha, 1960.

NT 1999 — Novum Testamentum graece post Eberhard et Erwin Nestle. Stuttgart, 1999.

Summary

The article deals with the Old Russian verb **начати** (**почати**) in infinitival constructions; it describes how the verb combines with various infinitives and compares this usage with Modern Russian. It also analyses the formation of new relationships between **начати** and **коньчати**, which has led to their realization as antonyms in the modern language.

Ключевые слова: сочетаемость, инфинитивные конструкции с **начати**, формирование соотношения *начать-кончать* (*кончить*).

Keywords: combinatoriality, infinitive structures with **начати**, forming of the correlation *начать-кончать* (*кончить*).

Ф. Р. МИНЛОС

ЛИНЕЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ДРЕВНЕРУССКОМ: ВОЗВРАЩАЯСЬ К СТАТЬЕ Д. ВОРТА

В 1985 г. вышла в свет статья Дина Ворта, посвященная линейной позиции прилагательного *новъгородьскыи* в части новгородских пергаменных грамот [Worth 1985] (русский перевод — [Ворт 2006]). В этой статье были сформулированы весьма нетривиальные тезисы. Насколько нам известно, в течение почти четверти века после опубликования этой статьи так и не появилось новых работ о порядке слов в древнерусской (и славянской) именной группе. В ходе работы над статьей [Минлос 2008] некоторые из результатов Ворта нашли дополнительное подтверждение. В то же время другие результаты кажутся не вполне ясными. Сегодня, как кажется, пришло время для ревизии выдвинутых Д. Вортом тезисов. Для этого требуется обращение к конкретному материалу, на основе которого они были сформулированы: именно в этом и состоит задача настоящей статьи.

Д. Ворт проанализировал, по его словам, «первые 168 страниц» издания [ГВНП], то есть, говоря в более привычных терминах, тексты №№ 1—110 (грамоты XII—XV вв., так или иначе связанные с Новгородом). Однако релевантный материал распределяется по этому массиву грамот неравномерно. Если, в соответствии с классификацией В. Л. Янина (см. [Янин 1991: 7]), разделить новгородские пергаменные грамоты на две группы — «локальные» и «общегосударственного значения», окажется, что в рассмотренном материале на долю «локальных» документов приходится всего 7 именных групп с прилагательным *новъгородьскъ*[1]. Таким образом, анализ Д. Ворта построен преимущественно на грамотах «общегосударственного значения», фиксирующих отношения Новгорода с великими князьями и с Западом (№ 1—77). Около половины всего материала извлечено из договорных грамот Новгорода с великими князьями (тверскими, московскими и литовскими), заметная часть текста которых совпадает. Эту особенность материала Дин Ворт практически игнорирует (отмечая один частный случай — когда данные по творительному падежу почти целиком определяются одним-единственным словосочетанием, повторенным 15 раз, см.

[1] 5 примеров в «грамотах внутреннего управления», в жалованных и данных грамотах, №№ 89 — 2х, 90, 95, 96; 2 примера в arenga частных грамот — №№ 108 и 109.

[Ворт 2006: 275, прим. 4]). Ворт рассматривает каждый экземпляр словосочетания, повторяющегося в нескольких (иногда в двух-трех, иногда в тринадцати) грамотах в тождественном контексте, как отдельный независимый пример. Д. Ворт не одинок в таком подходе к близким текстам[2] (вообще говоря, проблема касается и повторения отдельных клишированных выражений, но в данном случае они составляют несущественную долю материала). Если мы наблюдаем морфосинтаксическое варьирование в общих фрагментах сходных текстов[3], ценность точного совпадения повышается (это означает, что авторам следующих редакций конструкция казалась совершенно приемлемой), но всё-таки не позволяет считать разные экземпляры такого рода разными примерами. В нашей работе различаются понятия *экземпляр* (словосочетание, извлеченное из конкретного фрагмента текста) и *пример* (множество сходных экземпляров, извлеченных из сходных контекстов).

В своей статье Д. Ворт утверждал, что существует корреляция порядка слов с такими свойствами именной группы (или существительного), как наличие предлога и местоименного атрибута, одушевленность, агентивность и падеж. Именно в таком порядке эти параметры будут рассмотрены ниже. Материал взят из тех же грамот, которые анализировал Ворт, но рамки материала несколько расширены: это сочетания не только с прилагательным *новъгородьскыи*, а со всеми прилагательными с суффиксом *-*ьск-*, образованными от топонимов (*тверьскыи, колываньскыи*) и этнонимов (*свѣискыи*).

Бесспорным достижением Дина Ворта является наблюдение о том, что в предложных конструкциях одиночный атрибут чаще стоит в препозиции, сразу после предлога (*въ Новгородьскои волости*, *с новогородцкимъ посадникомъ*). Этот результат подтвержден для разного рода атрибутов в древнерусских и великорусских текстах (см. [Минлос 2008] и [Минлос 2010]) и не нуждается в пристальном критическом анализе. Не менее важно и другое его наблюдение: если в предложной группе есть местоименный атрибут, прилагательное стоит в постпозиции (*по всеи волости Новгородьскои*). В качестве объяснения для «склейки» атрибута и предлога Д. Ворт выдвинул тезис о «жестком синтаксическом единстве предложных конструкций, начальная граница которых обозначается предлогом, а ко-

---

[2] Ср. у А. А. Зализняка про использование Задонщины: «взято четыре основных списка, т. е. подсчеты отражают суммарный материал этих списков, чем отчасти компенсируется краткость этого памятника» [Зализняк 2008: 212].

[3] Существенно, что некоторые другие словосочетания допускают варьирование: например, в договорной грамоте с Василием Васильевичем 1435 г. появляется отсутствовавшая в предыдущих текстах клаузула *про купци про ноугородскые* (№ 19), однако в мирной грамоте 1456 г. повтор предлога удаляется (*про купци ноугородцкыи*, № 22); так же соотносятся *по волостемъ по новогородскымъ* 23 и *по волостемъ новогородскимъ* 27 (вероятно, оба раза редактор приводил словосочетание к более «нормативному» виду).

нечная — управляемым существительным», причем отклоняющиеся конструкции могут быть «подправлены» повтором предлога (*по волостемъ по новгородскымъ* № 23), который «указывает на то, что словосочетание еще не кончено» [Ворт 2006: 283]. Постпозицию прилагательных в сочетаниях с местоимением (*въ всеи волости новогородьскои* № 1) Ворт объясняет действием отдельной закономерности: все атрибуты должны стоять рядом с существительным.

Другая интересная идея Д. Ворта — рассмотреть корреляцию порядка слов в именной группе с одушевленностью существительного. Разбиение существительных на два класса — одушевленные и неодушевленные — привело к выявлению контраста между этими двумя классами в предложных конструкциях: при неодушевленных в большинстве случаев отмечена препозиция атрибута, при одушевленных — постпозиция (в беспредложных постпозиция обычна при обоих классах, хотя у одушевленных она несколько регулярнее). Более того, предпринятый им подсчет показал, что предлог вообще не влияет на положение атрибута при одушевленных именах.

Влияние предлога на положение атрибута, действительно, не прослеживается при обобщенном рассмотрении материала грамот по всем одушевленным существительным вместе. Но анализ некоторых конкретных сочетаний с прилагательными на **-ьск-* показывает такую зависимость. Например, с лексемой *князь*[4] в беспредложных конструкциях препозиция вообще не зафиксирована (постпозиция в 6 примерах), а в предложных конструкциях препозиция преобладает[5]. В сочетании с лексемой *посадникъ* в беспредложных контекстах прилагательное на **-ьск-* практически не встречается в препозиции (единственный пример — *Кондратовымъ внучатамъ* ***колыванъского посадника*** № 53, с постпозицией — 36 примеров), тогда как с предлогом препозиция зафиксирована примерно в 15 % примеров[6]. Зависимость положения атрибута при одушевленных именах от наличия предлога документирована также на материале конкретных словосочетаний с одушевленными существительными (*посолъ псковски* / *новогородскии* / *юрьевскии*, *князь великии*) в Псковской летописи, см. [Минлос

[4] Мы не включаем в этот материал примеры с сочетанием *князь великыи*: *князь великі литовьскіи* № 77, *князь великі московскіи* № 77, *за великого князя литовского* № 26.

[5] 2 примера с порядком NA: *со князьми литовскіми* № 16, *на князя на литовского* № 168; 8 примеров с порядком AN: *на тферьского на князя на Михаила* № 16, *с литовскимъ княземъ или с тферьскимъ княземъ с Михаиломъ* № 16, *съ тфѣрьскимъ княземъ с Михаиломъ* № 16, *с литовскимъ княземъ и со тферьскимъ княземъ Михаиломъ* № 16, *от свѣиского князя* № 38, [*со*] *Свеискимъ княземъ* № 38.

[6] На 18 примеров с порядком NA приходится 5 примеров с порядком AN: *с новогородцкимъ посадникомъ* № 77, *к новгорочкому посаднику или к новоторжкому* № 20, *на колыванъского посадника* № 53, *до юрьевъскихъ посадниковъ* № 78, *къ двинскому посаднику* № 85.

2008]. Как объяснить тот факт, что конкретные сочетания с одушевленными именами «чувствительны» к синтаксическому контексту, а в целом материал одушевленных имен, рассмотренных Вортом, корреляции с этим контекстом не демонстрирует? Этот казус связан с тем, что некоторые словосочетания с устойчивой постпозицией атрибута встретились преимущественно или исключительно в предложных контекстах (в инскрипциях и в интитуляциях). Так, сочетание *архиепископъ новгородьскии* встретилось только в предложных конекстах: ***от архиепискапа новгородьского*** *владыкы Олексѣя* № 45, ***от архиепископа новгородчкого*** *владычѣ Ивана* № 50, ***от архиепископа новгородского*** *владыци Семена* № 57, ***ко архѣепискупу новгородчкому*** *владычѣ Семеону* № 60.

С нашей точки зрения, обобщение до столь абстрактной категории, как одушевленность, не может заменить анализа сочетаний с конкретными лексемами или, по крайней мере, с более однородными классами лексем. Основную часть проанализированного материала составляют две крупные терминологические группы, порядок слов в которых охарактеризовал еще В. И. Борковский: в топонимических сочетаниях прилагательные на -(*ь*)*ск*- стоят в препозиции [Борковский 1949: 261—262], «в лексических словосочетаниях, в которые входят имена существительные, указывающие на титул, духовный сан, должность», такие прилагательные стоят в постпозиции [Борковский 1949: 265].

Для материала Д. Ворта (грамоты № 1—110 по изданию [ГВНП]) определяющим было одно топонимическое сочетание — а именно, *новъгородьская волость*. В контексте, благоприятствующем препозиции, — т. е. в предложных группах без атрибутивного местоимения, — это сочетание зафиксировано в рассмотренных грамотах почти исключительно в препозиции, например *въ Новъгородьскои волости* № 4, *из Новгородьскои волости* №№ 6, 9, 10, 15, *по Новгородскои волости* № 70 (такие предложные группы встретились 43 раза, хотя, если объединить одинаковые фразы, получится 22 примера). Единственное исключение — *по волостемъ по новогородскымъ* [ГВНП, № 23, 27][7].

Характерным названием должности, встречающимся в материале Ворта, является сочетание *посадникъ новъгородьскыи*: в предложных группах он дважды отмечен с препозицией (*с новогородцкимъ посадникомъ* № 77, *к новгорочкому посаднику* № 20) и 9 раз с постпозицией. В целом, у прилагательных с суффиксом -*ьск*- доля препозиции при названиях должностей не превышает 10 %. Основные примеры — *посадникъ* (6 примеров препози-

[7] Вероятно, *новгородские волости* во множественном числе не являются полноценным топонимом; впрочем, множественное число в данном случае значит почти то же самое, что единственное: предложение *А что воина была князеи великихъ* ***надъ Новогородскою волостію***… № 23 повторяется в грамоте № 27 почти буквально, но с заменой интересующего нас сочетания на множественное число *надъ новогородскими волостьми*.

ции на 54 постпозиции, т. е. препозиция составляет 10 %), *тысяцкыи* (ни одного примера препозиции и 13 примеров постпозиции), *архиепископъ* (нет примеров препозиции, 7 примеров постпозиции), *бискупъ* / *пискупъ*[8] (вариант *бискупъ* в договорной грамоте с юрьевским епископом 1474 г. [ГВНП № 78] с соотношением 1 AN / 7 NA, вариант *пискупъ* 5 раз зафиксирован в сочетаниях NA, таким образом, в целом по этой лексеме получается 8 % препозиции).

При анализе Псковской летописи нами также было отмечено, что прилагательные с суффиксом *-ьск-* обычно стоят перед лексемами *земля* (62 примера из 78, т. е. 80 %) и *волость* (29 примеров из 40, т. е. 73 %), но при этом после лексемы *посадникъ* (110 случаев из 114, т. е. 96 %), а также *пискоуп* / (*арци*)*бискоупъ*, *князь, бояре, местеръ* / *маистръ* [Минлос 2008: 207—208].

В двух памятниках наблюдается одинаковое различие: при лексеме *посадникъ* постпозиция фиксируется более последовательно, чем при лексеме *князь*. В Псковской летописи соотношение такое — 4 % препозиции при *посадникъ* и 13 % при *князь*; в ГВНП 10% препозиции при *посадникъ* и 50 % при *князь* (малое количество примеров не дает возможности всерьез относится к точному процентному соотношению, но всё-таки едва ли полностью перечеркивает обнаруженную тенденцию). Можно предложить семантическое объяснение этого различия: в термине *посадникъ новъгородьскыи* магистратская должность «посадник» не существует вне города, в котором посадник выбран и которым управляет, этим посадник отличается от князя, который является таковым независимо от того, где он в данный момент княжит. Иными словами, сочетания вроде *тфѣрьскии князь* (а тем более *литовьскии князь*) являются более расчлененными, менее терминологическими, поэтому они в большей степени подвержены влиянию синтаксического контекста (наличия предлога). С этим согласуется тот факт, что в сравнительно свободных сочетаниях (*гость новъгородьскыи*, *посолъ новъгородьскыи*) постпозиция фиксируется менее устойчиво, чем с названиями должностей, ср. сочетания с лексемами *посолъ* (6 примеров, 8 экземпляров с порядком AN, 9 примеров, 10 экземпляров с порядком NA, т. е. препозиция составляет 40 — 44 %), *гость* (4 AN / 5 NA)[9], *купець* (4 AN / 1 NA).

Различие порядка слов в топонимах и словосочетаниях, обозначающих людей (в особенности в названиях должностей), можно связывать как с коммуникативной структурой словосочетания, так и с характерными для этих словосочетаний контекстами.

---

[8] Сама лексема *епископъ* обозначает церковный сан, но сочетание *епископъ юрьевъскии* обозначает церковную должность.

[9] Впрочем, все 5 примеров с прилагательным *новъгородьскыи* содержат постпозицию: *гости гостити по Суждальскои земли новгородьскому* № 14, *гостю гостити новгородчкому* № 60, *гостя новгородчкого и новоторжкого* № 20, *гостю новгородскому* № 70.

С одной стороны, в сочетаниях вроде *Новъгородьская волость*, *Гоцкыи берегъ* (о. Готланд), *Сосницкая вѣть* (приток), *Хлуховское росплавье* (место, где растекается ручей) именно в прилагательном содержится ключевая топонимическая информация (семантические отношения в этих сочетаниях близки к отношениям в аппозитивах вроде *рѣка Ока*). Приводя иные примеры (в основном — с наличием явного противопоставления по признаку, выраженному прилагательным), О. А. Лаптева писала, что в препозиции ставится прилагательное, «когда оно является семантическим ядром атрибутивного словосочетания» [Лаптева 1959: 104]. В названиях официальных должностей прилагательное обозначает существенный, но едва ли ключевой признак. Коммуникативную второстепенность прилагательного в названиях должностей отметил и Д. Ворт (п. 1.8), однако он это связал с особенностью употребления слова *новъгородьскии* в новгородских документах, что едва ли верно.

С другой стороны, противопоставление словосочетаний в какой-то степени может определяться контекстом. Дело в том, что топонимы чаще всего употребляются в предложных контекстах, а названия должностей (и вообще сочетания, обозначающие лиц) — с аппозитивными именами. Как предлог, так и аппозитив, «притягивают» одиночный атрибут, про предлог см. выше, про аппозитив — [Минлос 2010]. Например, *новъгородьская волость* зафиксирована всего в 6 беспредложных контекстах (два из этих контекстов с некоторыми вариациями повторяются во многих грамотах, поэтому получается 31 экземпляр) и в 35 предложных (84 экземпляра). Можно предположить, что препозиция атрибута, регулярная для предложных конструкций, распространилась и на беспредложные контексты. С другой стороны, в рассмотренном материале ГВНП примеры препозиции прилагательного с суффиксом *-ьск-* при лексеме *посадникъ* либо не содержат аппозитива (*колыванського посадника* № 53, *к новгорочкому посаднику или к новоторжкому* № 20, *с новогородцкимъ посадникомъ* № 77, *до юрьевъскихъ посадниковъ* 78, *къ двинскому посаднику* № 85), либо этот аппозитив стоит слева (*на Кондрата на колыванського посадника* № 53). За постпозитивным прилагательным часто следует аппозитив: *от посадника ноугородьскаго Михаила Ивановича* [ГВНП, № 19], *к посаднику новгородчкому Есифу Григорьевичю* [ГВНП, № 72]. Контекст может определять положение атрибута в словосочетаниях как напрямую (т. е. влиять на порядок слов в этом контексте), так и косвенно (если словосочетание чаще всего употребляется в определенном контексте, характерный для этого контекста порядок слов может распространяться и на другие использования этого словосочетания).

Еще одна, не очень удачная, на наш взгляд, гипотеза Ворта связана с делением беспредложных падежей на две группы — «агентивные» (именительный, дательный и творительный) и «неагентивные» (винительный и родительный). При такой классификации выяснилось, что в «агентивных» падежах чаще встречаются одушевленные имена, а в «неагентивных» — неодушевленные. Эта корреляция дала возможность Д. Ворту представить

агентивность и одушевленность как варианты одного признака. Это отражает как формулировка в п. 1.8, как бы представляющая агентивность в качестве синтаксической проекции одушевленности, так и заключение в п. 4: «our microanalysis has uncovered a hitherto unknown but strong correlation of animacy (agency) and NA word order» [Worth 1985: 544].

Прямая связь падежа с агентивностью кажется неудачной с терминологической точки зрения. Во-первых, агентивное значение есть не у любого дательного падежа, а только у дательного в функции субъекта при инфинитиве (dative deep subjects of infinitives, [Worth 1985, 1.8]), который, впрочем, действительно составляет большинство употреблений дательного в текстах грамот[10] (хотя даже в этих конструкциях модальное значение конструкции в какой-то степени снимает агентивность). Во-вторых, трудно усмотреть агентивность у неодушевленных именных групп в номинативе[11]. Указанные неагентивные употребления «агентивных» падежей составляют несущественную долю материала (всего 3 примера), однако они указывают на то, что прямого соотношения между падежом и агентивностью нет, параметр агентивности непосредственно применим лишь к конкретным употреблениям падежа, но не к падежу в целом. В рамках гипотезы (как кажется, достаточно сомнительной) о том, что порядок слов напрямую соотносится с агентивностью, было бы нагляднее классифицировать материал не по падежам, а сразу по семантическим отношениям между предикатом и именной группой.

Соотнесение положения атрибута с падежом именной группы является более перспективным, чем соотнесение с агентивностью. Приведенные Д. Вортом данные показывают некоторое отличие именительного падежа от других беспредложных употреблений: 94 % постпозиции в им. п. > 71 % постпозиции в косвенных падежах без предлога. В рамках рассмотренного материала ГВНП зависимость положения атрибута от падежа надежно проявляется только для двух падежей: в именительном наблюдается постпозиция, в дательном — препозиция[12]. Продемонстрируем эту корреляцию на примере беспредложных сочетаний прилагательных с суффиксом *-*ьск*- и лексемы *посолъ*. В именительном падеже зафиксирована исключительно постпозиция: **Nom**. *послы новогородскые* № 23 = *послы новугородские*

[10] Ср. пример датива в иной функции: *тотъ товаръ князю Михаилу подавати* ***новгородьскымъ купцамъ*** 18.

[11] Ср. такой пример: *или* ***новогородская воина*** *была надъ великихъ князеи волостьми* 23, 27.

[12] Отличие именительного падежа от всех косвенных падежей более надежно установлено на материале сочетания *князь великыи*, см. [Минлос 2008: 210]. Как можно предположить из анализа западнорусских летописей, исходно постпозиция прилагательного была характерна для именных групп непосредственно перед глаголом, а потом закрепилась за именными группами в именительном падеже (потому что они особенно часто стояли перед глаголом).

№ 27, *послове новогородскии* № 63, *послы новгородскыи* № 70, *послови нѣмечкыи* № 72, *послы немечкыи* № 72, *послы юрьевъскии* № 78, *послы псковъскии* № 78 (всего 7 примеров, 8 экземпляров). В дательном падеже преобладает препозиция: **Dat. AN** *новугородскимъ посломъ* № 27, *ново*-[*гор*]*одскимъ* [*послом*]*ъ* № 63 (= *новгородскымъ посломъ* № 70), *новгородскому послу* № 78, *нѣмѣцькымъ посломъ* № 46, *пъсковскимъ посломъ* № 27, *литовскимъ посломъ* № 63 = *литовьскымъ посломъ* № 70 (всего 6 примеров, 8 экземпляров); **Dat. NA** *посломъ новгорочкымъ* 20, *посламъ новгородчкымъ* 72 (2 примера). Кроме того, есть единственный пример именной группы в винительном падеже (*нѣмецкыи посолъ* № 28[13]).

Анализ падежных употреблений в рассмотренном материале в значительной степени зависит от того, как интерпретировать выделенные Д. Вортом «топикализующие конструкции» (introductory topic-defining clauses). Для иллюстрации этого понятия в статье приведен несколько условный пример *а что волости новгородьские*. Речь идет о случаях вроде (1), в которых союз *что* вводит именную группу в номинативе:

(1) *а что* ***пожни новгородскые****, то к Новугороду, какъ пошло* № 19 (повторяется в грамотах №№ 22, 26, 77)

Топикализующие конструкции (и подлежащие при «дефинитивных сказуемых», definitional sentences) у Ворта не учитываются в общих подсчетах на основании того, что в этих конструкциях сочетания с неодушевленными существительными последовательно демонстрируют постпозицию прилагательного, тогда как в других контекстах для них характернее препозиция (кроме того, Ворт, видимо, считает существенным тот факт, что в этом контексте не отмечены сочетания с одушевленными именами).

Рассмотрим другие обороты, вводимые словом *что*. В примере (2) *что* вводит именную группу в родительном падеже. Согласно Ворту, именная группа тут зависит от местоимения *что*, однако не исключен вариант анализа такого *что* как союза, поэтому предпочтем нейтральное выражение «*что*-конструкции»:

(2) *что* ***волостии новгородьскыхъ****, тѣхъ волостии, княже, не* [*дь*]*ржати ти своими мужи* № 6 (повторяется в грамотах №№ 9, 10, 14, 15)

В примерах (1—2) оборот, вводимый союзом (?) *что*, не содержит глагольную форму, такие обороты можно назвать именными *что*-конструкциями, в отличие от глагольных *что*-конструкций в примерах (3—5):

(3) *А* ***что товаръ новгородскѣи*** *и но*[*во*]*торьскыи в Торъшку взятъ в* [*пол*]*онъ, а того товара весь Новъгородъ велѣлъ Юрью и Якиму отступится* № 17

[13] Тот факт, что это винительный падеж, ясен из контекста: *А оже убьють новгородца посла за моремъ или* ***нѣмецкыи посолъ*** *Новѣгородѣ, то за ту голову 20 гривнъ серебра*.

(4) *а* ***что*** *взято* ***товара новгородьского*** (…), *а того всего Новугороду не поминати* № 11

(5) *А* ***что*** *взялъ князь Михаило городъ Торжокъ или* ***волости новъгородьскыи****, то все Новгородъ отложилъ от князя от Михаила* № 18

Из статьи Ворта не вполне ясно, включает ли автор в понятие topic-defining clauses только именные *что*-конструкции с номинативом или также глагольные (в материале, рассмотренном Вортом, единственный такой глагольный пример — это (3), причем по приведенным в его статье числам кажется, что включает). Ясно, что генитивные конструкции (как (2) и (4)) в это понятие не включены. Однако материал дает некоторые основания выделять генитивные *что*-конструкции наравне с номинативными: в таких оборотах атрибут почти всегда стоит после существительного в генитиве (с постпозицией зафиксировано 4 примера, 8 экземпляров, с препозицией — 1 пример), тогда как в остальных случаях — чаще перед существительным в генитиве (в 4 примерах из 6). Генитив в этих конструкциях является партитивной реализацией субъекта и, таким образом, соответствующие примеры примыкают к примерам с именительным падежом.

Тот факт, что для именных групп в номинативе особенно характерна постпозиция прилагательного, был обнаружен еще до статьи Ворта, в работах, которые были ему известны, — [Widnäs 1952: 43—44] и [Лаптева 1959: 110]. Эту корреляцию он предпочел игнорировать, отдав предпочтение более абстрактным категориям (одушевленность и агентивность). Такой абстрактный анализ, как мы попытались показать, был не вполне удачен. Зато очень важным было открытие того факта, что на атрибут действуют силы притяжения к двум разным ядрам: к предлогу и к существительному. В какой-то степени препозиция прилагательного в косвенных падежах, не замеченная Вортом, может объясняться как экстраполяция порядка AN из предложных групп: например, *новгородскому послу* могло возникать под влиянием сочетания *къ новгодскому послу*; именительный падеж оставался свободен от такого влияния, т. к. не сочетался с предлогами.

Литература

Борковский 1949 — В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот (простое предложение). Львов, 1949.

Ворт 2006 — Д. Ворт. Одушевленность и позиция прилагательного: случай *новъгородьскъ* // Д. Ворт. Очерки по русской филологии. М., 2006. С. 269—285.

ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.

Зализняк 2008 — А. А. Зализняк. Древнерусские энклитики. М., 2008.

Лаптева 1959 — О. А. Лаптева. Расположение древнерусского одиночного атрибутивного прилагательного // Славянское языкознание: Сб. статей. М., 1959. С. 98—112.

Минлос 2008 — Ф. Р. Минлос. Позиция атрибута внутри именной группы в языке Псковской летописи // Рус. яз. в науч. осв. № 2 (16). (2008). С. 203—216.

Минлос 2010 — Ф. Р. Минлос. Что притягивает притяжательные местоимения? или Линейная позиция атрибутов // Вопросы русского языкознания. Вып. XIII. Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее, будущее. М., 2010. С. 279—290.

Янин 1991 — В. Л. Янин. Новгородские акты XII—XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991.

Widnäs 1952 — M. Widnäs. La position l'adjectif épithète en vieux russe. Helsingfors, 1952.

Worth 1985 — Dean S. Worth. Animacy and adjective order: the case of *новъгородьскъ*. An explanatory microanalysis // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. XXXI—XXXII. 1985. P. 533—545; рус. перев.: [Ворт 2006].

Summary

A paper published by Dean Worth in 1985 ('Animacy and adjective order: the case of *новъгородьскъ*. An explanatory microanalysis') presented some observations on word order in Old Russian noun-adjective phrases. The «microanalysis» was based on phrases with the adjective *novъgorodьskyi* 'novgorodian' in Novgorod parchment documents of the 12th-15th centuries. In order to evaluate Worth's statements correctly, we analyze the data used in his paper.

At least one finding has been clearly borne out by our previous studies: attributes tend to stand after the preposition (if there is one). The impact that case has on adjective placement seems to be underestimated by D. Worth, while he overestimated more doubtful correlations of adjective position with agentivity and animacy. Actually, agentivity seems to have nothing to do with linear order in noun phrases, while the marked correlation between noun animacy and postposition of attribute could be an epiphenomenon, due to two groups of word combinations prevailing in the data: toponyms (with mostly preposed attributes) and official position names (with mostly postposed attributes).

Ключевые слова: древнерусский язык, синтаксис, именная группа, линейный порядок, прилагательные.

Keywords: Old Russian, syntax, noun phrase, linear order, adjectives.

РЕЦЕНЗИИ

Этимология и современная лексикография: к выходу в свет «Толкового словаря русского языка с включением сведений о происхождении слов» — М.: ИЦ «Азбуковник», 2007. — 1175 с.

В 2007 г. вышел из печати «Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов» (далее — ТСРЯ), созданный сотрудниками Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Толковая часть словаря разработана Н. Ю. Шведовой, этимологические зоны словарных статей — Л. В. Куркиной (исконная лексика, древние заимствования и заимствования до XVIII в.) и Л. П. Крысиным (заимствования XVIII—XX вв. и интернациональные слова). В аннотации к изданию отмечается: «Предлагаемая книга представляет собою новое произведение и новый жанр словаря: кроме того, что этот словарь последовательно отражает состояние современного русского языка в его общем употреблении и движения в его лексическом составе, его богатую фразеологию и идиоматику, он содержит сведения о происхождении слов и об их соответствиях в других языках, в очень многих случаях дополняющие основной состав словарной статьи. Таким образом, этот словарь, построенный на общеупотребительной русской лексике последних трех столетий, по своему жанру является толково-этимологическим».

Появление толково-этимологического словаря русского языка, несомненно, является событием, имеющим важнейшее значение для русской этимологии и лексикографии. В свое время О. Н. Трубачев считал, что перспективу такого рода «желательно принимать cum grano salis» [Трубачев 2004: 319], отмечая, что «на страницах словарей современных языков этимология формально отсутствует, если не считать скупых и не очень регулярных помет о происхождении при заимствовании, особенно — при новых иностранных словах» [Там же: 319—320]. Действительно, долгое время задача совмещения в рамках одного словаря толковой и этимологической части казалась невыполнимой, однако стремление к такому совмещению характерно для всей истории русской лексикографии.

Первым опытом создания толково-этимологического словаря нужно признать словарь В. И. Даля [Даль]. Хотя этимологический анализ в этом словаре не эксплицирован, само построение словаря по гнездовому типу[1] выражает взгляд составителя на происхождение лексем. Кроме того, в целом ряде случаев автор непосредственно указывает на этимологию слова, что специально отмечает в «Напутном слове»: «При словах, где казалось полезным указать на происхождение или родство их, хотя такие родичи нередко, в силу азбучного порядка, разнесены друг от друга, ука-

[1] Гнездовой принцип до В. И. Даля применялся также в «Словаре Академии Российской» (1779—1794 гг.), однако впоследствии Академия от него отказалась, перейдя к алфавитному в издании 1806—1822 гг. Для судеб современной лексикографии наиболее значимым оказался выбор гнездового принципа В. И. Далем, чей словарь долгое время являлся эталонным.

зание это сделано в скобках, иногда в виде намека и одним словом, а нередко и с вопросительным знаком» [Даль, 1: XXIX]. Этимологическое «обаяние» словаря В. И. Даля сказалось на всей последующей традиции толковой и этимологической лексикографии. Так, например, за интерпретацией В. И. Далем лексемы *путик* ‘силки, осилье, слопцы, капканы, ловушки на зверков и птицу’, ‘охотничьи участки, на которые промышленники делят меж собой леса, чтобы не мешать друг другу’ как деривата от *путь* [Даль, 3: 543] последовали в толковой диалектной лексикографии авторы СРНГ, которые дают в качестве первого значения ‘путь, дорожка’, тем самым указывая на ту же деривационную линию [СРНГ 33: 150], и О. Н. Трубачев в дополнениях к этимологическому словарю М. Фасмера [Фасмер, 3: 413]. В [ТСРЯ: 780] та же интерпретация проявлена и в толковой, и в этимологической части. Между тем нами было показано, что слово *путик* нужно отрывать от *путь* и рассматривать как заимствование из прибалтийско-финских языков [Теуш 2002: 63—69], что впоследствии было поддержано А. Е. Аникиным [Аникин 2003: 7].

В толковой лексикографии влияние далевского этимологического в широком смысле подхода к построению словаря сказалось в принципах составления академического «Словаря современного русского литературного языка» [БАС]. Вслед за В. И. Далем в первых трех томах используется гнездовой принцип подачи материала, в то же время авторы отмечают, что, в отличие от В. И. Даля, они исходят из «современных живых, ясных и близких связей слов, а не из широких этимологических построений и корневого принципа» [БАС, 1: VII]. Тем самым в толковой части словарь стал менее этимологичным, зато в нем в конце каждой статьи появился справочный раздел, содержащий сведения историко-этимологического характера. Тот же способ подачи материала будет использован в ТСРЯ. Концепция БАС изменилась в четвертом томе: с отказом от гнездового принципа словарь превратился в справочное лексикологическое издание, как и все последовавшие за ним словари. Историко-этимологический раздел БАС не был совершенным, что было связано с отсутствием серьезных этимологических источников (в тот момент еще не вышло ни русское издание словаря М. Фасмера, ни ЭССЯ). Этимологические комментарии в БАС в основном касаются заимствований либо слов, имеющих прозрачный историко-культурный контекст (например: «**Будёновка**. По фамилии командира первой конной армии маршала Советского Союза т. Буденного» [БАС, 1: 666]).

Введение справочного раздела характеризовало и концепцию «Словаря русских народных говоров», однако уже в первом томе составители отмечают, что «этимологические справки в Словаре приводятся от случая к случаю, так как Словарь не является этимологическим, а, наоборот, сам представляет собою материал для этимологических исследований» [СРНГ, 1: 15]. Как и в БАС, этимологические данные в СРНГ даются преимущественно для заимствованных слов. Случайный, непоследовательный характер справок заставил впоследствии составителей СРНГ отказаться от них вовсе. Вслед за СРНГ этимологические интерпретации заимствований пытались вводить в текст составители «Словаря русских говоров Среднего Урала» [СРГСУ] и также затем от них отказались. Таким образом, традиция совмещения толкового и этимологического словаря на какое-то время была прервана: толковые словари приобрели отчетливо лексикологический характер, в противовес к ним этимологические словари максимально ре-

дуцировали толковую часть, что было и ранее в словарях Н. В. Горяева [Горяев] и А. Преображенского [Преображенский], но проявилось и в словаре М. Фасмера, и в последующих разработках. Так, например, в словаре Н. М. Шанского, который по своим этимологическим установкам наиболее близок к ТСРЯ («толкуется происхождение наиболее употребительных слов современного русского языка» [Шанский: 3]), лексема снабжается толкованием только «в нужных случаях (если заглавное слово имеет омонимы, является устаревшим, редким и т. п.)» [Шанский: 4]. Таков же подход в ЭСРЯ МГУ.

Принцип совмещения в одном словаре полноты толкования с этимологической трактовкой был позднее применен не в толковой (как это было изначально), а в этимологической лексикографии. Составители ЭССЯ в каждой словарной статье приводят весь имеющийся в их распоряжении материал о слове по различным славянским языкам (особенно русскому), в результате чего словарь становится не только этимологическим, но и представляет собой общеславянский тезаурус, что позволяет читателю оценить семантическое развитие слова и его потенции в соотношении с этимологией [ЭССЯ, 1: 6—8]. Стремление к полноте толкования прослеживается и в словарях диалектных заимствований. А. Е. Аникин в «Этимологическом словаре русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков» [Аникин] приводит все данные о значениях слова, его семантике, географии, фонетическом и словообразовательном варьировании. Подобным образом поступают и авторы «Материалов для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера» [МДС], которые дают подробное описание семантики слова в тесной связи с его этимологической интерпретацией: этимология семантически ориентирована и описание генезиса отдельных значений является обязательной частью каждой словарной статьи. И, наконец, близок к ТСРЯ и такой его предшественник, как «Историко-этимологический словарь русских говоров Алтая» [ИЭСРГА]. Авторы словаря представляют толковую часть в полном объеме и этимологически комментируют, по возможности, каждое слово. Однако отметим сразу, что принципы составления региональных этимологических словарей не могли быть в полном объеме реализованы в ТСРЯ, поскольку данные исследования рассчитаны, прежде всего, на читателя-специалиста и могут позволить себе многотомность и пошаговость издания, в отличие от ТСРЯ.

На современном этапе развития этимологической лексикографии актуальной является задача создания «нового Фасмера». Возможность такой работы обдумывалась ранее О. Н. Трубачевым, который при переводе «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера внес в текст целый ряд существенных дополнений. Однако последующая работа над «Этимологическим словарем славянских языков» не оставила этимологу ни времени, ни возможностей для дальнейшего обновления словаря [Трубачев 2004: 454]. Преемником О. Н. Трубачева выступил А. Е. Аникин, который не только обосновал необходимость и принципы создания нового «Этимологического словаря русского языка» [Аникин 2003], но и начал реализацию этого проекта [РЭС]. Однако это издание рассчитано на многие годы (вышли только три выпуска, охватывающие сегмент *а—болдыхать*), и полная интерпретация основного корпуса русских лексем будет предоставлена читателю еще не скоро. Если говорить о соотношении толковой и этимологической части, то в РЭС толковая часть существенно расширена, однако в от-

ношении литературных слов по-прежнему (как и в словаре М. Фасмера и др.) редуцируется, что объяснимо при учете предполагаемого объема словаря и адресованности этого издания профессионалу-лингвисту.

Таким образом, к настоящему моменту вопрос о создании толково-этимологического словаря русского литературного языка вновь оказался насущным и обусловливается следующими факторами.

1. Семантический подход к этимологии, господствующий в современной лингвистике, требует максимально полного толкования слова в соотношении с его этимологической интерпретацией, что представлено в концепции целого ряда этимологических проектов.

2. Актуально создание нового «Этимологического словаря русского языка», с учетом новейших достижений в этимологии. Если обратиться к этимологической лексикографии литературного языка (имея в виду относительно краткие, т. е. одно- или двухтомные издания), следует отметить, что словарь Н. М. Шанского к настоящему моменту несколько устарел.

3. Словарь должен отличаться если не полнотой, то законченностью. Все ведущиеся этимологические проекты (ЭССЯ, ЭСРЯ МГУ, РЭС, а также региональные МДС, ИЭСРГА) рассчитаны на долгую перспективу и далеки от завершения.

В свете изложенного выход ТСРЯ представляется актуальным и своевременным.

В методическом отношении авторам удалось решить целый ряд проблем, которые ранее препятствовали составлению толково-этимологического словаря либо игнорировались. Выбор однотомного словаря русского литературного языка в качестве словника для этимологических справок избавил авторов-этимологов от раздумий о том, какую лексику считать общеупотребительной (отбор лексики всегда являлся проблемой для специализированного словаря), поскольку эта задача уже была решена в толковой части. Кроме того, этот выбор ограничил объем словаря и создал условия для законченности данного проекта, что в настоящее время, как указывалось выше, крайне важно.

Этимологическая зона в ТСРЯ подается так же, как это ранее делалось в БАС, СРНГ и др.: мелким шрифтом в конце словарной статьи. Основные отличия — содержательные: комментируются не только заимствования и слова с прозрачным историко-культурным контекстом, но и исконная лексика. В этой интерпретации отражены как этимологические достижения словарей постфасмеровского периода [ЭССЯ, Machek, Skok, Slawski и др.], так и собственные разработки Л. В. Куркиной — члена авторского коллектива ЭССЯ. Особенно важно, что ТСРЯ хоть в какой-то мере восполняет существенный пробел современной русской этимологической лексикографии в интерпретации исконной лексики — алфавитный фрагмент от **otъgrěbati* и далее, пока не представленный в ЭССЯ. Широкому кругу читателей представлен целый ряд новых этимологий, а также тех, которые ранее были известны только специалистам (например, *таить* в соотношении с *таять*, *петь* в соотношении с *пить*, обоснованные в статьях О. Н. Трубачева [Трубачев 2004: 311—318, 701—704]). Фактически ТСРЯ представляет собой совмещение трех типов словарей: толкового, этимологического и словаря иностранных слов. В результате читатель имеет возможность получить целостную информацию о слове, где этимологическая трактовка углубляет понимание синхронной семантики лексемы. Это важно в просветительском отношении: не всякий читатель обратится к этимологическому словарю или словарю иностранных слов, выяснив значение слова. Нельзя не отметить и того, что совмещение

трех типов словарей в одном издании удобно для пользователя и сокращает время на поиск необходимой информации.

Важным качеством этимологических зон ТСРЯ, отличающим его от предшествующих словарей, является повышенное внимание к калькам (см. статьи *ведомость*, *величать*, *инок*, *отвлеченный*, *сад* и др.), выявлению логики развития значений (см.: *внушить*, *жаворонок*, *заложить*, *опешить*, *остров* и др.) а также этнолингвистическим и историко-культурным интерпретациям (см.: *бистро*, *иван-да-марья*, *ивановский*, *припадок* и др.). По свидетельству О. Н. Трубачева, именно в этом отношении хотел бы видеть более совершенным свой словарь М. Фасмер [Трубачев 2004: 462]. В целом последовательно в ТСРЯ для исконных слов не только приводятся соответствия в других языках (чем часто ограничивались ранее авторы этимологических словарей), но и реконструируется исходное значение корня или слова целиком. Это тот тип информации, который в наибольшей степени востребован пользователем словаря, особенно массовым читателем, и это та информация, которая существенно дополняет основной состав словарной статьи.

При создании толково-этимологического словаря естественно желание авторов прокомментировать каждое слово. У составителей региональных словарей такого типа [ИЭСРГА], а также у авторов ЭСРЯ МГУ возникал при этом целый ряд сложностей: комментарии приходилось дублировать, объем словаря существенно увеличивался. Если для специализированного словаря это не является большой проблемой[2], то применение подобного подхода в данном случае лишило бы словарь важнейшего качества — однотомности (что важно для популярного словаря). Составители этимологической части ТСРЯ решили игнорировать очевидные формальные и семантические связи, в некоторых более сложных случаях применили систему кратких отсылок. Это позволило существенно уменьшить объем словаря, притом что весь основной корпус оказался последовательно прокомментирован.

Однотомный словарь (первоначально «Словарь русского языка» С. И. Ожегова, выдержавший 23 издания, затем «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой в четырех изданиях) на протяжении многих лет являлся наиболее востребованным из числа толковых словарей для широкого круга читателей. Создание на этой базе толково-этимологического словаря имеет общественную значимость. В современной России интерес к этимологии очень высок не только среди лингвистов, но и среди специалистов-нефилологов (историков, культурологов, этнографов, краеведов), а также всех тех, кто владеет русским языком. Пути удовлетворения этого интереса в настоящий момент по преимуществу являются ненаучными или псевдонаучными: они воплощаются в народных этимологиях журналистов и юмористов, а также в псевдопатриотических изданиях, эксплуатирующих идеи арийского происхождения славян, глубокой древности славянской письменности и т. п. Научно-популярные издания, созданные специалистами-этимологами, в последние годы не появляются, равно как и новые словари, за исключением школьных, которые, как правило, представляют собой сокращенный вариант словаря М. Фасмера. ТСРЯ предоставляет широкому кругу читателей возможность получить научную (объективную и достоверную) информацию о происхожде-

[2] Хотя для «литературного» ЭСРЯ МГУ, например, подобный подход вылился в то, что издание словаря растянулось на многие годы, и та же судьба, похоже, ждет и перечисленные словари.

нии слова (правда, тираж 800 экз. для этого все-таки недостаточен). Необходимо отметить и важность данного издания для развития образования: словарь может быть использован школьниками и студентами, что позволяет преподавателям и учителям ставить перед своими учениками новые задачи интерпретационного характера и углубляет качество филологической подготовки. Автор этого текста, будучи преподавателем филологического факультета УрГУ, имел возможность наблюдать изменение отношения студентов к престижности этимологических словарей: если ранее для получения информации о происхождении слова студенты в первую очередь обращались к словарю М. Фасмера, то теперь наиболее востребованным стал именно ТСРЯ.

Рассматривая ТСРЯ как новый, актуальный и успешно реализованный проект, отметим возможности его дальнейшего совершенствования в последующих изданиях.

Этимологические справки в словаре русского литературного языка должны адекватно отражать пути его формирования и роль внешних источников в его истории. Между тем при фронтальном просмотре словаря возникает ощущение, что для русского языка основным источником заимствований служили западноевропейские языки, а влияние такого языка, как церковнославянский, было значительно меньшим. Вопрос о масштабах вклада церковнославянского языка в формирование русской лексики рассматривается по-разному[3], однако общее количество церковнославянизмов оценивается в среднем как близкое к 10 % словарного состава — и в таком словаре, как ТСРЯ, это должно было найти свое отражение. Однако авторами последовательно проинтерпретирована лишь часть церковнославянизмов, преимущественно лексемы с неполногласием (*врата*, *глава*, *среда* и под.), хотя и здесь без указания на заимствование остались *брег* и *безбрежный*, *храбрый*, элемент *драг-* в словах *драгметаллы*, *драгоценность*. При том, что указывается на церковнославянское происхождение приставок *пре-* и *пред-*, далее непоследовательно оцениваются слова с этими приставками, образованные в русском языке или же целиком заимствованные из церковнославянского (*предстоятель*, *преисподняя*, *прелюбодеяние*, *преподобие* и др. остались без комментариев). Список этимологически неописанных слов церковнославянского происхождения велик, вот только некоторые из них: *братия*, *возопиять*, *воскликнуть*, *восстать*, *единожды*, *змий*, *насыщенный*, *разум*, *юный* и др.

Оказалось недооцененным и церковнославянское посредство при заимствовании из греческого. В ряде случаев оно указано (см., например, *ехидна*, *стихия*, *херувим* и др.), но для большинства лексем греческий источник приводится непосредственно (*ангел*, *голгофа*, *дьявол*, *евангелие*, *евхаристия*, *епархия*, *икона*, *осанна*, *панихида* и т. п.). В этом отношении авторы ТСРЯ оказались, вероятно, под влиянием своих предшественников, прежде всего, словаря М. Фасмера и историко-этимологического словаря П. Я. Черных [Черных], которые также непоследовательны в отношении церковнославянизмов[4]. Регулярное внимание к вопросу о церковнославянском вкладе в формирование русской лексики проявлено только в ЭСРЯ МГУ и словаре Н. М. Шанского, опыт которых стоило бы учесть.

[3] Подробный и обстоятельный разбор различных позиций см. в [Филин 1981: 12—86; Успенский 2002: 75—85].

[4] Отметим, что и новый РЭС также следует этой традиции.

В качестве яркой черты ТСРЯ выше отмечалось стремление к максимально полному выявлению калек, однако и здесь обнаруживается лакуна в представленности калек из греческого через посредство церковнославянского (например, слова с первым элементом *благо-*: *благовещение*, *благодарить*, *благодать, благородие* и др.; *добро-*: *добровольный*, *добродетель*, *добродушный* и др.; *вдохновение*, *домочадец, летопись* и т. п.). Уместным было бы приведение греческих оригиналов с расшифровкой внутренней формы, как это сделано в «Etymologický slovník jazyka staroslověnského» [ESJS]; греческие соответствия приводятся и в словарях старославянского и церковнославянского языков (см., например [Дьяченко; СС]). Работу по выявлению калек из других языков также стоит продолжить: нет указаний на то, что *СПИД* — не просто аббревиатура, а калька с англ. *AIDS* (*acquired immune deficiency syndrome*), равно как и *ВИЧ* — калька англ. *HIV* (*human immunodeficiency virus*); *кислород* — калька с лат. *oxygenium*, *род* (грам.) — калька греч. *genos*, *светлейший* — калька лат. *serenissimus* и т. д.

Уязвимой оказалась также интерпретация в ТСРЯ этнонимов и оттопонимических названий жителей. Трактовки этих лексем непоследовательны: почему объяснено происхождение слов *европейцы*, *латыши*, *папуасы*, *половцы*, *румыны*, *туркмены*, *таджики*, *украинцы*, *ханты*, *хакасы*, *чукчи* и др., но без внимания оставлены *азиаты*, *англичане*, *американцы*, *гренландцы*, *итальянцы*, *ирландцы*, *испанцы*, *палестинцы*, *полинезийцы*, *серболужичане*, *хазары*, *французы*, а также прил. *российский* и др.? Этимология этих лексем, вернее, тех, которые лежат в их основе, усилила бы лингвокультурологическое качество ТСРЯ и его направленность на массового читателя. Некоторые этимологии этнонимов взяты из устаревших источников и требуют переработки. Так, *зыряне* следует связывать с фин. *syrjä* ‘край, сторона’ и родственными, а не с манси *saran* [Матвеев 1984: 79—90], *пермяки* с *Пермь* < фин. *perä maa* ‘окраинная земля’[5] [МДС: 120], *водь* с фин. *vatja* ‘водский язык’, *vatjalaiset* ‘водь’ [ФРС: 719], а не с *vaaja* ‘клин’ и т. п.

Как и в любом этимологическом словаре, в ТСРЯ имеется этимологически не прокомментированный материал (см.: *дородный*, *ислам*, *истэблишмент*, *касторка*, *кафтан*, *каюк*, *колобродить*, *ликвидный*, *мараковать* и др.). Не все из этих слов являются «темными»: *истэблишмент* < англ. *establishment* ‘основание’, ‘консервативно-бюрократический аппарат сохранения власти; правящая элита’, *ликвидный* < англ. *liquid* ‘жидкий’, ‘быстро реализуемый (о ценных бумагах)’ и т. п. Устранение таких лакун — необходимая задача последующих изданий.

Выше отмечалось внимание авторов словаря к историко-культурологическому аспекту интерпретации слов, однако и здесь остались неразработанными некоторые лексемы: *нахимовский*, *отбояриться*, *подколодный*, *разлюли*, *развёрстка*, *романовский*, *сиамский* (*сиамские близнецы*), *скопидом*, *суворовец*, *сыр-бор*. В некоторых случаях необходимы комментарии семантического характера: неясны, например, смысловые связи с производящим у исконных лексем *вычесть*, *держать*, *любой*, *стопа*[3], *пасека*; для заимствований и калек *александрит*, *бубны*, *висмут*, *наречие*, *оттиск*, *рислинг* и др. не приводится внутренняя форма лексем языков-источников.

Этимологические интерпретации некоторых лексем могут быть подвергнуты корректировке. Для лексемы *памперсы* нужно искать источник не непосредственно в англ. *pumpers*, а в

[5] В ТСРЯ признается по необъясненным причинам неудовлетворительным.

товарном знаке «Pumpers» фирмы «Procter and Gamble», которая является крупнейшим и первым производителем товаров такого рода, в результате чего имя товарного знака стало нарицательным. Аналогично, *ксерокс* — апеллятивизация товарного знака «Xerox» фирмы «Hewlett Packard». Элемент *те* в *полноте* не является глагольной флексией, а представляет собой разговорное стяжение местоимения *тебе*, ср. полное тождество употребления *полноте* и *полно тебе*[6]. *Сбрендить*, возможно, стоит связывать не с *бердить*, а с *сбредить*, ср. особенно второе значение *сбрендить* ‘потерять рассудок, а также вообще сделать или сказать глупость’.

Введение в словарь этимологического комментария должно было отразиться и на построении толковой части словаря. Особенно существенными могли бы быть изменения в толковании приставок. Так, в толковой части словаря для архаической приставки *су-* дается всего два значения: ‘образует существительные со знач. подобия’, ‘образует прилагательные со знач. наличия признака’. Через этимологические справки (см.: *сугроб*, *суд*, *супонь*, *супруг*, *сустав*, *сутки*) выявляется значение соединения, совместности, которое следовало бы отразить в словарной статье. Вызывает сомнения как толковая, так и этимологическая интерпретация приставки *про-*: этимологически она объясняется как исконная, в толковой части — как многозначная, причем в общем ряду значений оказывается и семантика ‘образует существительные со знач. заменяющий, действующий или существующий вместо кого–чего-н.’, которая на самом деле связана с омонимичной приставкой *про-* < лат. *pro* ‘перед’ (*прогимназия*, *проконсул*, *проректор*); впрочем, в существовании последней в русском языке вообще стоит усомниться, поскольку все приводимые слова заимствованы уже с приставкой, а новых образований не зафиксировано.

В заключение отметим, что объем доказательных этимологических трактовок, представленных в «Толковом словаре русского языка с включением сведений о происхождении слов», намного обширнее тех кратких размышлений о возможностях усовершенствования словаря, которые здесь предложены. ТСРЯ действительно представляет собой новый образец русской этимологической и толковой лексикографии и в дальнейшем, как нам видится, выдержит немалое количество изданий.

[6] Отметим здесь также широко известные «*чё те надо*», «*я те дам*».

Литература

Аникин — А. Е. Аникин. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск, 2000.

Аникин 2003 — А. Е. Аникин. Словарь Фасмера и современная этимологическая лексикография (об одном неосуществленном замысле О. Н. Трубачева). Новосибирск, 2003.

БАС — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1—17. М.; Л., 1948—1965.

Горяев — Н. В. Горяев. Сравнительно-этимологический словарь русского языка. Тифлис, 1896.

Даль — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. М., 1955.

Дьяченко — Полный церковнославянский словарь / Сост. Г. Дьяченко. Т. 1—2. М., 1998.

ИЭСРГА — Историко-этимологический словарь русских говоров Алтая. Вып. 1—4. А—К. Барнаул, 2007—2010.

Матвеев 1984 — А. К. Матвеев. Еще об этимологии этнонима *зырянин* // Этимологические исследования. Вып. 3. Свердловск, 1984. С. 79—90.

МДС — Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера / Под ред. А. К. Матвеева. Вып. I. А—И. Екатеринбург, 2004.

Преображенский — А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. Т. 1—2. М., 1910—1914.

РЭС — А. Е. Аникин. Русский этимологический словарь. Вып. 1—3—. М., 2007—2009—.

СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. 1—7. Свердловск, 1962—1988.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова. Вып. 1—42—. М.; Л., 1966—2010—.

СС — Старославянский словарь (по рукописям X—XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М., 1994.

Теуш 2002 — О. А. Теуш. Названия дорог и троп в севернорусских говорах: заимствования из финно-угорских языков // Финно-угорское наследие в русском языке. Вып. 2. Екатеринбург, 2002. С. 49—69.

Трубачев 2004 — О. Н. Трубачев. Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 1. М., 2004.

ТСРЯ — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2007.

Успенский 2002 — Б. А. Успенский. История русского литературного языка (XI—XVII вв.). М., 2002.

Фасмер — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. 1—4. М., 1967—1973.

Филин 1981 — Ф. П. Филин. Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981.

ФРС — Финско-русский словарь. Таллинн, 1998.

Черных — П. Я. Черных. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1—2. М., 1994.

Шанский — Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н. М. Шанского. М., 1982.

ЭСРЯ МГУ — Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н. М. Шанского. Т. 1—2. Вып. 1—8. М., 1963—1982—.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков (Праславянский лексический фонд) / Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 1—36—. М., 1974—2010—.

ESJS — Etymologický slovník jazyka staroslověnského. Sv. 1—14. Praha, 1989—2008—.

Machek — V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého. Druhé, opravené a doplněné vydání. Praha, 1968.

Skok — P. Skok. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Sv. 1—4. Zagreb, 1971—1974.

Sławski — F. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego. T. 1—5. Kraków, 1952—1979.

О. А. Теуш

Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса / Под ред. А. А. Кибрика и В. И. Подлесской. М.: Языки славянских культур, 2009. — 736 с.

Рецензируемая книга, получившая свое название по аналогии с известными «Рассказами о грушах» У. Чейфа [Chafe 1980], представляет собой коллективную монографию, посвященную анализу корпуса устных рассказов русскоязычных детей и подростков о своих сновидениях. Идея ее создания возникла в процессе многолетней совместной работы лингвистов из РГГУ, Института языкознания РАН и МГУ и психоневрологов Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова.

Монография состоит из тринадцати глав, распределенных по шести частям. Первая часть (авторы — А. А. Кибрик и

В. И. Подлесская) представляет собой введение в проблематику. Вторая часть «Организация устного дискурса и его транскрибирование», несомненно, является центральной частью данного исследования; в ней рассматриваются локальная структура дискурса, его просодия, грамматика и семантика; кроме того, по ходу этой главы вводится разработанная авторами дискурсивная транскрипция. Соавторами глав и разделов второй части являются А. А. Кибрик, Н. А. Коротаев, А. О. Литвиненко, А. С. Луценко, В. И. Подлесская, О. А. Савельева-Трофимова и В. Л. Цуканова. В третьей части «Опыт использования корпуса “Рассказы о сновидениях” для междисциплинарных дискурсивных исследований» сформулированы результаты работы психоневрологов (Глава 9. «Клинико-психологический подход к языковой структуре рассказов о сновидениях», авторы — Е. А. Корабельникова и В. Л. Голубев) и лингвистов (Глава 10. «Анализ рассказов о сновидениях с точки зрения иерархической структуры дискурса», авторы — А. О. Литвиненко, А. А. Кибрик и В. И. Подлесская) по изучению дискурсивных особенностей детей с невротическими расстройствами; именно с этой конкретной задачи — описания дискурсивной структуры рассказов, принадлежащих детям с невротическими расстройствами по сравнению со здоровыми детьми, — начинался данный проект. Четвертая часть «Частные исследования на основе корпуса «Рассказы о сновидениях»» содержит три конкретных примера подобного рода исследований — Глава 11. «Просодические портреты говорящих» (автор — А. А. Кибрик), Глава 12. «Просодическая организация сложноподчиненных конструкций» (автор — Н. А. Коротаев) и Глава 13. «Риторическое отношение Circumstance в устном нарративе» (автор — А. О. Литвиненко). Пятая часть является Заключением (авторы — А. А. Кибрик и В. И. Подлесская), в шестой части содержатся транскрипты всех 129 рассказов корпуса (кроме обозначенных выше участников проекта, в подготовке этой части монографии принимали участие Н. М. Воскобойникова, Ю В. Дараган, З. В. Ефимова и В. Г. Хуршудян), которые приведены и в звуковом формате на прилагаемом компакт-диске (в его подготовке принимали участие также Е. А. Корабельникова и Д. В. Найшуль).

Ниже мы еще вернемся к вопросу о специфике данного корпуса с точки зрения возраста рассказчиков, дискурсивных особенностей детей с невротическими расстройствами, а также содержания рассказов. Но, как представляется, самые серьезные достижения, представленные в рецензируемой монографии, лежат довольно далеко от этих относительно частных особенностей собранного корпуса. Поэтому сейчас мы перейдем к более подробному рассмотрению четырех выделяемых самими авторами теоретико-методологических особенностей избранного ими подхода: «признание приоритета и центральности устной формы языка, ориентация на корпусный метод сбора и анализа данных, необходимость дискурсивной транскрипции как инструмента репрезентации устных корпусных данных и когнитивный теоретический подход» (С. 31).

Итак, во-первых, авторы придерживаются принципиальной позиции о приоритете устной формы языка и, следовательно, о необходимости системного исследования естественной **устной речи**, а не только (и не столько) кодифицированного литературного (письменного) языка. Как было показано на материале английского языка в фундаментальной работе [Biber et al. 1999], многие факты традиционной грамматики предстают в ином свете, если посмотреть на них через призму устной речи. Само понятие языковой нормы, сформированное на основе

письменных текстов, также нуждается в серьезном пересмотре. В отечественной традиции подобные исследования до сих пор остаются маргинальными, хотя аналогичные наблюдения можно найти в работах еще первой половины XX в.: «Теперь коснусь еще вопроса так называемой “нормы” в языках. Наша устная речевая деятельность на самом деле грешит многочисленными отступлениями от нормы. Если бы ее записать механическими приборами во всей ее неприкосновенности, как это скоро можно будет сделать, мы были бы поражены той массой ошибок в фонетике, морфологии, синтаксисе и словаре, которые мы делаем» [Щерба 1974 (1931): 36]. Одно из немногих исключений представлено в работах ученых из исследовательской группы по изучению русской устной речи Института русского языка РАН под руководством Е. А. Земской (см. [Земская и др. 1981]). Таким образом, фрагменты грамматики устного русского языка, описываемые во второй части рецензируемой книги, сильно отличаются от традиционного взгляда: так, с одной стороны, мы можем наблюдать типичные для устного дискурса (но с трудом замечаемые нами в письменном модусе) базовые элементы вербализации — образование клауз, многочисленные хезитации, коррекции и уточнения; с другой стороны, полипредикативный синтаксис, типичный для письменного модуса, присутствует в устной речи в еще не до конца развернутом виде конструкций с сериализацией, редупликацией или цитацией. Трудно, на мой взгляд, не согласиться с мнением авторов о необходимости дальнейшего изучения подобных дискурсивных явлений.

Во-вторых, рецензируемое исследование выполнено на основе **корпуса** устной речи. В последние годы уже мало кому нужно доказывать преимущества корпусного подхода (см., например, недавно вышедший сборник [Киселева и др. 2009]), как это было еще в начале 90-х гг. прошлого века, когда, в частности, Ч. Филлмор убеждал традиционных «диванных» (в оригинале armchair, перевод в духе Обломова заимствован мной из работы [Паршин 1996]) лингвистов в целесообразности использования ресурсов корпусной лингвистики [Fillmore 1992: 35]. Тем не менее крупные корпуса именно устной речи существуют пока только в странах с относительно давней корпусной традицией: в рецензируемой работе в этой связи упоминаются Лондонско-Лундский корпус (LLC), звуковой корпус американского варианта английского языка (CSAE), звуковой блок Британского национального корпуса (BNC), а также некоторые другие корпуса устной речи отдельных европейских языков, а также китайского, японского и иврита. На материале русского языка подобная работа еще только начинается; в частности, она ведется в рамках проекта Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru).

Собрав корпус образцов устной речи, мы хотим иметь возможность анализировать самые разные ее аспекты — просодические, грамматические или дискурсивные. Но в силу ограничения объема нашей рабочей памяти звучащая речь, являясь объектом нашего исследования, не может анализироваться в первичном, звуковом формате. Таким образом, перед любым исследователем устной речи рано или поздно встает задача разработки некоторых транскрипционных конвенций. **Дискурсивная транскрипция** как система графической репрезентации устной речи, разработанная авторами рецензируемой книги (третья из рассматриваемых теоретико-методологических особенностей работы), является, на мой взгляд, самым значительным их достижением. Взяв за образец транскрипцию, разработанную для английского устного дискурса Дж. Дю Буа с кол-

легами (см., в частности, [Du Bois et al. 1992]), авторы, переработав многие ее аспекты, создали очень удобный, по моему мнению, и во многом оптимальный с точки зрения уровня детализации способ графического представления устной речи, в котором нашли отражение все наиболее важные явления русского устного дискурса, в частности: сегментация звукового потока на дискурсивные единицы, различные виды паузации, иллокутивные и фазовые явления, тональные акценты и проч. Данная транскрипция может быть в дальнейшем использована в самых разнообразных исследованиях, связанных с транскрибированием устного дискурса; кроме того, в случае необходимости она может быть органично расширена (например, при исследовании диалогической речи или при более частных исследованиях просодии). Подробное изложение разработанной авторами транскрипции содержится во второй части книги, которая, таким образом, представляет собой, с одной стороны, последовательное описание базовых канонических и неканонических дискурсивных явлений, а с другой стороны, является замечательным пособием для работы будущих транскрайберов.

На самом деле, описывая вторую часть монографии, необходимо выделить еще один, не менее важный аспект, который самым тесным образом связан с двумя предыдущими. Вопрос сегментации речевого потока на отдельные кванты или **элементарные дискурсивные единицы** (термин авторов книги, ЭДЕ) занимает центральное место как в разработке дискурсивной транскрипции, так и в описании канонических и неканонических дискурсивных явлений. Далее мы не будем больше возвращаться к данному вопросу, однако отметим, что, если разработка дискурсивной транскрипции является, как уже было отмечено, самым значительным практическим достижением авторов, то разработка понятия ЭДЕ — важнейшего теоретического понятия работы — является, на мой взгляд, их самым серьезным теоретическим достижением.

Никакая дискурсивная транскрипция не может быть свободной от того, чтобы в той или иной степени не отражать теоретические взгляды ее авторов на суть дискурсивных явлений. В настоящей работе в явном виде провозглашается **когнитивный подход** (четвертая из рассматриваемых в работе теоретико-методологических особенностей), который состоит в объяснении языковых фактов, регистрируемых в устной речи, с точки зрения процессов, происходящих в сознании говорящего. Другими словами, транскрибируя и затем анализируя тот или иной речевой отрезок, мы должны пытаться реконструировать когнитивные процессы [Кибрик 1992], которые стоят, например, за неканоническими ЭДЕ, паузами или фальстартами. Покажем это чуть более подробно на примере речевых сбоев, которые обычно возникают в случае различных нарушений планирования или развертывания дискурса (подробное изложение описываемых ниже явлений можно найти в шестой главе монографии). Так, заполненные или незаполненные паузы хезитации часто сигнализируют о том, что следующая за текущей дискурсивная порция по каким-то причинам еще не готова к артикуляции и говорящему требуется дополнительное время на ее подготовку; коррекции возникают в том случае, когда, обнаружив неточность в своих словах, говорящий хочет немедленно ее устранить; этим коррекции отличаются от редактирования, при котором говорящий уже постфактум как бы зачеркивает произнесенный ранее дискурсивный фрагмент. Среди лексических маркеров речевых сбоев выделяются так называемые маркеры препаративной

подстановки, которые случаются в том случае, когда у говорящего возникают временные трудности с поиском нужного слова, а вся остальная порция дискурса уже спланирована. Подобные когнитивные объяснения наблюдаемых дискурсивных реалий могут послужить фундаментом для построения в будущем интегральной когнитивно-ориентированной модели речепорождения.

Перейдем теперь к более подробному рассмотрению самого корпуса устных рассказов детей и подростков о своих сновидениях, который, как уже отмечалось, представлен в рецензируемой книге в двух форматах — в виде звуковых файлов на прилагаемом компакт-диске и в форме транскриптов в шестой части монографии. Прежде всего, нужно особо отметить кропотливую и очень трудоемкую работу авторов по транскрибированию корпусных данных в соответствии с разработанной ими транскрипционной системой. Как было проверено на себе автором этой рецензии, после приобретения некоторого опыта правила, приводимые во второй главе книги, позволяют достичь достаточно высокого уровня воспроизводимости результатов. Однако настоящее экспертное знание, которое требуется для принятия разными транскрайберами одинаковых решений в отдельных нетривиальных случаях (в частности, при определении границ неканонических ЭДЕ, когда возникает конфликт между разными факторами членения на ЭДЕ — просодическими, грамматическими или семантическими, или при описании тональных акцентов), может быть достигнуто, видимо, только в результате многолетних совместных усилий.

Теперь более подробно остановимся на возможных **применениях** данного корпуса.

Во-первых, сделанные на основе его анализа выводы уже используются в психоневрологической практике. В десятой главе книги описаны результаты сравнения дискурсивной структуры (более подробно о понятии дискурсивной структуры и, в частности, о Теории риторической структуры см. работу [Mann & Thompson 1988]) здоровых детей и детей с невротическими нарушениями. Было показано, что рассказы детей с невротическими расстройствами отличаются от аналогичных рассказов здоровых детей наличием более сложной риторической структуры, а также частотой употребления отдельных риторических отношений. На основе полученных результатов авторами был оформлен патент «Способ психолингвистической диагностики невротических расстройств» [Голубев и др. 2003].

Во-вторых, как это отмечают сами авторы на с. 549, корпус может оказаться полезен в области изучения детской речи. В частности, его материал будет особенно нужен тем немногочисленным пока исследователям детской речи, которые занимаются дискурсивным развитием детей младшего и среднего школьного возраста. Например, было бы интересно сравнить дискурсивные особенности описываемых в рецензируемой книге детских рассказов о сновидениях и рассказов школьников трех возрастных групп (6—7 лет, 10—11 лет, 15—16 лет) о виденных ими кинофильмах, описание которых содержится в работах К. Ф. Седова (см. [Седов 2004] и [Седов 2008]).

Наконец, материал корпуса может быть использован в будущем при исследовании самого широкого круга дискурсивных, грамматических и просодических вопросов. В самой книге в четвертой части подробно описаны три подобных исследования, а на с. 537—538 кратко упоминаются другие работы, выполненные на материале данного корпуса, среди которых изучение непроективных синтаксических структур, сравнительный анализ паузации и темпа ре-

чи в рассказах здоровых детей и детей с невротическими расстройствами, ситуационная анафора и некоторые другие. Этот список может быть легко дополнен и другими темами возможных будущих работ; более того, тематика исследований, представленных в рецензируемой книге, настолько многопланова и неисчерпаема, что даже в случае самых хорошо проработанных разделов можно предложить пути их дальнейшего расширения. Так, например, шестая глава книги (самая увлекательная, на мой взгляд) посвящена речевым сбоям; в ней на с. 184 и далее описаны согласуемые маркеры препаративной подстановки, например: «я /\смотрела — сидела на /крыше , — ··· (0.5) в \этот, ·· (0.3) \б-бинокль». Авторы отмечают, что в этом случае «говорящий уже выбрал падежно-числовую форму планируемой именной группы (а в случае единственного числа еще и род) и колеблется лишь в выборе конкретной номинации» (с. 186). На мой взгляд, собранный материал будет интересно проанализировать в рамках психологической традиции, идущей от известной работы [Brown & McNeill 1966], описывающей так называемый феномен «слово вертится на кончике языка» (в оригинале tip-of-the-tongue (TOT) phenomenon), который состоит в том, что мы не можем вспомнить слово, хотя помним его грамматические характеристики, и при этом уверены, что оно вот-вот должно к нам вернуться. По мнению авторов работы [Brown and McNeill 1966], это состояние отражает еще не восстановленную в памяти, но уже активированную информацию и свидетельствует о прерванном или замедленном процессе ее восстановления. С точки зрения психолингвистического подхода феномен TOT может многое нам рассказать об устройстве ментального лексикона человека.

Один из самых важных вопросов корпусной лингвистики — это вопрос о **репрезентативности** собранного корпуса. На первых страницах монографии авторы обсуждают эту проблему и делают вывод, что в целом (с точки зрения его объема (14 тысяч словоупотреблений), возраста рассказчиков (7—17 лет), жанровой принадлежности (рассказ) и функционального стиля (бытовой)) «корпус вполне репрезентативен по отношению к устному спонтанному русскому дискурсу» (с. 37). Аргументы, приводимые авторами рецензируемой монографии по поводу объема корпуса, перекликаются со словами из недавней работы Д. Байбера с соавторами, в которой они выделяют два подхода к описанию дискурсивных явлений при корпусно-ориентированном исследовании [Biber et al. 2007: 10]. При первом подходе, который они называют количественно-лингвистическим, или bottom-up, исследователь обычно анализирует некоторую грамматическую категорию (или даже отдельный дискурсивный показатель) на массиве разножанровых текстов, в качестве типичного примера подобного рода исследований Д. Байбер с коллегами приводят недавнюю работу [Römer 2005]. При втором подходе, качественно-функциональном, или top-down, наоборот, первичной оказывается дискурсивная структура текстов некоторого корпуса текстов фиксированного жанра, в качестве одного из типичных примеров они упоминают статьи из сборника [Mann & Thompson 1992]. Д. Байбер с коллегами подчеркивают, что работы в рамках первого подхода обычно бывают выполнены на большом массиве текстов, в то время как второй подход на практике бывает связан с ограниченными человеческими ресурсами, которые необходимы при ручной разметке подобного корпуса [Biber et al. 2007: 16]. Таким образом, небольшой объем рецензируемого корпуса не имеет особого смысла рассматривать как его существенный недостаток.

Любая многосотстраничная монография, тем более коллективная, не может одинаково нравиться или не нравиться вся целиком — каждый читатель сам выделяет для себя наиболее и наименее интересные ее части. На мой взгляд, глава 11 «Клинико-психологический подход к языковой структуре рассказов о сновидениях», написанная учеными-психоневрологами, несколько отличается от всех остальных глав как по стилю изложения (что, в общем, неудивительно, учитывая разницу в традициях научного стиля письма), так и по содержательному компоненту. Например, самый интересный, пожалуй, для лингвистов раздел главы 9.5 «Вербальная коммуникация при невротических расстройствах: краткий обзор исследований» занимает чуть больше трех страниц, что мне представляется явно недостаточным даже для полноценного обзора имеющихся научных работ, в том числе и работ одного из авторов данной главы (в частности, см. работу [Корабельникова 2003]).

Данная субъективная оценка отдельной главы, разумеется, никак не влияет на общее впечатление от рецензируемой монографии, которая во многих отношениях является уникальной. Хочется надеяться, однако, что как теоретические, так и практические достижения авторов будут использованы в дальнейшем их последователями, а представленный корпус устной речи послужит материалом для новых научных изысканий[1].

Литература

Голубев и др. 2003 — В. Л. Голубев, В. Н. Подлесская, А. А. Кибрик, Е. А. Корабельникова, А. О. Литвиненко. Способ психолингвистической диагностики невротических расстройств. Патент RU 2253365 C1, 17.11.2003. Зарегистрировано в Государственном реестре изобретений РФ 10.05.2005.

Земская и др. 1981 — Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981.

Кибрик 1992 — А. Е. Кибрик. Экспериментальная методика реконструкции когнитивных процессов в диалоге // А. Е. Кибрик. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М.: МГУ, 1992. С. 313—318.

Корабельникова 2003 — А. Е. Корабельникова. Психолингвистические особенности больных с невротическими расстройствами // Вопросы ментальной медицины и экологии. 2003. Т. 9. № 2. С. 92—96.

Киселева и др. 2009 — К. Л. Киселева, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина, С. Г. Татевосов. (ред.). Корпусные исследования по русской грамматике. М.: Пробел-2000, 2009.

Паршин 1996 — П. Б. Паршин. Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века // ВЯ. 1996. № 2. С. 19—42.

Седов 2004 — К. Ф. Седов. Дискурс и личность: Эволюция коммуникативной компетенции. М.: Лабиринт, 2004.

Седов 2008 — К. Ф. Седов. Онтопсихолингвистика. М.: Лабиринт, 2008.

Щерба 1974 — Л. В. Щерба. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Л. В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 24—39.

Biber et al. 1999 — D. Biber, S. Johansson, G. Leech, S. Conrad, & E. Finegan. Longman grammar of spoken and written English. L.: Longman, 1999.

Biber et al. 2007 — D. Biber, U. Connor, & N. Upton. Discourse on the Move:

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 08-04-00165а).

Using Corpus Analysis to Describe Discourse Structure. Amsterdam: John Benjamins, 2007.

Brown & McNeill 1966 — R. Brown & D. McNeill. The «tip-of-the-tongue» phenomenon // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. 5. 1966. P. 325—337.

Chafe 1980 — W. Chafe (ed.). The pear stories: Cognitive, cultural, and linguistic aspects of narrative production. Norwood, NJ: Ablex, 1980.

Du Bois et al. 1992 — J. W. Du Bois, S. Schuetze-Coburn, S. Cumming, D. Paolino. Discourse transcription // Santa Barbara Papers in Linguistics. 4. Santa Barbara: UCSB, 1992.

Fillmore 1992 — Ch. J. Fillmore. 'Corpus linguistics' or 'Computer-aided armchair linguistics' // Directions in Corpus Linguistics. Berlin: de Gruyter, 1992. P. 35—60.

Mann & Thompson 1988 — W. C. Mann, S. A. Thompson. Rhetorical structure theory: toward a functional theory of text organization // Text. 8. 1988. P. 243—281.

Mann & Thompson 1992 — W. Mann, S. Thompson (ed.). Discourse description. Amsterdam: Benjamins, 1992.

Römer 2005 — U. Römer. Progressives, Patterns, Pedagogy. A Corpus-driven Approach to English Progressive Forms, Functions, Contexts and Didactics. Amsterdam: John Benjamins, 2005.

О. В. Фёдорова

Т. В. Ларина. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций.

М.: Языки славянских культур, 2009. — 512 с.

Рецензируемая книга совмещает в себе самые разные достоинства — теоретическую содержательность, большое количество ценных практических описаний и рекомендаций, а также несомненную увлекательность. При всей своей научной основательности она читается как художественный текст.

В первую очередь хочется отметить «погруженность» монографии в релевантный научный контекст. Очень удачны литературные обзоры, представленные в первых двух главах книги. В них детально и последовательно обсуждается российская и зарубежная литература по социокультурным исследованиям, межкультурной коммуникации и категории вежливости, дополненная собственными замечаниями и наблюдениями автора, что позволяет читателю сформировать представления об исследуемой области, необходимые для адекватного восприятия последующего материала. Особенно интересны параллели, которые автор проводит между социальным типом культуры (по параметрам индивидуализм/коллективизм, дистанция власти, терпимость/нетерпимость к неопределенности, мужское/женское начало) и лингвистическими особенностями коммуникации.

В третьей и четвертой главах, где излагаются собственные исследования автора по национально-культурным особенностям коммуникации в английской и русской традициях, содержится большое количество практических описаний реального лингвистического материала и коммуникативных рекомендаций. Очень интересен живой материал, почерпнутый из собственных наблюдений автора в естественной языковой среде, убедительны результаты обработки социолингвистических исследований, удачно подобраны иллюстрации из художественной литературы, увлекательно переосмыслен в свете коммуникативных различий между русским и

английским известный материал из английских грамматик.

Книга хорошо запоминается и помогает осмыслить факты реальной жизни. Приведем пример. Некоторое время назад в новостях промелькнуло сообщение о том, что сотрудника британского колл-центра уволили с работы и судили за то, что он съел пачку печенья, принадлежащего его коллеге, которая заявила, что ее недовольство вызвано не самим ущербом от пропажи, а чувством незащищенности от вторжения в ее личное пространство («She said: 'I'm disappointed that someone who is working as a work colleague finds the need to prowl around people's personal space and take items which, though of low value, can make someone feel insecure», Daily Mail Reporter 22.03.2010). Сразу вспоминаются соответствующие пассажи из рецензируемой монографии об особенностях устройства британского «личного пространства».

Помимо всех прочих достоинств, отдельно хочется упомянуть, что книгой удобно пользоваться — она оснащена терминологическим указателем и приложениями, где воспроизводятся использовавшиеся в исследовании опросные листы, а также результаты опросов в виде таблиц.

Монография безусловно является важным вкладом в теорию межкультурной коммуникации, а от использования хотя бы части приводимого в ней языкового материала выиграл бы любой учебник английского языка.

Конечно, при таком многообразии материала и такой сложной теме исследования не могут не возникнуть некоторые замечания и возражения к их трактовке. Приводимые ниже возражения ни в коей мере не влияют на общую положительную оценку книги, а представляют собой скорее диалог с автором и, возможно, материал для будущих уточнений.

Так, при общей солидной подкрепленности утверждений языковым материалом местами возникает ощущение, что автор цитирует материал выборочно, в той мере, в какой он подтверждает нужную гипотезу, или же интерпретирует нейтральный языковой материал как подтверждающий высказываемую гипотезу о национальном менталитете. Кое-где приводимый материал представляется не вполне точным. Такого рода замечания относятся к первым двум главам; ниже приводятся примеры того, что нам кажется не вполне убедительным, неточным или преувеличенным.

1) Языковые неточности: выражения *Меня тошнит — I've been throwing up* не являются точными переводными эквивалентами, поэтому их нельзя сравнивать, надо сравнивать либо *Меня рвало — I've been throwing up*, либо *Меня тошнит — I'm feeling sick*.

Так называмое Irish time — обозначение приблизительного времени при помощи суффикса *-ish* (*eightish* 'примерно в восемь', *elevenish* 'примерно в одиннадцать') — не является специфически ирландской конструкцией. Во всяком случае, в американской речи такое употребление вполне возможно (примеры встречаются даже в письменной речи, что отражено в корпусе современного американского языка COCA). Особенность этой конструкции состоит скорее в ее разговорности — представляется, что это разговорное соответствие выражения *about eight (eleven) o'clock*.

2) Кажется некоторым упрощением говорить, что фразы типа *I am 20*, *I have a friend* являются отражением английского эгоцентризма, поскольку начинаются с «Я» с большой буквы. В английском языке в большей степени, чем в русском, фиксирован порядок слов, и нет безличных конструкций в том смысле, в каком они есть в русском, од-

нако усматривать прямой изоморфизм между синтаксисом и национальным менталитетом кажется сомнительным. Возникает ощущение, что социокультурные знания автора о национальном менталитете влияют на интерпретацию им соответствующего языкового материала. Безличные предложения не являются уникальной особенностью русской грамматики, они есть во многих языках — например в немецком, — и если интерпретировать их как свидетельство русского коллективизма и фатализма, то получается, что в коллективистской фаталистической культуре типа русской безличные предложения являются отражением менталитета и указывают на коллективизм и фаталистичность, а, например, в более индивидуалистичной и активной немецкой культуре — нет.

Более оправданным представляется говорить о разных стратегиях сдвигания фокуса с агенса в русском и английском языках. В русском языке таким средством являются безличные и неопределенно-личные конструкции; в английском языке существуют свои стратегии сдвигания фокуса. Ср. *It has been brought to my attention*, *It has come to my attention* (*Я узнал*, *До меня дошло*), где фокус с «Я» также сдвинут. Ср. также предпочтительное *It is frustrating* ‘Это вызывает досаду’, где фокус с экспериенсера сдвинут на стимул эмоции, по сравнению с фразой *I am frustrated* ‘Я раздосадован’.

Подобный сдвиг фокуса с агенса и подача собственных действий агенса в виде событий (при помощи пассивов, *-ing* прилагательных, фраз типа *It is unfortunate* ‘Очень печально, что’ и других языковых средств) является языковым маркером дискурса *blame-shifting* ‘перекладывание ответственности’, который не менее типичен для англоязычного дискурса, чем для русского. *Blame-shifting* — очень частый элемент публичных речей-извинений (которые произносят дискредитированные политики, оскандалившиеся звезды и спортсмены и пр.)

3) Конечно, о британской консервативности ходит немало анекдотов, однако тот факт, что в Англии не используется метрическая система, вряд ли может приводиться в качестве убедительного доказательства этой пресловутой консервативности — поскольку прогрессивные и не ориентированные на прошлое американцы тоже считают в галлонах, футах и фунтах. Утверждение, что русские ориентированы на будущее, также сомнительно и чересчур общо. Во всяком случае, лингвистические примеры английской ретроспективной VS. русской проспективной ориентации тоже вызывают сомнения, в частности, релевантность того факта, что англичане говорят *twenty past ten* (буквально ‘двадцать после десяти’), а русские *двадцать минут одиннадцатого*. На самом деле в обсуждаемой временной конструкции русского языка отражен один из архаических, типичных еще для древнерусского языка способов счета, причем в древнерусском эта конструкция использовалась не только для выражения времени; ср. *заплатить пол пятой меры* — т. е. четыре с половиной. Конструкция *двадцать минут одиннадцатого* (*часа*) указывает на то, что десятый час закончился и прошло двадцать минут от одиннадцатого часа; таким образом, никакой проспективности нет — в русском языке время фиксируется в его непрерывном прохождении, в то время как для английского важно достижение «крупной» отметки и фиксируется наступление каждого «круглого» часа. К другим приводимым в работе контрастным англо-русским примерам различного устройства темпоральности тоже можно привести контрпримеры. Так, примеры

типа *Ей пошел шестой десяток*, *Ей под пятьдесят* в противоположность *She's in her late forties* (буквально 'Она в поздних сороковых'), *She's in her early fifties* (буквально 'Она в ранних пятидесятых') не доказывают ретроспективной VS. проспективной ориентации, т. к. и по-русски можно сказать *Ей немного за пятьдесят*, *Ей сильно за сорок*, без всякой «ориентации в будущее».

4) Неподкрепленными представляются также рассуждения о том, что в русском языке больше языковых возможностей выражения эмоций, мотивируемые анализом английского выражения *one's heart misses a beat*, которому в русском языке имеется целый ряд соответствий: *сердце замирает* (*сжалось*, *упало*, *оборвалось*, *ушло в пятки*). Нельзя согласиться с тем, что все эти русские фраземы соответствуют одной-единственной английской — в английском есть большое количество других фразем с похожим значением: *to have one's heart in one's mouth*, *one's heart is sinking*, *her heart died within her*, *have one's heart at one's heel*, *have one's heart in one's boots*, *heart aflutter*, *one's heart gave a leap* (*a throb, a thump*) и т. п., т. е. английский язык располагает, по крайней мере в данном случае, не меньшим эмоциональным арсеналом, чем русский.

5) Вызывает возражения методика сравнения языковых представлений о вежливости в русском и английском языках. Для демонстрации контраста между английским представлением о вежливости (вежливость ориентирована на других) и русским (такая ориентация отсутствует) приводятся словарные определения слов *вежливый* ('соблюдающий правила приличия, учтивый') и *polite* ('showing consideration for others in manners, speech'). Однако, во-первых, русское слово *учтивый*, которое используется в словарном определении, как раз и значит 'showing consideration for others in manners, speech', а во-вторых, 'соблюдающий правила приличия' не является компонентом значения русского слова *вежливый*: например, если человек вытирает грязные руки о скатерть, мы можем сказать, что он не соблюдает правил приличия и назовем его *невоспитанным*, однако мы не скажем, что он *невежливый*. Таким образом, как и в английском *polite*, семантическую основу русского понятия *вежливый* составляет указание на поведение субъекта по отношению к другим людям.

В заключение хочется повторить, что данные замечания и возражения носят частный характер и не влияют на общую исключительно высокую оценку книги, которая является настоящим подарком для самого широкого круга читателей.

В. Ю. Апресян

НОВЫЕ КНИГИ

***Предраг Пипер*. Увод у славистику. 1.**
Београд: Завод за уџбенике, 2008. — 302 с.

Книга П. Пипера представляет собою первую часть учебника по обязательному для славистов (а у нас и русистов) курсу, который в нашей университетской программе носит название «Введение в славянскую филологию».

Вводный раздел книги назван «Славистика» и ставит своею целью обрисовку структуры науки о славянах как комплекса дисциплин, имеющих дело со славянскими языками, письменностью (книжностью), проблемами перевода, историей, археологией, фольклором, этнографией. Отдельно описываются задачи славянской филологии как базовой и важнейшей составляющей славистики.

Обширный раздел «Славяне» состоит из подразделов «Славяне сегодня — краткий обзор основных сведений», «Славяне от этнического формирования до раннего средневековья» и «Развитие славянской письменности».

В первом из них проблема славянства рассматривается в нескольких аспектах — лингвистическом (с параграфами «славянские языки» и «славянские азбуки»), этническом, конфессиональном и антропологическом. Обозрение весьма сжато (с. 29—42) и содержит лишь минимальную необходимую информацию.

Следующий подраздел включает краткое (с. 43—45) перечисление древнейших историографических источников с упоминаниями о славянах (Геродот, Тацит, Плиний Старший, Птоломей, Иордан, Прокопий Кесарийский, Псевдо-Маврикий и др.). Итоги археологических исследований и построений излагаются на с. 46—55. Столь же кратки сведения об этнографии славян, ориентированные в сущности только на древность (с. 55—64: роль антропологогеографической школы Йована Цвиича, важнейшие славянские божества и их функции, этимология слова **bogъ*, демонология, славянские святилища и культы).

Несколько полнее параграф «Славяне в свете лингвистических исследований» (с. 65—123). Здесь даётся представление о месте славянских языков в индоевропейской языковой семье, рассматривается вопрос о балто-славянских связях (без чёткого предпочтения какой-либо версии), формулируется понятие праславянского языка, даётся представление о его периодизации и методе реконструкции некоторых фрагментов фонетической системы, кратчайшие сведения о грамматических категориях (с. 83) и основных пластах лексики (с. 83), в том числе древнейших заимствованиях (с. 86—88). О балканском языковом союзе идет речь на с. 89—92. Рассматриваются основные славянские этнонимы (с. 110—122) и проблема прародины славян (с. 123—135) с дальнейшим их расселением (с. 136—151).

Разделу о развитии письменности предпосылаются сведения о крещении славян как импульсе к обретению письма. Сравнительно подробно рассматриваются задачи и приёмы палеографии (с. 158—170). Остальная часть тома посвящена описанию отдельных славянских языков (начиная со старославянского), главным образом их пись-

менностей с перечислением заметных авторов. Все очерки краткие (русскому литературному языку, например, уделены с. 224—229). Объёмом выделяется, что естественно для этого издания, лишь очерк сербской словесности (с. 178—210).

Книга снабжена достаточно подробной библиографией и именным указателем.

А. Ж.

Е. Ю. Иванова. Сопоставительная болгарско-русская грамматика. Т. 2. Синтаксис / Под науч. ред. проф. Стефаны Димитровой. София: Велес, 2009. — 335 с.

Контрастивное описание синтаксического уровня языка, осуществленное в рамках большого проекта сопоставительной болгарско-русской грамматики[1], представляет концепцию петербургского болгариста и русиста, профессора кафедры славянской филологии СПбГУ Е. Ю. Ивановой. Опубликованная монография содержит анализ базовых логико-семантических типов предложений (бытийные предложения, предложения именования, идентификации и характеризации) при параллельном рассмотрении семантических типов использующихся в них предикатов. Таким образом, образуется классификационная сетка, «совмещающая дифференциальные признаки двух важнейших для славистики классификаций: 1) логико-синтаксических типов предложений и 2) семантических типов предикатов» (с. 13).

Теоретическая и методологическая основа работы выстроена с опорой на теоретические концепции и исследовательские методы таких русских лингвистов, как Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева, Т. В. Булыгина, А. В. Бондарко и др.

Основную часть исследования составляет анализ логико-синтаксических типов предложений. Сопоставительное описание болгарского и русского материала раскрывает «предпочтения каждого из языков в выборе той или иной логико-синтаксической конструкции в качестве ядерной», показывает различия в списках сопутствующих основной структуре «функциональных эквивалентов, а также и разнообразие лексико-грамматических вариантов модели» (с. 16—17). Большое место в работе уделяется комбинаторике языковых элементов в структуре логико-синтаксических типов, их способности к транспозициям и подстановкам и возможности использовать семантику структуры для выражения дополнительных оттенков значения или же принципиально различных типов предикации.

Все это делает исследование Е. Ю. Ивановой новым и оригинальным. Почти все изданные до сих пор описания синтаксических единиц в русско-болгарской сопоставительной лингвистике базировались исключительно на системно-нормативном или функциональном подходе к исследованию грамматического уровня языка. Автор концентрирует внимание не только на заключени-

[1] *Димитрова Ст.* О принципах составления болгарско-русской сопоставительной грамматики // МАПРЯЛ 2006. Девятый международный симпозиум: Теоретические и методические проблемы русского языка как иностранного. Велико Търново, 2006. В 2009 г. вышел т. 1: Фонетика / Т. Стоева, Ст. Димитрова, Д. Даскалова, Т. Чалыкова. Шумен, 2009.

ях относительно структуры сравниваемых типов конструкций. Она стремится показать, как воспроизводятся и функционируют модели определенной семантики, дать рекомендации, формирующие адекватные речевые умения для носителей двух сопоставляемых языков.

Второе направление исследования — контрастивный анализ семантических типов предикатов в болгарском и русском языках — наиболее подробно развернуто в главах, посвященных характеризующим (в широком смысле) предложениям, поскольку именно для них признаки временной локализованности / нелокализованности, статичности / динамичности, длительности / моментальности являются классифицирующими. Наблюдения и выводы автора демонстрируют перспективность сопоставительного изучения родственных языков в аспекте типологии предикатов. Как показывает материал, даже класс «устойчивых признаков», ожидаемо близкий в разных славянских языках, предлагает значимый набор грамматических и деривационных расхождений. Еще более значительны различия в области «актуальных» предикаций — как статических (класс «состояний»), так и динамических («процессов» и «событий»).

Специальный раздел монографии посвящен такому важному дифференциальному признаку предиката, как контролируемость / неконтролируемость действия, и его отношению к формированию разновидностей простых предложений в русском и болгарском языках. В данном разделе Е. Ю. Иванова впервые в исследовательской литературе показывает возможности использования этого признака в качестве инструмента лингвистического анализа при сопоставительном описании языков. Представляется, что такой подход действительно надежен и перспективен, см. привлечение широкого славистического фона в ее же работе в журнале Acta Linguistica. Vol. 3. № 3 (2009). Sofia: Eurasia Academic Publishers, 2009 (http://open.slavica.org/index.php/als/index).

Используемый при анализе понятийный аппарат представлен в книге не только в отдельном разделе (с. 59—64), но и в виде терминологического словарика в конце работы (с. 320—324). Следует отметить также заслугу автора в разработке метаязыка конкретного сопоставительного описания, поскольку соотнесение и унификация современной терминологии представляет собой достаточно сложную теоретическую задачу.

Сопоставительное описание в данной книге строится на динамическом подходе. Е. Ю. Иванова разрушает устоявшийся стереотип, состоящий в том, чтобы сравнивать синтаксические конструкции в статике. Большое количество трансформаций, подстановок, тестов на выявление различных типов значений, описание контекстных и ситуативных блокаторов и дистрибуции форм — все это дает ценный материал как для дальнейшего теоретического сопоставления систем русского и болгарского языков, так и для практического применения при обучении болгар русскому синтаксису и русских — болгарскому синтаксису.

Доц. д-р Анна Николова (Шумен),
доц. д-р Алла Градинарова (София)